INSPIRIA

РАСТВОРЯЯСЬ В ПЕСКАХ

Гитанджали Шри

18+

INSPIRIA

Растворяясь в песках

Гитанджали Шри

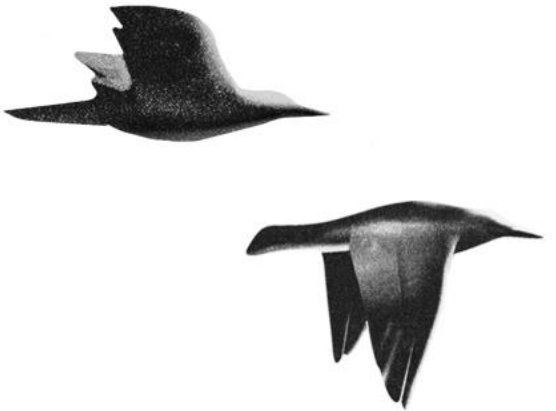
Аннотация
Гитанджали Шри. Растворяясь в песках
Спина
Солнечный свет
Граница
Эпилог
Слова любви и благодарности

Аннотация

Восьмидесятилетняя Мать скорбит по умершему мужу. Она отказывается вставать с постели, несмотря на попытки родных и близких поднять ей настроение. Но все меняется, стоит ее внуку, патологически неспособному смеяться, принести бабушке золотую трость, усыпанную бабочками. Мать встает с постели и начинает совершенно новую жизнь.

Гитанджали Шри
Растворяясь в песках

Моему учителю и вдохновению – бесконечно любимой Кришне Собти.



Geetanjali Shree TOMB OF SAND
Copyright © Geetanjali Shree, 2021
This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

Jacket art: *Ibrahim Rayintakath*, Jacket design: *Stephen Bray da*

Перевод с хинди *Екатерины Комиссарук*,
доцента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

INSPIRIA

© Комиссарук Е., перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Спина

1

История рассказывает сама себя. Она может быть завершенной и незаконченной одновременно, как это бывает со всеми историями. Интересная. Эта история про границу и женщин, которые переходят ее туда и обратно. Если в истории есть женщина и граница, то история складывается сама собой. Но и сама женщина — это уже история. Полная замыслов и шепотов. В движении ветра, в траве, простирающей руки по ветру. И закатное солнце, зажигая сотни лам-

почек истории, развешивает их на облаках. Из этого по крупицам собирается повествование. И оно как-то движется вперед: то вправо, то влево, то отступая и идя в обход, как будто не знает, где остановиться. Всё и вся вдруг начинают рассказывать. Незаметно наполняясь, из чрева вулкана выходит и взрывается, извергая пар, искры и дым, — прошлое.

В этом рассказе были две женщины. Кроме них были те, кто пришел и кто ушел, или те, кто приходил и уходил постоянно, и те, кто почти всегда присутствовал, но не был так уж важен, а тех, кто не был женщиной, и не стоит сейчас упоминать. Остановимся на том, что две женщины были важны: одна из них уменьшалась, а другая росла.

Были две женщины и одна смерть.

Две женщины, одна смерть. Как же будет здорово, когда усядемся рядом — мы и они!

Две женщины, одна Мать, одна Дочь, одна уменьшается, другая растет. Одна смеясь говорит: «Я день за днем уменьшаюсь», другая печалится, но ничего не говорит, видя, как с каждым днем стареет. Мать перестала носить сари: уже больше половины его приходится заправлять за пояс, а нижние юбки с каждым днем подтягивать все выше. Но разве, уменьшившись, можно обрести

способность кошки с легкостью протиснуться в любое отверстие и вылезти через него? Разве можно пробить брешь в границе и ускользнуть? Начать казаться почти невидимой?

Возможно, все это послужило причиной того, что Мать все-таки решилась перейти на ту сторону границы, а Дочь, охваченная мыслями о старости, печалилась, что они напрочь застряли. И может быть, маленькая женщина была невинна, когда отказывалась признавать какой-либо свой проступок, будь то неисполнение предписанного законом, споры, в которых переходили на личности, или же обвинение в краже.

Те, кто не мог понять ее доводы, считали ее сумасшедшей или, возможно, пронырливой. Мол, намеренно сбивает с толку.

Спрашивала: «Ну, ели или нет? Мужчины отборный горох, а женщины тот, что рос сорняком? Ну и? Так?» Бесстрашно спрашивала. Был ли толк с того?

Но разве пограничники должны сразу все понять, если уставишься на них с вызовом? «Вы нелегально пересекли границу», — рычали они. Она хохотала:

— Что ни сделай, все нелегально пересечешь границу. Что же теперь ничего не делать?

— Нет, — сказали они строго. — Любой дурак это знает. Даже козы и коровы понимают, где им можно шляться, а где нельзя. Или вам так плохо подобрали очки, что не разглядели? Никаких извинений.

— А кто просит прощения? — прогремел ее смех. Стареющая Дочь расплакалась.

— Да и на что тут глядеть? Уж, наверное, и мы тоже кое-чего повидали? Может, и ты как-нибудь примеришь мои очки?

У нее было одно желание: если падать, то не лицом вниз. Откуда бы ни прилетела пуля и куда бы ни попала, она упадет ровнехонько на спину и будет лежать на земле, обводя небо глазами.

— Дай мне поупражняться, — говорила она Дочери.

Она начинала икать. И все икала и икала… а Дочь, наверное, и усомнилась бы в неподдельности этой икоты, если бы не была такой несчастной и опустошенной.

— От воды не перестанет, ударь кулаком по спине, — велела она. — Если кулаком не получается сильно, разбегись и резко бей в спину, в живот, по бокам. А если упаду, то на спину, глаза открыты, лоб вверх — тогда икота пройдет.

Странная это была процедура, но Дочь под-

чинялась слову Матери. Бам-бам-бам — удар за ударом — вот такая новая игра, и она с грохотом валила Мать на землю. Поначалу недоумевающие наблюдатели тоже разражались смехом: «Ну что взять с древней старухи?» А Дочери Мать говорила:

— Мне нужно подготовиться.

Как бы то ни было, история так и сложилась: пуля прилетела, но к тому моменту Мать виртуозно освоила искусство падения в нужном положении. Пуля прилетела и, пройдя насквозь, вышла. Кто-то другой лежал бы ничком, вымазанный в грязи, но Мать, будто выполняя акробатический трюк, в прыжке развернулась на спину и триумфально улеглась на землю лицом в небо — с честью и достоинством, как если бы это была удобная кровать.

Те, кто считает, что смерть — это конец, подумали, что вот он настал. Но знающие знали, что никакой это не конец — она перепрыгнула еще одну границу.

Поэтому нет никакой беды начать рассказ отсюда, ведь откуда ни начни, все верно.

2

До начала всего этого случилась одна смерть. Смерть мужчины, чья женщина отказалась опереться на его трость. Тот мужчина был мужем этой самой Матери и Отцом этой самой дочери. Казалось, что и после смерти только он защищал и вел за собой, а его жена, как ни взгляни на нее, умерла, будь он жив или мертв. Так она лежала в своей комнате.

Их комната. В углу дома. Кровать мужа и жены. Зимние дни. Толстое одеяло, заправленное в пододеяльник. Бутылка с горячей водой. Шерстяная шапка. Висящая на крючке трость. И сейчас у кровати на маленьком столике стоит пиалка, в которую он, когда был жив, клал на ночь вставную челюсть. Утром доставал. Потом — за трость.

Снаружи холод, от которого стучат зубы, внутри — стучащая зубами Мать.

Похожая на сморщившийся кулек, она с каждым мигом сморщивалась все больше, подавая из-под огромного ватного одеяла невнятный сигнал, что она еще где-то существует. Кулек сначала лежал на одной стороне кровати, потом сползал, то выше, то ниже, то в другую сторону.

Как будто она пыталась прикинуть, как и где сможет развернуться. Или просто отворачивала лицо, показывая спину своим детям. Так она соскальзывала все ближе к стене и пыталась слиться с ней, приложив всю свою силу, которой было чуть меньше восьмидесяти лет.

Стена — роль ее в этой истории весьма значительна. (Как и у двери, через которую проходят туда-сюда, из одной стороны в другую, раз за разом и век за веком, а потому из вечности в вечность.)

Не какая-то необычная стена. И не представляющая какой-либо художественной ценности. Как стена в пустыне Тар, инкрустированная стеклышками, или стена высоко в горах, вписанная в коллаж из скал, или еще какая-нибудь, выдающаяся цветом и формой; и не украшенная к свадьбе дверь, сверкающая лентами и праздничными рисунками; и не дверь, которая, поддавшись лицемерному желанию, порожденному современными тенденциями, стала выглядеть старой, хотя была новой; не дверь, сделанная из пластика, но жаждущая выдать себя за обмазанную кизяком; не утыканная искусственными соломинками; и не с инкрустацией на гладком мраморе; и не цветная ошеломляющая высокая

блестящая оранжево-сине-зеленая стена, построенная транснациональной компанией: такая не выцветет, не облупится, не потрескается, а будет стоять на месте твердо, неизменно, вечно.

Это была всего лишь простая стена, обычная стена из кирпича и цемента, пожелтевшая, оштукатуренная, стена среднего класса, на которой держались потолок, пол, окно, дверь. Внутри увитая сетью труб, проводов и всяких кабелей-шнуров, она заворачивала весь дом в стенной конверт и была его опорой.

Такая стена, к которой Мать, находившаяся теперь по эту сторону восьмидесяти, продвигалась сантиметр за сантиметром. Холодная стена в те зимние дни и, конечно, испещренная трещинами, как это бывает с обычными стенами.

Чего никогда нельзя будет сказать точно, так это, что сыграло большую роль: то, что стена притягивала ее к себе, или ее желание показать семье спину. Просто Мать становилась все ближе к стене, а ее спина становилась все слепее и глуше и сама сделалась стеной, отделив тех, кто приходил в комнату уговаривать-умасливать: «Мам, вставай!»

3

— Нет, я не встану, — бормочет кулек, завернутый в одеяло, — нет-нет, не сейчас, не встану.

Этот ответ встревожил детей, и они наседали все больше, потому что боялись: «Ох, наша Мама… Папа ушел и забрал ее с собой».

— Не спите так долго, вставайте!

Она все спит. Все лежит. Глаза закрыты. Повернулась спиной. Они продолжают нашептывать.

Когда был Папа, она вся была в заботе о нем, в движении, всегда наизготове, пусть и смертельно уставшая. Все перетирала в порошок, полна жизни. Раздражалась, злилась, брала себя в руки, не решалась сказать, делала вдох, еще и еще.

Ведь именно в ней движется вдох каждого, вдох каждого наполняет она.

А теперь она говорит, ей незачем вставать. Как будто Папа был смыслом жизни. Ушел он, а с ним — и смысл.

— Нет, Мама, нет! — настаивали дети. — Посмотри на улицу, солнце вышло, вставай, бери трость, поешь поджаренного риса — он с горошком; если расстроился живот, вот возьми пригоршню горчичных семян.

— Нет, я не, не… не, — хнычет Мать.

— Устала бедная, одна, сдалась. Подними ее, займи чем-то, развлеки, — подобно Ганге в них разливается безбрежный поток сострадания, вздымающийся волной у спины Матери.

— Не сейчас, — хочет закричать она. Но голос еле-еле доносится.

Могла ли Мать подумать, что попытки детей оживить ее все больше усилят притяжение стены? Так ли это было? Когда к комнате приближались звуки шагов, она ложилась, повернувшись спиной, и прижималась к стене. Она продолжала умирать: глаза-нос закрыты, уши запечатаны, рот зашит, ум опустошен, желания отсутствуют, птичка — фьють.

Но и дети упрямятся. Взялись всерьез: как прорастить на спине глаза, нос, уши? Что делать, если жалуется на понос от лепешек с подливой?

Все те же перебранки и ссоры. Все та же печка, деревяшки для розжига, мука. Все то же «постирай пеленки».

— Не, не, не, — твердила она.

Это не было махинацией, но она уподобилась машине. Уставшая машина. Изношенный механизм. Не желая растрачивать себя на что-либо, она раз за разом бессильно бормотала:

— Нет, не, ни… Сейчас не-е-е встану…

Пара слов, которые заставляли детей волноваться: Мать умирает.

Слова. А что такое слова? Звук, в который они подвешивают свои смыслы. За ними нет никаких доказательств. Они следуют своим путем. Порожденные умирающим телом и гибнущим духом, смыслы обретают противоположное значение. Посадили финиковую косточку, а расцвел гибискус. Они борются сами с собой! Увлечены своей собственной игрой!

Кто играл со смертью и страхом этого «сейчас не встану»? Эти механические слова стали мантрой, и Мать все повторяла их, но то было что-то другое или стало другим.

Желание или бесцельная игра?

— Нет, нет, я не встану. Сейчас я не встану. Сейчас-с-то я не-встану. Сейчас-с-то я не-е-евстану. Сейчас я новая стану. Сейчас-то я новая и стану.

4

Росток слова. У него своя пульсация. Свои тайные желания. В «нет», которое твердит умирающий, свои тайны. У «нет» свои чаяния.

Вот так. Как дерево стоит и пускает корни. Но устает от кружащих вокруг него теней все тех же лиц, от прикосновений листьев все тех

же ароматов, от все тех же звуков чириканья на ветвях. И постепенно дерево стало задыхаться и бормотать «нет-нет».

Но есть ветер и дождь, и выдохнутое «нет», которое взметнулось между ними, обрело форму лоскутка. Он трепещет с шелестом, шрш-шрш… шуршит и оборачивается обетной ленточкой вокруг ветки, ветер и дождь завязывают ее. С каждым разом новый узел. Еще узел. НЕТовый узел. Новый узел. Новое желание. НЕТовый становится новым. «Нет» звенит по-новому. Порхает, трепещет, шелестит.

А дерево все то же. То же, что вы видите перед собой. Его ствол и склонившиеся нижние ветви окутывает дымовая завеса из повторяющегося «нет-нет-нет», тянущиеся вверх сплетенные ветви — «нет-но-нов», а ветви и побеги — руки и пальцы, устремленные к луне в небесах, — «нов-новый».

Или с потолка. Стремящаяся, ускользающая. Или со стены.

Там нашлась щель или образовалась, через нее крошечный кусочек жизни, подобно осколку дыхания, проскальзывает наружу. Вдох за вдохом рушит стену.

5

Разве можно ненавидеть своих? Но раздражаться — точно.

— Вставай!

— Нет.

— Солнце.

— Нет.

— Суп.

— Нет.

Спина. Молчание. Стена.

Только Сид придет, его тут же отправляют к ней. Сид, ее любимый внук. Сиддхартх, нынче Сид. Единственный человек, от которого она не могла отвернуться полностью.

Лежит с утра.

Позже обычного пошла в туалет, вернулась и лежит.

Есть — нет, пить — нет, даже пригубить чай — нет.

Цветы расцвели — все равно.

Хризантемы — не смотрит.

Сид в своем репертуаре. Когда пришел, когда ушел — неизвестно. То на пробежку, то в спортзал, то матч по крикету, турнир по теннису, гитара, заносчивые манеры, подзуживает, пререкается

с родителями, за словом в карман не полезет, и на каждого найдется своя шутка. Прошмыгнул, бита, ракетка, что-то бросил, побрызгал водой на руки-лицо, скинул футболку, смазал подмышки тальком, по пути достав из холодильника сэндвич и яблоко, закинул в рот и — прямиком в бабушкину комнату.

— Бабуля, вредная девчонка, вставай! Вставай и вперед!

Бабушкины возражения не пройдут. Как поведет себя спина? Как ответит на этот порыв ветра? Хнычет, но с нежностью: «Уж больно холодно». Шепчет-бормочет, чуть-чуть оттаяв.

Предлог. Но правдивый, а произнесла — стал еще правдивее. Самая настоящая дрожь бьет из-под одеяла, как будто в темноте пробежала мышь, а Мать съежившись прячется. Но Сиддхартх — это Сид — он должен попытаться. А она вслед за своей матерью приговаривает: «Злых морозов сорок дней: пус — пятнадцать, магх — добей»[1].

Если заговорить после молчания, да еще и рифмованной поговоркой, то голос начинает петь.

---

[1] Примечания: 1

Пус — десятый месяц индийского лунного календаря, соответствует декабрю — январю. Магх — одиннадцатый месяц индийского лунного календаря, соответствует январю — февралю (здесь и далее примеч. переводчика).

«И-и-и-у-и-и-и-у» — расходится волнами.

— Злых моро-о-озов со-о-рок дней: пус — пятна-а-а-а-дцать, ма-а-агх — добей.

— Супер, бабуля! Нам точно светит премия «Грэмми»! — с этими словами Сид побежал за гитарой. Повесив ее на шею, он запрыгнул на бабушкину кровать и в свойственной нынешней моде и его возрасту манере заорал во все горло, перебирая струны:

— Только злых моро-морозов, ох, морозов сорок дней, пус, о-о-о-о пус, о-о-о пус — пятнадцать, ну а магх — добей-до-бей-добей. Йе-йе-йе…

Никто не мог удержаться от смеха, Мать в душе слегка улыбалась. К этому ребенку она просто не могла повернуться спиной. Не могла умирать под этот шум и гам.

Но будь кто другой — тут же повернула бы спину, глаза закрыты, умирающий кулек. Уставшая от любых связей, ее душа тяготилась ролью матери, жены, вдовы, а если собрать в одно — ей опостылела семья.

И если у двери дома раздается звук шагов, она умирает, слившись со стеной и повернув к миру безжизненную спину.

Но та дверь остается открытой, если говорить метафорически. Кто-то проходит мимо, раздается

звук, и натренированные уши Матери, вечно распознающие звуки шагов, тут же улавливают: «Ага, только что кто-то вошел в ту дверь».

Та дверь…

6

Та дверь. Не многие знают, что то была не какая-то обыкновенная дверь. Она крепко удерживала стены, внутри которых селились поколениями.

Дверь в доме старшего сына. Стены этого дома меняют внешний вид с течением времени, но на самом деле они стоят внутри, опираясь на открытую дверь. Так поколение за поколением стоит один и тот же дом.

Такова судьба домов, принадлежащих старшим сыновьям.

Этот наш старший сын, или просто Старший, работал на государственной должности, и ему все время приходилось переезжать, поэтому его дома и стены меняли города, а открытая дверь открывалась все в новых и новых районах.

Переползающие стены. Неужто стены в доме Старшего ползают? Танцуют? А дверь — это бык, который тянет за собой стены дома, как повозку? Тот самый дом, по которому прохаживались отцы и деды, покрикивая на своих слуг и отпрысков.

Когда-то этот дом был на берегу Танги, рядом с полями роз, в восточных землях Уттар-Прадеша. Потом он, оставив нескольких обитателей в цветочном аромате, остальных забрал с собой поближе к парфюмерным фабрикам в соседнем городе. Говорят, некоторые, оторвавшись от роз и благовоний, расселились по опиумным полям. Некоторые из них сами пристрастились к опиуму и называли себя заминдарами[2], которыми они и были в действительности, но скорее — позором семьи. Наконец настал миг, когда старший сын, который был отцом старшего сына в нынешнем доме и мужем нынешней не то живой не то мертвой Матери, разругался с теми опустившимися и одурманенными опиумом родственниками. Взял девять тысяч рупий — долю, причитавшуюся ему за стены, стал государственным служащим и пустился в странствия по стране, преумножая потомство от жилища к жилищу и не зная, что хоть и забрал деньгами, а все же захватил с собой тот дом, пахнущий розами, чтобы построить, оштукатурить и побелить его заново.

Он никого не обманул намеренно, поэтому было бы неправильно называть его лжецом с

---

[2] Примечания: 2

Заминдар — наследственный землевладелец в средневековой Индии.

самого начала. Он не знал об этом свойстве стен и живучести этой двери, которые позволяли им перемещаться вместе с хозяином, и когда следующий сын брал в руки бразды правления, они отправлялись в путь вслед за ним. Ведущий и ведомые. Меняются повара, возраст, города, высота, ширина, вдоль и поперек — мастера изменчивости, но с начала времен и до бесконечности стоят все тот же дом, стены и дверь.

К чему ругать отца? Здесь наши великие социологи сели в лужу. Написали, что большие традиционные семьи разваливаются, родовые гнезда рушатся, а исконно индийские ценности выродились в сплошной эгоизм. Они не думали, что традиционная семья — это невидимый дом, и даже не догадывались, что стены дома могут перемещаться. Танцующие, ползающие, выскакивающие, источающие ароматы стены, а держит их безмолвная дверь. Открыта. Стоит. Кто угодно может зайти и выйти. Выйти и зайти. И так до бесконечности.

Проникнуть с одной стороны и появиться с другой — значит пронзить. Ну и что с того, что это дверь. Вы все выходите, пронзая ее в живот и в сердце.

У пронзаемого развиваются небывалая прони-

цательность и терпение. Способность чувствовать то, что ускользает от взглядов других. И знайте, так оно и было с дверью в доме старшего сына, через которую веками просачивались туда и сюда.

Дверь в доме старшего сына знает, что ей непременно нужно быть открытой, независимо от того, в котором часу кто вошел, предупредил ли заранее и постучался ли. Здесь все свободно и бесплатно. Только выйдешь из ванной, завернувшись в полотенце, а уже какой-то родственник с женой и детьми тут как тут стоит перед тобой, а ты улыбнешься и крикнешь, чтобы несли чай-завтрак, и, натягивая одежду на голое тело, будешь размышлять, на сколько дней гости приехали обосноваться. Пришли по работе к сыну, сватаются к дочери, кто-то куда-то устраивается, кто знает, какая нужда, счастье или горе привели сюда бедолагу. Только сделаешь маску на лицо, а волосы намажешь хной, как пожалует золовка — хочет познакомить Маму с каким-то другом, мол, развлечет ее. А уже пришло время поесть, а уж раз пришло — надо есть и придется появиться перед всеми прямо так, в облике привидения. Или дорогой внук смачно ругнется на свою подругу или друга: «Твою мать, пошел ты», и тут же

кто-то появляется на пороге. Смотрели, слушали, улыбались, вставляли комментарии и замечания, говорили и спрашивали что вздумается. Местный словарь не знает слова «приватность», а если кто-то и потребует такое право, то удостоится подозрительных взглядов: в конце концов, что нам скрывать, что-то тут неладно.

Да и камера CCTV, что знает она о секретах этой двери? Она слепо верит в свое техническое превосходство, и ей невдомек, что есть такая дверь, которая все видит, все слышит и все записывает. Все проходят через нее с незапамятных времен.

И все же время от времени кто-то из заходящих, один, двое или даже трое, уже вот-вот собирается пройти, но вдруг останавливается: «А? Кто здесь? Кто моргнул?» Одна нога, поднятая, чтобы переступить порог дома, замирает в воздухе. В этот миг разыгрывается представление. Поднятая нога, театрально балансируя, застыла в воздухе. Как будто очнувшись, вздрогнула и теперь не может решить, пойти ей вперед, внутрь дома, или вернуться туда, откуда пришла. Как будто сомневается даже в том, где мир: позади нее или впереди? Тогда какой настоящий, а какой сыгранный?

Поднятая нога стала застывшим в воздухе во-

просом: «Я с этой стороны или с той?»

Когда сестра Старшего замирает в этом положении на пороге дома, в ее голове каждый раз проносится молнией: «Я играла спектакль до этого момента или сейчас иду играть?»

7

Сестре не нравились аэропорты, поэтому раз за разом она обнаруживает себя там. В аэропорту ей кажется, что она похожа на букашку, которую вместе с другими такими же насильно поместили в какую-то лабораторию. Искусственное освещение, искусственное отопление, искусственная суматоха. Такие же букашки, как она, расползаются кто куда; все ужасно заняты, мечутся в панике и разбегаются во все стороны в поисках нужного выхода. Всех одели с иголочки и вручили по чемодану на колесиках, который тянет их за собой. И в этом ослепляющем свете следят за их малейшим движением, каждая подробность записывается на камеру. Вон букашка сейчас провела рукой по воротнику рубашки Louis Vuitton, а эта засунула палец в нос.

Что за игра на размножение проводится на этом огромном пространстве? Неужто ученые собрали нас, пока мы еще сидели в яйцах, и поме-

стили в инкубатор с искусственным подогревом и светом, чтобы посмотреть, как мы вылупляемся и стыдливо бултыхаем руками и ногами в воздухе, переворачиваемся, выпрямляемся и воодушевленно бежим? Из замешательства в замес? Букашки стоят в очереди, букашки нарушают очередь, букашки бросаются врассыпную. Над ними бдительные глаза: подозревают, изучают.

Яйцо треснуло, задрожало, сделали рентген.

Нормально быть букашкой, если ты букашка, но, если ты человек, быть букашкой ох как стыдно.

Над ними строгие глаза. Смотри, проверяй.

Вообще это постоянное «смотри, проверяй», нависшее над дочерьми и сестрами, преследует их в каждом рождении. Как только они хотят убежать от семьи и заносят ногу, чтобы переступить порог, тут же впадают в раздумье: куда же пойти — внутрь или наружу? В этом круговороте мыслей они оказываются в аэропорту. Сбежав от бдительных глаз в одном месте, тут же попадают в их поле зрения в другом. Это вызывает до боли знакомую досаду и, совершенно очевидно, вызывает нелюбовь к аэропортам.

8

О сестре, она же Дочь, нужно рассказать поподробнее. В конце концов, она одна из двух главных женщин в этом рассказе и будет постоянно давать знать о себе. Обе женщины — основа семьи, поэтому они связаны любовью, которая питает и одновременно съедает их. Если этого не случилось, то еще случится.

Но к чему примешивать сюда минувшие моменты и истории — какая в этом надобность теперь? Что прошло, то незачем вспоминать все время. Вот, к примеру, когда молодость Дочери только начинала расцветать, а молодость Матери еще не прошла, в доме постоянно случались перепалки по поводу границ, традиций, культуры и безопасности. Тогда Мать, пытаясь выровнять дыхание всех домашних, сама начинала тяжело дышать.

Забавно, но, выравнивая и успокаивая, она прокладывала свой путь к невероятному.

Как окно, открывающееся в гуавовый сад. Его Мать сделала тайной тропой, по которой Дочь могла приходить и уходить. Внутри переполох: «Нет, ни за что не пойдет», а тут — Дочь, перемахнув через окно, уже улетучилась, как птичка.

Одна Мать знает. Когда остальные догадались, что ее нет в комнате, она уже — чух-чух-чух — мчалась на поезде и играла с друзьями в антакшари[3], горланя очередной куплет. Карабкается ли на гору, ныряет ли в океан, сорвет ли звезду или повиснет на травинке, упадет-разобьется — Мать все равно верит в нее. И даже тогда, когда эти звезды-травинки превращались в друзей-подруг-любовников, Мать держала окно открытым, чтобы Дочь могла выпрыгнуть.

Этот проход через окно оказался настолько востребован, что и Мать научилась перебираться через него, подтянув ноги и перевесившись. Она выходила в беззвучную темноту, взяв с собой завязанные кульки с шакарпара, матхри, бати-чокха, и, укрывшись в зарослях каранды, растущей вдоль ограды, встречалась с ускользнувшей из дома Дочерью. Они хохотали, как девчонки.

Стоит вспомнить и еще один день, когда Дочь то ли вышла, то ли сбежала из дома на свадьбу к подруге, а Мать перебрасывала ей через кусты свое светло-зеленое бенаресское сари и почти

[3] Примечания: 3

Антакшари — игра, в которой участники поют куплет популярной индийской песни. Куплет должен начинаться с последней буквы куплета, пропетого другим игроком или командой.

вся искололась шипами, пока снимала мерки с дочери, чтобы подогнать блузку, подходящую к сари. То, как они прятались, пугались, болтали, вздрагивая оглядывались по сторонам, а потом заливисто смеялись, было похоже на запретный роман столетия. Роман, от которого на глазах выступают слезы.

Но не будем перебивать наш рассказ историями минувших дней.

Сейчас мы видим, как Дочь, теперь живущая одна, приходит поднять Мать, лежащую одну. Но все окна уже закрыты. Зима.

9

Дочь. Дочери сделаны из воздуха. В моменты покоя они совершенно невидимы, и только самые чувствительные способны уловить их присутствие. Но если они не сдержат порыва и придут в движение… ох, не стой на пути… Тогда небо кренится вниз так, что можно достать рукой. Земля с треском разламывается, взмывают ввысь соловьи, выходят на поверхность клокочущие источники. Пробиваются горы. Со всех сторон природа с невероятным размахом захватывает пространство, и вдруг понимаешь, что уже не можешь различить, что далеко, а

что глубоко. Чье дыхание ниспадало на волосы нежным лепестком, теперь стало скалой, о которую с грохотом бьется море. То, что издалека примешь за снежный пик, вблизи оказывается ее пальцем, который совсем не собирается таять.

По лампаде сознания проходит рябь, и раскинувшаяся темень продолжает расползаться. Как если бы наступила ночь и продолжала тянуться и тянуться. А если день — то бесконечный. И ее-тер дует, словно душа вздыхает — повсюду извивается, выгибается и становится ведьмой, обрушиваясь то на одного, то на другого.

Дочь. Можешь любить ее. Можешь бояться. Вот сейчас отчетливо видна. Раз — и исчезла.

И не забывай, что каждая женщина — это дочь.

Однажды было детство. Все вокруг заливал белый прозрачный свет, и небо было неотделимо от земли. Подняв свои крошечные ручки, ты бултыхала ими в том самом небе и делала свои первые шаги.

Яйцо треснуло… дрожит… бежит.

Потом подул ветер и закружили тучи. Заморосил серебряный порошок. Вдалеке облако накрыло гору, и казалось, будто огромный слон сел передохнуть. Заглядывающее в окно дерево

вздрагивало на ветру, и все его листья опадали дождем.

У дочери от плача задрожала нижняя губа, мать взяла ее на руки и сама стала дрожащей губой. Прижала голову дочери к плечу и стала ее утешать, нашептывая: «Вон тот большущий слон сидит и ждет, что ты придешь, заберешься на него, и будете с ним вдвоем раскачиваться, а листья шелестят… послушай, послушай, они рассказывают истории».

Дочь улыбнулась. Тогда мать стала улыбкой.

Плач дочери потихоньку перешел в ровные вдохи, и мать из всхлипов превратилась в дыхание.

Дочь уснула, а мать все укутывала ее чудесными снами.

В этот миг любовь обрела плоть. Дыхание матери исчезало, а дыхание дочери учащалось, и слоновья спина влекла к себе.

Потому что…

Как сказали листья, любовь плохо сказывается на здоровье. Либо она жертвует, и тогда ты отдаешь свое дыхание другому, либо она эгоистична, и тогда ты проглатываешь дыхание другого.

Эта любовь – борьба

Один аскет, другой распутник

Один укрывается, другой защищает

Один овца, другой пастух

Один нога, другой поднятая голова

Один ненасытный, другой умирает с голоду

Один бьет по воздуху, другой сокрушен

Один цветет, другой растоптан

Такая вот присказка была во времена этой истории, а еще была комната, в которую попадали, войдя в ту самую дверь, а там — та самая умирающая Мать, которая повернулась спиной к миру.

Она устала выправлять их дыхание, ловить их ощущения, подбирать их любови и ненависти. Она устала от всех них и, дрожа, хочет слиться со стеной. Как будто, если протиснется в какую-то щель букашкой, снова обретет собственное дыхание?

О любви можно говорить когда угодно, потому что любовь любима. Естественна. Стихийна. Если любовь безгранична, то заполняет вселенную. Ее сущность достигает верхней точки, и начинается битва за превосходство. Пульсация желания и пугливый трепет перемешиваются, и уже никого не остановить, не напугать никакой границей. Повсюду разливается такое сияние,

что мир кажется волшебством. Такое сияние, что воздух танцует, играя с собственными отражениями. Стеклянный дворец. Мираж.

Кто настоящий, а кто отражается?

Как красиво!

Как мощно!

Сам Господь отступает.

Любовь между родителями и ребенком может быть такой, что Господь скрывается, а любовь с грохотом гоняет дыхание туда-обратно, один скукоживается бездыханный, а второй, присвоив оба дыхания, раздувается и набухает. Один иссяк-исчез, другой так наполнился и раздался, что кажется, лопни он, и хлынет грязная зловонная сердцевина.

И вот была одна мать. Похожая на других матерей. Она сказала сыну: «Ты мой Бог», а сын ей ответил: «Ты великая Богиня, уничтожающая печали всех людей». Они стали обвивать друг друга кольцами, и один стал удавом, а другой — возлюбленным. Вдохи одного наполнялись, вдохи другого сокращались. Один толстел, другой усыхал. Столько любви, что жизнь двоих стала одной.

Все сходились на том, что матери этого было предостаточно, а оставшуюся у нее жизнь

наполняло свежим воздухом и светом окошко-отдушина. Ведь что живет сейчас — это сверх. Сын подарил ей второе рождение. Но следующая мысль была, что с сыном это работало не совсем так. В его жизни был другой этап — начало, а его время и юность были привязаны к матери. Именно его спина сгибалась, когда он поднимал Мать на плечи, давая ей взлететь. И это было печально.

Была еще и дочь. Похожая на других дочерей. От отцовской любви она потеряла рассудок настолько, что никакой мужчина не выдерживал сравнения с ним, да и отец не был готов вручить свое сокровище кому-то менее достойному. Только отец стал лекарством от любой болезни и топазом в любом кольце, и если не целиком, то большая половина юности и жизни дочери растаяла в воздухе.

10

Хватит, вернемся к началу.

Хоть повествование и не обязано следовать только по главной дороге. Оно вольно бежать и течь куда угодно: реки, озера, новые и новые источники. Сейчас нам надо не заблудиться, иначе мы рискуем уйти далеко. Давайте вернемся

в страну тех двух женщин, откуда началась эта история.

11

А что можно сказать о жизни? Только и знает, что ходить по крохотному кругу, похожему на тропинку, которая только началась — а уже конец. Но знает она и великий размах, как если выйти по тропинке к открытой дороге, а она приведет к огромной магистрали, такой, как исторический Великий колесный путь[4]. И это их далекое-предалекое слияние привносит новые повороты в повествование, тропинка сотрясается от грохота грузовиков и тракторов, а извечные изгибы Шелкового пути нежно окутывают ее мягкостью шелка. Тропинка удивляется: «Откуда тянутся эти дороги, с каких времен, сквозь какие караваны и границы? А откуда пришла я? Куда иду? Сколько разных жизней пересекла? Все та же я тропинка сейчас или стала еще меньше прежней?» Но кто задаст эти вопросы и когда? Да и кто знает ответы?

---

[4] Примечания: 4

Великий колесный путь — дорога, которая проходит по северной части Индийского субконтинента, соединяя Бангладеш, Индию, Пакистан и Афганистан. Одна из самых старых и длинных дорог в Азии.

Теперь есть комната, молчание и Дочь, которая приходит навестить Мать.

Она сестра старшего сына, и при виде нее он начинает кричать.

Кричать — это традиция. Крик — это давнишний обычай старших братьев. Кричать по-хозяйски. Этот обряд как фальшивая позолота. Даже если в душе ты не слишком кровожадный, приходится носить подобающую личину. Говорят, что Отец Старшего кричал от чистого сердца, а вот сердце сына не достигало нужного градуса кипения. Но язык у них был один. Отец кричал до выхода на пенсию, потом он передал эти обязанности сыну и немного успокоился. Старший окутал себя величием еще более громкого крика и засиял-засверкал. Через несколько месяцев он уйдет на заслуженный отдых, и эстафету крика примет Сид, но пока Старший полон энтузиазма.

Но Старший не кричал на сестру. Он с ней даже не разговаривал. Он кричал, потому что намочил штаны. Не он намочил, это хризантемы набросились на него, когда он увидел в руках служанки миску матар-панира. «Нет, только не это», — затряс он головой так, что шланг, из которого поливал цветы, дернулся. Хризантемы набросились на него, и струя воды попала на шта-

ны. Тут он подпрыгнул и еще более угрожающе закричал: «Нет, только не это!» С криками вошел в дом, а вода продолжала литься из шланга.

— Убить хочешь этими неизвестно когда приготовленными овощами?

— Госпожа так велела, — рассеянно сказала служанка, уставшая от настоящих и показных перебранок супругов. — Ваша сестра пришла.

— Приготовь свежее! Или будешь кормить протухшими объедками? Даже попрошайке не вздумай отдавать! Умрет — тебя посадят.

— Вы? — В ярости появилась госпожа, она же супруга, она же Невестка. — Вечером к нам придут. Вы же вчера говорили подать на ужин то, что останется. А теперь за несколько часов до ужина все превратилось в яд? И еще, — прорычала она по-английски, — прекратите подрывать мой авторитет перед слугами, вот почему они не слушаются меня, да и вам это чести не делает.

— Выкидывай, — гневно посмотрел он на служанку, которая застыла у холодильника с миской как истукан.

— Я попробовала. Все отлично. С ней пришли двое друзей. Подам с остальной едой, чтобы всем хватило, — сказала жена, бросив грозный взгляд на мужа, то ли чтобы утихомирить, то ли чтобы

услышала его сестра.

— Хватит еды или нет, подавай только свежее, если ничего другого не можешь приготовить, — рявкнул Старший на служанку, — а это убери!

— Поставь обратно, — отчеканила жена, — я съем.

— Поставь для нее. Никто другой это есть не будет.

— Если умру, скажи, что по вине господина.

Служанке каждый раз приходилось догадываться, то ли они кричат-собачатся ради смеха и забавы, то ли по-детски дурачатся, то ли и вправду раздражены, то ли это их семейное хобби бить на поражение.

Сестра, конечно, слышала — разве может кто-то заткнуть уши на спине? Да и подруга наверняка была в курсе происходящего в доме. А слышали хризантемы или нет — какая разница. Был их сезон, им нравилось набрасываться на кого-нибудь от случая к случаю, и они не отказывали себе в этом. Их совершенно не заботило, что Старший скоро выйдет на пенсию и покинет сад, а как поведет себя следующий, неизвестно. А если, как сейчас это принято, зальют цементом лужайку и клумбы, чтобы избавиться от грязи и мелкой живности, которая в ней водится? Или вместо

цветов засеют пшеницу, кукурузу и еще бог весть что, чтобы получить хоть какой-то прок? Но хризантемы не думали наперед и продолжали набрасываться, кокетливо раскачиваясь, как будто внутри у них расправлялась пружина.

У тех, кто служит на государственной должности в маленьких городах, лужайки, сады и поля обычно бывают в несколько раз больше их огромных особняков. Иногда там бывают бассейны, маленькие пруды и большие, фонтаны и беседки. Когда-то, во времена правления королевы Виктории, ее огромная мраморная статуя — нет-нет, абсолютно белая, не могла же она быть разноцветной куклой со злобно выпученными глазами — встречала у входа в сад. Сейчас, когда прошел страх, что тебя по любому поводу могут объявить изменником, она стоит забытая, но все же стоит.

В больших городах дома становятся меньше. Но и там, где сейчас увидишь здания, когда-то были деревья, а где сухие комья земли — цветы. Дома чиновников были оазисами среди пустыни.

Хризантемы, хризантемы, хризантемы.

Как только кто-то входил в дом Старшего, через стеклянные двери длинного коридора он сразу видел обрамляющие лужайку хризантемы всех цветов и размеров.

Сестра увидела, как брат из шланга поливает цветы. Светило солнце, и за деревом, стоящим позади, сверкал золотой поток, как будто всевышний натирал руки солнечным светом и блестящие частички сочились сквозь пальцы.

Спина сестры слышала и видела всю эпическую битву за панир. А что слышала спина Матери, известно только ей.

Увидев спину сестры, удаляющуюся в комнату Матери, брат сказал служанке:

— Скажи Маме, что солнце светит и хризантемы цветут. Поставь стулья на лужайке. Почему бы всем не посидеть на воздухе?

После этого брат стал раздумывать о будущем хризантем, вернее о том, что ждет его после выхода на пенсию, когда, как и все остальные в этом большом городе, он переедет в квартиру. Сколько цветов сможет увезти в горшках? А если заставит горшками эти крохотные балкончики, то куда девать одежду, себя и прочее барахло?

Стулья уже стояли, но Старший сидел там один. Так же, как его покойный Отец, который грелся здесь на солнце зимой: вполоборота к хризантемам, а вполоборота к той части дома с комнатами, которая была видна за стеклянной дверью, и к большой открытой двери, заканчивающей ко-

ридор. Отец и сын, оба имели одно обыкновение — зрачок левого глаза они уводили налево, а зрачок правого — правее, правее, правее — так, чтобы обе части мира были в поле зрения и все происходящее было на виду. Наверное, глаза, способные выполнить такой трюк, должны быть сделаны не из обычной плоти и крови. Или все же они не могли смотреть в разные стороны света, а просто бесцельно блуждали?

Доносился голос сестры:

— Всё в хризантемах.

— Нет, — отвечала Мать.

— Ну, Мама, всех цветов и размеров! Футбол, Спайдер, сплюснутые, кустовые. И все раскачиваются.

Но с чего бы ей согласиться?

— Фиолетовые, белые, желтые, розовые и даже зеленые.

Воздух над лужайкой пошел рябью:

— Я помогу дойти, а? Возьми трость!

— Ну нет. Голова кружится. Трость. Нет. Солнце. Не-е. Цветы. Ну-у… не-е… но-о.

Старший поднялся с места и пришел в комнату Матери. Встал рядом с сестрой. Оба посмотрели друг на друга, отведя глаза, и сложили губы в улыбку, не улыбаясь. Они давно перестали разго-

варивать. Вражда прошла, но привычка осталась. Они уже давно разучились дурачиться, как брат и сестра.

— Вставали? — обратился он к Маминой спине. — Давно она здесь? Накормите же ее чем-нибудь, скажите, пусть приготовят, иначе принесут из кухни протухшие объедки.

12

Только зайдешь в комнату, как в два счета все заполняет темнота. Оставшийся позади солнечный свет исчезает, превратившись в воспоминание. Потом легкий отголосок тепла пробегает по закрытым векам. И постепенно глаза начинают различать очертания.

И даже те глаза, что выросли на безвольной спине. Они видели, как пальцы Дочери тянутся к ней. Упрямые пальцы, заставляющие встать и совершенно уверенные в том, что знают, как этого добиться. Касаются спины, растирают и поглаживают так, будто хотят, чтобы их упрямство перетекло в кровеносные сосуды спины, и тогда спина прогнется, а как же иначе?

Дочь верит в силу своих рук: стоит только коснуться — и сопротивление разбито.

Но спина сжимается со звуком разрывающейся

ткани и мямлит «нет, нет, нет».

Это слово принадлежит Дочери. Это ее право от рождения. На все говорить «нет», а остальные должны утешать-раз-влекать. «Давай же, возьми, красотка моя, доченька, принцесса. Луна принесла издалека сладких пончиков, вы ешьте из тарелки, а малышке дайте в пиалочке[5]. Моя куколка, мое сокровище».

Брат, который был на десять лет старше, иногда раззадоривал ее:

— Нет, скажи «нет», мотни головой, «нет», всё, вот и сказала «нет»!

Малышкино «нет» всех приводило в восторг. В детстве она состояла из одного только «нет». Вплоть до того, что, если надо было заставить ее что-то сделать, стоило лишь сказать наоборот, а она, тут же выпалив «нет», делала то, чего от нее добивались.

— Не ешь паратху, поешь рис!

— Нет, буду есть паратху!

— Попей чаю, не бери молоко!

— Нет, молоко, молоко!

— Выбрось синий, не красный!

— Красный, красный, не синий!

---

[5] Примечания: 5

Популярная песня, которая впервые была исполнена известной певицей Ашей Бхосле в фильме Vachan («Слово»), 1955 г.

— Бодрствуешь, не спишь? Глаза открой!

— Не-е-ет… Закрою глаза.

Однажды, когда повар принес соус из зеленого чили, кинзы и мяты, Мама хотела остановить его:

— Нет, нет, унеси скорее — рот обожжет.

Но дочь услышала милое сердцу «нет» и подняла ужасный визг:

— Нет, дай сюда! Нет, буду!

Детство прошло, и она со своим «нет» уже не забавляла всех вокруг, но ее «нет» повзрослело вместе с ней:

— Нет, я не буду шить, нет, не надену дупатту, нет, я не под арестом, нет, я не вы.

«Нет, нет, нет» настолько слилось с ней, что, даже если она хотела сказать «да», губы сначала складывались в «нет».

— Выпей чаю.

— Нет, выпью чаю.

— Очень холодно.

— Нет, очень холодно.

С «нет» начинается путь. Свобода сделана из «нет». «Нет» — это веселье. «Нет» — это дурачество. Дурачество — это путь суфия.

Но Старший, повзрослев, должен был исполнять другой обряд. Пока маленькая, бог с тобой,

не слушай никого, но выросла, и приходится указывать, что делать, а что нет. Ни у кого не вызывает вопросов, что брат должен отчитывать сестру, вложив голос родителей в собственные уста. Но когда к сонму возражений примкнула толпа любовников сестры, Старший впал в абсолютное бессилие. Сегодня Лысый Патель, завтра Очкарикуддин, послезавтра Бородач Дархияль. А когда эти три привлекательных качества соединились в одном избраннике и домашняя девочка, она же сестра Старшего, стала героиней городских сплетен и перешептываний, то груз ответственности, накопленный всеми поколениями предков, рухнул на его плечи и чувство долга выросло до такой степени, что настал черед крайних мер. Пусть никто в доме с ней не разговаривает, не смотрит вместе с ней телевизор, не готовит для нее кокосовое бурфи, не смотрит в глаза при встрече и не улыбается ни за что на свете. Так она осознает свои ошибки, и эта полоса несчастий наконец закончится.

Но прогонять ее и хлопать дверью перед носом он не собирался. Одна мысль, что она где-то шатается одна и ищет себе пристанище, была нестерпима для него. «Раз вы здесь, — сыпалось на Мать, — почему она живет где-то еще?»

Но у дочерей, говорящих «нет», ноги ведут себя по-другому: придя потом к двери, они в сомнении замерли, а тогда, в начале, понеслись наружу.

Дверь и коридор приходилось мыть фенолом, но это другая история. Там Бородач-Лысый-Очкарик и еще сестрино-бог-весть-что, какие-то тяжелые вещи, хлам, унеси-принеси — все это расползалось, как грязь. Это была борьба за чистоту, в которой с призраками и прочей нечистью сражались метлой.

Ну и пусть метлой — это сюжет отдельный, а нам нужно приподнять другую завесу истории. Сейчас Старший стоит в комнате Матери, чуть позади сестры, чуть в стороне. Они — по отдельности, но оба смотрят на спину Матери. Лысый-Бо-родач-Очкарик уже давно в прошлом, и все, что осталось, — это сострадание брата к одиночеству сестры. Дом, деньги, работа — все в полном порядке, но осталась одна.

«Как здешнее «нет» вдруг зазвучало оттуда? Что за рокировка? И «нет» не для брата, а для сестры. «Нет» от Мамы, а не от меня. Как будто кто-то всколыхнул старый прах слова, некогда такого действенного в моей жизни, а теперь от него почти ничего не осталось, потому что кто-то другой говорит его кому-то другому. И если я

теперь сама себе хозяйка, то «нет» все равно мое, и откуда тогда оно взялось у Мамы?» Какая надобность была во всех этих рассуждениях сестры? Просто случилось так, что «нет» доносилось со стороны спины.

13

Подергиваясь и кряхтя, спина выравнивается подобно стене, как будто и впрямь стала теперь стеной. Но ведь живая спина не может стать стеной? Сможет, если захочет. А хочет она не видеть и не слышать тех, кто пытается вернуть к жизни умирающую старуху.

Старые привычки затягивают покрепче, чем выпивка и биди[6]. Спина стала ситом, в котором каждый пробил нескончаемое число дыр своими оскорблениями, раздражением и душевными излияниями — какие уж тут заплаты? Теперь, прежде чем услышать и увидеть, она принюхивается. Доносится знакомый звук шагов и стук в дверь.

— Размером с футбольный мяч! А цвет какой!

---

[6] Примечания: 6

Биди — тонкая небольшая сигарета, сделанная из натурального табака, завернутого в лист Коромандельского черного дерева, и перевязанная цветной ниткой.

Фиолетовые! — Дочь пытается увлечь ее хризантемами. Она гордится тем, что может преодолеть нехоженую тропу любой сложности — так ей удалось обрести свой собственный дом вне стен этого.

— Спроси у Мамы, куда поставить букеты, — обращается к садовнику Невестка, не желающая оставаться в стороне.

— Только не из нутовой муки, она забивает желудок. Из маша, спроси у Мамы, как приготовить, — вступает Старший.

Все борются за звание самого заботливого.

Грубости, упреки и насмешки тоже просачиваются сквозь щели.

Отойди, я опаздываю… Посмотрите-ка, опять неправильно положил трубку, пора уже бросать эту чиновничью привычку тунеядствовать… Вечером придет Фатту, приготовь свежий кхир, не вздумай подавать кешью-барфи месячной давности… прачка сжег дорогущую рубашку, где взять такую же теперь? Твои родители закажут? Американская была… Скажи водителю, чтобы заправил пока машину и чек отдал мне, а не тебе… Воду пролила, хочешь, чтобы Мама поскользнулась? Если встанет, поскользнется… Вот почему ты хочешь, чтобы она встала… Хорошо, это я ска-

зал… Если шутишь, то хотя бы смешно… Какие уж тут шутки, если кто-то и захочет встать, то не встанет, потому что тут все наготове разлить воду, чтобы он упал, или накормить ядом… Что скажете, господин мой хороший… Всё, хватит, еще слово, тут же скажу Маме… Чудно, тут-то она и выскочит из постели… Она просто не хочет вставать, знает, что все волнуются, но…

Хах… хм… тс-с-с… уколы… упреки… ворчание…

Спина поворачивается спиной. Как бы так сделать, чтобы отвернуться еще больше? Проникает в стену. Как бы совсем в ней замуроваться?

На стене какое-то пятнышко. Это оно само колышется или от ветра? Может, это букашка. От ветра или от дыхания.

Вот бы я была букашкой.

Стена холодная на ощупь. Крошечное существо скользит по ней. Еле заметное дыхание. Проделай где-нибудь щель, проникни в стену. От неуловимого движения мягкая глина раскалывается. Невольно мои ноги пробили брешь. В воздухе трепещет запах глиняных горшков и кувшинов — как после дождя. Холодная могила в холодной земле.

Останься лежать так. Молча, без всех, как застывшее дыхание, всего-навсего клочок, по-

висший в воздухе пеной. Букашка дунет, и он взлетит, а потом опять в объятия земли.

Пусть это будет мой склеп.

Легкий холодок поднимается в сердце, но он успокаивает, а не заставляет стучать зубы, как холод снаружи. Покой внутри стены, а не круговорот мыслей у ее спины, не кузнечные мехи за ее спиной, благодаря которым весь мир наполнился дыханием, а ее собственное каким-то образом угасло.

Мать закрывает глаза, умолкает, останавливает дыхание так, чтобы никто не узнал об одном оставшемся вдохе, похожем на малюсенькое существо. Пусть он проникнет в стену и потихоньку начнет пробираться вперед, пусть ничто не помешает ему, не собьет с пути, не нарушит его ход, не задавит, пусть он не упадет вниз.

А что, если глиняная стена полая?

Глиняная стена полая. Пусть вышедшее из сердца существо движется, создавая само себя и проделывая свой путь в грязи. Пусть освоит дыхание и потечет дорогами собственного творения. Пусть заполнит собственные вены, засопит, запузырится.

Проделывает ли Мать брешь в себе самой, сливаясь со стеной? Просачивается ли в обнаженные

артерии, перекроив себя?

Крохотное существо в темноте, последыш дыхания. От его движения взлетела частичка земли. На ее закрытые глаза падает легкий отсвет желания. Из воздуха в воздух.

В песке качнулось самадхи[7].

14

Что-то обязательно попадет в историю случайно, но и для него уже припасено свое место. Вот так появилось то пятнышко на стене. Возможно, это букашка, лапки которой похожи на тень от ворсинок, — ими она роет тоннель в стене. Ее глаза источают тепло, которое еле заметным отблеском сочится по тоннелю, «сочится» в том смысле, что от него поднимается легкий пар, способный удержать частичку потерянного дыхания.

Чтобы увидеть это пятнышко-букашку, нужно лежать молча очень долго, прижавшись к стене, превратившись в кулек под одеялом, повернувшись спиной к миру.

За спиной дыхания всех остальных. Вереница

---

[7] Примечания: 7

Самадхи — высшая ступень медитации в индуизме, буддизме и других религиях, возникших в Индии.

волнений и переживаний.

— Открой окно. Маме, наверное, душно.

— Отдерни шторы. Думаю, ей не нравится темнота.

— Почему она лежит в такой странной позе у стены?

— Разве это бодрствование — просто лежать с закрытыми глазами?

— Дети играют на улице.

— По телевизору показывают «Махабхарату».

— Принеси газету, сыграй что-нибудь, приготовь пакоры из шпината и лука. Спроси, что, спроси, кто, спроси, как.

Прожитую жизнь снова сервируют перед ней в виде бесед и воспоминаний — думают, так вернется дыхание. Так воспрянет душа. Ей напоминают о том, что она делала раньше, ведь, помыслив это действие, она опять вернется к нему. Но теперь она делает это иначе, по-своему. Готовит свои собственные пакоры. Сочные, перемолотые, перетертые, порезанные на кусочки, брошенные в кипящее масло, уф-ф-уф-ф — с одной стороны на другую, попавшие в желудок и исчезнувшие.

«Выбрось», — доносится шелестящий голос. Но разве голос букашки может добраться до уха?

«Внутри хлам, — шуршит где-то, — вышвырни в открытое окно. Лепешки чила, хризантемы размером с футбольный мяч, вода, пуговица, чат масала, половик, зубной порошок, зира, черный тмин. Ключи, мак, иголка, кашель, мокрота, сопли, желчь, вдохи-выдохи, перипетии. Выброс».

Может ли быть такое, что стена придвинулась к спине и окружила лежащую на кровати женщину, чтобы та не слышала никаких стуков в дверь?

Только тот легкий шелест.

15

А случилось вот что: пока вы спасали букашку, слон вытоптал поле. Вы можете удивиться, что за история приключилась, какой такой слон какое такое поле может вытоптать? Если придираться к терминам, то правда, нет ни слона, ни поля. Есть только дом и семья, в которой все приходят и уходят через открытую дверь. Ничего они не вытаптывают, а с ревом извергают тонны сострадания.

Суметь проявить сочувствие — главная цель домашних, путь к взаимопониманию, любви, счастью и покою. Если ты смог посмотреть на кого-то так, что в глазах читается «вот бедняжка»,

то уже избавил его от страданий, уподобился богу и собственное отражение стало казаться приятным. Тогда семья поддерживает в любом несчастье и ненастье. Одни становятся богами, а другие — нищими.

Так было с Дочерью. Бедная бедняжка. Ругать, отчитывать, выгонять — все только для того, чтобы вернуть ее на путь истинный. Но она же была бедная. Бедная-пребедная. Глупая девчонка. Любимица, взращенная на капризах и выпестованная на упрямстве. Она не видела в том беды для себя. Не осознавала. А никчемных людей, которые пользовались этим и вводили ее в заблуждение, она считала своими возлюбленными. Раз за разом она оставалась одна. Когда не удавалось договориться с ее высокопоставленными братом и Отцом благородных кровей, женихи собирали пожитки и уходили, оставив ее одну, в нищете и несчастную. У нее не получалось найти ни жилье, ни работу. Сегодня она пишет из одного места, завтра говорит из другого. Брат как-то договорился и приобрел для нее в библиотеке секретариата пару книг никому непонятного содержания. А так она бродила потерянная и подавленная в каких-то лохмотьях, как деревенщина, то в грубой, как из мешковины, рубахе и

порванных тут и там штанах, то в дурацкой юбке, купленной за двадцать-тридцать рупий в какой-нибудь деревне Гуджарата или Раджастхана. Все в ее облике выдавало крайнюю бедность, и семья не могла сдержать слез, глядя на нее.

Тут может закрасться сомнение, а были ли те встречи в зарослях каранды уж такими тайными? Или так изливалось сострадание, мол, пусть Мать накормит-напоит-оденет, раз уж сестра оказалась на улице. Вернется — и все встанет на свои места, вот ее дом, вот семья. Разве у нее есть кто-то, кроме нас? Кто знает, видится ли бедная с кем-то еще, зовут ли ее в гости. А если свяжется с этими ни на что не годными людишками, мы будем обесчещены. Пошла по кривой дорожке, не ровен час, дело кончится изгнанием.

Как бы от таких потоков сострадания не прорвало плотину, не случился потоп.

Не то чтобы сострадание совсем испарилось, но порядком было позабыто, когда в газетах и журналах стали печатать ее фотографии, а по телевизору показывать интервью, в которых она делилась своими взглядами. Женское сознание, гендерная дискриминация, женский оргазм… какое бесстыдство… боже мой!

Еще более суровые испытания выпали на долю

сострадания, когда бедняжка купила хорошую большую квартиру в районе для хороших больших, а в придачу телевизор, микроволновку и даже машину. Они узнали, что она без конца мотается по аэропортам, путешествует по стране и за границу. По дому полушепотом поползло: вот она нынешняя ловкость рук… разве можно так… добывать имя и деньги… везде нужны знакомства… а если это женщина… еще и молодая… что тогда… что? Тут они запинаются, потому что полностью этого не произнести, а что можно сказать вслух, говорится только так. Старший и теперь запретил Матери долго говорить с ней по телефону, а уж ходить в гости тем более — ее образ жизни не должен быть оправдан!

Когда он начал встречаться с сестрой на приемах в Президентском дворце, то никак не мог понять, кто должен отводить глаза и кто отводит. Странное было чувство — весь мир, и даже президент, говорит с ней, а ты словом не обмолвишься.

Однажды Старший подошел к Матери: «Скажите ей, пусть приходит иногда. У нее ведь нет никого, пусть хоть домашней еды поест. Еще моя жена передала ей несколько своих статей — просила посмотреть, мало кто пишет на эти

темы. Это даст ей возможность почувствовать себя включенной в семью, иначе она так и будет думать, что все ее презирают».

И вот теперь мы остановились на том моменте, когда брат и сестра стоят почти рядом и думают, глядя на спину Матери: «Мама, бедняжка. Я сделаю что угодно, лишь бы оживить ее!» Их сострадание мечется все выше и выше.

16

Это все герои рассказа: букашка, слон, сострадание, дверь, Мать, трость, кулек, дочь, Рибоки, которые носила Невестка, и прочее-прочее, о чем будет рассказано, когда придет время.

Обувь? В каком смысле обувь? Обувь в смысле Рибоки.

Говорят, в давние времена жила ядовитая змея Рибок, которая ползала-кружила по южной части континента под названием Америка. Однажды кто-то обернул ею свои ноги, чтобы проворно прыгать, и вся ее спесь вышла из нее и вошла в того, чьи ноги она обернула — так случилось ее перевоплощение. Теперь все знают ее в этом цвете и форме, и поколение за поколением она воплощается в своем новом виде. Обувь, не змея. Обувь всевозможных моделей. Одни ши-

пованные, другие в дырочку, а третьи с мягкой подошвой, которая пружинит, как мяч. То есть виды и подвиды Рибок стали еще сильнее, она сжимает землю в своих тисках и с шипением выдыхает огонь, и кто теперь вспомнит, что когда-то она была могущественной змеей?

Братство Рибок так разрослось, что положило на лопатки сикхов, гуджаратцев и китайцев, которые громче всех кричали, что сумели обжить самые удаленные уголки земли. Один сикх добрался аж до Исландии прямо в тюрбане, с браслетом на руке и с кинжалом[8], тем самым потешив тщеславие братьев по вере. Но Рибоки и тут всех опередили, ладно, обувь, но носки, перчатки, шапки, сумки, бюстгальтеры — какие только формы они не приняли, чтобы добавить изюминку своему великолепию.

Воистину, они достигли небывалых успехов в ходьбе, беге, йоге и танце.

Кто-то может спросить, на каком основании держится это утверждение? Прямого ответа здесь нет, это всего лишь один пример, который ходит, бродит и порхает в доме, где разворачивается наша история. Речь идет о Невестке. Все знают,

---

[8] Примечания: 8

Речь идет о пяти символах веры в сикхизме.

что с того дня, как Невестка надела Рибоки, она стала подолгу гулять сама по себе, заниматься бегом с подругами и осваивать асаны под руководством учителя йоги в местном парке. Дело пошло. Так уж и пошло? Или даже побежало? Что в каникулы, когда соседские мамы получили возможность передохнуть от школьных забот, эта самая Невестка сама стала учителем йоги и начала вести весьма популярные классы зимой и летом.

А недавно выяснилось, что она записалась на занятия по сальсе, и кто знает, сколько раз дверь вздрагивала от удивления: «Что это? Вернулась изгнанная Дочь или уходит полновластная Невестка? Как это Рибоки повернули воды Ганги вспять?»

Могло показаться, что одна ощущает тяжесть вины от того, что не выполнила долг, поэтому развернулась и возвращается, а другая уверена, что выполнила долг сполна, и потому теперь уходит.

Но ничто не намекает и не указывает на то, что двери или кому-то еще могло так показаться. По крайней мере, пока.

17

Все сойдутся на том, что невеста не наденет Рибоки на собственную свадьбу. И они не станут частью ее приданого. Даже если ее отдают замуж в дом уважаемого чиновника. Наша великолепная Невестка в этом не одинока.

Не одинока она и в том, что семья будущего мужа одобрила ее светлый цвет кожи и статное телосложение. И в том, что в этом свете будущее потомство выглядело весьма привлекательным для всех. И в том, что Мать и современная золовка должны были обучить ее методам воспитания детей и всевозможным премудростям ухода за собой. И в том, что она отправилась в дом мужа исполнить свои мечты с чувством абсолютного и полного одиночества. Чужой дом, чужие люди, не знаешь, как сесть и что сказать.

Как и все юные девушки, только что приехавшие в новый дом, наша Невестка разрыдалась в первый же день. Она пошла в туалет и застряла там. Поднялся переполох: в доме столько гостей, что даже один неработающий туалет может привести к концу света! После криков и угроз прибежал уборщик и достал из унитаза пропитанную кровью, завернутую в тряпку са-

модельную ватную прокладку. Золовка принесла прокладку и поучительно сказала: «Дорогая, пожалуйста, заверните ее в старую газету и выбросьте в мусорное ведро».

Этот унизительный инцидент, ставший достоянием общественности, вмиг научил Невестку и как пользоваться мусорным ведром, и что туда выбрасывать. Во время медового месяца ее лоб украшали блестящие бинди, которые продавались в лотках на берегу Ганги, а в длинную косу были вплетено красно-золотое украшение. По возвращении она избавилась и от того, и от другого. Ее лоб осветила вызывающая луна из кумкума, которая росла с годами и меняла свой цвет в зависимости от выбранного сари или костюма. Коса тоже была отвергнута, и спадавшие плетьми распущенные волосы свистели и хлестали ее при ходьбе.

Кто сейчас смог бы воспрепятствовать процветанию Рибок в мире? Все уже случилось. Рибоки появились в магазинах, и их стали рекламировать. Однажды сын сказал: «Мам, возьми Рибоки», — и принес их ей.

Нет, не Сид, а его младший брат, он же Заморский сын, или Серьезный, которого сейчас стоило бы упомянуть — и вот он упомянут. Он отпра-

вился за семь морей, и поэтому обычно о нем не вспоминали. До сих пор. А ведь он играет не последнюю роль в сохранении традиций, и вот он уже упомянут. И будет упомянут еще. У каждой матери есть такой сын, который скажет: «Ма, ты принесла жертву на алтарь семьи». Этот пробирный камень не минует ни одну женщину, какого бы цвета кожи и происхождения она ни была. К пережитому ей сын примешивает вымышленную боль и страдания, а потом призывает надеть Рибоки и приносит их ей.

18

Его смех был неслышен, потому что жизнь была тяжелой? Или он утратил способность смеяться? Или ее никогда и не было?

Вот скажи, что делает героя главным в повествовании? В доме бедняков это будет богатство, в жизни обезображенных — красота, в Индии главный злодей — Пакистан, а Америка — герой. В жизни слепого главный герой — глаз, у хромого — нога, у бездомного — дом, у безработного — работа, у потерявшего сон — сон. А если не знаешь, кого назначить главным, просто посмотри, чего не хватает в чьей-то жизни, — это и будет настоящий главный герой. В жизни этого сына таким

был смех.

Он был младшим сыном в семье — много тут и не скажешь, ведь в этой истории речь идет о старших, даже если не идет. Он и сейчас не здесь, но не будем на этом останавливаться, так как тут мерилом истинности является отсутствие: кого нет, тот и главный персонаж. Но раньше он был здесь, как и его дед, муж его бабушки, приросшей к кровати. Потом дед пересек океан сансары, а он — океан земной и стал звать себя австралийцем. Так невидимая нить большой семьи протянулась еще до одного края света.

Насколько Сид был буйным, настолько же серьезным был его брат. Насколько Сид в движении, бесконечной болтовне и шумных затеях, настолько его брат в работе, усердии и покое. Младший сын подавал надежды, а потасовки, устраиваемые Сидом и его компашкой, казались ему пустой тратой времени, проявлением грубой, необузданной культуры среднего класса. Временами он даже находил их непристойными. Поэтому он всегда был занят чем-то своим, говорил, только когда была необходимость, а если был вынужден говорить против своей воли, старался вывести разговор на какую-то актуальную тему и не сказать лишнего. В меру ест, пьет, спит

и всегда чем-то занят. Будь то утренний туалет, очередь, поезд, автобус или машина, в руках у него всегда книга, которой он всецело поглощен. Он постоянно расширял свои горизонты, и поэтому, изучая историю, географию, религии, философию, естественные науки, психологию, геологию, экономику, политологию и урбанистику, хорошо знал, сколько всего было разрушено и рушится сейчас, и это неизменно разрушало его душевное равновесие. Но здоровье пока разрушено не было.

Он всегда был в компании главного героя, который своим отсутствием всецело затмил его. Это никогда бы не выяснилось, если бы Серьезный сын не поехал в другой город по делам фирмы. Не зря говорят, непредвиденные события, будь то несчастный случай или счастливый, играют в жизни большое значение. Так бывает с любовью и смертью, а смех то приходит, то уходит.

Не будем пускаться в рассуждения, приходил ли смех в жизнь Серьезного сына, покинул ли ее и когда это случилось. Важно лишь то, что внезапная стычка на берегу океана ясно дала понять, что смех — его главный герой. И с этого момента печаль поглотила его.

После деловой встречи у Серьезного сына по-

явилось свободное время, и, выйдя из отеля, он пришел посидеть на пляже, где почувствовал себя почти счастливым. Почти — потому что для полного счастья в мире всегда чего-то не хватает. Куда ни глянь — повсюду мерзость, оголтелое потребительство, подражание чужой культуре, а никчемные поверхностные люди-пустышки все трепыхаются не тут, не там и не здесь. Он старался как можно дальше держаться от них и заниматься своим делом. Но теперь он встретился с поющим и взмывающим ввысь океаном, чья манера пения и резкие движения восхитили его своей естественностью и непринужденностью. И вот в пляжном кафе с крышей из кокосовых листьев он сначала заказал пиво, а потом устроился за столиком у самого берега, раскрыл книгу и развернулся лицом к океану. Когда его достигал назойливый шум аляповатой толпы гуляющих, он двигал столик и стул все ближе к океану и сидел почти счастливый. Даже задремал.

Издалека это было похоже на идиллическую картину: огромное небо, огромный океан и зажатый между ними кусочек сцены — на стуле сидит юноша, на столе пиво, а на коленях книга. Волна подкатывается то совсем близко к сцене, то отступает, то снова возвращается, как будто хочет

унести с собой всех участников постановки. А сцена сама завороженно тянется за волной.

Но издалека никто не смотрел. А смотрели вблизи. Один пухлый смеющийся мальчишка.

Серьезный сын терпеть не мог детей. А также их родителей, которые заваливают мир сообщениями и видео, свидетельствующими о восхитительных деяниях своих отпрысков. Но если он и не любил кого-то больше, чем крохотных глупых срыгивающих молоко младенцев с бессмысленно блуждающими глазами и болтающейся головой, то упитанных румяных детей, которые ходят вразвалку, болтают и поют когда им вздумается, пускают слюни и смеются взахлеб. Именно такой увидел его сейчас.

Мальчишка бродил от одного столика к другому, как маленький бычок, отпущенный с привязи — то уронит чей-то стакан, то попытается перевернуть стул. А если не обращают внимание, то бычок внезапно выскакивает и отвешивает пощечину.

И вот сидит какой-то человек, совершенно не замечающий присутствия ребенка — может ли маленький испорченный падишах стерпеть это? Вызов принят, и цель ясна. Шлепая ногами, как Дональд Дак, он подошел к Серьезному сыну,

дремавшему у океана. Океан ворочался у ножек стола и стула, и этот шум излучал абсолютный покой. Но тут упитанный бычок поднял руку и припечатал Серьезного сына своей детской ладошкой. Тот вздрогнул. Но продолжал прикладывать все усилия, чтобы продлить блаженный миг одиночества. Малец не унимался: опять шлепок, а за ним требовательное «смейся!». На этот раз Серьезный сын открыл глаза и сделал страшное лицо. С третьей пощечиной на него обрушилась вся тщетность мира, и, развернувшись, он схватил мальчишку за глотку, как щенка, поднял в воздух и стал трясти:

— Еще раз появишься, брошу тебя в воду!

Испугавшись, тот издал истошный вопль, на который прибежали новоиспеченные родители и напали на Серьезного сына:

— Разве можно так обращаться с ребенком?! Все только и делают, что умиляются, а тебя взбесила детская игра?

— Оказывается, раздавать пощечины — это детская игра? — возмутился Серьезный сын. — Такие, как вы, портят детей. А когда они вырастают, то остаются все теми же испорченными детьми.

— Это еще что? — недоумевали родители. — Он всего лишь хотел рассмешить. Ты что, не умеешь

смеяться?

На этом месте Серьезный сын встал и ушел. Разрушенный мир людей-вандалов опять обступил его со всех сторон. Песок, обезображенный пивными банками и пластиковыми пакетами; земля, захваченная белыми; хилые индийские бандерлоги-подражатели; какофония, возомнившая себя музыкой, от которой стенает природа; смеющиеся орущие тупые людишки — это они ему говорят: «Смейся!» «А есть ли над чем смеяться в этой стране, которой вы управляете?», — бр-р… бр-р… бр-р… ворчал он всю дорогу, пока не вернулся в свою комнату.

И уснул.

И приснился ему сон. Он умиротворенно сидит на берегу океана, над ним раскинулось огромное небо, и волны нежно омывают его ноги, постепенно нежность возрастает, и с каждым ее новым приливом его стул легонько подпрыгивает. Теперь нежность хлещет через край, волна вздымает его вверх, и вот он уже раскачивается на троне посреди океана, а на берегу собрались все гуляющие со своими толстыми румяными детьми, чтобы посмотреть на него. Он обращается к ним:

— Дурачье, идиоты! Только подумайте, как вы

дышите, вы даже в этом подражаете чужакам! Ваши легкие наполнились дрянью, а не кислородом, поэтому вы скрипите и кряхтите при выдохе. Чуваки, сделайте свой собственный вдох и научите детей дышать самостоятельно!

В этот момент из толпы футбольным мячом выкатился малец и закричал:

— А король-то голый! Смейся!

Гул толпы на берегу стал нарастать: «Он не умеет смеяться!» Ужасающих размеров волна обрушивается на него, и уже его собственное дыхание приходит в полное смятение, сердце бешено колотится от удушья — он резко открывает глаза.

Сердце стучит так, что вот-вот разорвется. С той стороны сна футбольным мячом выкатывается осколок фразы. Становясь все меньше, он скачет в его сторону, превращается в маленький стеклянный шарик, перепрыгивает границу сна и яви и, злобно уставившись из темноты, вопрошает: «Что, не можешь смеяться?»

Момент пробуждения девственно чист. Когда человек просыпается, он крайне уязвим. Остается только гадать, что из приснившегося он запомнит, а что забудет. Сердце проснувшегося колотится, а осколок фразы безмолвно таращится

на него: «Не можешь смеяться?»

Этот вопрос приклеился к Серьезному сыну и вместе с ним вернулся домой. Так его легкая беспокойность превратилась в весьма ощутимую тревожность, а новый герой стал несносным напарником на всю жизнь — отсутствующий смех, который ухмылялся над ним: «Чувак, ты что, не можешь смеяться?»

Серьезный сын прекрасно разбирался в таких болезнях, как империализм, колониализм, феодализм, коммерциализм, и знал, что именно по их вине вокруг не осталось ничего, что заставило бы сердце дрогнуть, а его — засмеяться. Но одно дело, смеха нет из-за случившегося упадка, а другое — когда ты совсем не можешь смеяться. Если в душу закралось такое сомнение, то даже лучшие из лучших перестанут смеяться. Мысль о том, что ты не в состоянии растянуть губы в улыбке хотя бы на миллиметр, может совершенно выбить из колеи.

«Этого не может быть, — думал он, придя в крайне взволнованное состояние — Ха, не могу смеяться, что за бред». И он рассмеялся над своей гипотезой — это заметил Юлий Цезарь.

Юлий просыпается рано утром и отправляется на прогулку. Его маршрут пролегает через дом

соседа с раздраженным лицом, и он уже привык, что, когда их взгляды встречались, раздраженное лицо становилось еще более раздраженным. Перво-наперво соседа, то есть Серьезного сына, раздражало само имя: мало того Юлий, так он еще и Цезарь. А когда тот сталкивался с кем-то и начинал свое заморское представление, раздражение просто не знало границ. Его можно было уловить даже в шелесте ветра, что и делал Юлий Цезарь, ведь у него был очень острый слух. Кроме того, он получал удовольствие, подкидывая дровишек в огонь раздражения, чем промышляли и многие другие. Тут уж либо, завидев издалека, обходи соседа стороной, либо наслаждайся собственным упрямством.

И сегодня, заметив соседа, Юлий опять собирался продемонстрировать свои заморские манеры, но что-то необычное в выражении раздраженного лица смутило его. Вместо привычного «сидеть», «дай лапу», «танцуй» Серьезный сын начал издавать что-то наподобие лая. У него была странная морщинистая морда. Губы выглядели так, будто кто-то безжалостно разодрал кусок тряпки на две части, и один лоскут повис. Впавшие глаза были похожи на двух червей, копошащихся в остатках плоти. Плечи содрогались от ударов

землетрясения, и из трещин, испещривших лицо, вырывались покрикивания.

Услышав лающие звуки, хозяин Юлия посмотрел на человека с раздраженным лицом и испугался, не случился ли у того приступ. Но Юлий тут же понял:

— Он хочет посмеяться! Пытается изо всех сил.

Он полаял еще, обрадованный своим новым открытием, и, пока лаял, преисполнился сочувствием к несчастному. Хозяин, конечно же, без всяких «танцуй», «дай лапу» и прочего оттащил его за поводок.

Этот случай преумножил тревожность Серьезного сына: «Что это было? Смех? Или нет?»

Он второй раз вытянул губы и издал челюстями какое-то гоготание, а потом стремительно развернулся к зеркалу, висевшему на веранде, в надежде запечатлеть следы смеха. Все то же потрескавшееся лицо, растянутые губы, оскаленные зубы, прикрытые глаза — это все на месте. Ты что, не можешь смеяться?

Ситуация становилась все более серьезной: «Не можешь смеяться? Смеха нет, потому что не над чем смеяться, или я совсем не умею? Как такое могло приключится? Все смеются, как можно не уметь смеяться? Выходит, я забыл, как это

делается? Или родился таким?» Сердце начинает колотиться, лицо искажает гримаса, и лоб покрывается потом.

«Я не умею смеяться» — этот страх стал верным спутником Серьезного сына, и смех стал его самым заветным желанием. Он начал тренироваться при любом удобном случае. Иногда один, иногда в чьем-то присутствии.

Иногда специально на людях.

Было утро. Около шести. Время, когда приносят газеты. Услышав, как газета падает в ящик, он встает — в ушах колотится сердце. Он подлетает к зеркалу, вытягивает губы, заостряя кончики, как на усах, обнажает зубы и с этим застывшим выражением лица выпрыгивает наружу еще до того, как мальчишка успевает подойти к двери. Серьезный сын берет газету у него из рук, являя выстроенную на лице композицию, и никак не может понять, почему пацан тут же кидается наутек с испуганным лицом. Не меняя выражения лица, он возвращается, смотрит в зеркало, но не застает там смеха в живых. Упражнения продолжаются. Читая газету, он начинает извергать из себя пузыри смеха. «Ха-ха», «хо-хо», «хе-хе» заставляют содрогаться его лицо. Но глаза печально опущены.

Как поется в одной популярной песне, Аррах[1] гудит, Чха-пра[9][10] шумит, Деория[11] — в пляс, все, но только не его смех.

Только Юлий Цезарь мог видеть боль, причиняемую отсутствием смеха. Он пытался помочь. При виде Серьезного сына он лаял и вилял хвостом, мол, посмотри на меня, так тоже смеются. Но разве кто-то мог оценить это сочувствие? Когда парк сотрясал хохот собравшихся там стариков, Юлий пытался лаем привлечь внимание соседа, как бы говоря, вот, поучись у них. Но, кроме того, что он срывал голос, это не имело никакого результата.

В общем, отыскать смех так и не удавалось.

Более того, как-то младший брат оказался среди шумных друзей Сида и не выбежал тут же с отвращением, а какое-то время наблюдал, как они предавались диким песням и пляскам, сдабривая все это пивом, пепси и чипсами. За это время Сид успел заметить новую манеру брата недовольно кривить лицо и занес ее в уже имеющийся список кислых мин.

---

[9] Примечания: 9
Город в штате Бихар.

[10] Примечания: 10
Город в штате Бихар.

[11] Примечания: 11
Город в штате Уттар-Прадеш.

Конечно, некоторые обращали внимание на искореженное злобой лицо Серьезного сына и замечали, что оно вдруг рвется по швам, все его тело начинает чесаться, подскакивать и кребиться, а потом в муках издает какие-то потрескивания. Но не то чтобы эти люди постоянно имели дело с Серьезным сыном, поэтому, оправившись от мгновенного шока, они тут же исчезали. В конце концов все спешат заняться своими делами.

Да и у Серьезного была своя работа. Внутреннему хаосу было отведено свое место, а работе — свое. Вот только теперь поиски исчезнувшего смеха стали занимать и рабочее время. Это давалось с большим трудом — поди еще поищи там повод для смеха. Попытки развеселить себя он начал со служебной машины, но у водителя отвисла челюсть и так округлились глаза, что смех был погублен в самом зародыше. Водитель, одетый как Майкл Джексон, его «вау, вот дерьмо», повсеместное потребительство, пробивающиеся сквозь смог всхлипы солнца, под которым раскинулся хамоватый город, потерявший свой цвет от пыли, ржавчины и птичьего помета; пошлые торговые центры, все продается и все покупается, даже вода, ее продает девочка, которая стучит в его окно, она занимается этим вместо того, чтобы

ходить в школу, и, одетая в лохмотья, исполняет киношные номера между машинами; образованные девицы переходят улицу, и их мозги еще короче, чем их юбки и платья, а если спросишь что-нибудь у любого встречного-поперечного на любом индийском языке, он ответит на английском, да еще и на ломаном, вывески на хинди — и те с ошибками, а о вывесках на английском вообще лучше промолчать, и к моменту, когда Серьезный сын добирается до офиса, его настроение совершенно испорчено, но лицо по-прежнему хочет смеяться.

Лицо делает попытки при любом удобном случае, а сердце хочет унять раздражение. То, что раньше он говорил с отвращением, теперь силится сказать с улыбкой. Например, если коллеги куда-то делись во время выступления главного гостя, а на коктейльной вечеринке была стопроцентная явка, если секретарь принес пиццу по-гуджаратски, то есть посыпанную сахаром, если известный производитель мороженого с гордостью назвал свою новинку «Джек-Потрошитель», а работник столовой с гордостью назвал своего сына Лалу Гитлер. Они не были такими уж необразованными, но почему-то так получалось. Спросишь: «Ганди?», в ответ — «Санджай».

Скажешь: «Устад Амир Хан», а все подумают об Амире Хане из фильма «Приговор». Эти каждодневные эпизоды уничтожали смех и делали лицо Серьезного сына серьезным, но теперь он пытался смыть с себя серьезность и залепить ее смехом. Однако почему-то никто не мог облегчить его страдания и не принимал оскаленные зубы, распахнутые челюсти и булькающие лопающиеся пузыри за смех. Кто-то убегал, кто-то в ужасе смотрел, а кто-то игнорировал. Губы так и застыли в бесконечных попытках, а в глазах росло отчаяние.

Именно этот сын стал называть маму «ма», ведь если Сиддхартх — это Сид, Пушпеш — Пуш, Шатрунджай — Шат, то почему «ма» превращается в «мам»! Тогда-то она стала догадываться, что ее малыша одолевают тревоги. «Он беспокоится обо мне», — знала она. С детства он не мог терпеть патриархальный уклад их дома. Когда сын собирался выходить в офис, она бежала к нему и в надежде приободрить закидывала в рот свежее ладду из кунжута, амаранта, гороховой муки или бунди со словами:

— Отдохни немного, не кори себя за ошибки других. Я в полном порядке, мое сокровище. Если у тебя все хорошо, то и у меня хорошо. Остальное

не имеет значения.

Перед уходом сын на мгновенье кладет голову на плечо матери, но глаза полны отчаяния, а смех так и не возвращается.

Он стал еще более серьезным, чем раньше, и волновался, как тревожная мать, но его мать, она же Невестка, пока не замечала ничего, кроме этих поверхностных изменений. Она не видела, как ее младший сын в ужасе встает, идет к раковине умыться, смотрит на себя в зеркало, пыхтит, сопит, разбрызгивает пену, хочет рассмеяться — и не может, а когда сталкивается с кем-то лицом к лицу, его плоть и мышцы начинают плясать от икоты, а кости — исполнять киртан.

Но до каких пор глаза матери могут оставаться закрытыми? Однажды она наблюдала, как, вместо того чтобы нахмурить брови и сурово выругать местных мальчишек, поднявших шум во время крикета: «Что за похабщину вы несете? Подцепили несколько слов и думаете, что знаете английский? Сперва выучите свой язык, а потом любой другой, если захотите, — только так вы сможете дышать по-настоящему, а иначе задохнетесь и будете хрипеть от удушья, клоуны! Валите играть в другое место и не шумите», он поднял подкатившийся холщовый мячик, бросил

его обратно и, странно прогоготав «хороший удар!», нелепо скривил лицо. Мать была рядом в этот момент, так как потянула что-то на йоге и вышла из дома вместе с сыном, чтобы сходить на физиотерапию. Мальчишки были увлечены игрой, а вот она вздрогнула и стала с этого момента наблюдать за сыном.

Так история получила продолжение. Мать увидела, что у сына потускнело лицо, он потерял сон, а вместе с ним и аппетит. Хорликс, Борнвита, Чьяванпраш, Рух-Афза, фрукты — все это она носила за ним по пятам в тревоге, что сын худеет день ото дня. Но его смех был пойман кем-то в силки, и поиски утраченного истощали силы. По ночам он вскакивал от бешеных ударов сердца, которое никак не могло уняться, изо рта вырывалось булькающее гоготание, живот сокращался от пульсирующей боли, а пропасть внутри, эхом в которой гудела пустота, разрасталась все больше. Он не мог выдавить из себя даже начального звука желанного «ха-ха-ха», что уж говорить об остальных.

Теперь история застряла ровно на этом месте.

Если история застряла, ясно, что тут есть о чем еще рассказать и куда двигаться. Мы не можем просто отмести ее в сторонку. Придется

остановиться, постоять и пойти с ней в ногу.

Считайте, что история — это живое существо. Существ великое множество, как и их видов. У всех свой рост и размер, образ жизни, крики, разговоры, дыхание, дрожание, рога, немота, срок жизни и смерти — все разное. И в гневе прервать историю на середине, покалечив ее, просто непростительно. Пусть она проживет свою жизнь и умрет своей смертью. История мотылька порхает несколько дней, история мухи жужжит четыре недели, история мыши год истекает слюной над припасами, собака, если протянет двадцать лет, — уже считай длинная насыщенная жизнь, да, если ты попугай, черепаха или слон, то выиграл целый век. А несчастного таракана остается только упрекнуть, что, даже если выстрелишь в него из пушки, все равно остается цел.

Начнешь рассказывать о змее, и вся история извивается — начинает ходить и на голове, и на пальцах ног, а хвост пускается в пляс.

В общем история взлетит, остановится, снова тронется с места, повернет — будет так, как ей захочется. Не зря суфийский мудрец-каландар

Интизар Хусейн[12] говорил, что история — это бродяга.

А бывает, раз — и замолкни. Потому что история вдруг захочет остановиться в каком-то месте и будет там стоять. Став деревом. Ведь оно тоже существо. Вечно сущее. Заставшее богов и дожившее до наших дней. Оно взращивает изгибы и заломы истории в своих стволах, убаюкивает ее в листьях и наполняет воздух ее ароматом.

Истории всех мастей и пород. Запечатленные в бездыханных телах и в граните. И в самадхи, длящемся рождение за рождением. Становятся камнем, жидкостью, паром, заставляя трепетать и обращая тебя в идолопоклонника своим безмолвием. История поднимается невредимой.

У истории про смех будет продолжение. Она остановится там, где должна.

У садовника здесь нет власти. Не получится отмерить тут, подрезать там, придать кустам искусственную форму и, как солдату, отставшему от армии, раздуваясь от ложной гордости, заявить: «Все, мы взяли его в осаду».

Это история-сад, здесь другой жар и зной,

---

[12] Примечания: 12

Один из самых выдающихся пакистанских писателей (1925–2016).

дождь, влюбленный, убийца, звери, птицы, голубь — pigeon, взлеты — fly, look — смотри, а небо — sky.

Болезнь как болезнь. Жизнь сложна. Проблема все там же, но от этого «все там же» она только усугубляется. Бессонница, отсутствие аппетита, лицо, ежесекундно содрогающееся в борьбе за смех — как тут глазам не быть уставшими и не появиться черным кругам? Как избежать запора, сменяющего понос, ведь живот не переваривает ни еду, ни питье? Как суставам не заболеть, а лбу не гореть от жара? Одно шло за другим, за ним — третье, а попытки засмеяться вызывали судороги, от которых развивался недуг. Сын заболел.

В городе всегда есть риск заболеть, заразу можно подцепить от комара, в воде, воздухе, еде, так почему и в смехе не быть микробам? Кто-то думал об этом? Точно не мать этого сына. Но она была жутко встревожена. Несмотря на все возражения сына, врач все-таки пришел. Начали с компрессов на лоб, обезболивающих и мультивитаминов, потом перешли к анализам. Болезней бесконечное множество, а симптомы у всех одни. Грипп, тиф, лихорадка денге, гастроэнтерит, малярия, чикунгунья, инфлюэнца, пневмония.

— К-к-как бы не было чего еще, — стала зады-

хаться она от волнения.

Но анализы ничего не показывали. Назначили антибиотик широкого действия. Не помогло. Уговорили на курс инъекций кортизона. Без толку. Еду мать готовила только сама, но здоровье продолжало ухудшаться. Младший сын взял весь оставшийся отпуск, но болезнь не отступала. Он твердил: «Я в порядке», и нигде не удавалось обнаружить причину недуга.

Что остается матери? Она стала растирать его лоб бальзамом, чтобы лучше спал, и попросила слугу Ратилала, чтобы тот присылал после школы своего племянника Фитру. Он должен был делать массаж ног господину, даже если тот спит — ведь ее сокровищу нужно поправляться. Фитру вставал по ночам и шел проверить господина, и постепенно всякое дело, связанное с заботой о сыне и не требующее ее непременного участия, она стала поручать Фитру.

Однажды в выходной мать увидела, что сам Ратилал сидит у ног сына и делает массаж.

— Понятно… сегодня выходной, и племянник нашел, чем тебя занять? — госпожа озвучила то, что пришло ей в голову. На следующий день она увидела, что Тиллан сидит в ногах у кровати сына и растирает его стопы. В какой-то другой день на

службу заступил Гханти. Тогда госпожа пришла в негодование:

— Что это такое? То одного в дом притащат, то другого. Где Фитру?

Вот тогда и выяснилось, что Фитру отказался.

— Как отказался?

— Говорит, господин не в порядке.

— Именно поэтому его и позвали делать массаж.

— Нет, госпожа, он говорит, лицо вашего сына гримасничает само собой, а живот издает звуки.

После того как все это вырвалось наружу, продолжать стало проще:

— Чимпу, мальчишка, который разносит газеты, тоже боится. Спросите его.

Говорят, когда господин видит Фитру, его лицо начинает перекашиваться, а изо рта вырывается что-то наподобие треска. Фитру не может понять, что он хочет сказать. Один раз сказал, что господин плакал и поэтому не мог говорить. Потом он устал и упал обратно на подушку.

Когда я массировал ноги господина, он не обращал внимания. Его глаза были закрыты, а во рту как будто что-то застряло, и он никак не мог это выплюнуть. Тут как раз к двери подошел Чимпу с газетой. Господин вскочил и скривил гримасу пе-

ред ним. Мама родная! Мальчишка бросил газету и убежал. Чимпу говорит, господин каждый день делает так. Что-то случилось с ним.

Госпожа выругала их, не стесняясь в выражениях, но сердце стало бешено колотиться, и ее бросило в пот. С тех пор она стала следить за сыном еще пристальнее и однажды ночью тоже увидела: он сидел в полутьме, и у него изо рта вырывалось «ха-ха», «хе-хе». Не смех ли это? Как будто кто-то нарисовал смеющийся рот на бумаге, вырезал и приклеил к губам. Глаза, щеки, нос, лоб — ничто не напоминало о смехе. Только изо рта что-то вырывалось, и это никак не сочеталось со всем остальным.

Да и если подумать, почему кто-то станет смеяться один, сидя на кровати?

Как ей подступиться к нему? Когда оба сына были маленькие, она припугивала их: «Не кривляйтесь, ветер подует — так и останетесь». Но теперь, когда они стали выше, чем она?

Увидев это выражение лица однажды, она начала замечать его постоянно. Как будто сын наклеивает пластырь, изображающий смех, — иногда слишком большой, иногда крошечный, но всегда совершенно не сочетающийся с остальными частями лица. Звуки, которые он издавал,

тоже не соответствовали положению рта. Рот как будто округлился, чтобы произнести «о», а получается «ха-ха», губы растянуты для «э», а выходит «хи-хи-хи».

Что-то было не так. Совсем не так. Сердце матери нестерпимо болело за сына. Такой золотой ребенок, отлично учился в школе, получил великолепную работу в юном возрасте, откуда взялось у него это «ха-хе-хи»?

Наконец Рамдеи взяла все в свои руки. Она отвела госпожу и ее сына в даргах[1] факира Бэхке. Там пир[13][14] Набина[15], которому было больше ста лет, совершал подношение цветов на гробницу своего святого учителя. Его кожа была иссиня-черной, а глаза горели шафраном. Он был высокого роста и носил черную накидку, из-под которой виднелись крупные круглые четки из бурого камня. Он совершенно не выглядел слепым, но Рамдеи сказала, его глаза видят не этот мир, но все, что по ту сторону.

Пир Набина взял за руку Серьезного сына и

---

[13] Примечания: 13
Гробница суфийского святого, место паломничества и поклонения.

[14] Примечания: 14
Суфийский наставник.

[15] Примечания: 15
«Набина» в переводе с хинди значит «слепой».

нащупал пульс. Надавил. Устремил взор внутрь себя. От этого его глаза закатились.

— У него на ногах синие отметины.

— Да, — Рамдеи соединила ладони в благодарном жесте.

— Ночью жар поднимается, а к утру спадает.

— Да, мудрейший.

— Кожа бледная, рот открыт.

— Да-да.

— Его лицо сильно трясется.

— Да, — ответила мать.

— Рот и звуки не подчиняются друг другу.

— А?

— Когда челюсти широко распахнуты, получается тоненькое «хи-хи», а когда рот чуть-чуть приоткрыт, получается протяжное «ха-ха».

— Да. Да.

— Изо рта с воздухом выходят пузыри.

— Да, учитель, они поднимаются из живота.

— Из сердца.

— Из с-с-сердца?

Пир Набина отпустил руку Серьезного сына. Зрачки вернулись на место. Он молча сел и начал водить в воздухе своими щипцами[16]. Глаза

---

[16] Примечания: 16

Щипцы используются для того, чтобы ворошить в огне угли и как музыкальный инструмент.

запылали.

— Так чем же, — в один голос испуганно спросили женщины, — он болен?

— Его болезнь в том, что он не может смеяться, — сказал слепой пир Набина.

19

Ветер дует с ревом. И ветер подкрадывается на цыпочках. Все продолжается так, как продолжается. Все меняется и поэтому продолжается.

Смех ушел, остался, вернулся — в бесконечном круговороте всего и вся нам этого не узнать, но точно одно: появилась трость.

Еще мы никогда не узнаем, какова была роль пира Набины, пока в сотый раз не расспросим Серьезного сына и его мать и не научимся читать между строк. Сразу после того, как болезнь была определена по симптомам, младшего сына повысили на работе — его назначили генеральным директором иностранного офиса компании и отправили за границу. За границу — это значит не в Непал и не в Бангладеш, а в Германию, Австралию, Америку. И вот этот сын, который был младше Сида, добрался до Австралии. Кто слал фотографии оттуда? Все тот же несчастный, который привык выдавливать из себя «ха-ха», не

улыбаясь и распахивать челюсти, не смеясь? А рот его до сих пор извергает пузыри, поднимающиеся из живота и мнящие себя чем-то другим? Или нет? Вызывает ли окружающая его действительность все то же отвращение или, оказавшись там, он стал превозносить культуру потребления с ее торговыми центрами, товарами и денежным оборотом?

Как бы то ни было, смех переправился через океан, а оттуда приехала трость. Она привезла с собой Заморского сына, который приехал домой на несколько дней, чтобы разделить радость своей высокой должности со страной матери и отца. Он был увешан подарками. Рубашки, упаковки ваты, пластиковая крышка для унитаза в цветочек, футболки, сковорода с антипригарным покрытием, жвачка, брелок с кенгуру, пресс-папье с коалой, носки, коробочки, флакончики и:

— Ма (она же мам), в любой момент, как захочется, приезжайте! А вот это с ранней распродажи, а это с распродажи по случаю закрытия, а эту трость я купил за полцены, но все равно вышла тысяча рупий.

И ему уже не пришлось расхваливать, какая чудесная трость, никто не видал и не слыхал о такой. Что и говорить!

Старший многозначительно повторил: «Тысяча рупий», Дочь восхищенно сказала: «Какого только цвета нет на ней!» Остальные присутствующие оценили, что ее можно при желании разложить и достать где угодно, а потом сложить, и она поместится даже в кошелек. А Заморский сын сказал:

— Это трость для бабушки.

— Так иди к ней и подари, — ответила его мать.

Трость попала в бабушкину комнату и заняла место у изголовья. Она была легкой, блестящей и тонкой, хочешь — взлетай, хочешь — танцуй, наделай шума, постучи, обопрись, взметни ввысь рой мотыльков. Золотистая. Покрытая бабочками всевозможных цветов. Кроваво-красный, небесно-голубой, охристый, как куркума, темно-серый, как сурьма, светло-зеленый, как побеги риса, бирюзовый, фиолетовый, черный, зеленый, как попугай, белый — порхают крылья всевозможных оттенков. Цветочный узор. И в полоску. Рукоять в виде клюва. В ней и улыбки, и полет, и беседы.

Кто видел такую трость? Не из золота ли она? Под рукоятью сохранилась наклейка с изначальной ценой, и у всякого, кто видел ее, округлялись

глаза. А если качнешь ее, взлетят бабочки. Клац-клац, клац-клац — кувыркается трость, и стоит только захотеть, она уменьшится, как Алиса в Стране чудес. Палочка размером не больше ладони, ее никто не заметит, если прижать снизу к руке. Это бабочки или маленькие феи? Опять встряхнешь их, и, порхая, вылетят наружу, а трость начнет расти. Трость-Алиса.

Младший сын вернулся в Австралию. А трость так и осталась стоять у изголовья кровати в комнате Матери, как неизменный член семьи. Все, кто заходил туда, приветствовали ее, рассматривали, трогали и восхищались. Увеличивали и уменьшали. Подбрасывали в воздух, и она, хлопая в ладоши, выпрямлялась. Подбрасывали снова, и она, как будто закончив выступление и благодаря зрителей, склоняла голову, туловище и остальные части тела, а потом схлопывалась. Все смотрели, не отрывая глаз.

Все, кроме Матери, которая почти слилась со стеной и не обращала никакого внимания на это великолепие красок. У цветов свой театр. Они там обитают, но в непроявленном виде. Лежат, втоптанные в пыль. Когда поднимается едва заметное дыхание, скользит то там, то здесь, шелестит внизу, только тогда цвета приходят в

движение. Моргают, смотрят по сторонам, радостно ликуют, сверкают, кричат от горя, дурачатся, как дети, и влюбляются. Только что лежавшие ниц возвращаются к жизни. Так они становятся цветными. А до этого, хоть и существовали, а цветами не были.

Все открывают окно в комнате Матери, но она не смотрит наружу. Там на ветке застрял воздушный змей. Был ли его шнур покрыт стеклянным порошком и впивался ли оттого в шею прохожих и велосипедистов, натирая ее? Был змей шелковым или бумажным? Сшит на бамбуковых палочках? Оборвался? Хотел приземлиться и застрял на дереве? Как много на нем цветов: оранжевый, фиолетовый, розовый. Даже выцветший, он все еще разноцветный. Эти лоскутки, они порхают или трепещут?

Вот придет Сид, и мы узнаем. Трость взмахнет крыльями, и что-то случится. Бабочки взлетят, и глаза откроются.

20

Пришел Сид. Стремглав ринулся к трости, как будто хотел заставить ее взлететь, и в прыжке приземлился на бабушкину кровать.

— Вау, только глянь, ба! — И, разрезая со сви-

стом воздух, стал подкидывать трость. Клац-клац — открыл-закрыл. Разложил во всю длину и сложил до минимального размера:

— Теперь это флейта, на, поиграй! А теперь открой до конца, дай-ка, моя милая, этим негодникам по ногам разок другой — дыщ-дыщ-хыдыщ. Вот, возьми, разложи — это наш самолет, трость, взмывающая в облака, распусти волосы, ба, глупышка, садись вперед, а я сзади — и в путь покорять мир.

— Эй-эй, поосторожней, — завопил Старший, — она стоит тысячу рупий.

— Кто сказал? — прогремела Невестка. — Почему вы не говорите полную стоимость?

— Я привез ее для бабушки, — напомнил по телефону Заморский сын.

— Это я предложила держать ее у Матери, — сообщила всем Невестка.

— Я сказала: «Ма, ты только поищи цвет, которого на ней нет!» — похвастала Дочь.

— Это я показал, на что она способна, — вставил Старший тоном, подобающим старшим.

В общем, каждый пытался доказать, что первым подал идею — таков уж семейный обычай. Но как же радуга? Ведь именно она подала ту самую идею.

При слове «радуга» пора появиться мне. Потому что это я увидел ее. Если кто-то и заговорил о ней, то это я. Вообще я ничего не говорил. Но я знаю. Потому что я замечаю больше, чем остальные, и осознаю тоже больше. Я молча наблюдаю, кто пришел, что сказал, какое выражение на чьем лице и где появилась радуга. Для этого я должен оказаться в нужном месте в нужный момент и видеть все собственными глазами.

Я появляюсь на радуге. И вот мне представился случай. Я расскажу о радуге все и буду выпрыгивать на этих страницах в свойственной ей манере, чтобы просиять на миг.

Радуга сияла. В стакане пива, который я держал для своего приятеля на вечеринке, куда тоже был приглашен. Вслед за Сидом я пошел в комнату его бабушки, там Сид поднял трость и начал свое представление.

Клац-бац-клац — Сид разложил-сложил трость, и все бабочки разом запорхали вокруг. Везде бабочки, бабочки, бабочки… Вау! Воздух наполнился всеми цветами. Бабушка Сида все время болела, старость — вот как называется эта болезнь. Его дед умер. И что ей остается? Все тот же синдром. Лежит не вставая. Как ни приду — она в кровати.

Но уж больно заразительно смеялся мой взбалмошный друг. Даже мертвый встанет с погребального костра, чтобы посмотреть, кто так смеется. Но я не такой. Я…

Я здесь не для того, чтобы рассказывать про себя. Это не моя история, я не ее персонаж, и во мне нет никакой надобности. Но и одна страница — сцена. Даже если кто-то не имеет к ней отношения, но под незначительным предлогом получает возможность выйти, только посмотрите, с какой радостью он пытается продлить этот миг. Например, в одном эпизоде актер говорит «дождь», тогда кто-то типа меня выходит на сцену, чтобы «пш-ш-ш» — и пролить потоки дождя из водного пистолета. Он появляется только для этого, но теперь, когда он на сцене, уйти оттуда стоит больших усилий. Он тянет свое «пш-ш-ш» настолько долго, насколько это возможно, и, помогая рукой, поднимает ногу вверх, чтобы привлечь внимание зрителей и продлить момент славы.

Как если бы бедного школьного учителя сделали личным секретарем главного министра, потому что он принадлежал к той же касте. Три года над ним ежедневно всходила полная луна. Он самоотверженно опробовал все: ростовщичество, взяточничество, распутство, «Мерседес»,

заграничные поездки и всевозможные махинации. Отремонтировал и украсил дом, выдал дочь замуж, пристроил на работу сына и племянника, а потом, когда закончился срок службы, как корова, покорно вернулся на привязь благородного бедного учительства. Но пока была возможность, он раз за разом возвращался на сцену, чтобы исполнить свою роль.

Я в таком же положении. Не могу упустить случай. И раз за разом буду выходить сыграть свою роль. Если вы пропустили первый кадр, то теперь смотрите в оба!

Самолюбие не позволяет мне врываться насильно. Меня будут выпихивать и не дадут находиться здесь долго. Тогда уж лучше я успею выдать свои несколько строк до того, как меня выставят, и тихо ретируюсь. Мой выход продлится пару мгновений. Достаточно, чтобы сказать:

— Радуга сияла. Я увидел первым. Не могу сказать, видел кто-то еще или нет. Но я видел.

Мы зашли в комнату. В руках у нас были стаканы с пивом. «Как душно», — подумал я. Сид взял трость и подпрыгнул. Но пиво не пролил. Я спросил разрешения и открыл окно. Снаружи на дереве висел порванный воздушный змей. Взметнулись бабочки. Возможно, змей качнулся.

Бабушка Сида повернулась на другой бок. Ей пришлось открыть глаза.

— Ба, а ну вставай, лентяйка! Ты, что собираешься всю зиму проспать? Холода, зима, холода… — Сид приподнял ее подушку, устроился рядом и начал петь о том, как они полетят по небу, усевшись на трость. — Хватит хр-р-р-хр-р-р-хр-р-р, — затянул он, подражая ее храпу. Обняв ее, он принял картинную позу с тростью. Поза есть, должно быть и фото. А кто будет снимать? Ваш покорный слуга. Достал мобильник, а кому отдать стакан? Сиду. Тогда свой стакан Сид вручил бабушке:

— Несносная девчонка пьет пиво. Скорее фоткай!

— Не-е-не-е-е, — заканючила бабушка Сида и как будто улыбнулась, тогда-то и выскочила она — радуга. Я сам видел. То ли цвета взметнулись от воздушного змея, то ли от бабочек, радуга выскочила и, нырнув в бабушкин стакан, поплыла. Потом она сверкнула в бабушкиных глазах. Сверкнула там, сверкнула здесь. А та, что в глазах, сияла ярче всех. Все схвачено на фото: и радуга, и ее отражение. Не верите, приходите и посмотрите сами. Что еще тут скажешь?

Да я и не могу больше ничего сказать, потому

что не могу стать героем этой истории. Но и я был на вечеринке. Это была даже не вечеринка, а торжественный прием, который должен запомниться. Туда пришли все, включая меня, и я был свидетелем появления радуги. Потому и сказал об этом. Но мое время вышло. Я кланяюсь и покидаю эти страницы. Все, что будет сказано дальше, буду говорить уже не я.

21

Дыхание похоже на маленькую букашку. Когда начинает исчезать, то становится крошечным от удушья и, пробираясь между холодными порывами ветра и вдохами-выдохами находящихся вокруг людей, остается невредимым. Букашка проделывает свой путь внутри старой Матери, лежащей без движения, и пытается проникнуть в отверстие, где сможет укрыться от настигающего ее тяжелого дыхания. Отверстия устроены так, что, чем дальше забираешься, тем шире они становятся. Дыхание-букашка, превратившись в долото, пробивает собственное удушье, чтобы потом пронзить тьму, увидеть свет и глотнуть воздух.

Воздух и свет. А если на их пути попадется вода, то между облаками протянется разноцветный

лук.

Лук между облаками? Это еще что? Радуга?

22

Это был не последний ужин, а последний обед. Такой, чтобы запомнили все. В тот день солнце получило специальное приглашение явиться во всем своем великолепии. Стояли последние дни зимы, и Старший должен был скоро выйти на пенсию. Все это придавало еще больше оттенков золотому сиянию солнца. А после лишь оставшимся от него клочьям света будет уготована счастливая доля. Покинув этот дом, они повиснут в низком пыльном небе, а черный воздух, тяжелый как железо, став дребезжащим скутером, будет разбрасывать их по городу среди сбившихся в кучки домов и автомобильных пробок. Увидев эти ошметки, только немногие смогут представить солнце в его полном великолепии, и их сердца наполнятся радостью. Но пока еще есть несколько дней на этой лужайке, среди этих хризантем — пожалуйте к нам, о солнце-махараджа!

Солнце редко пренебрегает приглашениями чиновника, уходящего в отставку. Наверняка знает, что тот из шкуры вон вылезет, чтобы забабахать такую вечеринку, о какой предыдущий

чиновник даже не мечтал. Поплывут такие ароматы, зазвенит такой смех, тела будут блистать такими украшениями… будут сады и клумбы, стол и стулья, слуги, одетые в могольские костюмы. При виде всего этого я засверкаю ярче и ярче, и вряд ли кто-то там, на земле, заметит, как я, подняв своими пальцами лакомый кусочек, растоплю его собственным жаром, втяну с теплым воздухом и тоже отведаю заветных яств. Так, как подобает Его Сиятельству. Мне нет нужды ни кусать, ни жевать.

Кто знает, какая часть мира погрузилась во тьму, чтобы солнце, оставив всю свою работу, пожаловало сюда в сопровождении целого оркестра. Музыкантов столько, что хватит на свадебную процессию. Фейерверки. Каких только чудес не показывает солнце! Спадает по ветвям водопадом, бурлит рекой по стенам, вспыхивает факелами среди листьев, загорается язычком пламени в корзинках с подарками, превращая их в лампады. Мерцает. Закручивает листья нима искрящимися прялками. Небу тоже досталось от его шалости — позолотило кудри облаков и теперь играет с ними, покачивая. Или наряжает облака в юбки, сшитые из желтого сияния, хватает их ладони, быстро-быстро вращает, и облака

разражаются золотистыми переливами смеха. Люди внизу не слышали их только потому, что нежная зеленая трава, по которой они ходили, сама раскачивалась в янтарных волнах, отчего несколько дам на высоких каблуках и господ в брендовых ботинках не устояли на ногах, а другие, хоть и не спотыкались, но пошатывались, одурманенные чем-то другим.

Хризантемы скакали, как футбольные мячи, им не было никакого дела до того, куда они попадут, выживут или умрут, будут ютиться в горшке в какой-то квартире или щеголять во всей красе в саду следующего чиновника. Они кокетливо кивают и склоняются над каждым подносом, проплывающим мимо, как будто и им предназначены свои напитки и закуски по случаю торжества.

Попытки пробудить Мать к жизни продолжаются и в этот день:

— Скажи Маме, солнце вышло!

Этот великолепный прием был увековечен в государственных документах. Ах, какой же восхитительный обед устроил Старший! Здесь были все самые важные персоны. Должностные лица со стажем и только что назначенные, наследники княжеств, такие как наваб Мамдота

Бахадур и махараджа Дрангадхры, фабриканты, такие как Багхелу Рам и владелец автозаправки, кинозвезды, такие как Надия Ашарфи и Панчу Кумар, писатели и журналисты, такие как Туту Голди и Барбара Чхатри, и еще много именитых и знаменитых гостей. Говорят, каждый год находится кто-то новый, кто говорит, что был на той вечеринке, — такая знаменательная она была. Те, кто не смог там присутствовать, испытывают комплекс неполноценности и, чтобы сохранить лицо, вынуждены теперь врать. Правда, были и те, о чьем отсутствии знали все, например старший офицер таможенной службы в отставке, которая в это время уехала на Бали, чтобы оформить в собственность новый дом. У нее есть дома по всему миру: один в Калангуте в Гоа, в деревне Гондаур округа Газипур, в городе Перу, штат Массачусетс, в лесу, где, если услышишь стук в дверь и откроешь, увидишь на пороге медведя, который, соединив ладони и склонив голову, ждет, чтобы его пригласили внутрь и угостили медом; один в Горбьо во Французских Альпах; один где-то на побережье в Дании, еще один в Венгрии; один в Эдмонтоне в Канаде, один на юге у какого-то храма; один в Южной Америке рядом с затерянным, но до сих пор существующим

племенем, и, возможно, еще пара домов где-то в других местах, но приглашение с Бали поступило как раз сейчас, и нужно было ехать, тем более дело международное, и что с того, что работаешь на таможне. Но все остальные присутствовали, и восторг был на пределе, потому что, пока ты у власти, ты популярен и все выстраиваются в очередь на прием, но стоит власть потерять, исчезнет и все остальное.

В тот день все немного пошатывались на лужайке в доме Старшего — такая уж была пьянящая атмосфера. Цветы кокетливо кивали, облака раскачивались, листья трепетали, трава подскакивала, люди спотыкались, солнце подкрашивало воздух.

— Скажи Маме, цветы распустились!

Контроль был окончательно потерян, когда посуда, керамическая и фарфоровая, тоже начала выплясывать. И падать. На слуг посыпались ругательства:

— Вы что там, пиво тайком прихлебываете, пока разносите?

Но там, где трепещут листья, ликуя вскидывается трава, игриво танцует солнечный свет и порывы ветра влетают в дом Старшего и вылетают обратно, как стайка девчонок, упреки

перекатываются туда-сюда и никого не цепляют.

Ах, ох! Как же чудесно! Танцы, песни, беседы.

— Открой окно в комнате Мамы!

А что за ароматы. С одной стороны вдоль лужайки стоят накрытые столы. Китайская еда, индийские закуски, бургеры, паста. Барбекю, грибы, картошка, сладкий перец, сикх-кебаб, лук, решми-кебаб, ананас. Пури и качори с помидорами, зеленым горошком и чечевицей. Плов, палак-панир, баранина, курица, рыба. Джекфрут, алудам, парвал, фаршированный горький огурец. Доса, идли, уттапам из равы, риса и суджи. Прилавок с пиццей и прилавок с пао-бхаджи. Салаты и фрукты отдельно, каких только нет! Разве есть нужда в алкоголе там, где пьянит сама атмосфера? Но на дворе век изобилия, и это дом очень большого чиновника, поэтому и напитков не счесть: охлажденное пиво, джин, спрайт, фруктовый сок, водка, белое вино, розовое, гранатово-красное, ярко-красное, темно-красное, агатово-красное, кола, пепси, ласси, шиканджи, джалджира — все блестит и сверкает.

На сковороде танцуют джалеби, имарати и балушахи. Мороженое, крем-брюле, кулфи, тирамису, гулаб джамун, суфле, кхир из семян эвриалы, кхир из батата, рисовый кхир. Халва из

маша и морковная. Шахи-тукда, пироги, мальпуа, печенье. Папад, пакоры, чатни, соусы, подливы, маринады. Считать — не пересчитать. Есть пришли или в счете упражняться?

Но когда речь заходила о еде, бытовавшей во времена розовых полей, с этим ничего не могло сравниться. Между Старшим и его женой разгорались ужасно забавные битвы, смешившие всех вокруг, только вот смех супругов может превратиться в ярость в любой момент. Старший был с востока, а жена с запада. Он просит бхарбхару, макуни, тиккар, гурамму, она готовит джордои, пхаджиту, матха-гхуинью, и однажды, когда Невестка модернизировала рецепт свекрови и подала молочный коктейль с жареной мукой сатту, раздор достиг своего апофеоза.

— Разверни Маму ногами к солнцу!

К счастью, во время последнего обеда обошлось без перепалок, и Старший, преисполненный гордостью и нежностью, восславил свою малую родину, подняв флаг, на котором красовалось его излюбленное блюдо — бати-чокха. Здесь столпилось больше всего народу, да и как не столпиться этим несчастным горожанам, отрезанным от корней? В стране манго сколько из них видели дерево манго? Что уж и говорить о свисающих

гроздями неспелых зеленых манго? А слово «бати-чокха» они просто не могут произнести.

Позади дома, где лужайка плавно перетекала в овощные грядки, на расчищенном куске земли стоял металлический бак, в котором горел кизяк, а на нем жарились бати. Рядом на подносе лежала приготовленная для них начинка: сатту и особый маринад, характерный для восточного Уттар-Прадеша и Бихара, сделанный из перетертых больших красных перцев чили, смешанных с чесноком и солью. Люди смотрят, как Ядав джи отрывает кусочки теста, начиняет их и раскладывает на угольки жариться. Отрывает кусочки теста и между делом щипцами переворачивает бати. Люди смотрят, как они жарятся, как Ядав раздувает огонь и переворачивает их. Люди смотрят, как происходит чудо. По мере готовности Ядав джи поднимает бати щипцами и отряхивает от приставшего пепла. Рядом стоит плошка с ароматным коровьим гхи, куда он их макает. Солнце смотрит на гхи и узнает себя в его цвете. Ядав джи выкладывает сочащиеся бати на блюдо. Люди встают, восторженно восклицая, как будто услышали любимые стихи в поэтическом собрании. Ядав джи раскладывает пропитанные гхи бати и баклажанное пюре по тарелкам, сделанным из

листьев. Женщины протягивают руки:

— Я съем, даже если стану круглой, как футбольный мяч!

Со всех сторон раздается громкий смех. Ядав джи улыбается и вручает следующую тарелку с горячей бати. Он приехал из далекой деревни, чтобы добавить блеска на празднике старшего сына большого господина. Большой господин устроил его сына работать на железную дорогу, теперь вот и Ядав джи по случаю навещает сына в его служебной квартире.

Все жаждут и стремятся попасть на государственную службу. Посыльный, констебль, наборщик текста на печатной машинке, водитель, садовник да кто угодно — лишь бы в государственной конторе. Тогда можно с облегчением выдохнуть до конца жизни. Тренинги-курсы, институты-университеты и кредиты — все только для того, чтобы прийти к желанной цели.

С Ядавом джи все понятно, но тут была целая вереница благодарных и преданных, чьи родители, или родители их родителей, или их дети, или дети их детей, или они сами обзавелись броней государственной службы благодаря Старшему или его предкам.

Например, Вилас Рам и его жена Рупа. Ему было

десять лет, когда он сбежал из деревни в горах. Раз за разом он тщетно пытался устроиться на работу к Старшему и, наконец сдав экзамен после десятого класса, что было обязательным условием для получения государственной службы, начал свой путь взросления под покровительством Старшего — заходил в дом с покрытой головой в знак уважения и все ныл и ныл, пока после нескольких лет временной работы не получил постоянную должность в департаменте по контролю и аудиту. Однажды он поехал в деревню, женился и вернулся обратно, в следующий раз привез с собой Рупу, а потом привел двоих или троих сыновей, уже не уезжая в деревню, и каждый раз, когда случалась какая-то нужда, они приходили к Старшему — то есть будь то их нужда или его. И конечно, они должны были присутствовать на последнем обеде. Еще был Палту, муж Гонды, которого Старший устроил садовником в гостевой дом при департаменте атомной энергетики. Он приходил два раза в неделю с букетами: гладиолусы, туберозы, розы, душистый горошек, гвоздики — каких только цветов там не было, и расставлял их в доме по вазам там, где пожелает госпожа. А еще Кантхе Рам, который был дядей Виласа Рама — он приехал в город искать сбежавшего сына да так и не

вернулся обратно, потому что тоже увидел здесь свое будущее. Старший, будучи государственным служащим, хоть и оставил деревню, Гангу, розы, опиум и производство духов, был мудрым правителем и прибежищем для всех. У его дома всегда толпится народ, и на лице каждого читается просьба, как будто к нему приклеена записка: этого куда-нибудь пристройте, этому помогите поступить, этого нужно отправить на обследование к врачу, этого продвиньте по службе, что-то застряло дело, а на этого в полицейский участок пришло ложное обвинение, спасите. Сахиб джи, замолвите словечко перед главным инженером… Господин Пендсе — начальник в городском управлении, если вы просто позвоните ему… Главный врач знает вас, там нужны охранники… Рати Лал прибегал дважды. Один раз от напальника полиции, куда его взяли по рекомендации Старшего, мол, устроим в полицию, когда будет возможность, а пока взяли дворником в полицейское общежитие, и этого он никак не мог вытерпеть. Второй раз прибежал, когда сын начальника временно взял его в свое издательство и назначил ответственным за перевозку книг и прочих бумаг. Старший объяснил, что вся провинция подчиняется начальнику полиции и со временем

его обязательно возьмут в штат, но Рати Лал не отступал. Вместе с остальными полицейскими он спал на кровати, укрывшись одеялом, ел роти с маслом, баранину и курятину, но:

— Это же частная контора, устройте меня на государственную должность, и пусть даже зарплата будет меньше. Нужно сделать так и никак иначе — да и для Старшего с его семьей только лучше, он ведь из нашей деревни, мы одной касты, в конце концов.

Когда дочь Рати Лала, держась за мамин палец, по праздникам приходила в дом, то звала Старшего папой, а его жену — мамой, и они не возражали. Куда-нибудь они его обязательно пристроят. А до тех пор ему не грех помочь им по хозяйству. Вот и деду с бабушкой нужен уход. Будет выполнять любую работу по дому, и не только, и все бегом. Иди спроси на электростанции, отнеси покажи в телефонный офис, принеси молоко и яйца, подвяжи лиану, свари вермишель, подбери ключи к замкам, сдай газеты в макулатуру, пожарь кукурузу, как следует заверни и принеси горячей, сними коробки сверху и убери туда обогреватель, немного разомни мне пальцы на ногах, на, намажь мне волосы маслом, сделай фитили для лампад, потри посуду для

пуджи пеплом и принеси — все сделает, а что останется — тоже сделает, и однажды Старший его обязательно осчастливит государственной должностью, ведь он всем покровитель и заступник. Кто и как только не называл его!

Он был и дядя, и брат, и племянник, и сын, и зять:

— Дорогой мой, я твой дядя, отец, младший брат, шурин, и тебе (вам) нужно сделать то-то и то-то, — поступали все новые и новые запросы на родство. Если сейчас начать их перечислять, то конца и края не будет.

Одним словом, там были все, кого когда-то куда-то пристроили, и теперь они приехали отовсюду, чтобы выразить свою любовь, услужить и отвесить нижайший поклон. Департамент атомной энергетики, водоснабжения, аудита, здравоохранения, финансов, торговли, департамент по делам инвалидов, пограничные войска, государственные коллекторы, общественные организации и так далее и тому подобное, а еще их начальники, которые тут извлекали дополнительную выгоду, приказывая своим слугам:

— Мальчик, ну-ка убери это отсюда, — или: — Эй, Гарбар Сингх, принеси пива.

Тут важно понимать, что гостей и слуг, присут-

ствующих на празднике, связывала одна нить, которая резонировала каждый раз от любой насмешки, выговора, напутствия или совета. Сколько гостей, столько и слуг, дом Старшего — дворец процветания. А дверь открыта для всех, заходи-уходи кто хочешь, будь то ветер, ароматы, люди или тарелки; внутри Кали Чаран поджаривает кашмирские специи, Нандан Сингх достает из холодильника лед, дахи-бада и прочие охлажденные закуски, Сушила, невестка Кантхе Рама, протирает только что помытые стаканы из тонкого стекла, а Лилавати, ее свекровь и жена Кантхе Рама, приехала сегодня, несмотря на ноющую боль в ноге, только посмотрите на нее: сидит вытянув ноги и раздает всем указания. Крипа Шанкар достает из шкафа в столовой хрустальные бокалы, а Лалту наполнит их пивом. Что еще рассказать? А если начнешь, где остановиться? Ведь никто не торопится, но ближе к вечеру, когда гости начнут вставать, чтобы разойтись, у дверей им придется задержаться у прилавка с паном, где сладкие листья бетеля, или листья по-бенаресски, или магхаи сначала моют в ведре с минеральной водой, потом сушат, потом… если перечислять все действия, что тогда придется оставить за кадром? Катеху, известь,

гулканд, супари, кардамон, гвоздика, перечная мята, солодка, жидкая табачная смесь и зарда — а это только начало.

Тут есть все, чего только можно пожелать, но, придется повторить, главный приз достался Ядаву джи с его бати. Вокруг него раздаются такие взрывы хохота, что даже благородные дамы, которые обычно не разжимают губ, опасаясь заработать лишние морщины, веселятся так, что их губы расползаются от уха до уха, да так и застывают, а они смеются от всей души — рот широко открыт, и все морщины разглажены.

— Разверни Маму головой к окну!

Столкнувшись с бати, даже иностранцы проиграли все: и свою страну, и культуру.

Иностранцы не упоминались до сих пор намеренно. Они белые. Взгляни только, все вокруг про них, потому что мир давно принадлежит им. Они его строят, они же и ломают, но под «строят» подразумеваются они, а под «ломают» все остальные, потому что они — центр и подлинная история берет свое начало там, а остальные — остальные. Воздушный змей, десятичные дроби, чай, ноль, книгопечатание, порох — все пришло отсюда, но только когда достигло «центра», стало известно миру. Остальным принадлежат все цвета: чер-

ные, коричневые, желтые, но только бесцветный не-цветной стал восприниматься как истинный. Центр и остальные: он подлинный, они унылые, блеклые и никчемные. Центр запоминает, и он же забывает. Те, кто считал Древнюю Грецию истоком своей мысли, предали ее забвению на долгие века, но были и арабы, которые украсили свою сокровищницу знаний памятью о ней, и, если бы не они, случилось ли бы когда-нибудь Возрождение на Западе? Так или иначе, оно случилось в центре, а арабы стали остальными.

Но к чему сеять вражду и неприязнь на последнем обеде? Иностранцы были осчастливлены тем, что на их локонах играло солнце, и тех, кто пришел, принимали с большим радушием, в конце концов, на таких приемах всегда есть чужеземцы.

Посмотри на них, поддайся очарованию, но хотя бы сейчас не дай им сделаться центром. Стоит ли называть их по именам, да и к чему? Пусть гуляют, нежась в солнечных лучах, среди прилавков с напитками, закусками, сладостями и прочими угощениями. Пусть их глаза округлятся как те самые шарики бати, на которые они смотрят, восклицая: «Что за чудо!» — и пусть они ощутят остроту и пряность перца.

Вместе с Дочерью пришел один такой белый, то есть бесцветный не-цветной. По имени Арильд. Но так как отсутствие цвета стало самым желанным, он был в выигрыше. Все принимали его с большой любовью. Солнечная позолота запуталась в его волосах, а не защищенные очками голубые глаза сверкали. Он все приговаривал: «Ах, как красиво! Ах, как чудесно! Ах, как вкусно!» — и некоторые люди, пожимавшие ему руку, удерживали ее чуть дольше и все смеялись и смеялись.

— Познакомь его с Мамой!

— Откуда ты, брат? — спросил кто-то в начале вечеринки. Нет, точнее, вопрос был задан на английском, и это прозвучало примерно так: «Из какой сатаны родом, брат?» «Where do you hell from brother?».

И после того как он сказал: «Вы, наверное, слышали про Исландию?» — все начали расспрашивать, где она находится.

— Это страна эскимосов? Но где она?

— Нет, это не страна эскимосов. Вообще-то эскимосы — это инуиты. Это Гренландия.

— А кто тогда живет в вашей стране?

— Природа.

— А вы?

— А мы бесполезная трава и сорняки, выросшие посреди нее. Жители — это вода, вулканы, камни. Поняли? Камни. Это они у нас живут.

— У нас есть все. — Старший взялся за трудное дело — гостеприимство. — Что ни назови, любая религия, любое животное, любой фрукт, любой овощ, любое природное явление, любое несчастье, будь то Макдональдс, болезнь или обман. Всех видов, сортов и в большом количестве. Даже недостатков у нас в избытке: стихийных бедствий, голода, потопов, нехватка радости и удовольствий.

Сестра тоже засмеялась. И приняла эстафету:

— Назови что угодно из любой части света, у нас это есть. Снег, океан, киви, клубника, голубые глаза, манго…

— Манго? — подхватила жена Старшего. — Манго всему голова. Положи все, что есть в мире, на одну чашу, а на другую только лишь манго, и они сравняются. Оно одно — целое войско. Назови сколько угодно вещей, и каждой будет противостоять какой-то сорт манго.

— О, манго! — все присутствующие иностранцы с почтением склонили головы.

— Так давайте же восславим великолепное манго!

Вокруг стали раздаваться выкрики, как будто гости делали ставки в игорном доме:

— Дашери.

— Чоуса.

— Спроси у Мамы, какие еще сорта есть.

— Тотапари.

— Лангда.

— Ратоул.

— Бадами, Ратнагири, Амрпали, Синдури, Фазли, Нилам, Деши, Кишанбхог и самый светлый из всех — Сафеда…

— Как я, — раздался смех. Наверное, иностранец знает, что в каждой стране люди открыты по-своему: где-то в одежде, а где-то в шутках. И скорее всего, он подумал: «Уж лучше я сам над собой поиронизирую, чем кто-то другой».

— Да, как ты, — усмехнулась Дочь. Здесь не нужно было ни смотреть кому-то в глаза, ни отводить их. Сегодня ее мешковатая свободная одежда была даже уместна. На таких собраниях она была белой вороной, но, с другой стороны, она же путешествовала по миру и появлялась на модных светских раутах. Сегодня на ней было батиковое лунги в коричневых и куркумовых тонах, черно-синяя раджастанская курта, расшитая цветами, и поверх всего этого неаккуратно накинута

полосатая фиолетово-красная дупатта, с одной стороны завязанная на поясе и переброшенная через плечо — с другой. Это не было похоже ни на восточный наряд, ни на пенджабский, это было и не сари, и вообще не что-то узнаваемое. Это не было ни сочетанием цветов, ни намеренной интересной дисгармонией. Но ее спутником был белый друг в дорогих ботинках и в галстуке. Он принимал ее такой, и поэтому весь мир тоже был вынужден одобрить. Они только что вернулись из Бхогаона, где исследовали обучение девочек в нескольких традиционных семьях, и собираются написать об этом. Что именно, никто не понял, но всем стало ясно, что сейчас образование, воспитание и права девочек — тема крайне актуальная.

Все стали расспрашивать про Бхогаон, как про Исландию:

— А где это, за какими морями и какого черта вообще туда ездить, да как, да почему… — И все громко смеялись. — Надо же! Бхогаон… Бхо… гаон… Ха-ха-ха.

— Теперь вот скажите, — кто-то протянул Арильду тарелку с бати, — а у вас там есть Бхогаон? Здесь есть. А бати есть? Здесь — да.

— Нет, — признал свое поражение Арильд и не стал продолжать соревнование. Закатал брюки

до колен и сел на корточки, чем вызвал одобрение окружающих, мол, может сидеть, как мы. Он сел рядом с Ядавом джи и тоже стал делать бати и раздавать их, а звенящий смех долетал аж до улицы:

— К нам готовить пожаловал заморский махараджа!

Но Мать продолжала лежать, ее спине сильно докучала вся эта праздничная возня.

Дверь не танцует. Все проникает сквозь нее: люди, воздух, цвета, смех, солнечный свет, мухи, запахи, мотыльки, пылинки, пары алкоголя, обрывки слов и прочие кусочки-частички. Дверь открыта настежь. Недвижима и спокойна. Вобравшая в себя прохладу столетий. Все видит, все слышит и понимает, где хвост, а где голова, даже если у этих счастливцев нет ни хвоста, ни головы. Те, кто слышит выхваченный на мгновение обрывок, не понимают контекста, а в нынешней атмосфере им это и ни к чему, да и в этом возрасте борьба за смысл приносит только страдание. Но дверь вечна, ее взгляд ничем не ограничен, она различает нездешнее. Всего повидавшая, почтенная, прочная, искушенная.

Внутри играет Рави Шанкар. Чья-то жена нашла его мрачным. И теперь Шамми Капур поет:

«О боже, что мне делать?»[17] В какой-то момент это перешло в суфийское каввали[18]. Но когда Сид со своими друзьями перехватывает инициативу и ставит танцевальную музыку, от которой сотрясается земля, все бросаются в пляс. Началось все с Сал они Сундар Никогда-не-повторяйся, бывшей жены бывшего губернатора, все еще молодой в душе. Она все время носит сари, и вопрос, появлялась ли она хоть раз в одном и том же сари, неизменно вызывает ожесточенные дискуссии. Эти дискуссии идут на специальном кодовом языке, понятном только тем, кто им владеет, а остальные только недоумевают, о чем это они перешептываются и над чем хихикают. Например, когда появляется бригадир Тотарам Джапота или просто кто-то вспоминает о нем, тут же разыгрывается один и тот же диалог. Про то, что он даже спит в отглаженных до хруста брюках и рубашке, на поясе затянут ремень, а на шее — галстук, и многие, кому довелось случайно оказаться в его доме в кромешной ночной темноте, подтверждают это. Разногласия возни-

[17] Примечания: 17

Популярная песня Ai a! ya sukku («Ох, что мне делать?») из фильма Jangli («Дикарь»), 1961 г.

[18] Примечания: 18

Жанр суфийских песнопений.

кают только по поводу того, снимает ли он свои отполированные и зашнурованные ботинки в кровати. Потом кто-то еще добавляет, что он и нижнее белье наглаживает до хруста и не снимает его. И каждый раз кто-то бросает:

— Стоит заметить, у него четверо детей.

И тогда раздаются тонущие в смехе упреки:

— Хватит, замолчите, тут же дети.

И разгуливающие вокруг дети притворяются совершенно наивными, невинными и глухими.

Так этот день сменялся вечером, а вечер перетекал в ночь и даже дальше, ведь «свеча горит всеми цветами, пока не растворится в рассвете»[19]. Вокруг только любовь и доброта. Все обиды и упреки испарились, хозяева, гости, почтенные господа и почитатели — все вместе купаются в лучистых взглядах солнца, и никто не прогоняет никого с криками. Нет никакого противостояния: ни высоких, ни низких, ни твоего, ни моего, мода на обноски тоже мода, Нью-Йорк, Париж в фаворе как всегда, и все восторгаются: «Ах, какой чудесный праздник!». Все возбужденно переговариваются и раз за разом пытаются поднять Маму

[19] Примечания: 19

Последняя строчка из газели индийского поэта Мирзы Галиба (1797–1869) «Ah ko cahie ik umr asar hone tak» («Чтобы вздох долетел до своей цели, нужна целая жизнь»).

с кровати.

— Подними Маму!

— Эй, откуда ты берешь горчичное масло?

— Оно в Маминой комнате. Спроси у нее.

— Добавь мне в джин тростниковый сок!

— Дай Маме тоже.

— Она будет джин?

— Скажет, выпью, только если эта микстура натуральная, — давятся от смеха и хихикают.

— Мама согласится.

— Отдай нам хризантемы, когда уедешь отсюда.

— Он получит австралийский паспорт. Но вряд ли забудет нас. Звонит каждый день.

— Один заботится о своей матери, другой — о своей. (То есть Заморский сын Старшего и сам Старший).

Она тихо похрапывает. По-настоящему или притворяется — теперь никто не может понять. Кто-то пошел в комнату проведать и, застав ее спящей, на цыпочках вернулся обратно.

— Спит.

— Пусть спит.

— Да она все время спит!

— Не хочет ничего делать.

Старший волнуется о чековой книжке. Каждый

раз, когда нужна Мамина подпись, приходится будить ее. Он вынужден просить Сида отнести сразу несколько чеков, чтобы она подписала. «Нужно разумно вложить деньги, иначе они просто сгниют в банке», — но все это абсолютно ее не тревожит. Ее вообще ничего не тревожит. В том-то и беда.

— Бедняжка.

— С тех пор, как Папа…

— Познакомь ее с голубоглазым.

— Нет-нет, оставьте ее.

— Скажи, что Максу здесь, и она встанет.

— Брось, называй кого угодно, она не встанет. Глубоко спит. Послушай, как храпит.

— Как будто свистит.

— Срочное объявление. Перед уходом, пожалуйста, заберите с собой по ростку алоэ.

— Отдай мне хризантемы, это будет лучше для моего здоровья.

— Закапай в ухо виски — вся грязь всплывет. — Кто-то уже напился.

— Маме закапали ушные капли?

— Ты обо всем заботишься. Мужчины считают, что это они. Разве он смог бы так без тебя?

— Я буду танцевать только при условии, что каждая леди станцует со мной по очереди.

— Это все будет продолжаться до утра?

— Скажи, Мадхусудан хочет увидеться, тогда встанет.

— Она не встанет, лежит и лежит.

— Дружище, твои джалеби — полный восторг, но сандалии еще круче.

— Из трав, безвредно.

— Сандалии? Из трав?

— Там живут в домах престарелых. Нас тоже это ждет.

— В баке с водой нашли мертвую обезьяну, с тех пор привозят Bisleri.

— Он пакистанец. И это точно не про травы.

— Ждет и хорошо, наши дети не будут о нас так заботиться.

Даже если кто-то один и захочет, второй будет сопротивляться.

— А ты вот так хорошо ухаживаешь за своей Матерью.

— Квартира на каком этаже?

Танцующие пары смеются.

— На втором? Куда поставите хризантемы? Балкон-то малюсенький.

— Лифта нет.

— Так как тетушка будет ходить? (То есть Мать Старшего.)

— Будет потихоньку подниматься, а вот хризантемы…

— Куда же еще ей пойти? Только с нами, мы в ответе за нее. (То есть за Мать Старшего.)

— Не все же слуги пойдут.

— Сами будем прислуживать, что уж.

— Ладно, другие родственники ведь тоже приходят, хоть какая-то помощь.

— Ага, чтобы подчистить всю еду в доме. Еще и друзей приводят. Когда приходят сюда, они часть семьи, а так — современные и свободные.

— Она и с постели-то не встает, с чего бы ей спускаться по лестнице? (О Матери Старшего.)

— Мой сын подарил ей такую красивую трость, но она отказывается. (Мать Старшего.)

Дверь молчит. Непоколебима, все видит и слышит. А спина развернулась спиной.

Трость лежит. Сид и сегодня показывал, какие трюки она исполняет. Но он не показал, что ее можно поднять и разложить в воздухе прямо, как будто это дерево. Но кто знает, какие идеи когда и откуда могут прийти?

23

Говорят, были времена, когда все было установлено поместим и не было никакого коловращения.

Так говорят, верить или нет — решать тебе и мне. И каждый человек был укоренен в своей роли и точно знал, как с кем себя вести. Например, японец или японка точно знали, под каким углом нужно выполнять поклон и сколько мгновений еще так стоять после того, как некто исчез из виду за поворотом. Старший знал, что, перед тем как сказать, нужно только поднять глаза, чтобы младший ринулся с пылом выполнять приказания. Дерево знало, что, раз упала капля, пора дать вызреть фруктам, а потом сбросить их. И так далее.

Но теперь природа в смятении. Никто не знает, в какой момент появится капля. Не забудет ли она задержаться здесь, если придет? А если придет, моргнет и уснет или потом забудет моргнуть? Этого мы не знаем. Дерево будет стоять обманутое и размышлять, где ему вырастить фрукты, а обманутые птицы замрут в небе, не понимая, растает ли снег здесь или сейчас там уже будет сухо и куда им тогда лететь, так в замешательстве многие из них погибнут — пойдет ни снег, ни дождь, а начнется птицепад. Баклажан забудет о том, что он баклажан, и, если проткнуть его иглой, издаст крик и превратится в тыкву. Ладно баклажан, с него и так

толку мало было, но все фрукты и овощи забудут свой вкус: банан покажется мукой, шпинат — кислотой. Даже горлянка скукожится и будет отдавать чем-то невнятно-ржавым, напоминая мусорную кучу. На что ни глянь, все утратит свои привычные свойства, и в этой неразберихе все окружающие впадут в еще большую растерянность, и будет уже не ясно, кто был раньше, курица или яйцо. А была ли когда-то связь между яйцом и курицей? А между курицей и петухом? И это еще ничего, но когда машина начинает гордиться своей машинной точностью, мол, мне не свойственна человеческая изменчивость — сегодня так, а завтра эдак — что я знаю, я знаю, и я не страдаю тягой к творчеству, заставляющей говорить то одно, то другое, и если даже с ее установками что-то пошло не так, то какую ловушку готовит нам судьба? Мобильный телефон скажет, что абонент вне зоны доступа сети, в следующий миг этот номер не существует, а через секунду ты уже дозвонился! Конечно, при таких обстоятельствах случилось то, что должно было: роли были похищены и растащены, а все отношения, связанные с ними, перепутаны и перевернуты. И как тогда дальше быть человеку, а зверю, а коре, смоле и мелюзге? Все потерялось

среди нынешней демократии.

Думаешь, все на этом? Но кто сказал, что это конец? Лист растет из листа — как банан, а слово — из слова. В сумятице, описанной выше, перепутались все клетки. Каждой из миллиона и миллиарда клеток, образующих вселенную, было определено свое место. От их соединения получается эта форма, это единство, это бытие. Но клетки тоже дрогнули, и все расчеты для баклажана, тыквы, горлянки и яда перепутались. Клетки забыли, что получится, если они соединятся. И вот они пробуют то так, то сяк. Застанешь их в таком положении — одна история, а если оттуда несколько клеток смешаешь с этими — другая. Приделаешь живот к спине — одна история, а если живот к стене — другая, а если отделить спину от всего остального — третья, четвертая и так далее.

Во время торжественного обеда клетки всех собравшихся сконцентрировались в одном месте, и целью этого союза было испытывать радость и удовольствие. И только спина пребывала в своем обычном положении — отвернувшись. Одна, отдельно от других частей тела и отдельно от всей семьи, которая раздавалась день ото дня, как будто ей вкололи вакцину для потолстения.

Одна только мысль, что ей придется пить, есть и веселиться со всеми, возвращала спину в ту жизнь, которой «хватит, нет, ни за что больше». Ворчащей спине, потрепанной жизнью, пришлось сдерживать натиск. Бедлам со всех сторон.

Это не смех, а хохот. Он шлифует спину, получается песок. Она погружается в него, песок расползается. По нему можно ходить. Она может ходить, делает шаг за шагом. Босая, дует ветер. Песок скользит. Она увязает в нем. Хлам навалившихся на нее лет распадается вокруг песком. Пусть поскользнется и оступится, но постепенно она освободится, будет уменьшаться и становиться все легче. Станет такой легкой, что сможет подняться из песка. Как из самадхи. Начнет летать вместе с песчинками. Изо рта у нее вырвутся свистящие звуки, которые будут парить в незнакомом мире, связывая воздух с воздухом.

24

Люди годами не могли наговориться о последнем обеде. Там произошло все, что только могло, и в каждой истории всплывали все новые и новые подробности, поэтому ни одна история не могла дойти до финала. Туда пришли все,

и все принимали участие в шумном веселье. Горы из выброшенных глиняных чашек и листьев-тарелок надменно возвышались, озирая окружающих: «Ну разве найдется кто-то повыше?». Отступив перед таким величием, городские службы несколько дней не осмеливались их убрать. Трава, листья, соломинки шуршали так, будто в них застряли осколки песен и танцев, которые поблескивали до сих пор.

Но после торжества началась другая суета. Праздничный прием похож на свадьбу. А это был прием в честь ухода чиновника в отставку — всем свадьбам свадьба. Можно сказать, что по окончании вечеринки все выглядело так, как после ухода жениха и невесты. Кружатся метлы, шатры и навесы складывают, беседки разбирают, взятые напрокат стулья-укра-шения-коврики закидывают в грузовики, чтобы вернуть обратно. И поднимается новая волна беспокойства, сопровождаемая плачами, венчающими свадьбу. Все ритуалы закончены, и пришло время покинуть дом, где проходило торжество, чтобы отправиться в более скромное жилище.

Так, после прощального обеда дом Старшего начал пустеть, и его заполнили снующие рабочие. Клочьями поднималась пыль — вещи упако-

вывали в коробки, перевязывали и зашивали в мешки.

Старая надежная гвардия — Вилас Рам, Кантхе Рам, Рупа, Сушила, их дети и прочие — собрались сейчас, чтобы приглядеть за пришлыми рабочими: как бы не поцарапали, не ударили, не уронили на полпути. Все были с ног до головы в пыли и опилках под строгим надзором Старшего и его жены.

Это не было вечеринкой, но разносили чай и завтрак, ревел двигатель и гремели колеса, горячие закуски, холодная благодарность — и среди всего этого снова поднимался шум ветра.

Не так просто втиснуть один дом в другой. Что взять, а что оставить? Случилось то, что должно было, ведь, какими бы уникальными мы себя ни считали, мы такие же, как все. Муж и жена перешли на повышенные тона. Был на то повод, не было или было что-то другое, но не осталось ни одного переулка-закоулка, где бы эхом ни отдавался лязг их голосов. Если один велит завернуть картину, фотографию в рамке, кожаное сиденье, которое называется «пуф», или вазу, украшенную резьбой, другая напоминает: «А когда Сид и его брат были маленькими, они все время просили ночью воды, но вы не просыпались». Один гово-

рит, надо бы забрать мусорные ведра, половые коврики и шкаф для обуви, и тут же вскрывается свадебный обман: бриллиантовые украшения, которые Старший вручил с такой помпой, оказались старыми и поношенными: да-да, она показывала ювелиру, тогда-то все и выяснилось — как же стыдно ей было.

— Да выбрось все папки, кому они сейчас нужны!

— Все это я принес в дом — мне и решать.

— Там нет места, а это просто твоя привычка — забить все битком.

— Все мои вещи хранятся здесь в одном крошечном углу, так же будет и там.

— Весь дом забит твоим хламом.

— Это чье? А это? Сушила, вот чьим барахлом забита каждая коробка, каждый шкаф? А это вообще Мамино, на что она даже не смотрит.

— Не приплетай сюда Маму! Она не занимает место, ничем не пользуется.

— Но ее вещи валяются везде. И она туда тоже поедет со всем этим богатством.

— А горшки на голову поставим? Пусть лучше цветы сдохнут, но отдать никак.

Когда вошел Сид, размахивая ракеткой, перепалка была в самом разгаре.

— Что на этот раз? Что случилось? — спросил он Сушилу.

А та, пытаясь сдержать смех, ответила:

— Госпожа говорит, положи кхичди, а господин велит приготовить паратхи.

— Эй, что за вранье! Я сказала, пусть готовит, что готовит, я буду только чай, — разозлилась госпожа, на секунду отложив телефон, и продолжила рассказывать об ужасах происходящего Заморскому сыну.

— Вот черт! — Старший кинулся в другую комнату. — Я же сказал, что разумнее сделать паратхи. Кхичди остынет.

— Столько пыли кругом летает, а паратхи готовятся без крышки. — Госпожа второй раз отодвинула телефон ото рта. — Да и Мама ест что-то легкое.

— Мама встанет от одного только аромата паратхи.

— Да не встанет она.

— Что ты имеешь в виду? — Старший пришел в такую ярость, как будто обнаружил в ее словах скрытый подвох.

— Нет, ты слышал, — продолжала она изливать душу за семь морей, — и вот такие упреки без конца.

— Мам, ну зачем вы портите ему вечеринку? Он там хочет расслабиться, а вы донимаете его здешними проблемами, — перебил ее Сид, пытаясь разрядить атмосферу шуткой. — Только подумайте, он там, может быть, сидит со своей белой девушкой, пьет пиво, а вы заставляете его зубы скрежетать от пыли и кхичди.

— Разве нормальная мать так поступает? Из-за нее у него и не может быть девушки. Она изводит его своими проблемами. Как ни посмотришь, все надиктовывает по телефону свою жалобную книгу.

— Паратхи, — тихо предложила Сушила.

— Ну вот, даже слуги упрямятся и ни во что меня не ставят, — прогремел ее голос здесь и за семь морей одновременно.

— А может, — Сид опять попытался пошутить, — он завел черную девушку. Или китаянку.

— Чушь! Он мне все рассказывает.

— Или парня, — подзадоривал Сид.

Родители застыли в ужасе.

— Статуи почистили? — поспешил сменить тему Старший.

— Осталась только та, что в Маминой комнате.

— Ее комнату будем разбирать в последнюю очередь. Тогда все статуи и будем собирать. Иди,

сделай чай!

«Человек почитает идолов, которых сотворил сам. Но не тех, что создал бог». — Эта мысль зародилась в чьем-то сознании и разлетелась с пылью.

— Господин, чай закончился.

— Что ты бормочешь, Кантхе Рам? Занавески сняты? Посчитай кольца от них и упакуй.

— Так принеси чай из магазина. — Старший бросил раздраженный взгляд в сторону жены.

Она отвернулась, продолжая держать телефон.

Сид достал кошелек.

— Вот поэтому и не уважают. Чай даже не можешь оплатить.

— Все бытовые расходы на мне. И после праздника чаевые раздавала тоже я.

— И свой кошелек небось не забываешь наполнять под шумок.

— У меня есть собственный счет, мне незачем воровать у тебя.

— Ты и одной пейсы не снимешь со своего счета. Тратишь только на себя, остальное придерживаешь.

— Все подарки детям покупаю я, эта футболка на Сиде, чехол на сиденье для Мамы…

— Это из Австралии. Зачем городить вранье

на вранье?

— Посмотри-ка, как он разговаривает! Я имею в виду эту штуку, которая делает выше сиденье унитаза, я привезла ее из больницы.

— Больница принадлежит Падду.

— Вы препираетесь, как школьники.

— Так и что, он вещи просто так раздает?

— Нет, просто так раздаю я.

— Вы, мужчины, думаете, что раз видимые расходы на вас, то вы все делаете. А ведь все непредвиденные траты сваливаются на меня!

— Например.

— Например, твои родственники, которые приходят, когда мы садимся за стол.

— Вот как. А твои не приходят?

— И их друзья, которые меняются каждый день.

— Зарой свою жадность подальше, чтобы хоть как-то спасти репутацию, мадам.

— Мед для Мамы…

— Не впутывай Маму.

— Почему это? Мед покупаю я.

— Потому это, что он с пасеки твоего двоюродного брата.

— И что, Мама…

— Мама, которой мы всем обязаны? — проры-

чал Старший.

— Тебе лучше знать. Это ты, пользуясь ее подписью, пристраиваешь пенсию туда и сюда.

— Ох, вы оба…

— Госпожа, ваш чай.

— Какая мерзость. Неужто Мама захочет, чтобы ее пенсия просто сгорела? Она сама и подписывает все. Ее деньги вложены в хорошие места. Участок в Газиабаде, квартира в Нойде…

— Ах, как замечательно! Она в курсе вообще, куда деваются ее деньги?

— Все это ее, на нее оформлено.

— И она будет пользоваться, конечно! Так давай переедем в ее домик в Сахупури. Все лучше каморки, в которую ты собираешься ее перетащить.

— Если она захочет, переедем. Нет — отдаст внукам. Я тут ни при чем. Я не покупаю сари и украшения ни за счет Мамы, ни за счет своих сыновей.

— Эй-эй, вы оба! — Сид повысил голос.

— В чем дело? Скажи открыто.

— Ничего не говорите. Ничего не делайте, — вмешался из телефона Заморский сын.

— Говорит, ничего не делайте, — сказала госпожа, показывая, что она не одна.

— Легко указывать, сидючи там.

— Приезжайте сюда, — предложил младший сын с той стороны океана.

— Говорит, бросайте все и приезжайте ко мне. — Госпожа бросила победный взгляд.

— Езжай, тогда и посмотрим.

— Угомонитесь! — Голос Сида заставил всех замолчать.

Один из рабочих рассказывал что-то свое. Его слова раздались эхом:

— Рама[20] об-Рам-ляет наши сердца, поэтому его зовут Рама.

Смутившись, он притих.

В общем, муж и жена в преддверии своего скорого выхода на пенсию наделали такого шума, что все остальные звуки стали казаться лишь отголоском тишины.

25

Кто-то, наверное, спросил: «Откуда берутся обычаи?» «От воробья», — выпалили ему в ответ. А оратор произнес целую речь.

Вот ее содержание:

В Средние века была одна страна, и ее леса тоже

---

[20] Примечания: 20

Аватара бога Вишну, легендарный царь, чье жизнеописание изложено в древнеиндийском эпосе «Рамаяна».

были средневековыми. Леса покрывали склоны гор, а цветущие и плодоносящие деревья носили такие имена: дуб, бук, тополь, сосна, каштан, лайм. На деревьях поселились птицы, которые встречали закаты и рассветы вместе с воробьями. Лес оглашало радостное щебетание и милое каждому «Рам силам!».

Одна воробьиная пташка стала особенно всем мила и любима. Солнце так радовалось ей, что порой скидывало вниз гирлянду цветов, на которой качало ее, порой осыпало ее золотистой изморосью, а порой просто сверкало и веселилось вместе с ней. Так оно ей радовалось, так умилялось, что та стала краснокрылой пери. Ведь если обнимаешь с любовью, то твой цвет смешивается с цветом возлюбленной. И вот пташка все порхала и кружила, высокие деревья с материнской нежностью укрывали ее в своей тени, а она смело скакала по ветвям, и тогда по их листьям пробегала красная рябь. Иногда случалась такая погода, при которой красный цвет становился настолько густым, что казалось, это не листья, а красные цветы спадают журчащим водопадом.

И все, сколько хватало глаз, было подернуто красноватой пеленой.

Откуда-то издалека появился всадник. Он

увидел алеющий горизонт. Каждый его мускул задрожал. Волнение передалось лошади, и она понеслась, подстегиваемая желанием ворваться в пылающий закат. Красный лес дурманил обоих и сбивал их дыхание.

Отвага всадника не знала границ — у него были деньги и ружье. Сначала он построил себе дом на холме. Посадил картошку и разжег огонь, где стали печь ее в мундире, и люди стали собираться вокруг языков пламени, петь и танцевать.

Красная пери из красного леса наблюдала за всем этим широко распахнутыми глазами. Тот, кто знал лишь безграничную любовь и видел только добро, станет ли бояться и осторожничать? Вприпрыжку она приблизилась к праздничному кругу. Глаза стали больше, чем ее тельце. Все, что осталось от птахи, — это огромные глаза, полные любопытства, и крылья. Что это за звуки, что за движения? Воркуя от восхищения, она отмахнулась от предостережений старых деревьев и земли, пахнущей дождем. А когда солнце захотело предупредить ее, она горделиво ответила:

— Милый мой, ты раскраснелся от ревности, не иначе!

Всаднику показалось, что прилетела бабочка. Он увидел, как от порхания ее крыльев раскрас-

нелись языки пламени. Увидел, что красноватая пелена, окутывавшая лес, сосредоточилась вокруг нее. Всадник был очень влюбчив по натуре, а она была так хороша. Он влюбился. «Какая очаровательная пташка-пери!» — Он вскочил и начал танцевать. Краснокрылая пери восприняла это как призыв и тоже начала танцевать на его голове, радостно воркуя. Потом на плече, потом на носу, потом на груди. Погонь, желая окропить себя красной краской красной пери, стал неистово извиваться и подпрыгивать, касаясь ее. Праздник был в самом разгаре.

— Она сгорит, — рассмеялся кто-то.

— Так будет вкуснее, — засмеялся другой.

Ружье тоже воспылало любовью. Всадник почувствовал это. Опьяненный весельем, он поднял ружье и приблизил его к пташке, чтобы они могли петь и танцевать вместе. Размером с малиновку, а спеси и кокетства — до небес. От дыхания ружья пери стала еще больше раскачивать бедрами. «Это я заставляю ее так танцевать», — с всевозрастающей гордостью подумал воздыхатель. Они танцевали в таком экстазе, что ружье выпустило пулю, которая еще выше взметнула кружащуюся в небе пери. Весь лес замер.

Кто не знает, что воробьи есть везде и бес-

страшно перемещаются по всему миру? Они вьют гнезда в домах, скачут у наших ног и запрыгивают на плечи. Они болтают сами с собой, глядя в зеркало, и когда беседа переходит в ссору, они бьются головой: «Если я пострадаю, то и ты пострадаешь», а зеркало, пытаясь утихомирить воробья и его отражение, заливается кровью. И все же.

Вот о чем вся эта речь.

В красном лесу средь бела дня или в беспросветной тьме, но обычай изменился — воробей стал синонимом страха. Память растворяется в обычаях. Пикто уже не помнит и не знает, почему, но век за веком сердце охватывает страх. Фирак Горакхпура[1] сказал: «Ятак долго не вспоминал тебя, но и не то чтобы забыл». Такова суть обычая. С тех пор воробьи красного леса при каждом шорохе думали, что приближается охотник, а каждое ружье стремится проявить свою мужскую силу. Они тут же прятали голову в кусты. Прошли столетия, охотники умерли или были убиты, охотиться запретили, ружья превратились в бинокли или камеры, а всадники — в фотоохотников, но воробей навсегда остался комочком страха. Обычай продолжает жить, даже если причина, породившая его, давно исчез-

ла. Великий знаток птиц Салим Али[21] пришел в удивление: «Пет, воробьи не могли побелеть при одном только виде меня и прижаться к соломинке». По то были воробьи, они остаются такими и сейчас, хотя по природе им это не свойственно. От рождения воробьиная птаха была краснокрылой пери, от которой солнце было без ума и благодаря которой лес радостно шумел. Теперь только солнце, да и то после уговоров, упрашиваний и ворчания приходит в лес, и видно, что оно уже не то — постарело, обессилело и светит еле-еле.

— Что ж, выходит, обычай — это не изобретение Всевышнего? — заключил оратор. — Всевышний создал его одним образом, солнце выплавило другим, а мужское геройство истерло в порошок. Это геройство спрятано почти в каждом слое обычая, ну и пусть «спрятано» — менее мужественным оно от этого не становится, — продолжал он. — Веселье омрачилось страхом, танец разладился,[22] радость потускла, и от их слияния родилось следующее поколение, которое,

---

[21] Примечания: 21

Фирак Горакхпури — индийский писатель и критик (1896–1982).

[22] Примечания: 22

Салим Али — индийский орнитолог и натуралист (1896–1987). Первый индиец, который стал заниматься систематическим изучением птиц.

не зная причину этого слияния, уже усвоило их природу.

Природа превратилась в привычку.

Именно привычка — это и есть обычай. Так закончилась речь.

Только в первый раз бывает спонтанное действие. Потом — привычка. Привычка — то есть повторение. Именно повторение — это и есть обычай. Повторение становится пустым и бессмысленным, но продолжается, превратившись в привычку. Услышишь хлопок — и что делать? Сжаться в комок — воробьи красного леса и по сей день соблюдают этот обряд. Это их культура, мораль и учтивость. Их правила поведения.

Веемы и есть воробьи. Взлеты, падения, ссоры, любовь, ритуалы-обряды — все это привычка, все это повторение. Все, что мы делаем и как, можно назвать соблюдением обычая — дружба, свадьба, упреки и колкости, поведение и манера говорить, любовные отношения, то, как мы встаем и садимся, золовка, тетка, невестка, мать, старший сын, его сын…

На этом сегодняшняя программа заканчивается. Встретимся завтра в это же время, и для вас прозвучит следующая речь.

— Эй, оратор, заткнись! Забери у него микро-

фон!

26

Дело в том, что все подробности случившегося не открываются разом. А некоторые так и вовсе никому не известны. Постепенно оформляют передачу дома обратно в собственность государства, а те, кто в нем жил, расселяются и разъезжаются. Кран начинает упорно капать, как будто злорадствуя: «Все равно сантехника не позовете, можно расслабиться». Телевизор и бойлер тарахтят, как если бы уже давно догадались, что их заставят переезжать, и что толку тогда сейчас вкалывать? Погода начинает меняться, но точно такая же была в это время в прошлом году — она просто вышла прогуляться и где-то бродила все эти дни, а сейчас вернулась обратно. Пауки раздраженно бегают кругом, потому что предметы, которые они целую вечность оплетали паутиной, снимают с места и выдирают из-под них, а они, боясь быть раздавленными, отчаянно перебирают всеми лапками и бросаются врассыпную. «Это абсолютно явно свидетельствует о том, — ворчливо переговариваются они друг с другом, — что настали времена, когда даже Ганди ни во что не ставят». Не успевают они закончить эту важную

мысль, как их безжалостно вытряхивают и швыряют в грузовики.

В общем, даже пауки не все понимают.

Или будь, как Сид, которому совершенно неинтересно собирать осколки смыслов и склеивать из них медаль, чтобы потом с гордостью носить ее на груди. Делай, что нужно, не преуменьшай и не преувеличивай. Принимай свои чувства как они есть, но не вываливай на стол ни перед кем. Все видели, как несчастные, рыдая от горя, тайком бросают взгляд в зеркало, чтобы убедиться в том, что выглядят достаточно удрученными, и силятся расслышать, достаточно ли горькими кажутся их рыдания, а их голова начинает трястись, упиваясь страданием, и тогда приходится схватить ее невидимой рукой: не дай бог проявит неподобающие чувства.

Так что же, выходит, настоящая красота не осознает свою красоту? Только начинает разглядывать себя, как чувства утрачивают глубину, а изящный силуэт превращается в выпирающие кости? Не зря поэты и факиры говорили, что красота — это не явленный во плоти идеал, известный по традиционным описаниям красавицы от пальцев ног до макушки, чувство не появляется только лишь от желания испытать

его, а безупречное владение техникой еще не значит искусство. Красота — это искра, пусть формой и нелепа, но не зациклена на себе — как Сид, и даже еще более бесшабашная и наивная. Ну так вот, Сид пришел как он есть, распевая «Бабуля, расслабься». Он наблюдает, как долгие годы жизни распихивают в фургончики и грузовики, достает кошелек, чтобы уладить ссору между родителями, и берет на себя непредвиденные расходы, говорит только по делу, где нужно, добавляя эмоции, а где нужно, убирая, и совершенно не пытается привлечь к себе внимание.

Когда пустеет дом, кто остается радоваться? Только пыль. Забирайся, куда хочешь, сбивайся толстым слоем, где хочешь, — таким толстым, что можно писать, как на дощечке. Направляй свои несметные полчища на лица и морды окружающих. Но и сейчас ей не давали задержаться в комнате Матери — выметали, вытирали и не давали приблизиться к богам.

Кроме Матери и богов, все остальное в эти дни было шатко. Когда и как есть, пить, вставать, сидеть. От регулярного повторения битва за кхичди и паратху вошла в привычку и стремительно превращалась в обычай. В тот день при поддержке Американского центра проходил матч по

крикету. Во-первых, им нужно было заставить американцев играть, а во-вторых, Америка — та самая страна, куда сбежала Лакшми[23], отвергнув все здешние молитвы и пуджу[24]. Поэтому Сид и его друзья были крайне взбудоражены.

— Завтрак, скорее! — Выйдя из ванной, он вихрем понесся на кухню. — И я побежал.

Там Сушила, склонив голову, совершала подношение цветов гибискуса богине Кали[25]. Застыв на пару мгновений, Сид закрутился, как прялка, и направился к открытой двери, чтобы позвать Кантхе Рама. Только он открыл, рот, как из помещения для прислуги раздался голос Кантхе Рама, читающего мантру на санскрите:

— О милостивая Кали, разинув рот, ты несешь смерть своим пламенем, ты — погибель свирепого Махишасуры, защити нас своим трезубцем от всякого страха.

— Проклятье, небось, стоит сейчас на одной ноге, а как закончит пуджу, встанет на голову.

---

[23] Примечания: 23

В индуизме богиня процветания, благополучия и богатства.

[24] Примечания: 24

Обряд поклонения в индуизме, во время которого совершаются подношения божеству, воскуриваются благовония и читаются священные тексты.

[25] Примечания: 25

В индуизме богиня смерти и разрушения.

Лилавати начнет показывать опухшую ногу и жаловаться: «Бхайя джи[26], посмотрите! Так болит, что шага сделать не могу, так и сижу тут, привязанная к кровати». И что тогда?

Тогда:

— Мам! — завопил Сид.

Как раз в это время из ванной появился благоухающий свежестью Старший с полотенцем, обернутым вокруг пояса, и с большим медным сосудом в руках. Он шел к тулси-алтарю[27], расположенному позади кухни, чтобы водой Танги окропить Тулси и Сурью[28]. Он жестом указал старшему сыну на нее. Его жена стояла в углу лужайки под деревом бодхи, склонившись над красно-желтыми нитями, завязанными вокруг ствола. «Мам», — начал было Сид, но со скоростью, присущей спортсменам, проглотил еще не вылетевшее слово, когда увидел, что глаза у нее закрыты и она читает молитву. Она вышла,

---

[26] Примечания: 26

«Бхайя» на хинди значит «брат», обращение к людям, равным по статусу и возрасту или младшим. «Джи» — уважительная частица.

[27] Примечания: 27

Базилик священный считается в индуизме воплощением богини Лакшми. Часто во дворе индийского дома можно увидеть алтарь, в котором растет тулси.

[28] Примечания: 28

В индуизме бог солнца.

закончив утреннюю пуджу в доме. На голове вышитая по краям золотой нитью шелковая шаль, купленная в храме Вайшно Деви, в руке латунный поднос для пуджи, на котором разложены цветы, педа[29], глиняные лампадки, сосуд с водой, ароматические палочки. Сид замер. Потом начал двигаться вместе с матерью. Ей предстояло обойти весь дом и остановиться перед каждым божеством. Мама совершает арати[30]: она поднимает поднос и делает круговые движения, окутывая все ароматом палочек, подходит к каждому богу и кланяется. «Когда обойдет всех, я скажу», — успокаивал себя Сид. Но арати должна совершаться у каждого изображения и у каждой статуи бога, за исключением всего одной статуи. Старший сказал, она стоит миллионы и ее купил бы любой музей, но это память об Отце, о тех днях, когда он был окружным судьей, ее нашли на каких-то раскопках, поэтому продать ее нельзя, но она треснутая, поэтому держать снаружи тоже нельзя, и она хранится в бабушкиной комнате в платяном шкафу, за одеждой. В сущности, это

---

[29] Примечания: 29

Индийская сладость из молока и сахара.

[30] Примечания: 30

Ритуал почитания божества, во время которого используется лампада, часто проводится в конце пуджи.

никак не меняло дело — поднос для пуджи двигается по всему дому и, отражаясь, поблескивает в каждой картинной раме, ведь здесь нет ни одной стены, где бы в том или ином виде не присутствовал бог или богиня.

Нет, ошибка — в ванной их не было.

На стенах, в нишах, на столах мерцал свет от лампадок и клубился дым от ароматических палочек, мать и сын обходят весь дом — мать молится, сын ждет. Вместе и по-новому близки. Вместе двигаются, вместе останавливаются. Один молчит, другая шепчет. Рукой она направляет пламя лампадки в сторону божества, потом обратно — так, чтобы ко времени арати пламя впитало в себя благословение каждого бога, потом поднимает палочку и несколько раз описывает в воздухе круг, чтобы не обделить никого из них, и тогда их благословения достанутся каждому в доме. А богов несчетное множество — Дурга, Канха, Шива, Шивалингам, Шринатхджи, Кали, Нанди, Саи Баба из Ширди, Нарасимха, Сарасвати, Радха, Кришна, Рама, Сита, Саи Баба из Путтапарти, Хануман, Лакшми, Парвати, Вайшно Деви, Сантоши Мата. Боги на стенах, боги в каждом уголке, боги за каждой дверью и даже боги, укрывшиеся рядом с цветочными горшками — разве есть место,

где не было бы бога, — он вездесущий. Потом арати у портретов: дедушка по отцу и дедушка по матери, прадедушка и прабабушка по отцу, ведь боги вселяются в наших предков.

Сид — воплощенное терпение.

Но когда они подошли к стеклянному шкафчику в комнате с телевизором, он сдался. Там стояла коллекция Ганешей[31], собранная его отцом и матерью. Стеклянные Ганеши, металлические и деревянные. Один из искусственной кожи, его они нашли на субботнем базаре. Другой вырезан на орешке бетеля. В общем, начиная с авторского Ганеши из дерева и камня с еле заметно очерченным животом и хоботом и заканчивая современным Ганешей в солнечных очках, который отдыхает в шезлонге и читает книгу в позе лотоса, согнувшись так, что его грудь лежит на животе; а еще пятиглавый, как Равана[32], но не Равана; исполняющий тандава-нритья[33] или поглощенный другим танцем; и с раскрытым

[31] Примечания: 31

В индуизме бог мудрости и благополучия, помогает устранять препятствия. Изображается с головой слона.

[32] Примечания: 32

Демон, повелитель острова Ланка, похитивший Ситу, жену Рамы.

[33] Примечания: 33

Здесь воинственный танец, исполняемый Ганешей.

зонтом; и произносящий речь в микрофон, кажется, в рубашке и брюках. С каждым днем он представал все в новых и новых обличиях. Никто не удивится, если пока мы перечисляли все это, а мать Сида совершала пуджу, сзади протянулась рука Старшего или еще кого-то и усадила еще одного Ганешу среди его прочих воплощений. Тогда поднос в ее руках развернется, и он тоже будет освещен пламенем лампадки и окутан ароматным дымом.

Каким бы долгим ни казался обход всего дома, здесь предстояло провести гораздо больше времени. «О боже!» — в отчаянии простонал Сид и отправился к холодильнику посмотреть, не осталось ли там чего. Но то были суровые дни.

Он бросился к гаражу и хотел попросить Рупу, жену Виласа Рама, или самого Виласа, чтобы они у себя на скорую руку поджарили омлет или паратху, потому что ему надо бежать. Не успел он достигнуть цели, как они оба показались, звеня колокольчиком, в сопровождении других молящихся:

— Ом джай Джагдиш Харе Свами джай Джагдиш Харе, вмиг избавь от трудностей преданных тебе!

— Мои трудности точно не собираются закан-

чиваться. Прямое доказательство того, что я не преданный, — должно быть, съязвил про себя Сид. — Пришло время совершить пуджу желудка, а не пуджу богов. Надо найти такое место, куда не проникнет звон и запах этого ритуального шествия, положить голову на колени любимой бабушки и поскорее отправиться на игру.

Он схватил яблоко и вошел, готовясь запеть «Бабуля, расслабься, давай станцуем буги-вуги» и уже совершенно не рассчитывая на омлет, но застыл в недоумении:

— Неужто и сюда проникла вся эта божественная братия?

Бабушка, непонятно в какой момент, подняла трость и теперь лежала на спине, вытянув ее под углом в девяносто градусов. Глаза закрыты, застыла, как статуя, — как будто явилась из других миров.

Трость направлена ровно вверх, но прежде чем Сид засмеялся или отвесил какую-нибудь шутку, с той стороны раздался голос:

— Я калпатару, дерево желаний.

Было ли это спровоцировано другими божествами, живущими в доме, или еще чем-то — никто не знает, потому как есть многое, чего не знает никто.

27

Озабоченность собралась складками на лбу Лилавати, когда она услышала эту новость. Та самая Лилавати, которая была женой Кантхе Рама, свекровью Сушилы и матерью Красавчика, чье настоящее имя было Чампак и которому Старший помог научиться водить машину и получить государственную службу, но его выгнали из гостевого дома для чиновников, потому что он пьяным сел за руль машины члена Государственного Законодательного собрания Бабу Миджаджи Лала джи, хотя и пытался заглушить запах спиртного ароматным супари-паном, но без конца открывал переднюю дверь и сплевывал красный табачный сок, к которому примешивался запах дешевого местного самогона, его-то и учуяла дочь Бабу Миджаджи Лала джи, сидевшая как раз позади водительского кресла, и, когда открывалась передняя дверь, алкогольные пары устремлялись в ее сторону, возможно, на нее даже попало несколько капель, которые, к счастью или к несчастью, она не могла увидеть в темноте, но счастливее всех был сам Бабу Миджаджи Лал джи, который когда-то управлял двуколкой и был просто Миджаджи, а получив членство в

Законодательном собрании, стал одновременно и Бабу, и джи, теперь он спал и бодрствовал в выбеленной до хруста домотканой одежде, которую могла запятнать одна лишь мысль о красной от пана слюне, а так как он был чиновником, то даже крохотная капля могла порядком подмочить его репутацию, но занавес тьмы не способен остановить запахи, и нос дочери потопил лодку Чампака, ее жалоба была услышана, и водителя уволили, тогда-то Старший и прозвал его Красавчиком, а когда Кантхе Рам или Лилавати начинают упрашивать: «Бхайя джи, уж пристройте куда-нибудь», Старший вынужден им напоминать, что уже пристроил и тем самым уберег несмышленыша от тюрьмы, иначе он так бы и не оставил дурных привычек, а где теперь я могу за него поручиться, но все же поручился, пытаясь снова пристроить, и в итоге тот получил шанс наняться в рабочие к строительному подрядчику в другой город, а Старший его заверил, мол, если освоишь профессию, то сам станешь подрядчиком и тогда будешь зарабатывать столько, что представить даже не можешь, но после того, как я уйду на пенсию, тебе придется бесплатно построить мне дом, а еще дом Сиду, и все засмеялись, а вот Фусса, к примеру, был всего

лишь слесарем в какой-то организации и делал там что-то такое с ванными — положить плитку, поменять кран или душ, стал большим спецом, сначала занимался унитазами и раковинами, а потом перешел на окна, полы, стены, итальянскую мозаику, двойное остекление, раздвижные двери, душевые кабины, а потом начал делать всякие модульные кухни, потом стал получать контракты на дом целиком, и погляди-ка, как вальяжно слезает со скутера и раздает указания толпе рабочих, которые покуривают биди у ворот и ждут, что сегодня им перепадет работенка: ну-ка дайте боссу Фуссе пройти, и видишь, несмотря на такое имя — Ф-с-с-с и сдулся — он стал боссом, и ты станешь Красавчиком боссом, но и там Красавчик кое-как протянул три месяца, потом стал водителем грузовика, потом таксистом, потом долгое время от него не было вестей, а потом каким-то ветром занесло обратно в родительский дом с отбитой почкой, Старший костерил его последними словами, но оплатил лечение и лекарства, а глубокой ночью Кантхе Рам и Лилавати, взяв предварительно отпуск, увезли его в деревню, вернулись они спустя довольно долгое время, и Красавчик уже был в сопровождении своей молодой жены Сушилы, казалось, парень

остепенился, но поговаривали, что нет-нет да и вспомнит старое, по крайней мере, на ум приходит та ночь, когда Сушила отказалась открывать дверь, а он стал фальшиво орать: «Я увидел твои захмелевшие глаза, и сердце мое сразу стало пьяницей», тогда Сушила с грохотом распахнула дверь и отвесила ему такую пощечину, что она еще долго отдавалась эхом в ночи, пение умолкло, как и храп Старшего, который до сих пор напрасно сотрясал воздух, пытаясь вразумить: «Будь потише, кругом живут большие чиновники», теперь в домах этих чиновников Красавчик вешает шторы — и те, что крепятся на кольца, и модные, и роскошные, и жалюзи, у него есть сын и дочь: Принц и Куколка, которые, придя из школы или наигравшись, стучат в кухонное окно, когда им вздумается, и просят: «Эй, мам, дай воды со льдом», или что-нибудь поесть, иногда им разрешают войти в дом со словами: «Ладно, помогите маме, уберите посуду и вытрите» или: «Принесите с грядки кинзы, только не выдирайте ее целиком», а когда войти не разрешают, то они, пряча глаза, все равно проскальзывают, и если кто-то их заметит, то спешат скрыться, на что жена Старшего взрывается: «А ну, развернитесь и поздоровайтесь как следует! А что это у вас во

рту? Почему берете тайком? Не можете попросить, если что-то нужно?» На это они, конечно, отвечают госпоже: «Нет, мэм, ничего нет во рту, мэм», на ходу пытаясь проглотить все разом и одновременно говорить, закашливаются, а госпожа продолжает: «Матери следовало бы обратить внимание на привычки своих детей, иначе дело плохо кончится», — и еще долго по дому разносится ее брюзжание, но в этот день ничего такого не произошло, только бабушка Принца, которая была старая, но не такая старая, как та бабушка, которая все время лежала на кровати в своей комнате, наморщила лоб и серьезным голосом сказала: «Та бабушка — дерево желаний», услышав это, ее внук Принц под предлогом сказать кое-что Сушиле, зашел в дом и, не глядя по сторонам, с мыслью, раз он никого не видел, то и его никто не видел, — так или иначе, никто ему не помешал — он бесстрашно вошел в комнату старой Матери и тихонько прокрался к изголовью, чтобы еще раз услышать то, что она сказала утром, когда лежала, подняв свою трость.

Она молчала.

— Что это, Мата джи?[34] — Принц попытался

---

[34] Примечания: 34

«Мата» на хинди значит «мать».

разговорить ее и украдкой оглянулся вокруг.

Но некому было застать его врасплох: Старший отправился в офис, чтобы разобраться с оставшимися делами, госпожа уехала проследить, как идет обустройство нового дома, Сид был на матче по крикету, а Принц был теперь падишахом.

— А что ты слышишь, когда спишь?

Может, вопрос, заданный ребенком, способен привести в чувства любое существо? В кровати началось какое-то шевеление, и трость, прошедшая путь от «невстану» до «новаястану», которая малость сникла во сне, встрепенулась и вытянулась наизготовку или, скажем, была поднята под прямым углом, хотя и встала по собственному желанию, и она слегка встряхнула старую Мать, тогда та сжала одну руку в кулак, другую положила на грудь, проснулась и сказала:

— Я калпатару, дерево желаний.

Мальчишка от радости засмеялся и побежал делиться новостью со всеми слугами в округе, и их смех взрывался хлопушками то там, то здесь.

28

Если час настал, то кто угодно может стать кем угодно или чем угодно. А если оказался в правильном месте, то еще лучше. Можно бесконечно

обсуждать провал Мухаммада ибн Туглака[35] и успех Ганди — одному суждено было оказаться в нужное время в нужном месте, а другому — нет. То же самое можно сказать о писателях Г. В. Десани и Салмане Рушди. Или об актерах Дилипе Кумаре и Амитабхе Баччане. Бесспорно лишь одно: если бы в этой истории женщина подняла свою новую трость под прямым углом, придумав этот новый способ использования, в какой-то другой момент, то, вероятно, ничего бы не произошло, и все, что последовало потом, тоже не случилось бы. Вот если бы Старший или его жена были дома, когда Мать превратилась в дерево желаний, то они ни за что бы не позволили плодоносить этому бредовому порождению: «Трость — это всего лишь трость, старая она или новая. Ну-ка все по домам! И нам пора». С другой стороны, если бы они были дома, значит, и другие чиновники, живущие по соседству, тоже были бы дома, тогда все слуги были бы заняты работой по хозяйству под пристальным взглядом господ, а не судачили бы где-то у ворот, за углом или еще в каком-нибудь укромном местечке и не

[35] Примечания: 35

Мухаммад ибн Ту гл ак (ок. 1290–1351) был султаном Дели с 1325 г., отличался жестокостью, провел ряд неудачных реформ, пытался перенести столицу из Дели в Даулатабад.

прохлаждались бы, развалившись по-хозяйски и попивая чай (бывало, некоторые даже баловались кофе), и не болтали бы беззаботно.

И когда Принц вихрем носился по округе с таким треском и грохотом, что казалось, вдруг наступил Дивали[36] и кругом взрывают хлопушки, то другие дети вместе с их родителями как раз все услышали — нужное время и нужное место совпали. Начался переполох, и вся толпа, нахмурив в недоумении брови, пришла к Лилавати выяснять, что это за история с деревом желаний.

— Вы что, не слышали про дерево желаний?

— Это еще что?

— Дерево желаний.

Принц прямо там улегся на спину и, направив вверх палку, закричал:

— А вот что!

Вокруг посыпались искры смеха, и волна веселья уже почти накрыла всю толпу, как вдруг лицо Лилавати покраснело от гнева:

— Это не повод для смеха, — взвилась она. — Речь идет о добродетели и набожности, вот

---

[36] Примечания: 36

Один из главных индусских праздников, который отмечают и другие индийские конфессии, приписывая ему разные значения. В самом общем смысле это праздник света и победы добра над злом. Повсюду зажигаются лампады, гирлянды и взрываются фейерверки.

послушайте!

Она отряхнула муку с обеих рук на поднос, накрыла замешенное тесто миской, вымыла руки, вытерла их о край сари, примостила круглый плетеный табурет между цветочными горшками и оставшимися здесь личными машинами — чиновники уехали в свои офисы на служебных, — уселась и со всей серьезностью принялась за рассказ:

— В Чамоли, откуда я родом, есть дерево желаний, оно растет в городке Джошиматх. Оно всегда стоит зеленое, ни один листок на нем не сохнет и не опадает. Люди со всего света съезжаются, чтобы поклониться ему. Великие святые совершали аскезу и просили искупления грехов под его сенью. Риши Дурваса[37] погрузился в медитацию под деревом желаний.

— Так Мата джи — это риши Дурваса? — Принц перестал смеяться.

Проходившие мимо или проезжающие на велосипедах тоже остановились и стали слушать с серьезным видом.

— Как не злиться, когда все вокруг ноют да кудахчут? Она на них всю свою жизнь растрати-

---

[37] Примечания: 37

Ведийский мудрец-отшельник, известный своей гневливостью и силой проклятия.

ла — только представьте, сколько ей лет! А они только и знают, что ныть да кудахтать.

— Ой-ой, а что же будет делать Мата джи, если ее разозлить? — начали спрашивать дети со всех сторон.

— Смотрите, — стал увещевать один из взрослых, — нельзя желать ничего плохого, потому что она даст каждому то, что он хочет.

И он рассказал историю одного человека, который устал и случайно уснул под деревом желаний. Когда он проснулся, его ужасно одолевали голод и жажда. Конечно, он захотел пить и есть. А тут глядь — и перед ним уже накрыт стол. «Это еще что?» — удивился он и обрадовался. Потом наелся досыта и напился. Когда он опять почувствовал усталость, ему захотелось, чтобы у него была кровать: «Эх, вот если бы сейчас тут стояла хотя бы старая кровать с рваной сеткой, как славно бы я растянулся на ней!» Тут же рядом откуда ни возьмись свалилась старая кровать. Человек улегся на нее, но в душу его закралось сомнение. «Что происходит? — Он испуганно посмотрел вверх на дерево, раскинувшееся над ним. — Уж не притаился ли там ракшас?[1] Откормит меня, а потом как выскочит, запихает меня в рот целиком да и сожрет!» Так и случилось

— с ветки спрыгнул демон и тут же с жадностью проглотил его.

Какая-то девочка заплакала:

— Там внутри ракшас, он меня слопает. Хрум-хрум.

— Нет, дочка, нет, ничего такого не произойдет, — начали шептать со всех сторон.

Пока девочку успокаивали, вспомнили еще сотню историй про это чудесное дерево. В частности, все узнали, что оно появилось во время пахтанья океана[38][39].

— Дети, корни этого дерева на небе — посмотрите вверх, теперь — вниз, а теперь всмотритесь внутрь дома — ветки его пронизывают всю вселенную, и желания тех, кто стоит под ним, будут исполнены. Так вот послушайте, Мата джи стала деревом желаний. В ней великая сила. Прикоснитесь к ее стопам.

Люди, сложив руки в почтительном жесте,

---

[38] Примечания: 38

Демонические существа.

[39] Примечания: 39

Один из главных индийских космогонических мифов. Боги и демоны вместе начинают пахтать Молочный океан, используя в качестве мутовки гору Мандара, а в качестве веревки — змея Васуки. В результате из океана появляются всевозможные чудесные предметы и существа, в том числе напиток бессмертия, который послужит причиной раздора между богами и демонами.

выстроились в длинную очередь и друг за другом стали заходить внутрь, чтобы припасть к ее стопам. Она лежала, подняв трость, которая теперь, подобно ветви, склонялась под сорок пять градусов.

— Мата джи, сделай так, чтобы она вышла замуж, цвет кожи темноват, но в работе по дому ей нет равных, и если семья мужа будет согласна, то сможет ходить к богатым дамам, красить их волосы хной, делать массаж лица, удалять волосы с ног и все такое прочее. Разве кому-то повредит, если чуток подзаработает?

— Мата джи, пожалуйста, благослови его! Он медленно печатает на компьютере, поэтому его не взяли на работу, теперь он купил курс за девять тысяч. С вашим благословением все получится, его руки станут быстрее!

— Брат отца прибрал магазин к рукам. Вышвырни его!

— Пусть в нашей деревне будет электричество!

— Пусть у Дханно будет сын!

— Сделай так, чтобы я прыгнул в Ямуну с того нового моста, и пусть я сразу научусь плавать, Ма джи, как собака, которую бросают в воду, и переплыву с одного берега на другой, и все будут смотреть на меня, разинув рты от удивления, ну,

всего разочек!

— Установи, пожалуйста, трубчатый колодец у Лалту!

— Мата джи, будет ли у нас настенный телевизор до того, как умрем?

— Сделай так, чтобы он щебетал на английском, как соловей, мы отправили его учиться, пусть удача улыбнется ему.

— Пусть ваши молитвы будут услышаны, а я всегда смогу вам прислуживать.

— Великая бабушка, дядя Сирри, нет, дядя Аччхе, нет, точно Сирри привез мне из деревни такого красивого попугая. Я сделал, как сказал Прамод, — посадил его на плечо и вышел на крышу. Попугай и улетел, великая бабушка! Нигде не могу найти. Я облазил крыши всех соседних домов. Как мне его найти? Улетел высоко-высоко, прямо у меня на глазах. Так высоко, как самолет. А может, позовете его разок? Его зовут Рам Лал.

— Да пребудет радость и покой с тобой, Ма джи! Даруй свое благословение!

— Ма джи, пусть сезон дождей придет вовремя в деревню. А то в прошлом году смыло весь урожай до того, как успели собрать. И дом разрушило потопом. До сих пор выплачиваем проценты.

— Точно! Я никогда не видел снега, только

по телевизору. Сделай так, чтобы однажды я проснулся, выглянул в окно и увидел, как падает снег!

— Просто благословите меня и пожелайте долгой счастливой жизни, других желаний у меня нет.

— Ма джи, я сейчас шепотом расскажу вам на ухо то, что никто не должен знать, но я очень переживаю, Ма джи. Мой муж, Ма джи, так вот, а я его жена, ему совсем не нравится эта бородавка у меня над губой, и мне тоже не нравится, мы женились по любви, и он говорит, давай я полижу ее, она размякнет и исчезнет, а иногда даже слегка прикусывает ее, но мне это не нравится, и вот, Ма джи, убери эту бородавку, прошу, сделаешь большую милость, и мы будем жить в любви и согласии, спасибо!

— Избавь нас от жадности! Даруй благополучие и процветание!

— Муджтаба зовет меня в Шарджу, а я хочу в Америку.

— Пусть в моем сердце всегда живет страх Всевышнего, пусть я не пожелаю больше, чем у меня есть, пусть буду жить в радости, пусть ваша рука всегда покоится на моей голове, и больше мне ничего не надо, Мата джи.

Царила совершенно благостная атмосфера, все было так искренне и правдиво, когда Принц, захваченный потоком всеобщих просьб и молитв, сказал:

— Бабушка, а конфетку…

И ровно в это мгновение его взгляд упал на серебряную пиалку, где вместе с пуговицами, бинди и булавками лежало три конфеты. Его просьба была услышана.

— Бабушка? — Теперь он повернулся к Лилавати.

Тогда Куколка попросила маникюрный набор, который лежал под медным гравированным блюдцем из Мурадаба-да, когда-то папа принес его, чтобы покрыть лаком, а она пришла вернуть его и положила обратно в тот же ящик туалетного столика, и в нем есть кусачки всех размеров, а еще плоская шершавая палочка, которая обтачивает ногти и делает их круглыми. Трость качнулась как бы в знак согласия. Куколка протянула руку, достала набор, показала с благодарностью дереву желаний и, приложив его ко лбу, почтительно поклонилась.

К вечеру всякая одежда, старые шали, свитеры, сари, блузки, нижние юбки и много еще чего, в том числе слегка подранный, но очень теплый

спальный мешок, набитый гусиным пухом, и две сковородки: глубокая и плоская, которые были отвергнуты из-за антипригарного покрытия и засунуты на верхнюю полку в Маминой комнате, и другие вещи, на которых было ее имя, а оно, по правде сказать, читалось на каждом человеке и на каждой пяди этого дома, что-то хранилось со времен ее молодости, как держатель для икебаны со специальными шипами, к которым крепятся цветы, листья и веточки, а что-то привозили ей в подарок, как полукруглую надувную подушку для шеи, которую берут в самолет, или два толстенных альбома для фотографий, которые уже никто не использует по назначению, но кто же выбрасывает новые вещи только потому, что они устарели… и все вещи, распиханные по разным углам Маминой комнаты, были отправлены туда ждать своего часа, который обязательно придет, но не сейчас. Трость дала свое согласие, и люди с благодарностью уносили все то, что успели нажелать.

Небо уже потемнело, когда домой пришла Дочь. Лилавати со всем почтением начала ей рассказывать:

— Дочка, дерево желаний даже дочь подарило… кому? Самой богине Парвати, которая благодаря

этой милости избавилась от одиночества и стала счастливой.

Сложно сказать, что из этого поняла Дочь и не сочла ли все это пустой болтовней, но она прямиком устремилась в комнату Матери, посмотрела на шкаф, и ее как будто осенило: «Моя статуя», — пробормотала она, открыла дверцы и наклонилась.

Любой устанет целый день выслушивать чьи-то молитвы и просьбы, и ветвь дерева желаний, она же трость, упала на пол. С грохотом.

Кантхе Рам тут же закричал:

— Нет, нет, госпожа! — пытаясь помешать ей забрать статую. Как будто грохотом дерево желаний хотело сказать именно это.

— Нет, нет! — Ровно в этот миг появился Старший. Он все слышал. И видел сестру, стоящую лицом к лицу со статуей.

Та самая треснутая статуя, за которую можно выручить миллионы, если продать какому-нибудь музею.

— Разобьется, — сказал он резко, глядя куда-то сквозь нее.

Если брат и сестра давно отвыкли смотреть друг другу в глаза, даже разговаривая, то вряд ли кто-то поймет наверняка о чем шла речь: о ста-

туе, трости или о чем-то еще.

Там, где весь дом погряз в сумбуре переезда, любая попытка понять друг друга и без того хромала и была туговата на ухо.

29

В детстве, когда брат и сестра доставали что-то из шкафа, на них всегда смотрел Будда-скелет — та самая статуя. И они пугались, видя его лицо, больше походившее на череп, и глаза, глубоко запавшие в темные дыры. Но со временем они привыкли к нему, как если бы он был кем-то своим. Их родной святой старик в шкафу, чья борода и волоски на теле — им нравилось так думать — росли, пока он все старел и старел. Постепенно им стало казаться, что запавшие глаза просто закрыты в медитации, а если он внезапно их откроет, оттуда вырвется пламя. И это длинное ухо, как у Ганди, все время хотелось легонько поглаживать, что они и делали. Но больше всего их завораживало истощенное тело Будды, которое за долгие годы медитации превратилось в хрупкую сеть ребер, нервов и кровеносных сосудов, которая, словно прозрачным покрывалом, была обтянута истончившейся кожей. Как будто все, что было в нем грубого, земного, испарилось и

осталось только красивое, спокойное, безмятежное, чистое. С каждым днем статуя становилась все более хрупкой и нежной. Мама звала ее «мое каменное сердце», дети — «голодающий Будда», а их Отец — «ее каменное сердце», и он с теплотой смотрел на Маму, а она брала его за руку, и дети прыскали со смеха, видя это проявление чувств. Старая статуя медитирующего Будды была треснута. У нее не было кусочка плеча и осталось всего одно длинное, как и подобает Будде, ухо. Второе было отколото и где-то пропало. В песке.

Дети не знали историю бодхисатвы, они не знали, что Будда Гаутама погрузился в медитацию на песчаном берегу реки, оставив все желания и стремления, чтобы освободиться от повергающего в страдания круговорота рождений и смертей. В день он съедал одно кунжутное и одно рисовое зернышко, это поддерживало в нем жизнь, все. Его заметало песком, и он все больше погружался в самадхи. От него остался один скелет, каркас из ребер. Однажды он пошел искупаться в реке, и самадхи в песке превратилось в самадхи в воде. В этом состоянии его увидела Суджата и влила ему в рот сливки, полученные из молока тысячи коров, тогда Будда вернулся в мир и провозгласил, что высшая цель не песок и не вода, а срединный

путь. Внутренний свет, рожденный во время самадхи в песке и в воде, озарил его лицо, каждое его проявление, изображение и воспоминание о нем.

Когда кто-то уходит в самадхи, все части его тела погружаются в песок или в воду. Но способность обрести освобождение не ослабевает от того, что сонмы людоедов, обретя форму рыбы, крокодила и прочих подобных существ, устремляются разгрызть его кости и высосать жизненные соки. Если тело подвижника на какое-то время скроется под водой, как это бывает с моряком, то все начинает плавать отдельно: отдельно — тело, отдельно — голова, отдельно — почка, отдельно — ухо. И эти существа, погруженные в самадхи, становятся чем угодно: кирпичом, черепом, костью, горшком, украшением, статуей, жемчужиной, раковиной, голосом, дыханием, пером, топазом, зернышком, сердцем, историей, душой, галькой, пылинкой, былинкой, ухом, глазом…

Но разворошить — это дело Вершителя. Вершить и ворошить. Так все и вся появляется на свет божий. Из песка и из земли, из воды и из воздуха, старые кости и истории — разворошенные и свершенные, они обретают новую жизнь.

Вот почему так сложно привнести прогресс в

Израиль и Италию: только возьмешься за лопату, чтобы построить новое, как вековое прошлое уже уставилось на тебя: ухо, нос и даже глаз Иисуса, и к верующим опять возвращается вера. То же происходило в Шумере, Месопотамии и других подобных местах: не успеешь копнуть глубоко, а старые истории уже восстают из самадхи. Предотвратить это можно, только если как следует прихлопнуть их сверху. Не успеют они услышать, что кто-то пытается разворошить землю, а песенка их спета.

И все же уничтожить существование самадхи очень сложно. Вот в Бамиане, когда туда дотянулись руки дьявола и динамит возрадовался, как Могамбо[40], обрушившиеся горы привели в движение статуи, покоившиеся в самадхи под землей, и они вышли на поверхность в других местах. Динамит пришел в недоумение.

Кто бы ни подтачивал их: время или всевозможная живность, какие бы подлости и злодеяния ни сыпались, эти истории, это самадхи, эти статуи не умирают, не остаются погребенными навсегда. Они просто сидят, сложив руки в дхьяна-муд-

---

[40] Примечания: 40

Отсылка к фильму «Мистер Индия», 1987 г., где главного злодея звали Могамбо. Его знаменитая фраза: «Могамбо обрадовался».

ре[41], их медленно-медленно заносит песком, и они покоятся в курганах, пока не пробьет их час.

Если старики и деревенские жители натыкаются на такие курганы, тут же бьют земной поклон. Иногда они приносят оттуда какой-нибудь древний камень и закладывают его в стену дома или хлева. Это, по сути, одно и то же, потому что дом — это храм, а скот — божья тварь.

Когда пришли англичане, они стали по-своему, по-английски, обходиться с находками из этих курганов. Пребывающие в самадхи черепа, кости, предания стали выставлять в музеях, библиотеках, гостиных и офисах. Дельцы установили на них цены. А другие назвали попытку извлечь их истории наружу исследованием, а себя — писателями и историками и начали скоблить и царапать их со всех сторон, царапать и скоблить. Вершителя сменил потрошитель и открыл свой магазинчик. Раскопки и божественный промысел подмял под себя эгоизм.

Но к чему мы растрачиваем драгоценное время нашей истории? Кому любопытно, может пробежаться по содержимому газет разных времен и обнаружит там множество примеров того, как

---

[41] Примечания: 41

Особое положение рук и пальцев, символизирующее медитацию и сосредоточенность.

эгоизм и занятие торговлей идут рука об руку. А суть — она вот в чем: тысячи лет назад Будда сидел, погрузившись в йогическое самадхи, а потом эгоизм вытащил его наружу, обтянул кожей и притащил на базар — теперь он, не желая того и не осознавая, скитается по западным музеям и выставкам, выплясывая причудливый танец в круговороте самадхи.

Вот почему Отец Старшего и его сестры, который лишь мельком упоминается в нашем рассказе, всегда повторял:

— То, что делают англичане, выкорчевывая погруженных в самадхи из этой земли и запирая их в музеях, не что иное, как самая настоящая кража. С целью перепродать! А если не могут достать целого, то все, что найдут — торс, голову, руку, ногу, — вытаскивают и прибивают у себя к стенам. А мы храним этого Будду у себя дома, и мы поступаем правильно. Это его дом, и мы относимся к нему с уважением, статуя ценная, но продавать ее нельзя.

Отец, а потом и Старший говорили, что треснувшую статую нельзя хранить на виду. Поэтому ее поместили в шкаф с дверцами. Мама приносила к стопам древнего иссохшего Будды какой-нибудь цветок, иногда надевала на его шею четки из

рудракши[42], во время праздников и церемоний наносила на лоб тилаку[43] из красного порошка, сандаловой пасты и рисовых зерен, а иногда совершала подношение в виде равы[44].

Постепенно вся семья прониклась особой нежностью к Будде. Как будто он был их домашним божеством, благословлял их из своего укрытия и защищал. Все время от времени открывали дверцы шкафа и с почтением смотрели на него, считая, что это принесет удачу. И теперь Дочь попросила отдать ей Будду:

— Я ничего не взяла отсюда, отдайте его мне, я не верю во всякое там «нельзя треснутое держать снаружи», у меня он будет стоять на видном месте.

— Никогда, — ответил Старший за Мать. — Статую принес Отец, и ее место в этом доме.

А как-то приятельница жены Старшего, занимавшаяся с ней йогой по утрам, сказала, что

---

[42] Примечания: 42

Рудракша — вид вечнозеленых деревьев, распространенный в предгорьях Гималаев. Из его высушенных плодов делают четки.

[43] Примечания: 43

Знак, который наносится преимущественно на лоб пеплом, сандаловой пастой и т. д. в зависимости от принадлежности к тому или иному направлению индуизма, также может служить украшением.

[44] Примечания: 44

Сладость из манной крупы и молока.

опытный искусствовед сможет определить, насколько статуя старая и сколько она может стоить:

— Кажется, она и правда очень древняя, наверное, можно продать за миллионы…

— Греха не будет, если мы просто узнаем, — начала было жена.

На что Старший разразился:

— Отец нашел ее на раскопках, и только тебе могла прийти в голову дурацкая идея продать ее. Да тебе и невдомек, что значит хранить память об отце.

Раскопали Будду или его вручил сам Всевышний — никто и не думал ворошить эту историю, а уж что он может потеряться, и представить себе никто не мог, в том числе и Мама. И никто не смог в это поверить, даже увидев собственными глазами.

30

Оплакивать можно сколько угодно, но что пропало, то пропало. Была ли вещь отдана в качестве подарка, благословения или даже украдена — покинула дом, значит, покинула. Полистаем страницы истории: так было с Кохинуром, колоколом в резиденции президента в Шимле и с

золотой Нобелевской медалью Тагора — разве ее вернут? А картину Бхупена Кхак-хара «Гуру Джаянти»?[45] А молодость? Время? Если пороемся в Гугле, то узнаем, что языки исчезли и их не вернуть: андаманские ака-бо, ака-кора, а-пучиквар, креольский язык вайпин из Кочи, австралийский биджара и еще многие-многие другие, и они продолжают исчезать, и возможно, хинди тоже ждет эта участь. В общем, пока роешься в Гугле, и сам исчезнешь. Река Сарасвати куда-то делась, где она течет теперь, куда несет свою мудрость? Динозавры вымерли, и даже те, кто вряд ли существовал вообще, как йети, тоже, можно сказать, вымерли. И Гая исчезла — Gaya bhi gaya — где теперь останки того великого прославленного города, который мы знаем как Бодх-Гая? Сознание — bodh — утратило способность к просветлению — baudh — и тоже исчезло — vo bhi gaya, а с ним — и сам город. Если люди ушли, то ушли, а некоторые ушли даже дальше, чем насовсем — как Отец семейства в нашей истории. Ушел — значит ушел, а все, что не успел закончить, досталось оставшимся здесь, и они запутались, и даже уго-

[45] Примечания: 45

На этой картине Бхупена Кхакхара (1934–2003) изображено празднование дня рождения Гуру Нанака, основателя сикхизма. Оригинал, написанный маслом, утерян, сохранились только эскизы и наброски.

лок в их памяти, предназначенный для хороших воспоминаний о нем, как будто тоже исчез — вот бедняга. Этот уголок похож на мемориал — по традиции его создают посмертно, если речь не идет о Гитлере или Усаме бен Ладене, о которых сохранилась только дурная память, иной они и не заслуживают, но и Дурьодхана может стать Суйодханой[46], да и Равана удостоился глубокого почтения. Если говорить о наших днях, то Джинна[47] оставил и хорошие, и плохие воспоминания, а если подытожить, то жизнь — это жизнь, смерть — смерть, она же кончина, ушел — значит ушел, а занят — значит занят. Суть в том, что если великие существа, драгоценности и воспоминания ушли и не вернулись, то какую власть они имеют над повседневными обычными вещами? Никакую. Да, их не отправят в мусор, ведь можно продать, но только потому, что сейчас продают все, что на выброс, и вот какой-то несчастный бедняк, смиренно приняв эти вещи,

[46] Примечания: 46

Дурьодхана — главный отрицательный герой «Махабхараты», иногда его также называют Суйодханой, здесь игра слов основана на значении приставок в санскрите: «дур» переводится как «плохой», а «су» — хороший.

[47] Примечания: 47

Мухаммад Али Джинна (1876–1948) — индийский политик и первый генерал-губернатор Пакистана. Один из инициаторов раздела Британской Индии.

уходит — уходят и они, потому что одна женщина была на смертном одре, и всем казалось, что ушла и она и скоро растворится в любви Всевышнего, но никто не предполагал, что, пока Господь все звал и звал свою любимицу, его божественная сущность передалась ей и она стала деревом желаний, лицезреть которое и получить благословение приходили к порогу с самого утра и до вечера все обделенные и страждущие.

К моменту, когда остальные живые вернулись, дом изрядно опустел, и, по крайней мере, в этом случае Гугл вряд ли сможет помочь и в один клик выдать список того, что ушло и пропало. Столетия лежали здесь, припорошенные густыми клубами пыли. То, что показывалось на поверхность, сейчас уже казалось ненужным — например, Сушила всегда хотела забрать кулек с полиэтиленовыми пакетами, которые Мать год за годом укладывала слоями, ведь пакеты всегда нужны: то унести, то принести что-то. От того, что этот кулек исчез, не пострадал урожай и не выросли цены, так что лучше всего было просто промолчать.

Когда случается что-то невиданное, то на какое-то время молчание наступает само собой. Слова застревают в горле. Да, дети — это бог, старики — тоже, но это что за форма бога? Что

сказать? Что делать? Откуда она взялась? Не слишком ли мелочно устраивать потасовку из-за дурацкого пластикового мусора? Что же теперь на поиски утраченного отправлять посыльных, чтобы шныряли по домам чиновников и высматривали, что нового появилось в помещениях, где живут слуги, и тем самым положить начало миссии «Возвращение домой»? Или пусть явится инспектор и, предъявив ордер, велит тихо вернуть все, что забрали? «Никакого сострадания у этих господ», — скажут люди. А ведь его у нас в избытке. Наша Мама, ее земной путь подходит к концу, постаревшая, одна, ну взбрело ей в голову облагодетельствовать всех вокруг, взбрело и взбрело — просто смирись и не удивляйся, что какой-то хлам исчез. Это приободрило Маму, а то все лежала и думала: «Теперь я бесполезная, совсем никому не нужна». Просто знай, что наша радость в ее радости, и помалкивай.

Когда пришла тетушка Рози, они и правда замолкли. Были ли они рады? Кто знает. Рози, хиджра[48], много лет приходила к Маме и звала ее сестрой: «Бэхан джи, бэхан джи». Она просила

[48] Примечания: 48

Одна из каст, представители «третьего пола», официально признанного в Индии.

бакшиш и подарки на Холи[49], Ид[50], дни рождения детей и другие праздники, иногда что-то забирала, иногда — приносила, и все видели, как они вместе сидели на лужайке на низких табуретках, болтали, пили чай и лакомились острой закуской из поджаренных бобов и горошка. А в Рождество…

Предложение не закончено.

31

Есть предложения, которые так и остаются незаконченными, это зависит от того, в какой момент их начали произносить. Как тетушка Рози, до которой дошли новости о дереве желаний, могла не прийти? Когда она появилась в доме, Старший и его жена, прервав перебранку на полуслове, ошеломленно уставились на нее. Тетушка почтительно сложила руки, но жест этот

---

[49] Примечания: 49

Один из самых популярных индусских праздников, отмечается и представителями других религий. Знаменует приход весны, также его часто называют «Фестиваль красок», а участники празднования поливают друг друга цветной водой из специальных шприцев и посыпают цветным порошком.

[50] Примечания: 50

Под Идом здесь понимаются два праздника: Ид аль-фитр — окончание священного месяца Рамадан, и Ид аль-адха — праздник окончания хаджа; согласно мусульманской традиции, установлен в память о готовности пророка Ибрахима принести в жертву своего сына Исмаила.

предназначался не им, а их Матери, которую она называла сестрой и которая была теперь деревом желаний, и, чтобы увидеть ее, Рози притулилась в хвост очереди пришедших за благословением. Теперь она была внутри дома, а не на лужайке снаружи.

Ему суждено было остаться незаконченным.

— Сестра, «Распутные»[51] и сандалии, — сказала она, сложив руки, а Невестка и Старший, прерванные на полуслове, пристально следили из-за двери, покачиваясь вслед за тростью. Тетушка Рози поняла. Книгу она достала сама и указала Лилавати на сандалии.

Это были сандалии из Сингапура, которые Дочь привезла для Мамы из путешествия, легкие, как бабочки, созданные для морского берега, чтобы порхать, увлекая за собой песок. Они были украшены розовыми цветами и зелеными листочками, и как-то Мама в присутствии Лилавати сказала Рози:

— Я редко ношу их, в следующий раз отдам, почищу только.

Тетушка сказала:

— Лилавати, не забудь их отложить для меня.

---

[51] Примечания: 51

Роман бенгальского писателя Шоротчондро Чоттопаддхая (1876–1938) Charitrahm (1917 г.).

— Оказывается, следить за модой хиджр теперь моя забота, — раздраженно подумала Лилавати.

С тех пор умер Папа, наступили холода и было не до сандалий. И вот пришло их время.

— Не хотел, чтобы я отдала их племяннице, вот и расхлебывай, — пробормотала Невестка сквозь зубы.

Рози сложила подарки в висевшую на плече сумочку, расшитую синелью, и распустила ослабший пучок — волосы рассыпались по спине, она зажала губами цветную заколку, с которой свисала кисточка из жемчужных бусин, и, собрав волосы, по-женски подняла их наверх, закрутила в воздухе, уложила в пучок и вернула заколку на место.

— До этого утащила кресло-качалку. — Невестка попыталась возобновить перепалку и завершить незаконченное.

Рози ушла.

— К чему это ты вспомнила? Дело было еще задолго до всего этого. — Незаконченное немного продвинулось вперед — теперь стараниями Старшего. — Вообще-то его отдали садовнику Нипы.

— Чтобы он раскачивался в перерывах между прополкой и вскапыванием?

— Оно не было твоим, и не тебе решать, кому

отдавать.

— Так и ее не было. Баней принес его, чтобы все в доме пользовались.

— Вообще все только ее, — раздался чей-то тихий голос.

— Но музыкальный центр был мой, — опять возразила она.

— А деньги на него давал я, — возражение на возражение.

— Термоса нигде не видно.

— Эй, так это я его принес из столовой.

— Взяв карточку, по которой мой дядя ходит в столовую.

— Но заплатил я.

— Деньги все равно твои, чьи бы они ни были.

Дребезжа и скрипя, оба пришли к соглашению, что не все нужно везти в новый дом, а вот вывезти все придется. На том и порешили. Кризис, разыгранный в жанре комедии.

Нужно переезжать, признали супруги, проявив все здравомыслие, и глубоко вздохнули.

32

Они должны переехать и оставить эти стены и двери здесь. Не обидится ли дом? Пойдут ли стены и двери безмолвно и незримо в новое ме-

сто? Подобно душе, пребывающей внутри? Этому дому, что внутри, все равно чем становиться: дворцом или курятником, ему нет никакого дела до внешних измерений, слышали, наверное, об этом? Внутри дома живут его обитатели, так что же, получается, их и называют душой? А вокруг них скапливаются вещи, на которых лежат, сидят, качаются, но вряд ли Старшего и его жену сейчас занимали эти мысли. Да и погружение в подобного рода раздумья о свойствах и форме дома рождает еще большую небрежность.

Дом почти исчез в картонных коробках, и живущим там стало сложно протискиваться между ними. Среди этих нагромождений никто не мог ни до кого добраться, да и одному было совершенно невозможно разгрести достаточно места, чтобы одновременно уместить на нем свое тело, душу и пожитки.

Что было в этих коробках, а чего не было, станет известно в ближайшие дни, если не подведет память. Коробки не открываются все разом сразу по прибытии в новый дом. Что-то найдется, что-то будут продолжать искать, и разгорится новая перебранка: «Куда эта чертова вещица подевалась? Это ты ее потерял, или я куда-то запихала, или ее тоже успели отдать?» В суматохе кругом опять

полетят веревки, бумага, коробки, а потом…

Потом ничего. Как можно вернуться обратно след в след, чтобы вор, дерево желаний или еще кто-то смог сказать, что вот такая-то вещь исчезла так и так?

В один из следующих дней одно стало совершенно ясно: статую никто не упаковывал, и она исчезла. Так же, как и старая Мать.

33

Сюжет с исчезновением старой Матери может получить продолжение. Или же может быть затянута петля на шее ее Дочери, которая являла собой дух нового времени, свободный от семейных ценностей и открытый всем ветрам, по крайней мере, она сама так считала. Или же оба сюжета получат продолжение и будут чередоваться в разных главах, что, без сомнения, может ввести в заблуждение.

В том-то и дело. Куда может привести тропинка? Если бы угол всегда был один и дорога одна, то все кончилось бы, не успев начаться. Ио нет, пути переплетаются, и тогда открываются новые горизонты. Кто-то намеренно выбирает другую дорогу, чтобы посмотреть, куда она приведет. Кто-то почитает за благо жить, когда

кругом все понятно и ясно, и считает, что, кинув один взгляд, сумел охватить целое, принимая поверхностное понимание, полученное от поверхностного взгляда, за глубокое и всеобъемлющее.

Понимание порядком поизносилось, стало ругательством. Вплоть до того, что под пониманием стало подразумеваться «помещать значение», а ведь должно — «вымещать значение». Тебя должно встряхнуть так, что сверкнет молния. Вспышка будет настолько ясной, острой, жалящей, сверкающей, резкой, что поднимутся земля и небо, а между ними беседой разольется океан — так они смогут постичь друг друга, и осознание превратится в бесконечный процесс.

Что облако, что волна, что дым, что воздух,

Что холм, что зверь, что камень, что дерево.

Все просто — завершенное творение сияет и мерцает. Спроси себя, глупец, что способно блестеть ярче, чем мираж, и правда ли он ненастоящий? Разве земля не тверда под ним, а воздух над ним разряжен? И разве, когда мы смотрим на него, не прорастают в нас надежда, желание и поэзия?

И вот такая мелочь чистой воды — наша прихоть узнать, какой цвет был первым, исходным, настоящим и из какой пещеры он бьет, — порож-

дает заблуждение, но как узнать, где источник этого цвета, если все время по нему скачут, как мячики, тени от неба, земли, гор и ветра. В одно мгновение белый, теперь черный, светло-зеленый, темно-зеленый, красный, а теперь шершавый, сверкающий, потемневший, круглый и в колючках. Кто знает, чем он был раньше и чем стал теперь?

В каждом предании, легенде, небылице, байке есть примесь необъяснимого и загадочного, и каждая история — это радость жизни, пусть и срывающаяся временами на плач. А если в ее лабиринтах теряются те, кого любишь, то вся радость в сердце превращается в печаль, которая переливается любыми оттенками, но это не приносит никакого удовольствия.

Так выглядели их лица, когда они узнали, что Мать исчезла.

— Где Мама? Только что была здесь.

Возможно, окажись рядом приверженцы феминизма, они сказали бы, что ее и раньше не было, годами не было, а была блуждающая тень, беспрестанно занятая детьми и домом, которая утратила свою сущность. А философ усложнил бы дело: а что же есть сущность, что есть тень и знал ли это кто-нибудь когда-нибудь? Разве не

может настоящая жизнь таиться в каждом цвете?

Витгенштейн сказал: «Я бы хотел жить у подножия горы, никогда не желая забраться на ее вершину». Но дети Матери не были Витгенштейном, чтобы сидеть спокойно, и не были вышеупомянутыми феминистами, чтобы сказать: «Ее не было раньше, нет и сейчас». Они считали, что Мама только что была здесь, а так как ее не обнаружили в собственной постели, значит, она исчезла.

Как встала та, которая не вставала? Так вот взяла и встала? Мозги раскисли, дома поднялся переполох.

34

Память Сушилы спотыкалась на каждом шагу, силясь ответить, была ли Мама на месте, когда она пришла с подносом, на котором были термос с горячей водой, долька лимона, стакан и тарелка, или она уже исчезла к тому моменту? На Сушилу посыпались упреки, что было несправедливо. Найти старушку в одеяле — все равно что мышку в горе. Ведь никак не поймешь, под какой складкой одеяла она притаилась, съежившись. И к тому же Сушила всегда приходит ранним утром,

когда все спят и кругом кромешная тьма. Замотав лицо теплой шалью, она становится похожей на разбойницу, изо рта идет пар, от которого тьма перед глазами становится еще гуще. На носочках она подходит к изголовью Маминой кровати, беззвучно оставляет принесенные вещи на стоящем рядом табурете и молча уходит. Одна лежит, другая стоит — обе как мышки.

Внимание Старшего было рассеянно. Он торопился в офис, вышел из ванной и быстро-быстро совершал пуджу, почтительно обходя весь дом с лампадкой, и зашел в комнату Матери, чтобы освятить пламенем фотографию Отца. Во время молитвы краем глаза он увидел очертания смятого одеяла и подумал:

— Надо же, лежит, как бездыханная, и даже не ругается: «Только что мылся в кипятке, а теперь ходишь раздетый, будешь потом кашлять и носом шмыгать».

Наверное, раздосадованный этим наблюдением, он чуть больше развернулся к кровати, чтобы она заметила его полуодетое тело и отчитала за легкомыслие. Говорят, тогда он чихнул, потому что дым от благовония, которые сейчас бывают очень едкими, попал ему в нос, и на дрогнувшем подносе как будто зазвенел колокольчик, но не

тот, что для пуджи, а крохотный медный, лежавший рядом с горшочком, в котором была вода из Ганги, но не был ли это звон, исходивший из сердца, а?

— Мама! — наверное, закричал он. Конечно, он закричал.

Он бросил взгляд на часы, потом на неровно лежавшее одеяло, местами оно было примято, местами приподнято, где-то пошло складками, а где-то было задрано так, что казалось, под ним что-то есть или, может, нет. Старший посмотрел в сторону ванной и коснулся ее двери. Он начал медленно открывать ее, громко повторяя: «Мама, Мама!», чтобы, если она была там, успела привести себя в порядок. Потом он приподнял одеяло и потянул, как будто они играли в прятки, и он обшаривал места, где она могла притаиться, в надежде заметить ее косу, или ноготь на пальце ноги, или кусочек щеки и закричать: «Ага, попалась!».

К тому времени собрались все, и Сушила начала плакать:

— Если бы я увидела, то точно выронила бы поднос из рук, и стекло внутри термоса разбилось бы вдребезги, как однажды уже было, а второй термос Мата джи подарила, вам придется купить

новый, госпожа.

Тогда Старший кое-что осознал и осознавал все больше, а осознал он размеры трещины на стене — она все разрасталась-разрасталась и превратилась в пропасть, которая поглотила весь его мозг, каким бы большим он ни был, и в один миг опустошила Старшего, оставив стоять с перекошенным налево ртом, как будто именно это было итогом всей его жизни и чиновничьей службы.

Есть множество способов отыскать потерянный предмет. Потерянного человека ищут примерно так же. Вот один способ: нужно слегка похлопать по одеялу, собрать его, как будто это замешенное тесто, и пройтись по нему руками.

А вот второй: представьте, что это не тесто, а палатка, тогда вы бешено поднимаете и опускаете ее нижний край и пытаетесь рукой нашарить потерянное, а, не найдя, сами ныряете вслед за рукой, и ваша голова всплывает уже с другого конца. Глаза широко распахнуты, и вы моргаете так, как если бы, вынырнув из воды, начали глубоко дышать, а глаза были бы ноздрями.

И третий: вам кажется, что это ковер, вы собираете постель, поднимаете ее и вытряхиваете, как будто Мама выпадет из нее, как застрявший кузнечик.

И вот приходит понимание, что прячущийся может принять какую угодно форму и измениться в размерах, тогда любое место и любой предмет открывают новые возможности для вас. Поиск расширяется, и чувства обостряются в нетерпении.

Вы представляете, что она стала колечком, которое надевают на палец ноги, и аккуратно просеиваете простыню, как будто это тонкая дупатта, украшенная блестками. Если представите, что она письмо, то заглянете под подушку и засунете руку под матрас. А если котенок, будете собирать одеяло кульком то там, то здесь, чтобы он не ускользнул из рук и не убежал. Слон — резко сорвете одеяло и отскочите как можно дальше, чтобы он, обезумев, не набросился на вас. Хлопушка — что-то похожее: зажжете спички и прыгнете, чтобы не взорвалась над вами.

Граница, где кончается воображение, еще не найдена. Стоит перепрыгнуть одну, как на горизонте появляется другая. Воображение допускает существование любых форм и видов, и Старший в надежде обнаружить Маму обыскивал все новые и новые места. Он открутил крышку термоса и заглянул внутрь, проверил, нет ли ее за фотографией Отца и даже в коробочке с кардамоном.

Под кроватью, на подоконнике, в шкафу, открыл выдвижные ящики, заглянул в унитаз, и каждый раз Сушила начинала рыдать с новой силой:

— Где Мата джи? Ее здесь нет.

Но когда Сушила подняла матрас, чтобы посмотреть под ним, то он обрушился на нее:

— Совсем сдурела?

— Нет, я подумала, — всхлипнула она.

— Что подумала?

— Что Мата джи по ошибке могла укрыться матрасом… как бы не…

Можно сказать, ничто из этого не было формой Матери, Мамы, Мата джи, старушки, бабушки, но было формой сознания, ставшей горлицей, тогда можно сказать и то, что та горлица наделена самым сильным воображением и способностью творить чудеса, которая, пустив рябь по воздуху, может сделать деревяшку змеей, большое маленьким, мертвого живым, упавшее взлетевшим и видимое невидимым.

В общем, голова присутствующих существенно пострадала, и они лежали поверженные, а когда все же встали, то голова продолжала кружиться, а они, все еще не уверенные в том, где проходит граница возможного и невозможного, продолжали обследовать все подряд. Кто-то даже постучал

по стене, вероятно, заметив трещину, которая появилась как будто от удара, съежилась за время морозов, а теперь лопнула и расползлась раной. Она превратилась в отверстие, в которое, как в игольное ушко, может пролезть нить дыхания и появиться с другой стороны стены.

Ладно, это все пустая болтовня. История, она ведь для того и есть, чтобы ты мог придумать что угодно, иначе как можно взять настоящую женщину и протиснуть ее в стенную щель, как ведро, а потом подхватить с той стороны и расплескать вокруг?

Дочь искала глазами деревяшку. То есть трость Отца. Потом она принялась искать вторую, новоприбывшую. Наверняка она не осмелилась представить, что эта трость превратилась в ядовитую змею и уползла, утащив с собой Маму.

Да и кто подумал о Будде, с детства находившемся в укрытии, величественном, древнем, драгоценном, с трещиной, — ну и что — все равно купит любой музей за миллионы, если продашь, поэтому храни его внутри, чтобы никто не видел, не знал, не думал, — так оно лучше.

На этот вопрос, как, впрочем, и на все остальные, ответа не будет, но почему-то Старший на полпути прервал поиски утраченного среди бес-

конечного множества форм и размеров и, снова подняв поднос для пуджи и лампадку, так резко поменял направление, что пламя было погасло, но все же не погасло, а подскочило, как и он сам, когда с грохотом открыл дверь в жилище Будды, и кто знает, поднял ли он глаза, чтобы посмотреть на него, или же поднял лампадку, чтобы совершить арати, но лицо его озарило осознание того, что статуя исчезла.

Хотя, по правде говоря, он ничего не понял.

35

Семья сродни Дели. Кишит кишмя, несется сломя голову, в беспорядке разбросан повсюду, коршуном выхватывает из рук и обдает фейерверком гвоздей, старый Сикандар Лоди[52], но старше всех Индрапрастха[53], сверкающие торговые центры, вереницы трущоб, заметаемые черной пылью, а внизу и наверху лоскутки земли и неба, свисающие с телефонных и электрических про-

[52] Примечания: 52

Сикандар Л од и (1458–1517) — второй и наиболее успешный правитель Делийского султаната из династии Лоди.

[53] Примечания: 53

Индрапрастха — город, упоминающийся в древнеиндийском эпосе «Махабхарата». Некоторые историки считают, что он находился на месте современного Дели.

водов, как замызганная мишура: раскачиваясь, они временами дотрагиваются до какого-нибудь недотепы, подошедшего слишком близко, ударяют молнией и стирают с лица земли. Но город не становится от этого чище, да и население не сокращается. Дели, как и семья, вечно молодой, бессмертный, стоит на взрывчатке, разлетается, клокочет, снует туда-сюда.

Как никто не знает, что происходит в Дели, так же никто не знает, что происходит в семье. Например, никому не известно, куда и почему ушла Мать из этого дома. Сколько людей, столько и мнений, а сколько было людей в те скорбные дни! Все побежали соблюсти старый обычай: по возрасту резвые или медлительные, несдержанные или тактичные, но все как один обеспокоенные: «Ох, как же такое могло случиться? Вот бедняжка…» Тут же появились работники негосударственной организации и стали угрожающе расспрашивать, не стала ли пожилая женщина жертвой насилия?

Тот день стал уроком по классовому устройству социума, на котором можно было узнать, какие сообщества обладают гибкостью и позволяют слоняться туда-сюда, а какие устроены, как крепость, из которой ни ногой, и все многообразие их

форм собрано в одном месте. В какой-то момент появился студент, сын одного сочувствующего чиновника, который собирал материал для своего исследования, посвященного социальным классам. Он всегда носил с собой ноутбук и, стремительно достав его, стал делать заметки, у кого какая походка-манеры и что можно понять об их социальной принадлежности. «Одна заходит, высоко подняв голову, другой, извинившись по-английски, пересекает коридор; кто-то с шумом проходит, никого не замечая; перед кем-то расступается толпа; какая-то женщина зашла во внутреннюю часть дома и что-то спрашивает; кто-то пошел в помещение для слуг, и оттуда доносится шепот; кто-то просто дремлет у окна; кто-то уселся на пустую кровать; какая-то женщина стоит в изножье кровати, склонив голову к отсутствующим стопам» — вот его записи. Не время вдаваться в подробности, но исследователь успел сделать тонны тщательно составленных заметок, из которых было понятно, какой класс отличает неподдельная учтивость — знак высокого происхождения; где сквозит неуместное высокомерие нуворишей, в каких низких классах безразлично относятся к кастам, а где свирепствует тщеславие. Пока будет достаточно сказать,

что всевозможные социальные группы, разбросанные по всему Дели, были представлены здесь в одном месте, и это стало невероятной удачей для того самого студента.

Проезжавшие мимо авторикши останавливались с включенным двигателем, чтобы узнать, что случилось: кто-то ехал дальше, а кто-то парковался и присоединялся к толпе. Как если бы дело касалось его лично.

Какая-то девчушка увидела с внешней стороны трещину-рану на стене в комнате Матери. Она частенько приходила сюда и выцарапывала палочкой рожицы. Она боялась, что мама ее застукает и скажет: «Это все твои проделки!» А ей что ответить? «Ну… э-э-э… мам, стена съеживалась-съеживалась от холода, а потом — хрясь, откуда мне знать про эту трещину?» Она не знала, что по ту сторону разлома стоит кровать Матери, откуда она исчезла. Девочка поставила три кирпича один на другой и, пошатываясь, забралась на них. Трещина стала телескопом. С его помощью она пыталась заглянуть внутрь, так ловко направляя свой взгляд, как если бы это была нитка, которую вдевают в иголку. Она тихонько улыбнулась, но вряд ли тому, что увидела глазами, а скорее тому, что увидела сердцем.

«Что-о-о?» — не спросил никто, так как каждый был поглощен собственными заботами. Внутри была тишина.

— Все будет хорошо, — сказала жена Старшего, не напрямую мужу, но именно ему, в той обычной для обоих манере — говорить, наполовину отвернувшись. — Она вернется, так же делал Папа: уходил, не сказав никому, и приходил, когда хотел.

В тот же миг Дочь швырнула телефонную трубку и с яростью прорычала:

— До сих пор никому не было никакого дела, и вдруг все умирают от сострадания.

Слугам показалось, что эти слова предназначались жене Старшего. Они начали переговариваться между собой:

— Все-таки есть разница: своя кровь или чужая. Как неродные могут почувствовать то, что переживают собственные дети? Вот поэтому госпожа с такой легкостью говорит, мол, куда она денется, вернется. И разве не повторяла она все это время: «Куда ей идти? Прогуляется да и придет обратно»? Бедняжка, исхудала, как тростинка, как жизнь в ней еще держится. Еда уже совсем не переваривается, еле-еле поклюет пару зернышек, утром тонюсенькая лепешка, на обед ложка супа

и два куска тоста — и то после всеобщих уговоров. — Потом переключились на бесконечное подорожание всего.

— А господин в своем шкафу хранит не рубашки, а прячет туда фрукты, сладости и шоколад, потом запирает на замок, чтобы госпожа не угощала своих подружек и родственников, — раздался чей-то сдавленный смешок.

— Посмотри-ка, госпожа и сегодня покрасила ногти в ярко-розовый. Просто сердце разрывается.

— Господин вот-вот расплачется.

— Это она еще раньше покрасила.

— И что, стереть не может? Ей же самой даже не надо ничего делать — сядь, вытяни пальцы и попроси стереть специальным раствором.

— Да и Сид баба не здесь, а другой баба все изливает свои тревоги по телефону. Послушай, что мама говорит с той стороны, да и пострадай вместе с ней. А та любую, даже самую мелкую жалобу отправляет за океан. Сегодня она рассказала, как забыла положить мужу в чай меда, а он впал в ярость. Бедняжка и так потерял всякий аппетит, с лица совсем спал, хоть какой-то чай ему наконец понравился — и тут от нее не дождешься. А на меня кричала, что я не расправила ее зеленую

нижнюю юбку. Господи, ну разве упомнить все в эти дни? Все переживают, куда пропала Мать и что могло случиться.

Так из-под завесы озабоченного шепота на госпожу сыпались и сыпались упреки, или, может быть, это был способ выместить злость на собственных невесток. Все сходились на том, что она не слишком расстроилась, увидев лицо своего мужа, и поэтому сказала: «Возьми себя в руки, никто не может просто так испариться».

Губы Невестки тоже задрожали, а из глаз покатились сверкающие градины слез; как стрелу, она стремительно выхватила мобильный телефон и позвонила в Австралию:

— Открою я рот или нет — все равно главная злодейка, волнуются здесь только твой отец и тетка, а теперь вслед за ними и слуги начинают распускать языки!

Все это продолжалось, пока Невестка, стуча каблуками шла к выходу, а Дочь, устало шаркая сандалиями, приближалась к дому. Они встретились в дверях, остановились, посмотрели друг на друга невидящим взглядом, а если дверь что-то и сказала, то вряд ли они услышали, но это лишь еще одна деталь среди великого их множества.

Ладно, слова — это всего лишь слова, правди-

вые они или ложные — все кружатся и кружатся, да и кто умеет держать рот на замке? Суть в том, что Мать, которая лежала с незапамятных времен, стала спиной, потом — деревом желаний, а потом просто растворилась в воздухе.

36

Она не вернулась.

Эта фраза может ввести в заблуждение, если не читать дальше.

Она не вернулась в тот дом.

Хотя, если соединить оба эти предложения, это тоже может ввести в заблуждение.

Подобного рода заблуждения довольно часты. Вы слышите часть слов, остальное не слышите, а то, что успело застрять в ушах, передаете дальше, и история получает новый поворот, разлетаются новые смыслы. Например, вы заняты покупками и стоите между тележками с овощами, вдруг до вас доносится: «Куда же приходится его «са»?» что само по себе интересный вопрос, если говорить о ноте «са» и о том, в каком именно месте горла она сидит, ведь как раз от этого зависит высота пения: будет ли это высокая тесситура — тар саптак — как у Омкарнатха Тхакура или Кумара Гандхарвы, или низкая — мандр саптак — как у Амира

Хана и Вахида Хусейна Хана. Но может, говорили они совсем не о певцах, а о голосе обычного человека, спрашивая, куда же приходится его «са». Омкарнатх всегда будет Омкарнатхом, и имя Кумара Гандхарвы тоже не померкнет, пусть у них и тонкие голоса, но, если обсуждалось, как кто-то просто говорит, это значит, он скулит и блеет. Конечно, если это женщина, то не так уж странно, что у нее тонкий голос. Но тогда с чего бы прохожему вообще поднимать этот вопрос? Тут должно быть какое-то несоответствие — женоподобный голос у мужчины или мужиковатый у женщины, только в этом случае «са» может вызвать столько интереса. Но мы даже не знаем, шла речь о «са», которая идет перед «ре» или после «ни». Дома, разделавшись с сабзи-бхаджи[54], вы приляжете, чтобы глаза немного отдохнули, и само собой, потому что почти все происходит само собой, в ушах зазвенит вопрос того прохожего. Тогда у вас не было времени, но зато теперь вы можете всецело предаться размышлениям, в чем же был его смысл. Фыркнув миллион раз «мне-то что?», вы, возможно, будете продолжать искать ответ или, по меньшей мере, начнете прилаживать

[54] Примечания: 54
Овощные оладьи, обжаренные во фритюре.

этот вопрос, слыша, как кто-то поет или говорит: «Куда же приходится его «са»?» Куда приходится та самая «са» из исходного вопроса, никто никогда не узнает, потому что все ваши умственные усилия были направлены на то, чтобы купить самых свежих овощей и уследить за торговцами, и вы не сделались тенью, которая последовала бы за человеком, задавшим этот любопытный вопрос, чтобы услышать продолжение разговора и разобраться в контексте.

Или сделаем вот что — просто так — в попытке избавиться от одного заблуждения пустимся в другое. Мы же говорим о возвращении, но в этой истории возвращается дом, а его обитатели меняют местоположение. То есть теперь выходит, что дом не вернулся? Те же стены и дверь, но заново оштукатуренные и покрашенные? После того как Старший покинул дом, полагавшийся ему на время службы, пошли ли они за ним в съемную квартиру, вскарабкавшись на два лестничных пролета?

Этот момент еще не настал, да и почему бы им не пойти, ведь до сих пор они всегда следовали за своими домочадцами. Они же не старик какой-то, который без лифта не может забраться по ступенькам. А если все-таки не пойдут, такое

случится впервые за всю историю вселенной. Это будет значить, что дверь, сопровождавшая их из поколения в поколе — ние, вдруг стала предательницей. И это по праву можно будет назвать исчезновением века.

Но поговорим о той, которая действительно исчезла, и пока это было так, можно сказать, что она не вернулась. Не вернулась в тот дом, которому оставалось всего несколько дней до того, как его обратно вернут государству.

Через тринадцать часов старая Мата джи нашлась, по крайней мере, так говорят. Другие утверждают, что через тринадцать дней, а некоторые бьются об заклад, что через тринадцать недель. В конце концов, что такое дни, недели, месяцы — это ленточки, которые забавы ради подбрасывает время-трикстер: давай, попробуй измерить, и ни у кого не получается, а те, кто знает об этом заранее и сразу смиряется с поражением, повязывают эти ленточки на глаза — как они скажут, так и правильно, и то, что вы говорите, тоже правильно, но ведь нашлась же? Те, кто продолжает спорить о часах, неделях, месяцах, уповают на стопроцентную измеряемость времени. Как убедить этих построителей догадок, что время ушло и то, что было правдой на все

шестнадцать анн[55]и сто процентов, погребено в мусорной куче?

До сих пор неизвестны все подробности взрыва в поезде «Самджоута экспресс»[56], хотя было проведено расследование на высшем уровне и делом занимались первоклассные сыщики, здесь же были впавшие в оцепенение, рыдавшие и всхлипывающие обитатели дома, стрекочущие языки собравшихся, корыстные интересы и упрощенное понимание. Каждый пытался приправить историю новыми подробностями или пытался утешить себя, а первоначальная история — бедняжка — растаяла среди множества других, претендовавших на ее место.

Кто сможет собрать все многообразие вариаций на этих страницах? А вот пробелы и недосказанность будут встречаться постоянно.

Невестка в негодовании разразилась:

— Сын звонит по сто раз на дню из-за океана и недоумевает, разве так делается: столько людей в доме и вокруг, а я вышла ненадолго — и то

---

[55] Примечания: 55

Индийская монета, равная одной шестнадцатой рупии.

[56] Примечания: 56

Поезд с таким названием курсировал между Дели в Индии и Лахором в Пакистане с 1976 г. В 2007 г. в поезде произошел теракт, в результате которого погибли семьдесят человек и десятки были ранены.

ради нее и всех вас, чтобы организовать уборку в новом доме, а тут уже конец света начался? Он очень злится, спрашивает, до каких пор мы будем шататься туда-сюда, бездействуя, говорит, нужно обратиться в полицию, ведь сколько лет ей уже, сил нет, совсем как птенчик стала, в каком она состоянии, куда и как направилась, а может, лежит где-то в темноте раненая, без сознания, да что угодно!

На этих словах Старший задрожал и набросился на Виласа Рама, который положил какую-то тряпицу на Мамин обогреватель:

— Кто сказал, что его надо накрыть?

Поджав губы, Дочь сказала, что позвонила в районное отделение полиции, и пробормотала почти шепотом, но и сквозь него сочилась злость:

— Всему виной новая трость, не появись она, Мама бы ее не подняла и не поднялась бы сама. Но она поднялась, и кто-то дал ей, на что опереться, и трость пропала.

— Посмотрите еще как следует, где-то здесь должна быть трость. — Голос Старшего колебался между суровым треском и уязвимой мягкостью, как будто, если найдется трость, то и Мама вместе с ней. — Под кроватью или за дверью. Мама даже

не знала, как она раскладывается, — добавил он с надеждой.

— Нет-нет, она была разложена, совершенно прямая, это же ветка дерева желаний, — вырвалось изо рта у Кантхе, Сушилы или еще кого, но, когда он или она увидели лица окружающих, слова превратились в невнятное бульканье.

— Да, это можно доказать, но к чему сейчас устраивать еще большую сумятицу, — подумала Сушила. — А что, если дерево желаний отдало трость кому-то, кто попросил? Тогда Мата джи осталась абсолютно беспомощной.

Но она тут же отказалась от этой мысли:

— Как дерево может расстаться со своей основной, скелетной веткой, это же самоубийство!

С кем она могла поделиться этими пугающими размышлениями? Только спросила саму себя:

— Просил ли кто-нибудь когда-нибудь у дерева желаний само дерево желаний? Спросить у свекрови или нет?

— Посмотрите-ка, в каких сандалиях она была? Или прямо босиком?.. — внезапно пришло в голову Невестке.

— Да как?.. — взорвался Старший, как будто кто-то усомнился в разумности и хороших манерах Матери.

— Да потому что раздавала тапки-шлепки всем, — пробормотала Невестка, оглядываясь по сторонам.

Всех пробила дрожь осознания — Мама действительно исчезла. Медленно-медленно, мгновение за мгновением, одна за другой они будут выяснять, какие вещи еще пропали. Тенью над ними повисла тревога — чем ближе они подходили к концу расследования, тем яснее становилось, что каким бы огромным им ни казался урон от случившегося грабежа, он был несоизмеримо больше. Всю оставшуюся жизнь они бесконечно перебирали, что же еще было пущено по ветру.

37

Если за окном темно — это ночь.

Темень была — хоть глаз выколи. Случайные огни, блуждающие по улице и по домам вдалеке, были окутаны тишиной. Мир был погружен в сон. Чтобы исполнить траурный обряд, нужно было забраться на холм. Дорога была сложная. К колышкам в скале узлами была привязана веревка. Она раскачивалась в воздухе. Надо было схватиться за нее и подтянуться. Каждый раз, когда он хватался за веревку и она начинала раскачиваться, в голове стучало: «А если сейчас

порвется, куда упаду?» Как спутник. А как-то схватил веревку, а она — раз и оказалась веткой. От страха легкие выскочили на лоб. В тот же миг его ноги, взбивающие вечерний воздух, коснулись твердого камня. Тьма была непроглядная — как понять? Но нужно было идти — траур требовал того. Опять схватил веревку и повис, чтобы, подтянувшись, забраться выше. Вдруг рука оперлась на палку. Клац-клац-клац — теперь выстукивала она, а Старший полетел, как ком земли. «Поехали», — закричал он и, разрезая воздух, стартовал, как ракета. В другую сторону. Вниз. Крик остался наверху. А он без единого звука стремительно падал, вжавшись в деревянную палку. Это была не палка, а трость. Где же она была, как попала к нему в руки? Клац-клац-клац — разложилась трость. Мама сидела в кустах и вручила ее мне? Падая, Старший хотел посмотреть, была ли это та самая трость. Взлетели бабочки. Боже, та самая! Золотистая. Вверх — он протягивает руки и изо всех сил размахивает ногами в воздухе, пытаясь ухватиться за что-нибудь и вытянуть себя к кустам. Он рухнул в кровать, земля как будто затряслась под ним. Он открыл глаза. Его ноги беспорядочно дергались, как у младенца. Из живота вырвались газы, как будто пальнули

из ружья. С опаской он повернул голову. Жена безмятежно спала рядом.

Он стал Старшим опять. Тихо встал и подошел к окну.

Снаружи было темно — ночь. В нескольких домах и на улице горели огни, разрезающие пустоту на части. Все спали.

— Как же так? — острой болью отозвалось у него в голове. Он почувствовал, как рука жены коснулась его плеча, и обернулся. Она стояла позади. Не спала.

Было ли его лицо залито слезами? Было ли оно исцарапано осколками его разбитого сердца? Никто не знает. Чернела ночь.

— Я скоро приду. — Он осторожно убрал руку жены.

— Я тоже пойду. — И надела халат поверх ночной рубашки. То ли терять, то ли искать — как будто сами не зная зачем, они вышли из дома. Не из парадной двери, а из задней, через лужайку, тайком, молча. Все заросли стояли недвижимо — их не тревожило даже легкое дуновение ветра. До того как Мама слегла, она неустанно повторяла садовнику, сколько воды нужно какому растению. Она выхватывала шланг и начинала объяснять:

— Эти листья нужно помыть, а его пои только у корней, если будешь поливать сверху, то листочки повредишь — они же совсем крохи.

Взгляд Невестки блуждал вокруг кустов в поисках шланга. Как будто он появится из темноты.

Открыв маленькую калитку, оба вышли наружу. Как раз около этой калитки Мама как-то упала. И смеялась там в одиночестве, пока ее не обнаружил садовник из местного парка. Он помог ей подняться и бережно доставил домой.

— Мата джи упала и смеялась, — сказал он, как будто это было одно и то же. Доктор проверил, не было ли каких-то внутренних повреждений. Не было. Потом он сказал Старшему:

— Сейчас уже никто не ждет, пока катаракта созреет. Делают лазерную операцию и сразу же удаляют. Она видит как в тумане, наверное, поэтому оступилась на лестнице. От этого теряется уверенность. Пожалуйста, подумайте и назначьте дату.

— Почему вы смеялись? — спросил Старший.

Она снова засмеялась:

— Потому что было больно, сынок.

Сын грозно посмотрел на нее.

— Ох, как же глупо я поскользнулась!

От этого взгляд Старшего сделался еще суро-

вее, как будто он хотел спросить: «А что, бывает какой-то умный способ поскользнуться?» Тогда Мама продолжила:

— Сынок, кровь пошла, никто меня не слышал, вы оба были на чьей-то свадьбе, и я заплакала.

— Но вы же не плакали, а смеялись.

— Все так. Казалось, мне пришел конец, и я подумала: если уж я ухожу, зачем плакать? Буду уходить смеясь. Тогда Натту, садовник, увидел меня, он возвращался из мечети.

«Наверное, будет смеяться, когда найдем ее», — пришло ему в голову.

«Не забыла ли она очки? Одни на месте, но были еще одни. Надо будет посмотреть дома, тогда станет ясно», — размышлял Старший, пока разравнивал сандалией мелкие камешки и гравий, чтобы не споткнуться.

Ночь. Ветер пока дремлет. Деревья стоят опечаленно. Двое вышли на улицу и рыскали по всему району и даже дальше, вглядываясь в ветки, сучья, стволы, кусты, канавы,

водосточные трубы, переулки и закоулки, где уже обыскали все при свете дня и в сопровождении целой армии. Как будто то, что было не видно при свете дня, совершенно ясно проявит себя в ночной тьме.

Ночь как будто разгуливала, укутавшись в черное покрывало, и то там, то здесь оставляла ворох темнеющих частиц. Кто знает, вдруг из такого вороха может что-то появится? Вдруг какая-то песчинка блеснет?

38

— Мама? — вырвалось у нее. Тут же оглянулась, не услышал ли муж. Глаза то ли открыты, то ли закрыты, не спит и не бодрствует, лежит рядом.

— Это часы, — сказал он, — тик-так, тик-так.

Кто знает, почему ей показалось, что это были не часы, а стук Маминого сердца. Это были Мамины часы. Старший привез их ей из-за границы, и они всегда висели напротив ее кровати. Помещенные в гнездо, сделанное из пластиковых соломинок и веточек. В нем лежало два яйца, над которыми распростерла синие крылья птица. Вот-вот взлетит. Гнездо висит над кроватью, как зеркало. Только вчера Невестка принесла его из Маминой комнаты и повесила перед их кроватью, потому что часы из этой комнаты уже упаковали, а Мама все равно… Она смотрела на них, как будто уличила себя в преступлении. Уж не ругалась ли на нее Мама этим самым «тик-так, тик-так»?

Невестка проскользнула в ванную. С тех пор как она тогда вечером положила трубку, ей было не по себе. Она разговаривала с сыном, и, взволнованный новостями, он сказал:

— Мам, ну что ты такое говоришь! Вряд ли кто-то может просто взять и раствориться в воздухе — посмотрите как следует, она где-то там. То встать не могла, а тут взяла и убежала, куда она вообще может пойти? Наверное, инопланетяне выпустили луч, поймали ее и утащили в космос или какая-нибудь богиня сделала ее невидимой? — Он закидывал ее всевозможными невероятными версиями.

— Уф-ф, — она встряхнула головой, — вряд ли бывает так, что только что кто-то был и вмиг исчез. Разве что у тебя есть враги, и какой-то негодяй… — Она разволновалась: как бы Старший не прочитал ее мысли, иначе… Или похищение, выкуп, возвращение, о боже (опять испугалась, что Старший прочитает ее мысли). Зачем кому-то обрекать Маму на такие мучения? Бедняжке скоро восемьдесят, осталось же хоть сколько-то сострадания и порядочности в этом мире.

Вообще постоянно рассказывают о таких вещах: только что кто-то был, раз — и исчез, никто не знает, живой или… (опять испугалась, не ря-

дом ли Старший). Одна эта моя мысль приведет его в бешенство, как будто я хочу, чтобы…

Никто мне не поверит. Никто никогда не верит, — она была готова расплакаться. — Я обустроила ее комнату так, чтобы ей все было удобно: термос с горячей водой, маленький музыкальный плеер, разве я виновата, что она им не пользовалась, букет цветов, телевизор, который я попросила установить, чтобы смотрела новости. Это я заботилась о каждой мелочи, не он. Они установили гигиенический душ слева от унитаза, я настояла, чтобы поменяли и сделали справа, чтобы ей было удобно брать его правой рукой. Он всегда думает о больших вещах и считает, что это и делает его больше, то есть Старшим. Его сестра повесила над кроватью депрессивную картину с абстракцией в темных тонах, Рама Кумара или еще какого-то там Кумара, взглянешь — вздрогнешь, так я ее отодвинула и повесила пейзаж, чтобы она любовалась лесом, рекой, птицами и ей хотелось вставать, но и это они интерпретировали так, что я хотела выставить золовку в дурном свете. Если бы не сын, давно бы сбежала, только ради него продолжаю все это. Беспокоюсь о каждой мелочи, по ночам встаю и иду проверить, все ли у нее в порядке, а остальные только

и могут вопить «Мама, Мама!» и думают, что это они здесь все делают. Слово «мама» как ковер-самолет у них — залезай, ешь-пей и слезай, как захочешь. Правильно сын меня спрашивает, дом это или богадельня?

Мой дом никогда не был моим. Он звал кого хотел, кто меня спрашивал? Много всего было, сын говорит, баста, подумай теперь о себе, пусть остальные займутся своими делами.

Но как? Я так переживаю, но, даже видя это, люди продолжают допытывать именно меня, как она могла исчезнуть, если я была рядом. Разве кто-то может так исчезнуть?

Никто не верил, что ее сердце тоже колотится от страха, временами встревоженный сын говорил ей по телефону: «Ма, позаботься о себе, все вокруг, конечно, на подхвате, но в конечном счете все держится на тебе, если с тобой что-нибудь случится — всему крышка». «Муж снаружи — вылитый лев, а внутри — робкий комочек, в школе его называли Микки Маусом». — Мама так говорила.

Говорила и ушла. Но куда?

Облегчившись, Невестка встала и начала мыть руки. Она все натирала руки мылом, пока они не исчезли в пене. Может, Мама точно так же

мыла руки? Наверное, мыло полностью покрыло ее руки, она начала тереть их, и руки утекли вместе с мылом? Вздрогнув, она посмотрела на руки, и они прямо у нее на глазах стали исчезать? Подобно тому, как цветная фотография тускнеет, а потом совсем пропадает. Испугалась, наверное, посмотрела в зеркало, а там — никого. Тут Невестка испугалась сама и посмотрела в зеркало. Она была на месте. Она тихонько засмеялась, но это было больше похоже на всхлипывание.

Может, и в самом деле какая-то божественная сила сделала ее невидимой и унесла вместе с собой? Или сидит сейчас здесь и смеется надо мной?

«Она должна быть где-то там», — негодуя сказал Заморский сын по телефону. Невестка в волнении посмотрела по сторонам. Тут? «Мама?» — тихо позвала она и тут же одернула себя.

Или какая-то другая планета похитила ее? Что мы вообще знаем о вселенной? Мы без конца носимся туда-сюда, а она лежит, что стоило выпустить луч и, заключив ее туда, утащить в космос?

Все те небылицы, которые сын выдумал в сердцах, теперь казались вполне правдоподобными. Ее смех перешел в плач. Разве такое не случа-

лось раньше? Встал кто-то, а потом никогда не вернулся? Господи, где Старший? Как бы он не услышал… Один писатель вышел прогуляться, и до сих пор его нет — так и оставил своих домашних болтаться между надеждой и отчаянием. Один мальчик играл в мяч, мяч укатился, мальчик пошел за ним в кусты, и все — с тех пор так и не вернулся. Нетаджи[57]тоже пропал, то ли видели его в обличии саньясина[58], то ли нет. Один муж ушел за паном, так и ушел с концами. Алам Сахиб, помните его? Так вот муж его сестры отправился в Пакистан, сказав, что скоро за ней вернется, и она до сих пор остается Интезар Бегум — Госпожа Ожидание.

Невестка быстро вышла из ванной. Открыла шкаф и достала сари, пока доставала, задумалась: «А почему именно оно? Из-за Мамы. Она говорила: «Для меня оно тяжелое — ты носи». Но почему рука сразу потянулась к нему?» Подняв его вместе с вешалкой, Невестка увидела неснятый ценник, она начала его отрывать, но заметила, что он уже

---

[57] Примечания: 57

Настоящее имя — Субхас Чандра Бос (1897–1945). Один из лидеров Индийского национально-освободительного движения. Обстоятельства его гибели до сих пор остаются невыясненными.

[58] Примечания: 58

Странствующий аскет.

наполовину содран: цены нет, осталось только «Пайтхани»[59]. Ей показалось, что кто-то оторвал половину: «Но зачем? Я этого не делала. Загадка. Кто-то другой». И она опять внимательно посмотрела по сторонам.

Второй раз у нее вырвалось: «Мама». Часы тикали. Мамины.

— Господи, да что за мысли лезут в голову, — встряхнула она себя. Ей захотелось вернуться к мужу, прижаться к его спине и закрыть глаза. Но за все эти годы они так привыкли ссорится и огрызаться друг на друга, что подобный жест смутил бы обоих.

— Уходи отсюда. — Невестка надела Рибоки и взяла сумочку. То, что должно быть сделано, должно быть сделано, а на обратном пути она возьмет гуавы, потому что, когда собираешь сам — это совсем другое дело.

Медленно-медленно она стала двигаться к выходу, с каждым шагом становясь все прозрачнее. Цвет исчезал, исчезал, исчезал, пока не остались одни очертания, а потом…

Она оказалась у двери. С той стороны шла золовка. Они вроде даже посмотрели друг другу в

---

[59] Примечания: 59

Разновидность сари, название происходит от города Пайтхан в штате Махараштра.

глаза. Дверь была сбита с толку: та, что когда-то ушла, возвращалась, а привыкшая сидеть дома выходила наружу, и обе продолжили двигаться, каждая в своем направлении и в компании собственных страхов.

39

Ей захотелось почувствовать страх. Она была расстроена, что естественно, когда улетучился сон. Разве время просыпаться, когда воздух еще наполнен дрожью, а ночь темна?

— Почему ночь такая темная? — разозлилась она. — Ведь луна на небе почти полная. Сверкает внутри мутного круга, как бинди на лбу. Рассеянный вокруг нее свет не волшебный, а потусторонний, он все делает шатким и лишает опоры. Как будто ведьма запихала весь жилой квартал в сеть, водрузила его на свои вздрагивающие плечи, окутанные дымкой, и пробирается сквозь ночь, отчего дома раскачиваются, деревья наклонились, а разбросанные куски сада выглядывают с опаской. Корт для бадминтона, цветочные клумбы и будка охранника — все пришло в движение. Все то, что болталось внутри ее сетей, выбравшись наружу из мельтешащей западни, пребывает в нерешительности: «Как

нам вернуться на землю, сможем ли устоять и не упасть?»

— Мама сказала бы, что сейчас одиннадцатое число светлой половины лунного месяца. — Дочь посмотрела на луну и тут же прогнала «местный» предрассудок прочь от себя. То ли ее мысль была потусторонней, то ли луна, то ли она сама, раздосадованная на луну и вышедшая из дома. Сойдемся на том, что после этого все смешалось — как никто не мог сказать, было ли это спустя тринадцать часов, тринадцать дней, тринадцать недель или тринадцать месяцев, так и здесь никто не смог распутать этот хитросплетенный узел памяти.

Потому что теперь эта ночь стала той бесконечной ночью из детства, когда Старший с сестрой просыпались и сидели, не смыкая глаз. Вот закончится месяц пхагун, и начнется чайт. Разотри глаза, в полудреме надень свитер-куртку и выходи на улицу. А там вовсю готовятся сжигать чучело Холики, при виде которой сон тут же улетучивается, и мы бросаемся к кустам на поиски хоть какой-нибудь веточки или прутика и смотрим по сторонам, не потерял ли кто-то жердь, палку, дубинку, трость, которые мы сможем утащить и бросить в костер; боясь что-то

пропустить, мы перестаем моргать и таращим глаза из всех сил, тогда они начинают болеть и наливаются слезами. Но Мантури оказался проворнее — пока все спали, он подмел все вокруг, теперь не то что веточку, соломинку не найти. «Что же мы бросим теперь?» — разволновалась она, перенеся костер из детства на нынешний бадминтонный корт. Лучше подумать о том, чтобы пробежаться вокруг домов — может, найдется какая-то палка, которая окажется вовсе не палкой, а тростью, золотистой, разноцветной, окруженной бабочками, ее поднимут и со всей силы швырнут в огонь, как будто это не трость, а копье, и бабочки взметнутся от страха, и душа и тело — все сгорит, и эта ночь перестанет быть такой потусторонней. Ей захотелось, чтобы костер скорее разгорелся и трость, докучавшая тем, что будила всех попусту, запылала. Громко крикни, и Бхаддари, чьи голова и рот укутаны в гамчу[60], выпрыгнет из ночи, а черная собака, спавшая под уличным фонарем, залает. Лицо и другие части тела Бхаддари поглотила тьма, и только намотан-

[60] Примечания: 60

Небольшой отрез хлопковой ткани прямоугольной формы, часто в клетку или с традиционным узором. Гамчу носят мужчины; могут использовать как шарф, наматывать на голову или оборачивать вокруг бедер.

ная сверху гамча и какая-то одежда сами собой идут вперед. Именно он должен поджечь Холику, но что за путаницу она устроила — Бхаддари из ее детства даже не видел этот корт, это Мантури подметает его, да и собаки со столбом сейчас уже нет, а трость пропала вместе с Мамой. Ее захотелось закричать во все горло, чтобы этот клич стянул в один узел темные силуэты ночи на домах, кустах, улицах и потерянное обнаружилось бы само собой, без всяких усилий. Закричала ли она? Почему сидишь тогда, сложив руки одна на другую, пришло время разжигать костер, потом Мама раздаст нам зерна ячменя, пшеницы или нута, чтобы мы их бросили жариться в огонь, а когда вернемся, увидим, что с сегодняшнего дня кровати стоят во дворе, и мы проспим там остаток ночи, не вспоминая о трости, а утром будем отмечать Холи, зачерпывая желто-оранжевую воду, подкрашенную цветами бутеи. Тут она разглядела свисающие гирлянды Золотого дождя, окрашенные в цвета ночи. Разозлилась — ими не получится окрасить воду, повисли передо мной, чтобы ввести в заблуждение. «Его тоже сожги, выдрав со всеми корнями». — Ее пульсирующее сердце полыхало. Зазвенел телефон, и из-за океанов донесся голос, он был против нее и говорил

не с ней, но она слышала: «Мам, нет, мам, нельзя допустить, чтобы давление повысилось, думайте только о хорошем, пусть ее дети тоже что-нибудь сделают, дайте объявление в газеты, ведь ее дочь пишет там что-то, все время появляется в окружении свиты, пусть покажет теперь, на что способна, и разве не срывались они на нее, вы даже голоса никогда не повышали, а дочь с сыном не говорили, а рычали, и деда как они отчитывали, издалека оно лучше видно, когда живешь рядом, начинаешь самодовольно думать, что только ты все и делаешь, а ведь это я привожу ей то, что она хочет». — Она в бешенстве от ложных обвинений, пусть звонят их телефоны, возвращайся домой, Холика догорела, скоро растворится эта дьявольская ночь, и я еще затемно пойду в дом Старшего, посмотрю, будем пытаться, как можно спать, проверим, вдруг пришла и спит на своей кровати, но там нет двора, куда бы Мама могла выставить кровать, да и тогда она там не спала и теперь все продолжает отнекиваться: «не-е-е-не-е-е-не-е-е», бедняжка, совсем крохотная, только протяни руку — и она усядется на нее, как птичка, как та, что Старший поймал ночью в детстве. «Нет, нет, я не буду брать в руки», — бегу я, но Старший, надрываясь от смеха, разжимает

мою руку и сажает туда птицу. Она трепещет, как мое сердце, которое уже начинает затихать, и умирает у меня в руках, а я не могу ни скинуть ее, ни сжать, умерла, убили, кто убил, сможем ли когда-нибудь избавиться от чувства вины, вряд ли, и как же бывают безжалостны свои: то тут вопят, то там, то не беспокойся о деньгах, то звони когда угодно, ведь я все сделаю, вопят рядом, вопят издалека и даже по телефону вопят. «Пусть звонит мобильный», — прервала Дочь свои размышления. Но почему Старший запихал птичку мне в руку умирать или она уже умирала, а он хотел свалить вину на меня? Она достала телефон из кармана жилета и взяла его точно так же, как ту птичку в детстве, не решаясь ни бросить, ни сжать, а птичка все продолжала и продолжала трепыхаться.

Ее телефон, переключенный в режим вибрации, продолжал звонить. Бз-з-з-бз-з-з-бз-з-з. Возьми трубку. Скажи: «Привет!»

На миг она забыла, как говорить «привет».

40

Все, что говорят о «Махабхарате», нужно сказать и о семье. Все, что только существует в мире, есть в ней, а чего нет в ней, нет нигде. Даже в

воображении поэта. Сбившийся с пути террорист, оголтелый левый, феминист и фемина, конформист и позитивный нигилист — все есть в семье. Или в «Махабхарате» — кому как по душе.

В «Махабхарате» весь мир, и весь мир в семье, поэтому в семье «Махабхарата». Каждый день новая стычка, и каждая — «Махабхарата».

Поэтому каждый член семьи знает: того, что есть во мне, нет ни в ком другом, а чего нет во мне, тому и быть незачем.

И у меня есть мозги, у других — деньги.

И все мной пользовались, теперь я ничего не буду делать, пусть делают другие.

И у меня самое чуткое сердце, хоть я живу далеко, а вы там, но какие же вы жестокие.

И я все время отдаю, а вы только берете.

И все, что вы ни делаете, — от души, а я, даже если то же самое, — из корысти.

Вы молчите — это почтение, я молчу — затеваю коварство.

Вы сделаете — благопристойное поведение, я сделаю то же самое — заискивающая лесть.

Вы скажете — искренне, я скажу то же самое — грубость.

Я спрошу — непристойное любопытство, вы спросите — сострадание.

Я сделаю — для своего удобства, вы сделаете — окажете милость.

Я сделаю — жадность, вы сделаете — бережливость.

Я не говорю — надменность, вы не говорите — скромность.

Я все тайком да тайком, вы же сама сдержанность.

И моя одежда — жалкая попытка угнаться за модой, ваша — всегда в ногу со временем.

И я потеряю — подумаешь, тоже мне беда, вы потеряли — меня ограбили, помогите!

И я сделаю — да ладно, что там было делать, вы только вознамерились — уже сделали.

Значит, я — то, что я сделаю, а вы — то, что подумали.

И я скажу — насмешка, вы сказали — шутка.

И я расскажу про себя — бахвальство, вы рассказали про себя — чистая правда.

И я получу — присвою, вы получили — по праву.

И я скажу — все мои выдумки, вы сказали — абсолютно верно.

И я разозлюсь — не хватает чувства юмора, вы разозлились — самоуважение.

И я сделаю — выполню долг, вы сделали — про-

явили великодушие.

И мой успех — только с вашей помощью, а ваша неудача — мои палки в ваши колеса.

И я отстаю — лень, вы отстали — чуждо мирское.

И я не пойму — тугодумие, вы не поняли — наивность.

И если я вызову у вас ненависть — то заслуженно, а если вы у меня — то зависть.

И я сделаю — для собственной цели, вы сделали — для высшей цели.

И если я не сделаю — халатность, вы не сделаете — обстоятельства.

И сколько я ни сделаю — все мало, вы сделали чуть-чуть — уже с лихвой.

И у меня кривой нос — уродство, у вас кривой глаз — очарование.

И моя фотография хорошо получилась — искусный фотограф, ваша хорошо получилась — все ваша красота.

И у меня кожа светлая — как освежеванная перепелка, У вас — как будто приехали из-за границы.

У меня темная кожа — как баклажан, у вас — черный — это красиво.

Я толстею — обжора, вы толстеете — в самом

расцвете сил.

Я худею — иссохшая палка, вы худеете — утонченность и стройность.

Я включу кондиционер — неуместная роскошь, вы включите — слабое здоровье.

Я выпью — пьяница, вы выпили — доктор прописал.

Я говорю по-английски — показуха, вы говорите по-английски — хорошее образование.

Ну да, если вам надо — мы одна семья, если мне надо — вы отдельно и одни.

Если я проявлю вежливость — наносное, вы вежливы — благородное происхождение.

Если я пожинаю плоды своего труда — грубая работа, вы присосетесь, как пиявка, — и то образец для подражания.

И ваша работа — тяжкий труд, моя — яйца выеденного не стоит.

Меня съела семья и собственная доброта, иначе и я была бы, как и вы, директором, профессором, чиновником.

Ясно, вы не я, потому что вы не хотите быть мной, но я не вы, потому что я просто не могу быть вами.

Я ответственная, исполнительная, добропорядочная.

Мой город всегда отличала высокая культура, а вы будете портить его славное имя, вспоминая нынешних негодяев?

Ах вот как! Однажды обретя величия с избытком, мы стали безмерно своевольными.

Там, где Гарги одолела Яджнавалкью[61], а жена Манданы Мишры — Шанкарачарью[62], ты стенаешь и продолжаешь нести чушь про оскорбление женщин, изнасилования и остракизм, которому они подвергаются?

Там, где танцевала Радха, а Ганга спустилась на землю по сбившимся в дреды волосам Шивы-аскета[63], тебе видится одно дерьмо и навоз?

Йес джи, ноу джи, мы джи, вы джи, я и ты, ты и я, и Мама, и столько мы сделали, и ты, будучи рядом, не видишь ничего, и бедняжка состарилась,

---

[61] Примечания: 61

Гарги Вачакнави — древнеиндийская подвижница, знаток вед, участвовала в философских диспутах. Согласно Брихадараньяка-упани-шаде (ок. 7–6 в. до н. э.), в одном из таких диспутов она одержала победу над великим ведийским мудрецом Яджнавалкьей.

[62] Примечания: 62

Мандана Мишра (конец 7–8 вв.) — индийский философ, последователь мимансы, одной из шести ортодоксальных школ индийской философии. Шанкара или Шанкарачарья (ок. 8 в.) — индийский философ, представитель школы адвайта-веданта. По одному из преданий, Мандана и Шанкара вступили в философский диспут, а судьей выбрали жену Манданы, которая через несколько дней признала поражение своего мужа, но вслед за ним вступила в спор сама, и ей удалось одержать победу. Однако некоторые ученые датируют их жизни иначе и считают, что этот диспут не мог состояться.

[63] Примечания: 63

Здесь имеется в виду миф о сошествии божественной Ганги с небес на землю. По одной из версий, она сначала спустилась на гору Меру, потом на голову Шивы и, пройдя через его волосы, стекла на землю.

и все лежит одна, и не понимает, что делает, и выдумывает какие-то имена, и что-то с головой уже, и все-все бросились бежать.

41

У тех, кто побежал, с головой тоже было не в порядке. Или стало.

Дочь, к примеру. Все смешалось: ночь и день, детство и то, что сейчас спит и бодрствует, Мантури и Бхаддари, верх и низ. Все всмятку, полный беспорядок — мозги стекли в пятки, а ноги запрыгнули на голову.

И среди этого безумия стали рождаться новые страхи. Не удрала ли Мама босиком? Надела ли обе сандалии? А носки не разные? Переоделась или прямо в ночной рубашке? Ой, а лифчик не забыла? А ключи от машины я взяла? Господи, дверь закрыла или оставила открытой? Нужно сказать соседу, чтобы проверил и сменил замок? Куда делся телефон? А на цепочку закрыто? Газ выключен? Вода? Балконная дверь? Я ее открывала вообще? Солнечные очки? Деньги? Ой, деньги? Рыба будет вонять, я не вынесла мусор. Мысленно она бесконечно прокручивала все, что могло пойти не так: на месте ли живот и спина, нажаты ли все кнопки и закрыты ли замки. В

основном все было в порядке, как это бывает даже в миг смятения, потому что каждый миг по-своему искусный мастер привычки — пальцы открывают газ и, даже если голова в отключке, будут чесаться, пока не закроют его, а ноги просто не пойдут дальше порога, пока не убедятся, что замок закрыт, потом подойдут проверить еще раз и подергать — теперь все.

Выполняя эти мысленные кульбиты, она подошла к воротам дома. Исполнить настоящий кувырок сейчас она не могла, потому что ей нужно было бежать. В полицейский участок.

Сторож, гревшийся у костра, встал открыть ворота. Дочь выехала на машине и подумала, что как раз в это время они выезжали в школу, после ворот нужно было повернуть направо, и там был базарчик, где ни свет ни заря сидела у костра Идия и продавала свежие пучки зелени, только что собранные на своем поле и разложенные на тележке: шпинат, пажитник, марь, амарант, укроп, горох. Вернувшись из школы, мы бежали туда же — смотреть, как она взвешивает зелень: чаша весов с гирьками высоко-высоко, а чаша с зеленью совсем низко. На нас надеты длинные стеганые куртки, и мы едим кедровые орешки, которые Мама положила нам в карманы, сейчас

уже не найдешь таких орешков, весов и тех, кто на них взвешивает. И Мамы… Она ловко проехала вперед, что-то сказала сторожу и, выезжая, обернулась, как будто хотела проверить, сохранились ли вокруг черты потустороннего. Холика сгорела, ее пронзила боль, но все это было из детства: и время, и дом, и Холика. Нынешней еще предстояло сгореть — в какой-то из следующих дней.

«Я путаю одно с другим. — Она встряхнула головой и поехала в сторону дороги, как будто прощаясь. — Теперь уже ты будешь не ты, а я буду не я». Потому что ночь, которая оставалась позади, вернется опять, когда наступит новый день.

Старший был зол и взволнован. Натянул штаны прямо на пижаму, хотя намеревался надеть куртку и брюки. Потом заорал на Сушилу, потому что она принесла ключи от служебной машины:

— Разве водитель приедет так рано?

Несколько мгновений, каждое из которых тянулось дольше обычного, ключи от его личной машины поиграли в прятки, но все-таки нашлись. Расчесаться он забыл, поэтому, как водится по утрам, два рога сбившихся волос торчали по бокам его головы. Он опять закричал:

— Поторопись! Иначе поедешь с водителем.

Он выскочил на улицу, потом прибежал об-

ратно, зажег лампаду и пошел совершать пуджу, склонив голову, только после этого он завел машину.

Жена кричала ему вслед:

— Погоди, я тоже пойду. — Шаги ее звучали весьма решительно.

Она умылась, надела сари, в термосе горячий чай, в сумочке печенье, яблоко, банан, нож, на руки накинута Мамина шаль. Выходя, она раздавала указания: что нужно сделать на кухне, отдраить Мамину комнату и ванную, поменять простыни. Включить бойлер. Маленький коврик скользит, его убрать и расстелить джутовый ковер. И когда придет садовник, пусть проследит, как грузчики складывают в фургон горшки, которые вчера поставили вниз. Поняла? Сбегай и принеси Мамину расческу или какую угодно расческу. Скажи садовнику, чтобы поставил красивый букет в синюю вазу и поставил в ее комнату, поняла? Да, круглая, у которой наверху выгравирован полумесяц, стеклянная, поняла, не керамическая, в форме кувшина, поняла?

— Что сказали по телефону?

— Нашли маленькую женщину.

— Маленькую или старую?

— Сказали, у нее трость, которая раскладывает-

ся — клац-клац-клац.

— О Боже, Мама!

— Не помнит никаких имен.

— Ох, Мама!

— Где этот полицейский участок? Должен быть здесь, как они нашли его? У нас вот не получается…

42

Разве кто-нибудь может сказать, что это была за улыбка? Нет, никто. И я не могу. Если меня спросят, чего быть не должно, потому что я уже исчез, исполнив свою роль, то — просто вот такая улыбка.

Об остальном, что случилось, остается только догадываться. В стене было всего два отверстия: одно вело внутрь, другое — наружу. Ведь могла же она протянуть ниточку-дыхание с этой стороны на ту и — клац-клац-клац — разложив стремительно трость, оказаться за воротами, почему нет?

Позже родилось подозрение, основанное на словах тетушки Розы, что у Мамы была какая-то цель. Если бы эта цель была достигнута, она бы вернулась — здесь-то и началась путаница. Выйдя за ворота с номером «52», она шла и шла вперед,

и с каждым шагом ворота оставались позади.

Уставшая женщина, год за годом растворявшая себя в заботе о других, месяцами прикованная к постели, ее жизнь держалась на еле заметном дыхании — все, что было у нее своего, и, повернувшись ко всем спиной, она стала что-то различать, и, допустим, как раз вовремя появилась трость, разложив которую можно стать деревом желаний или полететь на ней, как ведьма, а Мать годами оставалась Мамой, погруженной в свое материнство и забывшей обо всем остальном, так не было ли это для нее рождением, новым рождением? А какой новорожденный умеет ходить? Придется учиться — топ-топ-топ — и новорожденный спотыкается, плачет, улыбается, ведь так?

Так как же она улыбнулась?

За воротами с номером «52» один за другим идут дома чиновников, иногда номера на них видны, а иногда скрыты лианами, колоннами, трубами, и, когда минуешь «53» и «54», можешь вдруг обнаружить себя у номеров «1053» и «1054», тогда в растерянности спрашиваешь себя: «Что это я делаю? Что хочу от жизни?» Да еще погода такая, что тело пробивает дрожь, а постель постепенно отучила ноги ходить. Скажем так, только трость удерживала Маму на ходу, без нее все

внутри у Мамы разрушалось — одно за другим, кусочек за кусочком, вдох за вдохом — мысли, чувства, воспоминания. Она вышла за ворота, за ними были еще одни, и еще, и еще.

Она шла спотыкаясь, согнувшись и становясь все меньше, отсутствующая, совершенно пустая, потерянная и растерянная, почти испарившаяся, при виде ее какие-то дети вспомнили про Холи — хотя праздник еще не наступил, воздух уже был наполнен его ожиданием — и измазали ее лицо белой штукатуркой. Но, как говорит Судхир Чандра, в плохие времена встречаются хорошие люди и вселяют надежду, так вот один прохожий увидел ее и подумал: «Что-то случилось с этой старой женщиной: идет еле-еле, опираясь на трость, одежда на ней какая-то поношенная и странная, засмеялась, как сумасшедшая, которая не может остановиться, или в ее положении это скорее должен быть плач». Он отругал мальчишек за хулиганство и, подойдя к крохотной женщине, спросил:

— Что вам нужно, Мата джи?

— Воды, — сказала Мать, разжав сухие белые губы.

— Что вы ищете, Мата джи?

— Ворота, — сказала она. Но понимала ли она,

что говорит, и знала ли, что ответить, когда он спросил номер.

— Кто дома, Мата джи?

— Сын, — сказала она.

— Что он делает, Мата джи?

— Чиновник, — сказала она.

— Ваш муж, Мата джи?

— Анвар, — сказала она.

Что за чиновник, что за Анвар, кто, почему — бедняга никак не мог разобраться, тем более сама Мата джи казалась совершенно потерявшей рассудок.

Он помог ей добраться до ближайшего полицейского участка, это был не тот участок, куда звонила Дочь, но ведь «полиция всегда с вами и работает для вас», и из того участка связались с этим — тогда все узнали, что пропала Мата джи примерно восьмидесяти лет, ее унесла золотистая трость и порхающие вокруг нее бабочки всех цветов радуги, а еще что произошло это в доме номер «52».

Все бросились наперегонки в полицейский участок. Примчались вихрем.

Мама подняла глаза. Вся сморщенная-скукоженная, как зародыш. Взгляд, возвращающийся издалека, как будто из прошлых рождений. По

дороге преодолевающий все несчастья, боль, заблуждения, проволочки, пустоши и удары. Пришедший в это рождение. В дряхлое измученное тело. Тогда из усталости, поселившейся в каждом волоске на теле, в каждом суставе, родилась улыбка. Та самая. Когда губы трясутся, а потом слегка расползаются в стороны. В этой улыбке одновременно и вера, и радость, и удивление, и узнавание.

Та сама улыбка. Мамина.

Спичка, от которой зажигались улыбки всех домашних.

Нет, незачем звать меня — я тоже не смогу рассказать.

Это улыбка новорожденного, который впервые смотрит на мир и впервые с кем-то встречается взглядом.

43

Сердце разбивается.

Младенец посмотрит на тебя, улыбнется — ты его мир. Если Мама посмотрит так, то все, конец — ты растаял прямо там. Такая искренность, такая прямота, ни капли наигранности. Наивность, чистота и доверие.

Роса. Далекая-далекая звезда. Частичка радуги.

Касание ветра.

И ты, обмякнув, растаял прямо там.

— Пойдем? Пойдем.

— Подумают, она курит, убери это вонючее, пахнущее мужиком одеяло с ее плеч, заверни в ее шаль. Давай. Пойдем!

— Какая же Мама маленькая. Всего на пядь выше моей талии. Когда же это случилось? Она, что, укорачивала себя, лежа под одеялом?

Из-за белой известки, в которой было вымазано ее лицо, она была похожа на состарившегося мима. Вытерли мокрым платком. Она заерзала, как девчонка. И все равно осталась мимом.

Мама кашляла. Они пришли, когда сборы были в самом разгаре и кругом летала пыль. Из коробок выросла гора. Дверь была открыта.

Взгляд у Мамы был дурковатый.

— Столько грязи, — извиняющимся тоном сказала Невестка, — идите сюда, Мама.

— Обратно в комнату с той стеной?

Мама не реагирует.

— Там кровать.

Мамины глаза лишены всякого участия. Сидит на краю кровати, как будто хочет встать. Кашляет и кашляет.

— Как у нее опухли ноги. Вены выскочили

— вот-вот лопнут. Приступ кашля никак не отпустит.

— Принеси чего-нибудь теплого ей поесть!

— Мама, вот поешьте теплый суп. Вы простудились, наглотались пыли, положите голову сюда, я слегка разомну вам ноги, батюшки, посмотрите, как у нее спутались волосы, прямо как джата[64] у садху[65], давайте я распутаю потихоньку. — И все принялись сгибать ее, разгибать и расправлять складки, как будто она кусок ткани. — И не спрашивай, как она провела эти дни и ночи, и не думай, где ей приходилось спать и куда она шла. Мама, а как и куда ты пошла?

— Мама, приляг, поспи немного. Вытяни ноги. Ох, какая же крохотная, и правда уменьшилась. Закрой глаза. — Глаза открыты. Пристально смотрит. — Закрой, так будет легче. — Все еще открыты. Совершенно потеряны.

Старший стоял отдельно и наблюдал. Мама устала. Забыла. Неправильно называла свое имя, то ли Тара, то ли Чанда. Имя мужа тоже. Полицейский сказал, что она говорила: «Анвар». Кто такой Анвар? Имя мужа. Нет, не имя мужа это. Ее язык

---

[64] Примечания: 64
Спутанные волосы аскета.

[65] Примечания: 65
В индуизме аскет, святой, йогин.

тоже устал. Возможно, она сказала «Офицер». Или «Он не вер…». У нее была трость. По трости ее и опознали. Да, старушка, опирающаяся на трость.

Невестка стоит с ложкой в руках:

— Съешьте хоть каплю, рот совсем пересох.

Дочь, смочив кусочек ваты в растворителе, очищала белую краску с лица. Наверное, и сейчас каждый из них был уверен, что именно он занят делом, а остальные только делают вид. Они готовили Маму к новой жизни.

Дочь убрала Мамины волосы назад и, склонившись, внимательно разглядывала, не осталась ли белая краска у корней? Аккуратно протерла ватой. Мамины глаза открыты. Ее купали, как мирную корову, послушно повалившуюся на землю. А потом она сказала: «Пойдем». Как промычала.

Кашляя, Мама начала подниматься, и всех закружил вихрь сострадания. Где она была, что перенесла бедняжка, да еще в таком возрасте?

— Пусть поспит. — Старший все наблюдал. — Маме нужно поспать, только тогда к ней вернется сознание.

— Прямо сейчас, — выпрямившись, сказала Мама в перерыве между приступами кашля. Сказала Дочери.

Кто знает, смогла ли Дочь, даже спустя время, подумать о том, что «прямо сейчас» значит «сейчас» также, как «не встану» значит «новая стану». В это мгновение она была повержена Маминой обескураживающей улыбкой и дурковатым взглядом:

— Да, здесь слишком пыльно, сейчас пойдем ко мне, — вырвалось у нее.

С ее точки зрения, она продемонстрировала небывалую ловкость — и сумела нанести удар живущим здесь, и выставила свой дом в выгодном свете, и утешила любимую Маму, чьи тело и душа были так измучены. Чем-то напоминает героя из новеллы Джогиндера Пола «Лунатики», который, будучи в Карачи, настаивал, что это Лакхнау, так не будоражь его правдой, покажи неподдельное сочувствие и во всем поддакивай.

Потом к Невестке, конечно, подступили злость и досада, и покатились те большие градины слез, сказала она об этом вслух или нет, но каждый волосок на ее теле трепетал от негодования: всю жизнь мы при ней, за все в ответе, все терпели, и в хорошие времена, и в плохие, ни жалобы, ни упрека, и вот теперь, на склоне лет, она решила уйти от нас, чтобы опозорить. Взяв трость.

На склоне чьих лет — неизвестно. Сухим листом

вопрос кружит в воздухе. Как и другие вопросы, на которые большие знатоки и познавшие суть с легкостью дают себе ответы, и они тоже кружатся в воздухе. Как, например, «Она сказала: «Офицер или он не вер…»», ведь с чего бы кому-то говорить «Анвар»?

44

Некоторые говорят, это новая эра. Другие говорят, что, когда дело касается женщин, это всегда новая эра. Новая эра. То есть положение дел у женщин меняется. (Положение дел у женщин меняется всегда.) Женщина уже не в той роли, что была раньше. (Она всегда в новой роли.) Она вышла наружу. (Всегда так делала.) Идет внутрь. (Всегда.)

И всегда, ну уж точно, один раз каждая женщина, эта или та, маленькая или большая, обнаруживает себя у двери с одной поднятой ногой, как будто застыв в танце и не решаясь вернуться в этот дом или переступить порог, который она уже оставила когда-то позади и ушла далеко. В этот миг она спрашивает себя: «Где мой мир: там, куда я собираюсь шагнуть, или тот, что остается у меня за спиной, тот, куда я ушла, или тот, откуда сейчас пришла? Я ведь заскочи-

ла повидаться с родными на минутку-другую? И порадоваться, что я не осталась там, куда ушла. Так откуда вдруг это замешательство — принадлежу ли я миру, который у меня за спиной или который передо мной? С одной стороны настоящая я, с другой — я в сценическом образе, впереди или позади, о Боже, скажи, где я? — На мгновенье нога дрогнула, паря в воздухе, — так за мгновение до танца пробивает дрожь. Мгновение нерешительности у открытой двери. — Пойти вперед или вернуться назад? Что ждет впереди и что осталось позади? И что мне делать? Что будет?»

Это мгновение еще больше усиливает путаницу, потому что дочери, уверенные в том, что они уже покинули дом и вышли наружу, в это самое мгновение, когда заходят просто повидаться, сталкиваются с кем-то, кто выходит изнутри наружу, например с Невесткой в скрипящих Рибоках. Дочь заходит внутрь, Невестка выходит наружу. Все ее тело с ног до головы распадается на части, и каждая часть начинает произвольно вращаться, и никак не понять, какой сустав куда повернется, — она теряет равновесие.

Эра новая, но всегда переплетена со старой, и, чтобы ей распутать свои локоны и уложить

их по-новому, нужно время. Но мы думаем, что наша жизнь устроена по-иному, мы другие, не опираемся на старые стены, старые путы позади, и новые небеса у нас в объятиях. Так почему эти стены снова окружают меня? Дочь ощупывает свои запястья и пальцы и проверяет, не успел ли кто-то нанести на лоб краску, тикли или бинди[66], — все чисто, вот счастье! Но только что мимо пронеслась золовка, и это у нее на лбу подобно красной лаве, вырывающейся из вулкана, бурлит синдур[67]. Но она снаружи, а я внутри, какой-то потаенный смысл?

Так в недоумении она стоит раз за разом. Может, ей удастся перевести дух, устроившись на одной из лежащих здесь подушек? Привязи, хомуты и путы, которые очевидным образом и отдельно друг от друга появляются на страницах истории и в феминистских лозунгах, сплелись тут в одно, приняв причудливые формы. Кажется, Рибоки вполне узнаваемы, но, видя их то во время забега, то под сари, мозг-лампочка взры-

---

[66] Примечания: 66

Б и н д и — точка, которая наносится на лоб женщины, как правило, замужней. Сейчас используются также наклейки, в том числе для украшения. Тикли — разновидность бинди.

[67] Примечания: 67

Красный порошок, который замужние женщины наносят вдоль пробора или в виде точки на лбу.

вается. А сейчас старшие, а значит, и Старший, считает, что незачем заботиться о сестре — она одна, свободна от мужа, дома, детей, к тому же она фрилансер, то есть свободна от любых обязательств, такова судьба тех, кто фри, да еще и лансер в придачу. Хозяйка своего времени, ей не нужно торчать в офисе с десяти до пяти и плавиться в пробках, с деньгами все тип-топ, хочешь, спи весь день, а ночью бодрствуй, садись где угодно и настукивай свою писанину на компьютере. Сегодня нет настроения, тогда завтра. Пикто тебя не уволит. Какая беда в том, что Мама хочет поехать к ней, хоть какая-то перемена, да и сестра будет рядом с родным человеком. Поживут вместе несколько дней, никто от этого не пострадает. Обустроим квартиру для них, потом заберем ее обратно. Да, хорошо бы подписать несколько чеков, Сид вернется, отправлю его, сейчас Мама уставшая.

Но уставшая она или полная сил, лежачая или поднявшаяся, сторон света все так же четыре: север, юг, восток, запад. На севере — Шива, на юге — голова умершего, на востоке — восход, а на западе — только запад, запретный для остальных, да и что с того. Воздух струится между этими четырьмя сторонами света, но и удушье

обитает именно здесь. Вся чехарда, дипломатия, политика именно здесь. Тогда Вастушастра и фэншуй вызвались правильно организовать потоки энергии. Все амбициозные и честолюбивые бросились добывать здоровье, счастье, и богатство не осталось в стороне. Но как не нужно быть музыкальным критиком, чтобы правильно назвать ноту, и знатоком искусств, чтобы читать Натьяшастру, точно так же, не совершая бхуми-пуджу[68] и не оплачивая работу специалистов по Вастушастре и фэншую, вы сможете воссоздать гармонию воздуха, света, еды и воды. Понимающие суть искусства знают это. Знают, что мера всему — сердце, которое скажет, дрогнула ли рука мастера или погнулась форма для литья.

Искусство искусством, а Рамануджан[69] был математиком, и он не знал, как получилась путаница. Ответы правильные, но без понимания механизма.

Пусть Дочь и не Рамануджан, и не Амрита

---

[68] Примечания: 68
Б х у м и — богиня земли в индуизме.

[69] Примечания: 69
Индийский математик (1887–1920).

Шер-Гил[70], но разве будет неверно сказать, что, не вдаваясь в истинность сторон света, их благоприятное влияние или пагубное, ей удалось приручить потоки энергии и создать красивый дом, куда она и пришла вместе с Матерью?

Перерыв. Или другая жизнь? Или жизнь другого. Термины требуют ясности. Придет она или нет, а Холи пришел и ушел. С улиц смылись краски. С лиц и волос стерли цветной порошок. Только белые брови старого садовника до сих пор розовые.

---

[70] Примечания: 70
Художница индийско-венгерского происхождения (1913–1941).

Солнечный свет

1

Когда открываешь дверь в квартиру Дочери, то под балконом, к которому ведет длинный открытый коридор, сразу видишь полоску зелени под синим балдахином неба. Этот вид приносит умиротворение, если глаза закрыты, или побуждает их открыться.

Эта дверь не была той дверью, заходя в которую или выходя, ты останавливаешься с поднятой ногой, потому что тебя пробивает дрожь: «Кто-то что-то сказал?» Не та дверь, у которой Дочь охва-

тывает смятение: «Я — это я, которая собираюсь зайти внутрь, или я, которая осталась позади?» И не та дверь, у которой спутываются все стороны света из-за Рибоков, и уже не ясно, кто внутри, а кто снаружи — она или Невестка.

Нет, это не та дверь. Эта дверь открывается в мир, созданный Дочерью.

Каждая дверь значима. Дверь дверью, но у каждой свой характер. Даже если остались одни руины. Нынешние люди оценивают только ее внешний вид, чтобы прикинуть благосостояние хозяев. Но дверь запечатывает все: истину и слухи — об очаровании, легкомыслии, безрассудстве, влюбчивости, неприязни, радости, несдержанных рыданиях, пассиях, успехах и телесных страданиях тех, кто переступает через ее порог. Выйди изнутри наружу, зайди снаружи внутрь и ощути все это сам. У двери есть глаза, они открываются, моргают, сердито щурятся, обвиняюще смотрят, успокаиваются, устают. Да, да, дверь устает от того, что один и тот же человек постоянно заходит и выходит через нее. Тогда она отводит взгляд и как будто умирает, как отмирает орган, которым перестаешь пользоваться. Пусть кровь еще течет по венам, кожа-кости целы, но ты умрешь, если отмер мозг, глаз, душа, сердце

или отвернулась спина.

Очнулась ли уставшая дверь? Когда пришла Дочь, поддерживающая падающую Мать. Она слегка выскочила из петель. Трость шевельнулась. Мамины глаза слегка открылись. Открылись, чтобы увидеть балкон, к которому вел коридор, зеленеющую за ним стену и виднеющееся за ней средневековое здание с куполом. В тот первый день густая листва деревьев была наполнена нежным сиянием мягкого закатного солнца — кажется, заросли, раскинувшиеся под сенью Департамента лесного хозяйства, и радовали глаз, и наполняли покоем. Если бы это сказала Дочь, могло бы возникнуть сомнение, но не было никаких причин сомневаться в чувствах Мамы, читавшихся в ее глазах. Пусть она и была уставшая, хромая, кашляющая и наполовину в сознании.

То, что является в наполовину сознательном состоянии и во сне, и есть истинное, всеобъемлющее, незамутненное, настоящее. Откровение глубокого сна. И таков способ вхождения в самадхи. Красоту, проявленную в искусстве и в реальности, особенно подчеркивают два цвета — синий и зеленый. Бескрайнее небо и всепроникающая природа. Это они насыщают кислородом,

они развязывают узлы.

Синий и зеленый поприветствовали. Сонный взгляд проследовал внутрь и проскользнул по открытому коридору, книгам, картинам, мебели и дальше к балкону, призывно манящему его. Зеленые птицы, сидевшие на старом маленьком кирпичном куполе, укутанном в листву деревьев, взметнулись ввысь артиллерийским салютом. Мама очнулась и засмеялась.

— Почему ты засмеялась? — спросила Дочь.

— Захотелось.

— Захотелось и засмеялась. — Дочь тоже засмеялась.

Возможно, Мама подумала, что здесь к ней вернется дыхание: «Поживу в тишине. Только я и больше никого. В своем ритме, не подстраиваясь под ритм других, от которого я падаю и спотыкаюсь». Да и почему бы ей так не подумать здесь, где нет привычной усталости, суеты, приевшихся звуков, видов и вещей?

Истощенная, Мать вполне может подумать о таких серьезных вещах. Потому что истощение — это тоже состояние глубокого сна, самадхи, в котором рождаются откровения.

Да, есть вероятность, что истощенный разум не думает сейчас ни о чем. Но Дочь смогла считать

ее дыхание, ее ритм — почему бы и нет? Ведь она несет на себе бремя всех женщин, и ее так давно беспокоит Мамино плачевное состояние. Сегодня она вручает Маме новую жизнь. Возвращает истощенную Маму к жизни. В волнении она обнимает Маму за плечи.

Опершись на трость, Мама застыла в дверях. Она разглядывала дом, в котором почти нет дверей и стен. Дочь улыбнулась: «В моем доме взгляд не застревает, не врезается в громоздкие предметы и перегородки». В маленькой прихожей стоит большая фарфоровая ваза, в которую складывают зонты и трости. С одной стороны видна обувница, куда можно поставить ботинки, наглотавшиеся мирской пыли, и выбрать какие-нибудь разноцветные сандалии, усевшись на низкое резное сиденье — если захочешь. Рядом легкая воздушная дверь, украшенная павлиньими перьями, как будто сделанная из них, она открыта, и за ней видна гостиная в светло-фиолетовых и зеленых тонах. И там книги, картины, статуи. Если открыть раздвижную дверь шкафа, то увидишь висящие длинные пальто, складную гладильную доску, утюг, обогреватель и прочее, и прочее. В углу, за гирляндами сандаловых цветов, ванная, а вдали еще одна открытая дверь, но отсюда не

видно, что там внутри. Остальное — одно огромное открытое пространство. Низкие невесомые перегородки или книжные полки делят его, как живые изгороди — поле. Да и разве назовешь это стеной — взгляд озорно перемахнул через нее и изучает, где тут стол, стул, компьютер, книжная полка, за ними — гостиная, хочешь — отдохни на софе или в длинном кресле, которое когда-то стояло в зале ожидания на старой железнодорожной станции, а теперь стоит ровно перед телевизором, но можешь не включать его, это не дом Старшего, где телевизор постоянно работает, а дальше — о боги! — качели, забравшись на них, ты сможешь рассмотреть картины, висящие вокруг, или выглянуть на балкон — теперь от него нас отделяет открытая стеклянная дверь, а справа обеденный стол и четыре стула, за ними снова низкая стена и кухня в томатно-красных и миндальных цветах, там в открытое окно заглядывает дерево ним, и со всех сторон, внутри и снаружи, все подзадоривают друг друга и спорят, кто открыт миру больше других, и на этих просторах взгляд расцветает и фланирует туда-сюда.

Дочь ведет Маму в конец коридора, к двери, инкрустированной разноцветными камешками:

— Вот основная спальня.

Это просторная комната. Здесь тоже стеклянное окно и двери, через которые ним, бодхи и кигелия нежно смотрят на тебя. На полках разные предметы искусства. Стены синие, как озеро, и ты начинаешь ощущать себя рыбой, плавающей в нем.

Или это тоже из-за усталости: Мама легла и через мгновение начала похрапывать.

— Несчастная, истерзанная Мама, — подумала Дочь, сама став матерью. К горлу подкатил ком.

Когда мать видит свое чадо в таком состоянии, все ее мысли собираются в одну точку. И уже нет никого между ней и ребенком — ни человека, ни желания. Кроме одного — все отдать своему чаду и сделать так, чтобы его звезда засверкала. Эгоизм и успешность — на одном берегу, на другом — мать и дитя. Ради него мать готова сбить спесь с целого мира.

Дочь стала матерью, а Мать сделалась дочерью. Дочь провела рукой по ее лбу: «Пришла. Теперь не дам уйти. Как ослабла, упала бы, если бы не я. Пройдя всего ничего, уже задохнулась. Она ведь могла упасть где угодно! Столько людей якобы присматривают за ней, а бедняжке некому помочь. Даже сейчас на ней местами осталась пыль. Когда мылась в последний раз? Пусть поспит.

Потом помою ее с мочалкой. Постепенно я верну ее к жизни — вот увидите!»

Психологи говорят, что то природное свойство, которое проявляет себя, когда мы только входим в комнату или в собрание людей, и создает личность. Определяет следующее мгновение. Как только Мать вошла в комнату, она уснула на кровати, а Дочь стала матерью. Когда она проснется, будет другая жизнь. Жизнь другой. Остальное — кому на что ума хватит, аминь.

2

Мамино утро началось очень неспешно. Она потянулась с закрытыми глазами. Дочь тут же подскочила к ней.

Напротив висела картина С.Х. Разы. Из-под Маминых век вылетели ярко-оранжевые точки и устремились в картину — подначивать точку-бинду, нарисованную Разой: мол, нет никакой нужды сидеть в заточении у плоской рамки. Картина называлась «Когда ветер был ветром». Мама прочитала это с закрытыми глазами?

Она открыла глаза и, увидев Дочь, одарила ее свежей улыбкой, которая ясно дала понять, что сон сложил Мамину усталость в свою дорожную сумку и отнес в далекие дали на перевоспитание.

Взгляд, разгуливающий по сторонам, не был ни сонным, ни изможденным, ни отсутствующим, ни разбитым, ни измученным, ни подавленным. Нет, он не был погасшим и безразличным, как это бывает, когда все время видишь и слышишь одно и то же, и это наводит тоску. Слегка в полудреме — да, как будто не понимаешь до конца, то ли спишь, то ли бодрствуешь. Новый взгляд новорожденной, которая радостно агукает, видя разворачивающийся перед ней мир в самый первый раз.

Мама подняла руки вверх, как будто пытаясь собрать капли солнечного света, нежно падающие на ее лицо. Провела языком по губам, проверить, теплые ли они. Младенцы тащат в рот все, что только попадется им под руку.

(Однажды Сид, будучи как раз в этом возрасте, запихал в рот упавшего на спину таракана, его достали, а взамен Сид получил пощечину, его рыдающую мать утешала Сушила: «Не плачь, милая, вот была бы это змея… но не была же?»)

Мама высунула ноги из-под одеяла. Когда дети лежат, их ноги ходят ножницами, волчком, крутят велосипед и еще бог знает что. Мамины ноги этого не делали. Но у взгляда нет возраста, и он закружился волчком, исследуя новый мир.

— Встанете? — Дочь смотрела внимательно.

Конечно встанет. Столько спала — теперь время вставать.

Дочь казалась очень уставшей. Она не могла уснуть всю ночь. Переживала за Маму. Мама чуть пошевелится, а она уже вскакивает: «А? Что случилось? Надо в туалет?» А если Мама не шевелилась, волновалась еще сильнее — не становится ли ее дыхание все медленнее и медленнее? Она не могла уснуть еще и потому, что ее отвлекало Мамино похрапывание, да и к тому же она давно отвыкла спать рядом с кем-то. Мама ерзала и вздрагивала во сне, как ребенок, и временами слегка вскидывала руки и ноги, словно отряхивая с себя усталость, потом храп становился глубже, но Дочь каждый раз подскакивала и не моргая вглядывалась в темноту, как будто рассмотреть что-то можно только ночью. Каждый раз она спрашивала: «Что случилось?» — но Мама беззаботно спала. «Слава богу!» — думала она про себе. И сердце ее успокаивалось.

Это была первая ночь. Тому, что происходило сейчас, было суждено повторяться раз за разом. Когда весь мир спит, вселенная лепит будущее, как гончар.

Мама не сказала: «Нет, я не встану». Сказала:

«Да». И начала подниматься сама. Дочь подскочила и протянула трость, и, сама придерживая Маму, сказала:

— Пойдемте на балкон пить чай!

3

Ну вот. Первое мгновение. Которое определило ход будущего. Будет утро, будет чай на балконе, и будет бесконечная беготня. Бегать будет Дочь. Она прибегала, стоило только Маме шевельнуться, мчалась помочь с любой мелочью, как тревожная мать. Днем само собой, и ночью тоже.

Вот какой распорядок установился на следующие ночи. Сколько бы раз Мама ни вставала в туалет, а это было как минимум три-четыре раза: первый раз в одиннадцать часов, потом около двух, около четырех, и в шесть-полседь-мого, Дочь всегда вставала или уже не спала и ждала. Если ей удавалось вздремнуть на пару мгновений, это еще больше усугубляло ее тревожность. Малейшее движение — она уже вскочила, уже спрашивает или зажигает фонарик. Мама даже начала ругаться, мол, если спать не будешь, я перестану вставать. Но разве это было выполнимо? Ведь как не вставать? К тому же теперь она уже не была кульком, которой только и знал, что

«не встану».

Тогда Дочь молча, но все равно вставала. Молча смотрела, как Мама просыпается, сидит несколько мгновений, засовывает ноги в шлепанцы, слегка пошаркав, протягивает руку за тростью, осторожно поднимается, лает собака, проезжает грузовик, Мама спотыкается, хватается рукой за стену, Дочь уже почти бросилась на помощь, но сдержалась; когда Мама толкает дверь в ванную, полоска света разрастается и Дочь быстро закрывает глаза, Мама внутри, раздаются какие-то звуки, села, все тихо, после долгого ожидания — кто знает, сколько оно длилось, — Дочь молча встает и крадется к двери, как кошка, прикладывает ухо: почему ничего не слышно? Раздается звук шаркающих ног, Дочь идет в другую ванную, возвращается обратно — все тихо, почему? Заглядывает в щель — Мама сидит на унитазе, спокойно, просто сидит, что тут сделаешь? Пошла на кухню, попила воды, вернулась — надо же, до сих пор там.

— Мама, — позвала она со своей кровати.

— Ложись спать, — строго отвечает Мать.

Молча она сначала прикладывает ухо, потом заглядывает:

— Что делаете?

— Я же сказала, иди спать! — В голосе Мамы одновременно слышатся злость и отчаяние. Звук льющейся воды, Мама не успокоится, пока не подмоется.

— Ночью пользуйтесь туалетной бумагой, не нужно будет столько раз бегать, знаете же, что мамы открывают воду, чтобы дети скорее пописали?

Но Маме обязательно нужно подмыться, потом обязательно помыть руки, и ей нужно ходить так снова и снова; когда дверь закрывается, пятно света внезапно исчезает, и Дочь быстро включает фонарик.

— Ох, ты не спишь, устанешь ведь, — ворчит Мать.

Сон ушел от Дочери в следующую главу еще и потому, что она привыкла спать в темноте. Привыкла спать одна. Привыкла спать, когда никто не шевелится рядом. Привыкла спать, когда ничто не беспокоит. Мама, конечно, ворчала на нее, но как же ей было спокойно рядом с Дочерью, это было видно даже по тому, как она спала. Каждый раз, когда Дочь отодвигалась, она перемещалась вместе с ней и клала голову на ее руку. Как будто ее сон держался на осязаемой близости Дочери, в присутствии которой все тревоги исчезали и

можно было спокойно вытянуться и уснуть.

И случилось так, что Дочь, бдившая каждое движение Матери, становилась все бдительней и бдительней. Она боялась, что, уснув, раскинется и случайно заденет Маму рукой или ногой, и та проснется, поэтому она все время сползала к краю кровати. А спящая Мать, которая хотела ощутить присутствие Дочери, скатывалась за ней и прижималась опять. Дочь лежала, сдерживая дыхание.

Все следующие ночи Дочь лежала, съежившись в углу, почти на самом краю, Мамина голова — на ее руке, а тело вытянулось на всю кровать. Бывало, Дочь сползала еще чуть-чуть, и тогда ее руки и ноги свешивались вниз. К утру Мама лежала, раскинувшись поперек кровати, а Дочь — скрючившись в углу

и наполовину свалившись, ноги внизу, как будто уже давно готовы встать.

Это было достойное зрелище — Мать, представшая в образе восьмирукой спящей богини, но кто мог это видеть? Только солнце. Оно приходило к ней каждое утро, целовало ее лицо, она просыпалась, и они долго смотрели друг на друга. Мама и солнце.

4

Мама стала просыпаться вместе с солнцем, сначала глаза, а потом и вся она вместе с ним отправлялась осваивать дом.

— Пойдемте, — говорит Дочь, увидев Мамины открытые глаза, вокруг которых по всему лицу были разбрызганы капли солнечного света. Подскочив, вручает ей трость и поддерживает сама. «Сколько всего ей пришлось вытерпеть, лежала совершенно несчастная в доме Старшего, ноги от этого слабели все больше, но у нее есть я — она еще будет здоровой и счастливой, вот увидите! Ходит еле-еле, хватается за все, но она научится ходить! Я научу ее, так и знайте!»

Утреннее солнце встает из-за купола, окруженного зарослями, и первым делом заглядывает на балкон. Мама выходит ему навстречу и останавливается:

— А-а-а-а! Я падаю, падаю.

Дочь крепко хватает ее. Мама вдохнула, потом — Дочь, их дыхание стало одним.

Первые дни. Маме предстояло найти равновесие и свой собственный ритм.

Аккуратно устроившись в кресле, стоящем на балконе, она принимается за чай, а ее взгляд

скользит то вперед, то назад, то где-то рядом, то вслед за солнечным светом. А свет начинает перекатываться перед ней довольным зверем, и весь балкон переливается золотом.

Дочь считала, что это она вывела Маму на балкон, ей было невдомек, что солнце накинуло петлю на Мамину трость и настойчиво тянуло ее за собой.

Поэтому с тех пор Мама двигалась по дому вместе с солнцем, куда оно — туда и она, сидит или лежит. А иногда замрет, очарованная его сиянием. Все окна-двери этого дома были открыты для неба, ветра и деревьев, которым достаточно было лишь постучать, а солнечный свет расплывался здесь, не зная препятствий, и принимался нежно и ласково играть с Мамой.

Да, поначалу Маме не всегда удавалось удержаться, сидя на коленях у солнца, — она падала и, охая, опять поднималась на ноги, но постепенно она выросла, и они целый день разгуливали по дому обнявшись. Вместе на балконе до завтрака, потом Мама шла в ванную, кто знает, может, солнце пробиралось и туда, потому что выходила она, как будто омытая светом. (Поначалу Дочь, ставшая теперь матерью, тоже обязательно заходила в ванную вместе с ней, опасаясь, что

бедняжка слишком слаба и не справится. Возможно, какие-то подробности нас ждут впереди.) Ведомая тростью и светом, Мама выходит, пошатываясь и качаясь, при виде ее походки солнце тут же вспоминает о качелях. Оно ухмыляется и склоняется к качелям, потихоньку усаживает туда Маму, и они вдвоем отдыхают. (Дочь думает, что это она усаживает Маму, но она вообще привыкла слишком много думать.) Солнцу так нравится светить на Маму, сидящую на качелях, что оно все светит и светит, даже немного чересчур. От этого свечения золотое сияние рядом стоящей трости усиливается, и разбуженные теплом бабочки начинают порхать вокруг. Этим они как будто хотят сказать, что стало слишком жарко, а Мама начинает ерзать. «Что-то я раздухарилось», — взяв себя в руки, солнце просит прощения у Мамы и поднимает ее вверх. Вдвоем они идут за обеденный стол, солнце усаживает ее поближе к тени (Дочь и тут уверена, что все благодаря ее стараниям) и заботливо соскальзывает к ее ногам.

После этого опять вдвоем они прохаживаются туда-сюда, а если Мама захочет, солнце припекает ее поясницу, поджаривает спину и согревает, когда она дремлет после обеда. Как же чудесно

— солнечное тепло наполняет тело, а ветер нежно поглаживает кожу. Тело как будто впервые ощущает себя и с удовольствием отзывается на прикосновения, Мама разворачивается вслед за светом, с удовольствием откидывает голову на большую кровать, отодвигает подушку повыше и раскидывается во все стороны, повторяя форму световых пятен.

К вечеру, усадив Маму на софу, солнце окрашивается син-дуром и оплывает в западном окне балкона. Оплывает медленно, как будто не хочет уходить, но пора уступать место сумеркам — будет несправедливо присвоить их время. Окропив Маму багрянцем, солнце исчезает. Она укутывается стеганым одеялом и ложится со спокойным сердцем. Она хорошо знает, пусть и не скажет себе вслух, что завтра солнце вернется.

Когда Мама окрепнет и опять сможет поднимать руки, она будет макать трость в солнечный свет и ходить с ней, как с поднятой кистью, раскрашивая мебель и стены там, где они есть. Выходит, она тоже может управлять солнечным светом, и они, как друзья, следуют уговору: сначала ты за мной, потом я за тобой.

5

Но почему мы лишаем Дочь права на самообман там, где все этим грешат? С какой заботой и тревогой взрослеющая Дочь ухаживает за крохотной Мамой. Осторожно-осторожно, день за днем. Как аккуратно обращается с ней, как будто это стеклянная кукла, а не хрупкая старушка. Мама сама ведет себя с ней так, как будто вот-вот разобьется. Дочь наносит масло на Мамины волосы. Перебирает прядь за прядью — убедиться, что нигде не осталось белого порошка или еще какой скверны. Мама уже и голову держит с трудом, вздыхает и охает, пока пальцы бегут вдоль пробора.

— Ну Мам. — Дочь, сама ставшая мамой, сдвинула брови, но смотрит с нежностью.

— Правда, больно!

Маме сложно наклоняться и поворачиваться. Даже небольшое движение утомляет ее. Дочь будет ее купать. Она отправила Мантури на базар, чтобы тот просверлил дырочки в пластиковом стуле, тогда Мама сможет удобно сидеть на нем, а вода будет стекать. Мама садится туда, куда скажет Дочь, и так, как она скажет, Дочь купает ее и моет. Она пытается возразить: «Уйди, срам

какой — все делать у тебя на виду».

— Да я же сзади стою, ничего не вижу, да и что такого, я же Дочь, — возмущается она.

— Ай-ай! — вскрикивает Мама, когда Дочь намыливает ее. Как будто тело появляется из векового праха и усталости и Мама знакомится с ним заново, поэтому сейчас оно особенно уязвимо и на каждое касание отзывается болью и стоном.

Пятки у Мамы потрескались, ведь сколько она бродила, пока ее не нашли… Все подошвы ног в волдырях. Нужно аккуратно потереть пемзой.

Дочь склонилась над Мамой и тщательно натирает мочалкой. От щекотки Мама слегка вскрикивает, как будто впервые ощущает себя.

Дочь спускает воду, из пены появляется новое сияющее тело.

Дочь вытирает ее, пока она сидит. Потом заворачивает в большое полотенце, помогает встать и ведет в комнату. Мама нежная, уязвимая, голая, как маленькая девочка.

— Посмотри, — говорит Мама. На ее руках красные и синие пятна. Дочь в ужасе:

— Это я слишком сильно терла? — Спина тоже в пятнах. Это память о днях, когда она исчезла, да и сама память исчезла. Дочь не хочет напоминать, спрашивая. Где спала, что ела — Дочь ни о чем

не может спросить. Когда Маму нашли, она была обута, выходит, намеренно ушла? Как? Одна? Опираясь на трость? Дочь не спрашивает. Она упорно старается стереть и смыть этот кошмар.

Она наливает немного детского масла себе на ладони и растирает Мамино тело. Мама вскрикивает, как будто боль действительно приносит ей удовольствие и дает почувствовать каждую клетку. Увидев апельсиновый сок, она радостно щебечет и, немного утомившись, раскидывает ноги и вытягивается сама.

Это самые первые дни. Дочь делает все: купает, моет, кормит, помогает ходить. Но вряд ли ей придется делать это всегда? Мама окрепнет. Все будет делать сама. Купаться, мыться, есть, спать. Дочь уже не будет оставаться с ней в комнате, и Мама безмятежно раскинется на кровати, как Аштавакра[71].

6

Один стебель, один лепесток.

— Да, — сказала Мама, попивая чай на балконе, — здесь должны быть цветы.

---

[71] Примечания: 71

Буквально переводится с санскрита как «скрюченный в восьми местах». Мудрец и подвижник, легенда о нем изложена в «Махабхарате».

— Уф-ф-ф, а когда я буду в отъезде, кто будет ухаживать?

— Кто будет ухаживать? — повторила Мама.

Обе засмеялись, и было решено нанять садовника, под присмотром которого Мама сможет возиться в земле. «Ну и ладно, — подумала Дочь, — если это приносит ей радость, пусть делает, что хочет, здесь не должно быть никаких правил, как у Старшего, ни претензий его жены, ни жеманства чиновников, надевай что хочешь, говори что хочешь — полная свобода, выращивай сад на балконе».

С каждым днем на пороге появляется еще одно растение и забирается в свой горшок, а потом вышагивает вразвалку, так же, как Мама. «Малыш Рамачандра ходит приплясывая, и колокольчики звенят на его ногах»[72]. Мама прогуливается по балкону, останавливается посреди солнечного пятна, и, прислонив трость к горшку, поднимает руки и потягивается, потом кладет их на пояс и поворачивается налево-направо. Цветы танцуют вместе с ней.

— Что происходит? — смеется Дочь. Ей нравится смотреть, как Мама потихоньку возвращается

---

[72] Примечания: 72

Строки из «Рамаяны» (полное название «Рамачаритаманаса») поэта Тулсидаса (ок. 1532–1623).

к жизни.

— Ох, хорошо! Поясница затекла, пока в ванной сидела.

Мама говорит о боли, но в голосе — радость.

— Все-то вам больно, — ласково говорит Дочь. — Закапаешь капли в ухо, так кряхтите, пока они не скроются глубоко внутри. Ногти стригу — вскрикиваете сквозь зубы.

— Бывает, — хнычет Мама, — посмотри, тут покраснело.

— Так было уже, — разглядывает Дочь.

— Но была маленькая точка. Как расползлась. А здесь, посмотри-ка, становится синим. А вчера, — ты только послушай, что случилось, — прямо во сне. Сегодня выпью исабгол и гастромон, а знаешь, сколько вышло? С кусочек ногтя. — Мама жалуется на запор и боли. Пока она подыскивает сравнение, у нее вырывается непроизвольный звук, больше похожий на кудахтанье. Это в животе бушуют тайные страсти.

Бородавки, родинки, прыщи, веснушки — вскакивают, лопаются, опять вскакивают — и так каждый день. Растирает руки-ноги, внимательно разглядывает, то расстегнет одежду, то просит посветить и посмотреть — там еще и чешется. Расползается потихоньку. И потемнело. На про-

шлой неделе было как след от иголки, а теперь как волдырь. Уж не признак ли это чего-то еще?

Как если бы это не волдыри, бородавки и прыщи, а две упрямые почки вскочили на груди несмышленой девчонки.

Мама говорит о своем теле, как взволнованный подросток: «Послушай, классные новости, у меня начались месячные, сегодня не пойду в школу, выпью аспирин, возьму бутылку теплой воды и буду лежать на солнце». Или по секрету показывает: смотри, тут начали расти волосы.

Не успела ощутить радость взросления тогда и наверстывает теперь? Или, когда тело вдруг пробивают новые ростки и оно готовится зацвести, кожа на груди начинает трескаться и лопаться и ты начинаешь ощущать биение жизни и всю мощь рождения? Тело остается телом в семнадцать, семьдесят и семьдесят восемь и горделиво выставляет на обозрение свои изгибы. То ли порыв ветра, то ли пощечина солнца заставили его прорасти и зацвести. Наклонившись она пристально изучает себя, обнюхивает подмышки, хрустит запястьями. Если росток покачивается, то вряд ли из-за ветра, это толчки изнутри, шея в азарте ищет свое место и кокетливо ходит из стороны в сторону.

— Ничего страшного, — успокаивает Дочь, — с возрастом такое бывает.

Секретики. Девчонки перешептываются. У меня в первый день хлещет как из ведра. У меня неделю идут. У меня на третий день еле капает, а потом — все. Ты прикинь, я встаю после урока, а на софе свежее пятно, я смотрю, учитель смотрит, и у нас обоих лица красные, как оно.

Доверительное шушуканье прерывается взрывами смеха. Радости познания тела выводят из равновесия. Никак не могут понять, что лучше: когда льют не переставая или когда капают по чуть-чуть.

7

Все тихо. Ничего не происходит. Вокруг покой, и Маме нравится это отсутствие движения.

— Ох-х-х, — вздыхает она.

— Ой, тихонько, — говорит Дочь.

Мама смотрит на свою руку.

— Что там?

Мама греется на солнце.

— Бородавка на руке, посмотри. Раньше не было. Не нравится она мне.

— Не болит?

— Нет, но она мерзкая и чешется, — насупилась

Мама.

— Просто забудьте про нее, — утешает Дочь.

Мама забыла. Все распри остаются за спиной.

Д.В. Палускар поет рагу Шри[73] «Стопы Хари прекрасны». Его голос медленно-медленно обволакивает беседу Дочери и Матери. Солнце склонилось в прощальном поклоне. Страница перевернута. На столе расставлены тарелки маково-красного цвета. Стулья придвинуты. Закрыла коробочку со специями. Достала бутылку из холодильника. Зажужжал миксер. Стрелка часов отбивает шаг. Солнечный багрянец вернется завтра. Книги выстроились на полке. Повсюду вальяжно раскинулись тени. Вышитая цветами шаль тихо развевается. Падает иголка. Тихий голос ночи. Тихий не значит беззвучный. Просто тишина укутана звуками. Она разносит их, став ветром. Тишина сгущается за спиной. Слышно собственное дыхание.

---

[73] Примечания: 73

В индийской музыкальной традиции р а г а — это основной принцип построения музыкальной формы, мелодия, ритм и лад которой соотносятся с определенными эмоциями и образами, а также временем суток, днем, месяцем, годом. При этом надо понимать, что североиндийская и южноиндийская традиции сильно различаются. Рага Шри ассоциируется с покоем и радостью.

8

Она может извлечь музыку из чего угодно, и сейчас ее инструментом стало дыхание. Долгий-долгий вдох — выдох. Еще глубже. Добавляются другие звуки.

— А-а-а, а-а-аха-а-аха, а-а-о-ахо, — зевает, широко открыв рот.

— У-у-У, у-у-у, и-и-има, у-и-ум-ма, — наклоняется в разные стороны.

— Хис-с-санг, эх-х-хчх, — подняв трость, выплескивает солнечный свет и воздух на стену.

— Вхи-и-и, и-и-и, и-и-и, и-и-и, — засунула палец в ухо и ожесточенно чешет.

Расчесывает свое тело изнутри и снаружи, и каждое действие проявляется в звуке.

На каждый поворот — *ах,* подняла руки — *ох,* шагнула — *аийа-а,* колокольчик зазвенел — *о-о,* кто-то пришел — *хуш,* съела роти — *кут.* На все найдется свой собственный, ни на что не похожий звук. И он накладывается на разные тональности вдоха и выдоха.

Тело, дыхание, звук — все новые и новые вариации.

Ребенок делает абсолютно то же самое. Грызет и целует свое тело, на все лады испытывает голос.

Может, так он приспосабливается к этому миру. А может, это звуки из прошлых жизней, с помощью которых он в этом рождении заново создает себя. От каких-то он откажется, какие-то усвоит опять, а какие-то создаст сейчас.

Мамы смеются и умиляются. Любимый детский лепет.

Дочь с нежность журит Маму:

— Что за тарабарщина? Запишу аудио, чтобы отпрыски твои послушали. Все, что говоришь одна, со мной, когда ешь, пьешь, спишь и бодрствуешь. Твои полные умиротворения а-а-у-у, когда переворачиваешься. Как причмокиваешь губами во время еды — ам-ам-м-м, чап-чап. Как прихлебываешь. Ина-а-ан-у-ун — когда потягиваешься. Из ванной тоже слышно а-а-а, хунху-хун. — Дочь смеется.

Но ночью ей не до смеха. Просыпается без конца. Мама так раскидывается на кровати, как будто отрабатывает позы, которые ей нужно будет повторить на следующий день, чтобы выйти в мир. Примеряет и оттачивает разные положения тела. И каждое движение — это стон — а-ах, у-ух, а-а-ох или храп — а-ах-х-ха-а.

Среди этих новых звуков иногда пробиваются знакомые слова:

— А-а-ах-хорошо часть не фр-р-р лицо-и-и-и-е-е у-у-ох кверху и-и-и-пластырь-у-у-и.

Но смысл остается неясным. Как будто она издает звуки только ради самого процесса. Она нашла новый музыкальный инструмент и теперь осваивает его.

Эту новую нотную грамоту Дочь не понимает. Но она понимает, что все это — звуки покоя. Кто сказал, что звуки — это обязательно шум?

9

Звуки покоя.

Шуршание метлы за окном.

Разносчик газет бежит в шлепанцах — шлеп-шлеп. Шмяк — падает газета.

Открывается входная дверь. Полоска света запрыгивает внутрь. А с ней — щепотка пыли.

Заголовок прочитан — страница перевернута. Шелест страниц.

Ветки, листьями прочесывающие окно. Один листок, вздохнув, устремился к земле.

Голоса павлинов в зарослях через дорогу. Слышно, как они расправляют крылья, и их ноги кружатся в танце.

Мама и солнце неразлучны. Их шепот. Еле слышные голоса.

С журчанием струйка чая неспешно наполняет чашку.

Янтарно-желтый чай из прозрачного чайника переливается сладкой тишиной, но Мама все равно добавляет две ложки меда.

Если посмотреть на падающие цветы чампаки, то можно услышать их голоса.

В соседней квартире служанка гремит ведром.

Кто-то перемалывает свежие специи. Разносится аромат.

Кто-то толчет кардамон в ступке — душа воспряла.

Мама делает долгий глоток, по звуку похожий на птичий свист.

Снаружи доносится ответ.

Мотыга садовника заскрежетала зубами в земле.

10

— Уж не становлюсь ли я мужчиной? Борода, посмотри.

— Один волосок, — смеется Дочь. — Ой, у меня ровно на этом же месте.

— Да, как раз тут, на подбородке, и вылез. Посмотри-ка, всего один. Будет расти. — Мама хочет вырвать его. — Дай-ка ножницы.

— Нет-нет, — встревожилась Дочь, — я щипчиками вырву. Вот ведь удивительно, ну ровно на том же месте и у меня один волосок. У нас обеих борода.

— Хе-хе-хе.

Мама так кокетничает с собственным телом, как будто видит его впервые. Или это любовь? Когда бы ни пришла — тогда и впервые.

Всепроникающая любовь, со всех сторон — она. Там-здесь и насквозь. Ее тело как будто пальто, которое она носила правильной стороной, а теперь сняла и надела наизнанку. Потрепанной подкладкой наружу. Если проветрить ее, плесень исчезнет.

Вся бугристая, драная, рваная, спутанная, расползающаяся. Синие вены, волдыри, язвы, порезы, шрамы. Она изучает их, гладит, смотрит, показывает.

11

Дочь радуется. Мама начала сама ходить — только посмотри, как бодро обходит весь дом кругом! Что это? Репродукции Хусейна? Он искал свою мать, которую не знал? И запечатлевал ее воображаемые образы в своих картинах? Вот это сила искусства! А это? Это животные, вы-

полненные жителями Бастара. У них все одно — животноептицачеловекприрода, всех оберегают, всех почитают. Какое единство!

Возвращающееся дыхание Матери наполнено дыханием Дочери. В ликующих цветах Матери — цвет Дочери.

— Ты прочитала все эти книги?

— Да.

— Достань что-нибудь, я начну читать. У меня глаза краснеют, когда я читаю. Слезятся.

«Где же ты была, что так ослабла», — стучит в голове у Дочери, и сердце дает течь.

— Полежите. Не делайте все сразу. Нужно делать передышки.

12

Зазвенел телефон. Это был К. К. Она быстро переключила на беззвучный режим. Чтобы не разбудить Маму, которая теперь была дочерью. Потом поговорит. Наверное, он вернулся из Даруссалама. Забыла. Но если бы и помнила, не смогла бы пригласить сюда сейчас. И точно не с ночевкой. Кровать заняла Мама. Не сейчас. Все другие отношения откладываются на несколько дней.

Да и нет настроения. Дочь понимала, возможно,

только подсознательно, что мать и любовница не уживутся в одном теле. Если внутри вас выросла мать, то она с легкостью скинет змеиную кожу любовницы.

13

Мама ест паратху с овощами. Дочь договорилась с соседской служанкой, что та будет готовить им еду. Она не может кормить Маму тем, что привыкла есть сама: мешаниной из крупы и овощей, которые варятся вместе наподобие кхичди, К. К. называет это комбикормом.

14

Дочь получает удовольствие, открывая что-то новое для нее.

— Посмотрите. Очень хороший английский фильм. Все поймете. Постепенно привыкнете к произношению. Про нацистскую Германию. Основан на реальных событиях.

Мама и Дочь вместе смотрят фильмы. Увидев «западный» поцелуй, обе стыдливо хихикают.

— Фу, — говорит Мама без всякого отвращения, — как они так слюнями обмениваются?

Обе хохочут, как несмышленые девчонки. На

щеках у них проступает румянец — то ли солнце припекает, то ли изнутри пышет жаром?

15

К. К. она сказала, что ей нужно все уладить, Мама еще не пришла в себя, они увидятся позже. Она не смогла сказать даже себе, что переменилась в душе. Она читала, что два меча нельзя вложить в одни ножны, но что в одном теле нет места для матери и любовницы — нет. И обе они не могут спать на одной кровати.

Мама спит раскинувшись во все стороны. Засыпает, только успеет лечь. Во сне она проверяет, рядом ли Дочь — ага, тут, голова, рука, коленка, прижимается к ней и засыпает еще крепче. Дочь, конечно, не спит, ну и пусть — ей спокойно от того, что Мама спит безмятежно. К утру Дочь почти сползает под кровать, Мама — поперек. Дочь ставит будильник, но выключает его до того, как он зазвенит, потому что уже проснулась.

Но над другими звонками у нее сейчас нет власти. Ни телефон, ни дверь больше не подчиняются.

Раньше здесь никто не звонил в звонок. Никто не приходил, если не договорились заранее. А

тех, кого ждали, ждали к определенному часу, и, услышав звук шагов, Дочь открывала дверь. У К. К. были свои ключи. Мусор она выставляла за дверь, туда же приносили молоко. Так ей удавалось избежать сотни звонков, привычных для здешних домов. Пылесосит она сама, подметает и вытирает пыль тоже, иногда компания, обслуживающая офис К. К., делает полную профессиональную уборку — паутина, всякие насекомые, книжная пыль, ржавчина. Все было чисто и прибрано, а повара не было, потому что Дочь хоть и следила за своим здоровьем, но в еде была непритязательна. Готовила на одного человека, иногда на двоих, время от времени устраивала вечеринки — разве сложно? Каждый раз готовили что-то особенное — это добавляло вечеринке особый шарм. Они все были разные на вкус: итальянские, китайские, мексиканские, гуджаратские, бенгальские, малабарские. К. К. прекрасно готовил.

Но теперь звонки сыпались градом. Звонок повара, садовника, уборщицы, продавцов овощей, фруктов, питьевых кокосов, многочисленных родственников. В любое время и без предварительных договоренностей. То ли звонит Мамин мобильный, то ли это в дверь — Дочь каждый

раз в растерянности. Она к своему-то дверному звонку не привыкла, что уж говорить про звук Маминого телефона — каждый раз выпрыгивает из собственной кожи.

Близкие и дальние родственники, друзья Старшего и Невестки, соседи — все звонят.

— Слышали, вы приехали на несколько дней к Дочери, хорошо, и для нее тоже, как вы там?

Невестка спрашивает каждый день:

— Сегодня приехать за вами? Новый дом уже привели в порядок. У вас в комнате очень солнечно.

Старший звонит:

— Когда вернетесь? Прислать вам стул для купания? Вы там что-то едите вообще? Может, приготовить паратхи и послать?

Сид из Бостона:

— Приеду и проучу! Говорят, ты одна улизнула из дома и бегом в путешествие, надо было меня взять, сказать мне, какая плохая бабуля!

Садовник:

— Мата джи, рыбное удобрение можно купить, бугенвиллея есть всех цветов, даже Мэри Палмер, но китайского апельсина не нашел, посмотрю на другом базаре, да, шланг принес.

Продавец фруктов:

— Мата джи, папайя не привитая, натуральная.

Зеленщик:

— Я принес и марь, и укроп.

Мама:

— Принеси еще черную морковь. — И обращается к служанке: — Потри ее, сделаем халву.

Если неожиданно кто-то звонит в дверь, то Дочь хватает телефонную трубку и говорит: «Але, але!» А когда перед ней открывается дверь, смотрит в полной растерянности, силясь понять, кто это. Хотя все ей хорошо знакомы, она не может узнать их, потому что впервые видит на пороге своего дома. Как же ей привыкнуть к этому новому состоянию?

Однажды звонок зазвенел в час ночи и совершенно выбил ее из колеи. В ярости она вскочила, накинула шаль на плечи и, спотыкаясь, побежала открывать. Кругом темень, она уже собралась позвонить охраннику и отчитать его за то, что пропустил кого-то без предупреждения. Но только проснувшись окончательно, поняла, что бедняга никого не пропускал. Это звонил Мамин телефон, и она сняла трубку. В этот час? Ее гнев постепенно перешел в страх, когда она услышала о смерти. Звонил Старший. Преставилась

тетушка Тинно, которая жила в далеком-далеком Эдмонтоне. Только вчера Сид ездил к ней, и она была в отличном расположении духа, да, ей уже больше восьмидесяти, а может, и все девяносто. «Когда мы с твоим Отцом были в Ранчи, она тоже приезжала, это было двадцать лет назад, тогда ей должно было быть семьдесят». Пока шел спор о возрасте тети, Дочь с всевозрастающим страхом думала о том, с какого возраста увеличивается риск смерти. Оставшуюся ночь она тревожно следила за Мамой. Ну и ладно, все равно у нее была бессонница.

Ей нужно найти такой рецепт, чтобы звонки больше ее не тревожили.

16

Мама уснула так, как будто все было и есть спокойно. А оно так и было. Разве шум может повлиять на покой? А покой на шум? Если тихо, то тишина окружает. Она обволакивает покоем, и ты затихаешь, даже если мир вокруг бешено стрекочет. А если обволакивает шум, то даже в полной тишине ты весь гудишь.

17

Мама начинает разговаривать молча. Сама с собой — вроде как с другими наговорилась, теперь можно и с собой. Как будто в ней два существа, одно смотрит на другое и говорит: «Сходи помойся», а другое отвечает: «Да, уже поздно, пойду помоюсь».

— Эй, осторожней! — говорит первое.

— Еле удержалась, — смеется второе.

18

Кто умеет смотреть сердцем, пусть закроет глаза и увидит, как Мама в слегка волочащейся одежде и тростью в руках бродит по дому Дочери, немного пошатываясь, почти паря в пяти сантиметрах от пола, заключенная в хрупкий пузырь тишины, внутри которого переливаются радужные частички солнечного света.

Шум не нарушает покой.

19

Рано утром, когда Мама пьет чай на балконе, черная птица издает протяжный свист. Залива-

ется трелью.

20

Потихоньку Мама заполняет собой каждый угол, каждую трещину дома. Ей кажется, что она летает. Ей это нравится. «Здесь мои ноги не касаются земли». Летает молча. Слушает свои вдохи и выдохи. Слушает, как в воздухе кружит былинка. Слушает, как растет трава. Слушает, как волнами разливается солнечный свет. Слушает, как наступает вечер. Слушает, как раскрывается ее тело. Слушает, как оно, раскрывшись, начинает цвести.

21

— Ты, как воздух, наполняешь собой каждый угол и каждую трещину своего нового дома, — с нежностью говорит Дочь.

— Я двигаюсь, чтобы воздух выходил из меня, — отвечает Мать. — Посмотри, как живот натянулся и раздулся из-за воздуха. Двигаюсь, и воздух выходит.

— Выпускаешь воздух и летаешь в воздушном шаре.

— Ха-ха-ха. — Обе смеются над своими непри-

стойными шутками.

Подолгу обсуждают пищеварение:

— Я так много ем здесь, а выходит почему-то с кунжутное семечко, ну или с лотосовое. Все время кажется, что надо сходить, пыхчу-пыхчу — только воздух выходит. Кишки не держат уже, вот и кажется все время, там что-то есть. Внутренности обвисли, как мешки, и там все собирается. Никак не хочет выходить.

— Я принесу инжир.

— Ты же сама его весь съедаешь.

— Так разве я сама не старею?

— Да, тоже подолгу будешь сидеть на горшке. Будем потом вдвоем ходить и строчить из пулемета.

— Господи, Мам. — Обе смеются, согретые этой непринужденной близостью. Щебечут и нежно называют друг друга «ты», как закадычные подружки.

22

Посмотри — Мама рыхлит землю в горшке. Послушай — птица заливается трелью. Дочь съела что-то жареное и облизывает пальцы. Все бабочки разглядывают. Солнечный свет наполняется ароматом.

Раздается смех:

— Что ты делаешь?

— Что мы делаем? — Продолжают смеяться.

Балкон и птичий свист. Птица и свист. Мама и птица. Горшки заполонили балкон. Мамины руки все время в земле. Пробиваются побеги.

23

У всякого фрукта свое время. В саване и бхадоне[74] на землю без конца шмякаются джамболаны, а в жару взрываются манго. Зимой на каждой зеленой гуаве сидят зеленые-зеленые попугаи, и когда наступает пора веселья, они начинают свистеть. Все свистят и свистят, и тогда на них снисходит божественное вдохновение, которое пьянит голову не только тем, кто достиг нирваны, и они гомонят, что есть мочи: «Мы существуем! О да! Ура! Господи! Мы существуем!» Свистят все громче и громче, ближе и ближе, и все предметы вокруг, способные издавать звуки, начинают восторженно вторить.

Свистит скороварка. Значит — готово. Еще чуть-чуть — и сгорело. Но когда остальные видят, что готова не только еда, но и Дочь вместе с ней,

---

[74] Примечания: 74

Б х а д о н — шестой, соответствует августу — сентябрю.

их желание испытать себя в действии распаляется все сильнее. И они принимаются звенеть и свистеть с еще большим усердием. Телефон, дверной звонок, листья, ветки и черная птица.

Здесь не было ее вины. Просто она не привыкла. Каждый раз впадала в растерянность и переводила взгляд с одного предмета на другой, пытаясь понять, кто издает звук. И тогда их шумные проделки наполнились местью. Стоит Дочери поднять чашку с чаем, как завопит скороварка — и горячий чай пролит. Только села за свою статью, как звонят по внутреннему телефону сообщить, что такой-то пришел встретиться с Мамой. Те, кого охранник узнавал, давали о себе знать звонком в дверь, который верещал, как испорченный ребенок, и Дочь снова падала или роняла что-нибудь. Она до сих пор не могла разобрать, то ли звонит Мамин телефон, то ли это надрывается телефон кого-то из посетителей, оглашая все вокруг нелепыми звуками. Каждый раз она спотыкалась и падала.

Звонок. Что? Телефон? По внутреннему? Щебечет птица? Дверь? Встала и смотрит на дверь, как будто та сейчас накинется на нее.

— Я открою, — сказала она служанке, которая вышла из кухни, вытирая руки.

Дочь смотрела ошарашенно, как будто видела их впервые. Наверное, она никогда не привыкнет к Рибокам. Вообще бывает, если привык видеть кого-то в одной обстановке, не можешь его узнать в другой, и в этом нет ничего удивительного. Рибоки, скрипя, проследовали внутрь. Вспомнилось. Этот скрип уже когда-то сбил с толку: «То ли я та, что внутри, то ли та, что снаружи, а она?»

Но. Она все моргала и моргала. «Это же дверь моего дома, а не та. Здесь уж я точно внутри, а она пришла снаружи. Этот дом не тот», — она повернулась вслед за Невесткой, которая уже подошла к свекрови, сидевшей на качелях, и коснулась ее стоп, — «мой дом».

— Ой, — сказала Мама.

Невестка, хихикая, села на качели:

— Вы теперь качаетесь?

— В моем доме Мама качается на качелях, — могла бы уколоть Дочь. Но чтобы вовремя нашелся ответ, нужно, чтобы сначала нашелся ум, а он все скакал туда-сюда при каждом звонке-свистке. Момент был упущен, и Мама уже отправилась показывать дом Невестке.

— Тут нет никаких преград. Посмотри! — Она водит в воздухе тростью. — Все это холл. В одной нише кабинет, в другой можно смотреть

телевизор, в одной нише библиотека, в другой — чайная комната. Открой ящик, там чайник и чайные принадлежности — все уместилось. Сделал чай — закрой. Ты тоже сделай так в своей квартире. — Мама с помощью трости делает презентацию PowerPoint и показывает Невестке в качестве примера этот дом, как будто свой собственный. — В этом окне ним. А в этом — бодхи. Вчера утром здесь сидела райская мухоловка. Это комната для гостей. Если припозднился, можно тут переночевать. Это моя кровать. Очень удобно ходить в туалет. Сама стена помогает. Спи себе спокойно. Но она не спит, встает каждый раз, чтобы посветить мне фонариком. Ее работа страдает от этого.

— Как страдает? — спросила Невестка тем самым наигранно заботливым тоном, который часто услышишь в семье, но ни за что не сможешь придраться к нему. — Она наконец рядом с вами. Счастливое время вместе. Дочь и Мать.

Коршуном оглядывается по сторонам: «Эти бедняцкие плошки. Нелепые картины. То несуразица какая-то, то все голые — современное искусство знает только такие формы. Стул, на котором сидел еще Адам. Посуда вся разноцветная — собрать комплект даже в голову не приходит.

Вместо скатерти тарелки из листьев, да и те резиновые. Вместо ковра какая-то подстилка из соломы, вместо занавесок гирлянды из птичек, лошадей и верблюдов, картонные миски в виде лодок, в которых лежат грецкие орехи и фрукты. Холодильник, размалеванный несочетающимися цветами. Открытая кухня, и слуги все время маячат перед глазами. Софа и табуретки, плетенные из джута и тростника. Стены как будто обмазаны коровьим навозом, ей хочется, чтобы все выглядело как в деревенской хибаре. — Ухмылка, притаившаяся на кончиках губ — нет, что вы, я совсем не смеюсь. — Этот дом без комнат. Мебель, купленная у старьевщика. Такого дома мне даром не надо».

Но ничего такого Невестка не сказала. Она позвонила своему Заморскому сыну и сбросила, а когда он перезвонил, начала петь дифирамбы жилищу его тетки:

— Так необычно, как с картинки какого-то журнала или газеты, похож на тот дом в Удайпуре, который построен вокруг живого дерева со всеми его ветками — как-то попалась статья про него. Нет, дерева нет, но все вокруг изгибается-извивается. Для вас, молодых, в самый раз: тут перепрыгнул, там увернулся. А я свалюсь с

этих кривых стульев и качелей. Все такое низкое, только и успевай смотреть под ноги, иначе обязательно споткнешься. Вообще доктора запрещают такое. Сидеть так низко и наклоняться за каждой вещью плохо для спины и коленей. Да. — Должно быть, согласилась она с сыном, а как же иначе. — Твоя бабушка не привыкла к такой низкой мебели. Не помнишь, под ножки тахты на веранде специально подложили кирпичи для нее? Но, кажется, ей нравятся перемены. Он говорит, что привезет вам ходунки, пусть будут, пользуйтесь по необходимости. Уж больно необычная мебель. Вы же аккуратно тут ходите? Только не упадите, прошу вас.

— Вовсе нет, — сказала бы Дочь, если бы могла, — это не низкая мебель с качелями сшибает здесь с ног, а бесконечные звонки.

— Мне ужасно нравится, — сказала Мама, показывая дом со всех сторон, как игрушку, а суровый взгляд Невестки внимательно изучал каждый его уголок.

— Достань еще чатни из амлы. Погоди, сначала выпей пахты. Шербет из баиля попробуешь? Садовник достал где-то.

— Вот это да! Сколько тут всего! Хорошо вы обосновались. Паратхи с дайконом? Однако. Хороший

у вас повар. И дом весь сияет. Еще и служанка появилась? Славно. В Индии мало кто пылесосит каждую неделю. — Невестка рассыпалась в комплиментах. — Мама превратила твое жилище в настоящий дом.

— Мама выглядит такой счастливой, — продолжала она, довольная собой. Золовка упала со своего пьедестала на землю. Уж больно задирала нос, мол, я особенная, живу, как хочу. Теперь стала как мы. Споткнулась, раскололась, поскользнулась, потрескалась.

Она не завидовала этому экстравагантному образу жизни. Невестки не хотят жить так, как их золовки. Но они с удовольствием наблюдают, как те лишаются жизни, к которой так стремились.

Кто знает, подумала ли так Невестка на самом деле или мы просто вписываем ее в традиционные отношения между невестками и золовками. Родственные связи превращаются в ритуал. По инерции исполняются одни и те же роли, зачитываются одни и те же диалоги и разыгрываются одни и те же представления. Удалось ли этим отношениям выбраться из привычной канавы? Вряд ли кто-то будет утруждать себя подобными изысканиями.

Сердце Дочери ушло в пятки. «Не из наших

мечтаний рассвет этот, друг. А отправились в путь, чтобы где-то однажды встретить его»[75].

— Ваше сари. Он купил на Холи. Я и подшила уже.

— Бог ты мой, да мне же больше половины придется заткнуть за пояс, возьми ты, носи сама.

— Не понравилось?

— Почему не понравилось?

— А вот еще духи. Те самые, с запахом земли. Ездила на Чандни Чоук. Чек. Он просил, чтобы вы подписали. И вот эти бумаги. Деньги нужны? Вот возьмите.

— Я не беру у дочерей.

— Когда вернетесь? Почему ковыряете в ухе? Вы хорошо слышите? Не ходите никуда, что-то явно не в порядке. Мне тоже нужно к ЛОРу, пойдем вместе.

— А чем это Старший так занят, что прийти не может? — недовольно спросила Мама.

Дочь, превратившаяся в зрителя, смотрела и слушала. Как будто перед сценой. Спектакль разыгрывается сейчас, или он только что закончился?

И тогда снова раздался звонок. Дверь? Пти-

[75] Примечания: 75

Строки из стихотворения Subh-e-azadT («Утро свободы») пакистанского поэта Фаиза Ахмада Фаиза (1911–1984).

ца? Скороварка? Мама? Сердце? Телефон? К. К.? Сказать бы сейчас: «Приходи немедленно, пусть все видят, как я живу, никакой показной праведности, как у вас». Наверное, вернулся из Вишакхапатнама.

Звонил Мамин телефон.

— Привет!

— Привет!

— Маджи?

— Нет, это я.

— Это тетушка Рози.

— Здравствуйте, тетушка Рози.

— Ты вернулась? Привет! Долго тебя не было в этот раз. Да-да, приходи. Когда хочешь. Дочь объяснит, как нас найти.

— Та самая? Хиджра? Тетушка? — Спросила Невестка. — Она и сюда приходит?

— Придет.

Дочь следит за тем, как вслушивается Невестка:

— Нисколько не затруднит, тетушка Рози. Мама здесь. Уже в порядке. Да, надо перейти оба моста, от автобусного парка поднимается дорога, дальше будут магазины, слева от вас должен быть магазин «Ле Марше». «Ле Марше». Это по-французски. Все называют его «Ла Март» или «Ла

Марш». За ним круглая площадь. Идите прямо.

Становится легче, если смотреть, не вылезая из той самой канавы-традиции. С этой точки зрения настроение Дочери должно было сейчас улучшиться: «У нас нет дурацких предрассудков и запретов. Только посмотри, как свободно Мама чувствует себя, как уверенно говорит. Здесь она не лежит, как бездыханное тело».

Казалось, Рози в два счета расправилась с Рибоками. Ну и кто теперь здесь хозяин?

Только Мать. Но никто об этом не догадывался.

24

Дело было в один из этих дней. Или ночей. Еще один звонок. Глаза не то спящей, не то бодрствующей Дочери тут же открылись. Это был необычный звонок. Но разве остальные звонки были обычными сейчас? Или это Мама расширяет возможности своего изобретенного языка? Она вглядывается в полутьму. Мама спит. Но это никак не меняет дело. Опять звук.

Дзинь-дзинь-дзинь.

Браслеты. На Мамином запястье.

Всего-то два браслета. На них болтается несколько безопасных булавок. «И это они меня разбудили?» — с презрением подумала Дочь и

перевернулась на другой бок.

Но. Раззадоренные браслеты были полны запала — почему бы нам не позвенеть? Или это Мама придумала такой трюк, чтобы вынудить Дочь спать отдельно и глубоким сном?

Еще не было слишком поздно. Впереди почти целая ночь. И в ней звенели два браслета. Ровно тогда, когда Дочь начинала проваливаться в сон. Тонкие, стеклянные, блестящие. Мама сняла все: и цепочку, и остальные браслеты, но то ли по совету домашних, Сушилы или еще кого, то ли по собственному разумению, то ли по забывчивости эти браслеты оставила. И как знать, может, избавившись от назойливого окружения, они ощутили радость бытия и начали звенеть?

Дочь, беззаботно спавшая при тысяче разных звуков, храпе нескольких любовников и даже одного мужа, терпела поражение от двух несчастных браслетов. Мама встает, засовывает ноги в сандалии, со скрипом открывается дверь, внезапно включается свет, льется вода — все это не дает ей спать, а теперь еще эти шаловливые браслеты. К остальным звуками она притерпелась, но сейчас сломалась. Прав был поэт: «А как же те лодки, которые так часто преодолевают пучину, чтобы

утонуть у самого берега?»[76]

Они звенели или переговаривались друг с другом? Шутка или заговор? Не дать уснуть взбудораженной? Как будто специально сделались такими тонкими, чтобы звенеть при каждом движении. Стоит только вздрогнуть, пошевелиться, повернуться. Тут же похитят сон и поднимут на ноги. Всю ночь будут петь и танцевать. Чем больше Дочь съеживалась и затыкала уши, тем сильнее браслеты входили в раж. Если во сне Мама поднимает руку и потом кладет ее куда-то, то они так брякают, как будто Мама специально сильно встряхнула рукой.

Их перезвон, который кто-то другой назвал бы легким позвякиванием, назойливо дребезжит в ушах Дочери. Как будто в ушах у нее были антенны, улавливающие их еле слышные голоса, похожие на пение малиновки. Два браслета были настолько болтливы, что стали воплощать собой шум и отсутствие покоя. Разве шум и покой зависят от тихого и громкого? Что-то большое оказывается совершенно бессильным, а еле заметная мелочь взрывает уши. Тихий голос

[76] Примечания: 76

Строки из газели пакистанского поэта Ахмада Фараза (1931–2008) Ham apne ansuon ka («К чему мне рассказывать о своих слезах»).

Халиля Джебрана[77]. Гулливер и лилипуты. Слон и муравей.

Дошло до того, что в те бессонные ночи Дочь совершенно уверилась, что под видом браслетов явился какой-то злобный дух, чтобы прикончить ее. А ведь ушла так далеко, чтобы зарабатывать самой, стать свободной птицей и возглавить борьбу за женские права. Что ж, вот и принимайте теперь бразды правления. Да и жизни домохозяйки не желала. Но теперь получите, хоть уже и не пригодны для нее. Теперь вы вообще станете ни для чего не пригодны. Ни для дома, ни для мира, ни для одинокой жизни, ни для К. К., ни для работы, ни для развлечений, ни для бодрствования, ни для сна, но сон ведь нужен в любом состоянии, так его-то мы и похитим — дзинь-дзинь-дзинь — перешептываются. Я не знаю их языка, но они затевают что-то дьявольское. Иногда кажется, что, сталкиваясь, они пререкаются: «Я красивее тебя, ты беднее меня». Нет-нет, у них только одна цель — не дать мне спать, звенеть в ушах. Хи-хи-хи, дзинь-дзинь-дзинь.

После того как Дочь провела ночь с болтливыми браслетами, в нее стала потихоньку проникать

[77] Примечания: 77

Халиль Д же б ран (1883–1931 гг.) — ливано-американский философ, писатель, поэт и художник.

Мамина мысль: «Придется спать отдельно, наверное, перееду в гостевую комнату, не Маму же туда переселять».

Когда она встала, то Мамы, которая обычно раскидывалась почти на всю кровать, как великая страна, уже не было, но в ушах Дочери стоял звон двух браслетов. А запах толченого чеснока в носу тоже их чертовы проделки?

25

От запаха чеснока Дочь открыла глаза, а браслеты продолжали звенеть у нее в голове. Мамы не было рядом. Теперь бывало так, что утром она засыпала, а Мама вставала сама и выходила. Еще не совсем придя в себя, Дочь плелась из комнаты в холл, а Мама, сидевшая на балконе, поднимала глаза и звала ее. Рядом с ней чай, рукой поглаживает растения или ковыряется в земле.

Когда в растерянности Дочь вышла в холл, там сидела Рози, разложив свои богатства, с ней — Мама, и воздух был наполнен резким запахом чеснока.

— Ой-ой, — воскликнула тетушка Рози, — упадешь, детка.

Мне не нравится, что она называет меня деточкой. Нехорошо, что Мама тайком встала и вышла

сюда. Снова сделала чай? А чеснок? И дверь открыла? Такой сильный ветер. Пробралась, как мошенница какая-то.

Выяснилось, что Рози посоветовала средство от появляющихся родинок и бородавок, которые так не нравились Маме. Нужно растолочь чеснок и помазать их.

Мама сидела с вытянутыми руками и ногами. По всему телу была мазь. Частички чеснока прилипли к коже. Изнанкой наружу, все сосуды и внутренности обнажились, и, приникнув к сочащейся из них крови и жизни, обнаруживают себя напитавшиеся частички чеснока.

Дочери было неприятно смотреть на Мать, сидящую в этой позе.

— Детка, только посмотри, как сидит твоя мамуля! — засмеялась Рози. — Как девчонки, которым только что сделали мехенди[78], и они ничего не могут делать.

— Чеснок ведь жжет, детка, — объясняла Рози, — посмотри вот, пластырем заклеила. Уже не воняет.

— Совсем нет. Как вы? — Дочь хотела улыбнуться и, подобрав чесночные шкурки с пола,

---

[78] Примечания: 78
Роспись хной по телу.

повернулась в сторону кухни.

Она злилась на себя: «Ну почему я засыпаю каждое утро, а Мама потихоньку слезает с кровати? И ночью приноровилась пробираться украдкой, чтобы не будить меня каждым вздохом. А я для успокоения стала проверять, рядом ли она, дотрагиваясь до ее тела или одежды. Мама думает, мне нужно больше места. Она откатывается, чтобы мне было удобнее. А я двигаюсь за ней убедиться, что все в порядке. Она забивается в угол, и я вместе с ней, и вся кровать свободна. Вот поэтому она стала просыпаться раньше меня».

Потом она размышляла о том, что, наверное, звонил охранник: «Что он сказал? Что пришла в гости? Или пришел? Можно пропускать? А я спала. Скорее всего, Мама ответила, когда звонили по внутренней связи, и я от этого проснулась. Ну а почему бы и не прийти тетушке Рози? Здесь нет такого, что встречаться можно только снаружи и не пускать в дом».

Выдохшаяся, она сидела на балконе и искоса посматривала на Маму и тетушку. Возможно, она пришла получить свой бакшиш на Холи. Ведь Мама говорила: «Долго тебя не было»?

Так Рози стала приходить в их дом. Врываясь, как ветер.

26

Она могла появиться когда угодно. С шумом ветра. Оглашая весь дом. Даже когда она уходила, везде оставались следы ее присутствия. То принесет какое-нибудь растение. То — пучок кинзы. То папад, бади или ачар из Старого Дели. Дом наполнялся новыми ароматами. А к ним примешивался ее собственный запах.

— Что за духи у нее? — спрашивала Дочь у Мамы. — Да, очень резкий запах. Уф, даже роти им пропитались. А вы — чесноком.

— Ничего подобного. Только что помыла волосы. Травяным шампунем. Я чувствую только его запах.

— А почему обернули голову полотенцем? Тепло же, сядьте на солнце и посушите, — посоветовала Дочь.

— Нет, — ответила Мать тоном умудренной женщины, — Рози сказала, что какое-то время волосы нужно сушить, обернув полотенцем. Иначе натуральные масла улетучатся с ветром и солнцем и волосы станут сухими.

— А краситься в черный она не сказала? — Дочь не хотела быть грубой, но почему Рози все время занимается Маминым волосами, кожей и бо-

родавками?

— Если захочу, то расскажет, как. Она работала в салоне красоты, поэтому знает все эти премудрости. На-ка, попробуй мунгоуди. Горячие-горячие. Теперь они мягкие. Не нужно их готовить в кадхи — так они будут жесткими. Нужно положить в него, когда уже снимаешь с огня.

27

Каждое утро она видела Маму, намазанную мазью, сделанной Рози, — амла, эклипта, брахми и одна ложка хны. Рози варила их, толкла, смешивала, складывала во флакон, а Мама каждый день доставала мазь из холодильника и пальцами втирала в корни волос, потом вытягивала выпавшие волосы и, намотав на палец, отдавала дочери:

— На, выбрось. Смотри-ка, уже меньше выпадают, чем вчера.

Потом стирает синий цвет с ногтей шкуркой лимона и увещевает Дочь:

— Мякоть осталась, не выбрасывай. — И помятые гниющие синие лимоны днем и ночью таращатся со стола и табурета.

28

Новый поворот в жизни. «Ой-ой», — постанывает Мама, а Рози продолжает истязать и подбадривать ее.

— Ну-ну, сестрица, ведешь себя как недотрога.

— Так больно ведь. Посмотри. Посинело. — Мама рассмеялась.

— Наверное, ударились обо что-то.

— Нет, только в дверь врезалась.

— Это и называется «удариться». Ох, сестрица, как будто тебя избили.

— Ну так да, везде следы. Даже вентилятор бьет воздухом по мне.

— Слышала, детка? — сказала Рози, глядя на Дочь. — Вашей Маме опять шестнадцать. Даже воздух оставляет следы на ее нежной коже. Слышала, детка?

Конечно слышала. Что Мама теперь превратилась в сестрицу. А где была я? Где я сейчас? Язык меняет одно на другое, а у меня нет ушей, чтобы услышать это? Как мама может стать сестрицей? Что, мне теперь тоже Маму сеструхой называть?

29

Чуть рассвело, Рози пришла с мешком в руках. Когда, потирая глаза, появилась Дочь, она увидела отрезы ткани, расстеленные между комнатой и балконом. Рози прямо перед ней, а где же Мама? Потом она разглядела Маму, завернутую в белую с золотым ткань — она сидела, как египетский Тутанхамон. Крошечная голова торчала наружу. Или это игрушечный сфинкс?

Что за вид! Наповал.

— Что это, — спросила Дочь, — почему вы запрятались в эти ткани?

— Потому что сестрица — козоушка, — разразилась хохотом Рози. — Уши прячет.

Шутка показалась Дочери странной и неуместной. Уж слишком фривольно ведет себя.

Выяснилось, что Рози придумала, как избавиться от страданий, вызванных ношением сари: Мама уменьшалась с каждым днем — ей приходилось складывать его уже вдвое, без конца подшивать подол нижней юбки, и так она походила на старый вещмешок.

— Нужно носить платье. Я закажу.

У портного. Некто мастер Раза.

— Теперь ходишь в ночнушке и днем и но-

чью? — Спросила Дочь и натянуто засмеялась. Засмеялась — потому что здесь не было предрассудков, свойственных среднему классу, о том, в каком виде нужно показываться на людях, а натянуто — потому что решения принимались без ее ведома. Да и мнение-то ее никому не нужно, пусть себе спит, а они будут делать, что им вздумается. Ей еще предстоит привыкнуть к тому, что по утрам наступает Мамино царство.

(Вернувшись из Америки, Сид тоже будет заскакивать по утрам после пробежки, и К. К. однажды придет, несмотря на все ее отговорки, и будет потом наведываться регулярно.)

— Не ночнушка, детка, платье.

— Домашнее платье, — сказала Дочь, как будто и это было не слишком пристойно.

— Вечернее платье, дневное платье. Посмотри сначала, потом тоже такое захочешь.

— И карманы пусть будут, чтобы я туда платок складывала, — попросила Мама.

— Ну конечно. Платки, кардамон, ручку, — продолжила список Рози.

— Слона, лошадь, паланкин.

— С красивой вышивкой.

— Только не вырви глаз.

Они стали выбирать ткань: ничего блестящего,

в спокойных тонах, с тонкой каймой или ненавязчивой вышивкой.

— Ты тоже закажешь такое, детка, когда увидишь, как она превратилась в королеву Викторию. И в туалет ходить удобно. Ничего не болтается и не путается между ног.

Болтает, что хочет. Королева Виктория, козоухая или как там, теперь это.

Как бы то ни было, с Маминой одеждой было решено. Рози сделала карандашом эскиз на ткани, вырезала и отнесла портному-мастеру Разе.

Одно цепляется за другое, и из лоскутков ткани, которые Мама не разрешала выбрасывать, станут появляться на свет маленькие сумочки, мешочки с кармашками, платочки, набитые ватой куклы, попугаи и слоны, чьи глаза-бусины смотрят на тебя из детства. Дома и машины будут делать из спичек и проволоки, а колеса — из крышек от бутылок. Детям садовника и служанки подарят игрушки, Дочери и другим домашним — сумки и сумочки, остальное — для Рози, она разберется.

Но одно нацепляло столько другого, что эта лихорадка охватила всю округу — соседи приходили, чтобы отдать свой хлам Маме и Рози и, получив взамен гостинцы и поделки, довольные уходили.

По правде сказать, мусор уже не был мусором. Всем было запрещено выбрасывать что-либо без разрешения Мамы и Рози. Коробочки, бутылочки, обрезки, разбитые чашки и тарелки, пуговицы, кожура, деревяшки, камни, перья, монеты — все собирали и оживляли. Превращали в животных и еще бог весть во что.

Даже Мамины волосы пошли на хвост для ослика. Волосы ей подрезали, чтобы не секлись кончики, а как же иначе они будут красивыми, густыми и длинными?

Мама начала носить вышитую абайу или платье — называй как хочешь. Когда она кружила по дому, казалось, это ветер гуляет. Постепенно она стала спускаться вниз и иногда сидела с соседями на лужайке, но больше всего ей нравилось сидеть вместе с Рози на ступеньках средневековой гробницы, укрывшейся в зеленых зарослях через дорогу.

30

Дочь вспомнила, как Рози приходила на праздники. Если случалось, что она в это же время приезжала в дом Старшего повидаться с Матерью, то встречалась там с Рози. Для Мамы и тетушки Рози ставили стулья на лужайке, за которой была

маленькая калитка со стороны гаража, через нее и заходила Рози, руки сложены в знак приветствия, и, увидев Дочь, она непременно гладила ее по голове и говорила что-то вроде: «О, детка приехала».

Тогда та еще не раздражалась на «детку».

Крепко сложенная тетушка носила цветные сари, шальвар-курту или что-то наподобие гарары.[79] или шарары[80] Обязательно золотые нити, золотая кайма и звезды — на блузке или на палантине. Вышитый цветочный орнамент. Бюстгальтер, как у героинь старых фильмов, — два выпирающих горных пика. Но тетушка не пела и не танцевала, да и не давала представления за деньги. Голос у нее был низковат, но такой бывает у многих женщин. Она чинно сидела рядом с Мамой. Мама что-то говорила, дарила подарки, угощала — это все, что помнила Дочь. Да и что может удержаться в памяти из того, что когда-то видел мельком?

Но тогда это была Рози, а теперь раз за разом. Теперь она приходит каждый день с огромным

---

[79] Примечания: 79

Традиционные женские брюки, обтягивающие ноги до колена и расширяющиеся книзу.

[80] Примечания: 80

Традиционные женские брюки, расклешенные от бедра.

мешком, как торговец из Кабула. Если бы Дочь на самом деле была малышкой, то спросила бы: «Эй, Кабуливала, что у тебя в мешке?»[81] — и оттуда появился бы слон.

Но оттуда появился не слон, а статуя, об этом Дочь узнала намного позже, когда, забравшись на лестницу, искала книгу на самой верхней полке:

— Она? Здесь? Кто ее поставил сюда?

— Рози, — отрезала Мать.

31

Повседневность накидывает пелену на происходящее. Случившееся обнаруживает себя тогда, когда почти все уже случилось. Дочь порой возражала и сопротивлялась, но большую часть времени ее посещали такие мысли: «Бедная Мама, лежала там, совсем разбитая и подавленная, в старом доме, полном предрассудков, я не позволю, чтобы она осталась одна, позабытая и сжавшаяся в комок, а потом просто исчезла, и ладно еще, никакой беды не приключилось, а то все проклинали бы себя всю оставшуюся жизнь. Здесь спокойно и хорошо, эти бесценные моменты вместе — мама и дочь, я так рада, что она

---

[81] Примечания: 81
Отсылка к рассказу Р. Тагора (1861–1941) «Кабуливала».

поправляется, радуется, ходит по дому, постукивая своей цветной тростью, и парит везде вместе с солнечным светом, под этой крышей можно дышать свободно. Живи, Ма, живи, как сердце велит!» — вырывалось из каждой ее клетки.

Тут можно вспомнить еще одну историю, если позволит память. Был один человек, который очень любил деревья и все время восторгался: «Ах, как растет, распускается, цветет!» С утра до вечера они разговаривали с ним, и поэтому он не знал одиночества. Хлопковое дерево обрадовалось и начало сбрасывать цвет рядом с ним. Огромные цветки с шумом все падали и падали. Под деревом стояла машина этого человека и начиналась асфальтированная дорога. Стало очень хлопотно расчищать ее. И разве кто-то станет раздумывать теперь? Взял и срубил то самое дерево, которое любил всей душой и восхвалял без устали.

Или, если опять же позволит память, можно вспомнить еще и про тех, кто без конца разглагольствует об американском бесстыдстве, но только подвернется случай, писаясь от счастья, уезжают туда, стоит только поманить.

Вспомним еще одну историю, раз уж мы начали вспоминать, — о той, которая называла себя

писательницей. Она превратилась в бесконечное брюзжание по поводу городской жизни: «Я уеду, мне не нужно ничего, только ручка, блокнот, пара книг и природа». Так и сделала — уехала писать роман, поселившись в лесном домике. Домик стоял на живописном холме, просторная комната, как будто парящая в воздухе. Достала блокнот с ручкой и села в ожидании новой жизни — жизни как она есть. Пришла. Совсем новая. Потому что ветер беспрепятственно врывался в этот воздушный дом и приносил-уносил с собой все, что попадалось на его пути. Все начинается тогда, когда приходит время. С замиранием сердца писательница следила за тем, как ее идеал воплощался в жизнь, расцветал и набирал силу. С каждым порывом ветра внутрь залетали листья, палочки, монетки, осколки, рогатки. Вот он, лес, вот она, природа! Перо в ее руках ликует и оживает. Но она не поняла сразу, что природа не мертвая вещь, а парящий домик не гроб. Здесь все живое. А что нет — оживет, стоит только подуть на него. Как труп питает новое растение. Память воскрешает умершую историю. И так далее. И тому подобное. Охваченная вдохновением, писательница не верила ни своим глазам, ни ушам, ни скудному уму, что все вокруг теперь живое.

То, что она принимала за пятнышко грязи, вдруг начинало бегать, оказавшись жуком. Листок оборачивался какой-то крылатой живностью. Даже палочка, из тех, что похожи на первые детские рисунки, вдруг начинала переворачиваться на стене и ползти. Ко всему, когда мыши, игравшие в прятки на крыше, видели чистый лист бумаги, тут же наполняли его сочинением собственного производства — шмяк. В жилах у нее стыла кровь. Везде ветер — сверху и снизу. Если кто-то и был мертвым среди этой пульсирующей всепоглощающей жизни, то это она. Ее любовь к природе ушла воровать помидоры, а воспоминания о ненависти к городу трепетали так живо, как будто ненависть была синонимом любви.

Но какое отношение все это имеет к нашей истории? Дочь приводит в порядок Мамину жизнь со всех сторон. Она не возражает, если кто-то приходит или уходит. Улыбается, видя ее своеобразный стиль в еде и одежде. Разрешает выращивать джунгли на балконе. Позже она даже разрешит К. К. приходить без разрешения — выйдет из дома, а когда вернется, обнаружит его за милой беседой с Мамой и Рози. А Рози очень нравится бывать здесь, и не все ли равно, кто она. Конечно, Дочь коробило, когда она видела, как

Рози стрижет ногти на Маминых ногах — совсем чуть-чуть коробило, но лишь потому, что: «ведь можно было и мне сказать». А эти две чудесно проводили время, когда Дочь чем-то была занята. Еще она несколько сомневалась, стоит ли Маме настолько раскрепощаться только потому, что ей бесплатно досталась такая свободомыслящая помощница? Но.

И дальше одно сплошное «но».

Да, похоже, Мама вышла из дома, чтобы отдать статую — это не совсем правильно. А Рози, спешившая куда-то по своим делам, встретила ее на углу и отправила обратно, благо, дом Старшего был еще виден, Мама не заметила свои ворота и прошла мимо, а потом еще одни, другие и так далее. Но как ей пришла в голову идея избавиться от статуи? А прятать ее? Дочери понадобился роман К. М. Мунши «Джай Сомнатх», поэтому она залезла на лестницу, чтобы поискать его на верхних полках книжного шкафа, и тут ее охватило смятение, потому что напротив Мунши стоял пропавший Будда. Тот самый, знакомый с детства. Которого она хотела забрать, но Старший не дал.

— Я украла ее? — Дочь пришла в ужас. — Мама! — Закричала она.

Все по-воровски уставились на статую в ее руках. Потому как обычно ни ее, ни Мунши не было видно снизу.

— Это я туда поставила, — сказала Рози.

— Потому что я попросила, — сказала Мама и протянула руку. Рози взяла статую и поставила перед ней. Обе разглядывают. Божество в трех воплощениях.

Дочь смотрела на тримурти[82] издалека. Издалека не в смысле расстояния, а в смысле взгляда, сердца и тревоги. Как давно она хотела, чтобы Будду отдали ей. «Вот и оказался-таки в моем доме, но без моего ведома и согласия».

Вот это «без ведома и согласия» порой вызывало в ней дурные чувства, в остальном она редко выходила из себя.

А ветер все дул и дул.

32

У ветра много обличий. Память, боль, желание, вера, страсть, красота, воображение, эфир. Один порыв — и земля завертелась. Семя проросло и собирается стать деревом. Стайки птиц

---

[82] Примечания: 82

Триада богов, образующих единство: Брахма (творит вселенную), Вишну (поддерживает ее существование) и Шива (разрушает).

спустились на бермудскую траву и стали считать себя лотосами, а траву — водой. Так вода становится травянисто-зеленого цвета. Ночью ветер раздувает ночь. Уносит солнце за пелену дождей. Щекочет его так, что оно прячется еще дальше. Тучи перекатываются от смеха, раздуваются, наполняются и проливаются дождем. Это Мамино время — она вскрикивает с каждым порывом ветра и радостно разглядывает следы, которые он оставляет на коже, пьянящая боль сверкает в ее глазах, жизнь и дыхание крутятся волчками по всему телу.

Никто не задумывается, но если бы задумался, то вот о чем: что бывает, если ветер разгоняет жидкость внутри тела? Когда самолет снижается с высоты в двадцать семь тысяч футов до семи тысяч, воздух затыкает уши. С каждым движением воздух потихоньку расшатывает затычку и пробирается внутрь, а со следующим толчком, издав свист, вызывающий легкую боль, выходит. Случается, он долго держит затычку и не может найти обратную дорогу, тогда свист застревает внутри и поднимает там переполох: то кувыркается где-то под ухом, то, превратившись в вену, пульсирует на щеке, то чух-чух — катится под веками, то бьет крыльями под

бровями. Со страху позовешь доктора, хакима[83], вайдью[84], которые скажут, что нарушен баланс жидкостей. По кто его нарушил, если не ветер? Даже веками находившаяся в покое жидкость не может затвердеть. Ветер приводит ее в движение, поднимает из небытия, и тогда она начинает закручиваться крошечными водоворотиками. Уж не память ли, воображение, боль и упреки вертятся вокруг, когда Мама, став клочком ветра, кружится повсюду?

Тело тоже дом. Следы, которые ветер оставляет в доме, остаются и на теле. Если что-то попадается на его пути, он перескакивает, огибает и в порыве поскорее достичь цели то врезается куда-то, то свистит, пробивая тоннель, то наводит переполох. Замирает, кокетливо покачивается, извивается.

Когда окна открываются или закрываются, ветер меняет направление, и новые его воплощения порождают все новые и новые раги. Стены, став музыкальным инструментом, начинают

---

[83] Примечания: 83
Здесь врач традиционной арабской медицины.

[84] Примечания: 84
Врач аюрведы, традиционной индийской медицины.

звучать, как колонны в Хампи[85].

33

Что ж, теперь наша история разворачивается рядом с домом Дочери. Всякий, кто приходит сюда, радует перо писателя. Но телефонные звонки Старшего добираются сюда, а он сам — нет. Так как же перу подобраться к нему?

Дело вот в чем. Есть старый семейный обычай, согласно которому все идут к Старшему сыну. Правда, не все догадываются о его смысле. А смысл в том, что где бы ты ни встретился со Старшим, это ты к нему пришел. К примеру, когда Старший возвращается из поездки по техсилам[86], какой-то начальник, типа бабу, какой-то бабу из панчаята[87], пригласит большого начальника: «Погостите у нас пару часов, разделите трапезу», то это не Старший пришел к нему, а он — к Старшему и стоит теперь, сложив почтительно руки

---

[85] Примечания: 85

Деревня в штате Карнатака, известная руинами города Виджаяна-гара, столицы одноименной империи (1336–1646). Там находится храм Витхалы с музыкальными колоннами.

[86] Примечания: 86

Единица административного деления в Индии.

[87] Примечания: 87

Орган местного самоуправления в Индии.

и благодарно улыбаясь.

И если говорить о тех, кто живет со Старшим, то и тут что-то похожее. Куда бы они ни уехали, и неважно, на какой срок, они все равно живут со Старшим и возвращаются к нему, когда приходит время. Мама живет только с ним, пусть и в другом месте сейчас. Все, что касается ее денег, присмотра, жизни и смерти, — только его ответственность, говорят об этом или нет, думают или нет.

Выходит, и сейчас перо может коснуться Старшего, потому что там, где семья, старая Мать и дверь, он тоже обязательно присутствует, неважно, физически или нет. Дверь, на которой держатся стены, пришла в другой дом — в квартиру, полученную после выхода на пенсию. Выглядит иначе, но все та же. И Мамы там сейчас не видно, но она все там же. Как будто отправилась в небольшое путешествие. А Старший звонит ей, чтобы не терять из виду.

Старший позвонил.

Мало кто из старших сыновей умеет разговаривать с домашними. Это касается тех разговоров, когда нужно узнать, как дела, поболтать по душам и доверительно пошептаться. Отдавать приказания, разъяснять, что должно, а что нет, а

еще насмехаться — вот их стиль. Они надевают на себя суровую личину отца, хотя сердце остается их собственным, и оно нежнее нежного. Голос Старшего может быть грубым и надменным, он иронизирует и беспокоится обо всем на свете. Ведь откуда же старшим братьям знать, как прямо высказать пару слов любви?

(Когда они говорят с посторонними людьми — это совсем не то. Там споры о политике, обсуждение поэзии, литературы и фильмов — другой вид общения с другими людьми.)

— Мам, какой номер был у той Папиной машины?

— Папиной машины? — Взяв трубку, Мама стала раскачиваться. На качелях.

— Да та машина, которую он купил в Фатехпуре.

— Ага, в Фатехпуре купил.

— Какой номер у нее был?

— Это был розовый «Фиат». Таких уж не увидишь сейчас.

— Я номер спрашиваю.

— Мы ездили на ней в Лакхнау к Гаутаму Сахибу. У его дочки было такое славное прозвище. Штучка.

— Мам, я номер спрашиваю.

— А что с того номера? И в Канпур ездили. В Сваруп Нагар. Собака тебя укусила. Ух, тонну уколов делали. Но она домашняя была.

— И что? Номер помнишь?

— Звали Ад гад ананд.

— Собаку? — прыснул Старший.

— Нет, хозяина собаки.

— Мам, я спрашиваю номер «Фиата».

— Да с какой стати мне его помнить?

— Адгадананда же помнишь почему-то?

— Так укусили же тебя.

— Он, что ли?

— Кто знает, жив ли он? Хороший был человек.

— Хоть и кусался?

— Ты не уймешься. Узнай номер сам. Он числился в отделе водоснабжения. Как-нибудь съездим.

— Когда вернетесь? Тогда и съездим.

Старший все время завершал беседу на этом. Мол, каникулы закончились, возвращайтесь домой. Говорил, что дом уже обустроен:

— Вы и Д. можете занять большую спальню. — Д. — так муж и жена называли друг друга, сначала имея в виду «дорогой», а с годами — «дурень» или «дура». — Или боковую комнату, она тоже вполне ничего, хоть и маловата, и там и там есть ванная,

двери с обеих сторон.

— Разве? Невестка говорила, что еще не все коробки распакованы, только самое нужное, да и того половину не нашли, говорила, повсюду пыль, а еще Невестка говорила, что у тебя нет времени ни есть, ни спать, ты даже не моешься и выходишь из дома в одной майке, вот что значит пенсия, а сахар проверял?

— Ладно, пока-пока, — ответил Старший и повесил трубку.

О себе он тоже не умел говорить непринужденно. Звонил, потому что его мучили мысли: «Новая квартира наполняется вещами, а Мама все еще не там, квартира не такая большая, как прежний дом, да и слуг теперь меньше, понравится ли это Маме? Ладно, пусть пока развеется с Сестрой, перемены отвлекут ее, посмотрит на этот нелепый образ жизни, и сама будет рада вернуться. Она заботится о Мамином питании, это хорошо, да и ее сомнительной компашке — вечно таскаются с мешками какими-то — будет полезно посмотреть на хорошие манеры. Соседи поймут, что у Сестры достойная семья, опять же хорошо, ведь так?»

Откуда Старшему было знать, что теперь дом Сестры стал прибежищем для сомнительной компашки вместе со всеми их мешками. Да и сре-

ди Маминого круга был кое-кто с мешком. Рози. Когда Дочь первый раз открыла дверь, на пороге стояла тетушка Рози с огромной сумкой, а рядом с ней охранник, полный любопытства — происходит что-то странное. Сейчас он не приходит. Зато приходят все остальные, несут свой мусор и с восторгом наблюдают, как он превращается во что-то дельное. Рози откроет магазинчик под названием «Всякая всячина» и будет продавать все это там. Летними вечерами она будет приходить за Мамой и помогать ей спуститься вниз, потом обе будут сидеть на ступеньках гробницы, иногда просто молча, пытаясь принять в свою жизнь что-то новое. Принять мусор, принять хиджру — что уж там Старший, разве кто-то вообще знал обо всем, что нужно принять в свою жизнь?

34

Дом гудит от летающих клочков ваты и обрезков стеблей. Ветер стремительно носится, и кирпич стучит о кирпич, выбивая новые поговорки.

Дом-одиночка хорошо понимал, что Дочь работает. Сидел молча и почтительно. А Дочь сидела часами, склонившись над открытой страницей. Так она поклонялась богине работы. Умилостив-

ленная богиня могла в любой момент тихонько проскользнуть в дом и сесть рядом с ней. Ручка сама собой поднималась и начинала двигаться по бумаге. Статья, рассказ, книга обретали свою форму.

Нынче дом совсем распустился. Каждый кирпич потягивает-ся-зевает. Разговоры и пересуды со всех сторон. Если приходит кто-то особенно шумный, стены раззадориваются еще больше. Заигрывают с ним. И начинают звучать от легкого похлопывания. Как будто внутри они наполнены воздухом. Когда касается Мама, звук относительно тихий, но когда по дому проносятся крепко сбитые формы тетушки Рози, то уже невозможно сказать, где звон начинается, а где слышны его отголоски. Колонны присоединяются к обсуждению сплетен, а пороги начинают бряцать. А Рози то шлепнет рукой, то тайком почешет свою задницу, то с шумом впечатает куда-нибудь свой лоб, как будто хорошо знает, что на ее прикосновение стены ответят звоном.

Мама тоже пробует. Щелкает пальцами — и вылетают ноты са-ре-га-ма-па-дха-ни. Топает ногой — задает пятичастный ритм. Из этого кир-

пича — джалтаранг[88], из того — табла [89], из этой колонны — вина[90], из той — мриданга[91]. Постучи ножками стула — гхатам[92], потряси цепи от качелей — зазвенит колокольчик, потяни раздвижную дверь — запоет шехнаи[93], сдуй пыль — раковина, подвигай цветочный горшок — дамру[94].

Богиня работы заглядывает. Пугается. Веселье здесь в полном разгаре. А я богиня пустынных мест. Ускользает тихой сапой.

35

Мама сказала:

— Ты не работаешь, не спишь, посмотри, какие синяки под глазами, тебе пора начать спать в гостевой комнате.

---

[88] Примечания: 88

Самозвучащий ударный музыкальный инструмент. Состоит из керамических или металлических чаш разного размера, наполненных разным количеством воды.

[89] Примечания: 89

Небольшой парный барабан.

[90] Примечания: 90

Щипковый музыкальный инструмент.

[91] Примечания: 91

Разновидность барабана.

[92] Примечания: 92

Музыкальный инструмент в виде горшка, обтянутого кожей.

[93] Примечания: 93

Духовой музыкальный инструмент.

[94] Примечания: 94

Маленький двухсторонний барабан, традиционно изготавливается в форме песочных часов.

Дочь не согласилась, но, обессилив от жары, сдалась.

Мама говорит:

— Сейчас уже не так жарко, скоро начнутся дожди. — Она открывает окна и радуется, но Дочь — нет. Включает кондиционер и идет прилечь в комнате для гостей. Наконец браслеты победили. Вытурили ее. Она отодвинула в сторону «Всякую всячину», разложенную Рози и Мамой, и бросила на кровать свое ноющее тело и истерзанные нервы. Здесь браслеты не будут переговариваться. Она сняла бамбуковые ветряные колокольчики, которые они с К. К. привезли с Бали, завернула их, чтобы не звенели, и положила рядом с колокольчиками, которые Рози вырезала в виде крыльев из жестянки и приделала к ним нитки.

Время от времени буду проверять ее. Вообще-то Мама уже в порядке. Пришла в себя, пока жила со мной. Ходит везде, ест, пьет, смеется и бодро разговаривает.

36

Как-то ночью, когда жара уже отступила, небо прояснилось после бесконечных часов дождя. Луна то путалась в облаках, то снова появлялась и наконец уселась на ветку дерева, склонившегося

над Маминими цветочными горшками. Мама сидела на стуле и смотрела на нее, потом начала говорить. То ли сама с собой. То ли с луной.

Дочь захотела подойти и тихонько послушать. Но не встала.

37

А встала она, услышав аромат кофе. Потирая глаза, она вышла из комнаты, и перед ней появились чашка, источающая аромат, и рука К. К., держащая ее. «Куда я попала? — Дочь озиралась по сторонам. — Как будто уснула дома, а проснулась в другом месте». Похититель сна поднял ее вместе с кроватью и перетащил куда-то. Но нет, это ее дом, где все обустроено так, как она хотела.

До сих пор ей удавалось сдерживать К. К. У него были длительные поездки. Когда он звонил, она придумывала разные отговорки: «Не сегодня, я скажу, нет, дело не в Маме, все время кто-то приходит, все будут чувствовать себя неловко, если соберутся вместе, никто не сможет расслабиться, зачем это надо?»

«Почему ты не пускаешь меня?» — Что ей сказать на это? Она не может просто спросить: «А что ты будешь здесь делать?» Раньше он работал за

своим ноутбуком, она — за своим. Кругом тишина и покой. Никто не приходит. Вместе готовят, вместе едят. В перерывах отдыхают, обнявшись. Иногда вечером приглашают кого-то в гости. Если К. К. нужно уехать, он уезжает, нужно остаться — остается. У него есть запасные ключи, если он рано выезжает в аэропорт или еще куда-то, она спит, а он сам закрывает дверь.

Но теперь все это стало неуместным.

Ведь мы посмотрим друг другу в глаза. И загоримся страстью.

Дочери показалось это непристойным. Это вещи интимные и не должны выставляться на всеобщее обозрение.

Неужели я — это я, только когда одна? А на людях веду себя так, как хотят другие? Так что же изменилось тогда? Но эти вопросы останутся другим феминисткам, в сердце Дочери сейчас нет для них места.

— Да-да, конечно, познакомлю с Мамой.

Я сплю, а он уже здесь, знакомится с Мамой, прилетел из Кении прямо сюда?

«Мама открыла дверь или он сам?» — подумала Дочь, выходя из себя.

— Почему вы сами встаете? Если упадете, у нас ведь не армия слуг, чтобы заметили. Будете

где-нибудь лежать одна, — отчитывала она Мать. А про себя добавила: «Как уже лежали когда-то».

— Привет-привет! — сказал К. К.

Они оба ведут себя естественно. Дочь тоже пытается. Но сдается.

— Всю ночь не спит, под утро только прикорнет немного. — Мама поставила чашку с кофе и обдавала фонтаном только что вымытые растения, К. К. стоял рядом. — Вскакивает, чтобы посветить мне фонариком. Поэтому утром я встала тихо.

Дочь застыла на месте, как будто ее раскрыли.

Незаметно география дома изменилась. Та часть его, которая подразумевалась внешней, превратилась в целый город и появилась на карте.

— Уже начались дожди. Зачем их поливать? — Дочь опять обрушилась на Маму.

— А ты не говорила, что у тебя есть такой хороший кофе, — ответила Мама.

Что эти двое рассказывают друг другу? Дочь пришла в смятение, как будто они раскрыли тайну, о которой следовало молчать. Она прятала глаза, как если бы была без одежды. Пошла в ванную и надела халат, который она достала на случай посетителей, которые теперь имели обыкновение сваливаться на голову в любое

время. Садовник, домработница приходили по утрам, домашние, соседи и вообще кто угодно и когда угодно. Она уже не может слоняться по дому полуодетая, как раньше.

— Я буду чай, — сказала она раздраженно. Потом добавила для приличия: — Я пью кофе за завтраком.

— Даже «привет» не скажешь? — шепнул ей на ухо К. К. Он оставил Маму на балконе и пришел сделать кофе.

«Когда приехал?» — Этого Дочь не спросила, потому что была не в духе. «Почему приехал?» — Тоже не смогла. «Как дела?» — Для это нужен нежный тон. «Что будешь здесь делать?» — Выйдет совсем грубо.

— Когда уйдешь? — Дочь начала слегка злиться.

— Расслабься. — К. К. обнял ее за плечи. — Она классная.

— Иди на балкон, к Маме, я сейчас приду, — строго ответила она.

Да, она пила чай вместе с ними, но разговаривали только К. К. и Мама. Внезапно у Мамы обнаружился живой интерес к Кении и Великой рифтовой долине. Дочь оставила их болтать и пошла внутрь привести себя в порядок. Приняв

душ, она подошла к окну. Когда сезон дождей в самом разгаре, то сюда доносится аромат крошечных цветов нима. А потом плоды будут свисать гроздями. Созрев, они шмякаются на землю, и кажется, что в листве прячутся какие-то озорные существа, которые пытаются попасть этими шариками в головы прохожих. Когда плоды падают на землю, они лопаются, даже если их не топчут, и поднимается сладко-горький запах.

Кто знает, пробьется ли он в этот раз или его вытеснят перемолотый фенхель, чеснок, кофе. И будут нимчики лежать раздавленные и всеми забытые.

Дочь повернулась на голос К. К. Он стоял в дверях, как будто никогда не заходил внутрь. Ладно, хоть сколько-то уважения осталось.

— Я пришел за своими ножницами, — сказал он мягко. — Посмотри, я звонил, должны быть пропущенные. Ты не брала трубку, и я решил зайти. Иначе пришлось бы идти в салон, такие ножницы не найдешь сейчас, — оправдывался он.

Немного обиделся. Дочь улыбнулась. А когда проходила мимо, К. К. слегка ущипнул ее сзади. Она подпрыгнула.

В этот момент раздался звонок.

Рози приходила, а К. К. уходил. Дочь все ни-

как не могла понять, что разозлило ее больше: представлять его ей или ее ему? В ярости она выпроваживала К. К., а он при всех попытался незаметно ее поцеловать, тогда она оттолкнула его и этим вызвала негодование.

— Эй, ты ведешь себя так, как будто я маньяк какой-то. — Отстранившись, добавил: — Если надо, оставлю ножницы — у тебя волос из носа торчит, выглядит отвратительно, срежь. — В бешенстве он вышел. Можно подумать, этой выходкой он сравнял счет.

38

Мамы знают даты. Это было в тот год, когда Паппу впервые постригли, или когда Мунни упала с двуколки и сломала передний зуб, или дело было в тот год, когда в нашем деревенском храме каменный Ганеша начал пить молоко, а потом по всей Индии Ганеши начали пить молоко. Или то было время года, когда Джамман заболел оспой. Или долгие воспоминания о временах, когда Дядюшка упал с крыши и сломал ногу, и тогда еще начался потоп и все съестное в доме, и все сундуки, и нас всех подняли на крышу, и эти толстенные змеи плавали в воде, которая всю деревню превратила в пруд, и правительство

послало за нами ковры-самолеты, нас поднимали по веревочным лестницам и перевозили в больницу в каком-то городе неподалеку, где мы были в безопасности.

Но и время сейчас не то, и Мама не та. Постоянно все приходят, старые знакомые само собой, но и новые хотят перемолвиться с ней парой слов, забрать сумки и сумочки, сшитые ей или по ее заказу, отдать мусор, накопившийся дома, чтобы смастерила что-нибудь, или просто перекусить и выпить чаю, Сид, тот самый ребенок, который привык появляться без всякой причины и цели, тоже постоянно маячил. Он примчался при первой же возможности, как только закончилась его командировка в США.

— Ох, бабуля, бабуля! Сначала исчезла, а теперь устраиваешь тусовки у Тетушки, только я за дверь — ты уже шалишь.

Конечно, историки без конца строят догадки, какое событие когда произошло. Они все время колеблются, пытаясь измерить значимость этих событий: какие можно назвать великими, а какие второстепенными. Кто знает, возьмутся ли они когда-то исследовать вопрос, в какой день Сид приехал, чтобы любя пожурить свою бабушку? После Рози или до? После К. К. или до? После

того как она упала или до? После больницы или до? Рассказчики в тысячи раз лучше историков, они описывают то, что их душа пожелает, и даже еле заметное мгновение, будучи упомянутым, становится важным. В общем, в какой бы день это ни случилось, приехал Мамин внук. Его тетка открыла дверь и застыла в недоумении, как будто не узнавала того, кто стоит перед ней. Она привыкла видеть его в том доме, где бывала, чтобы навестить своих родителей.

Тут можно задаться вопросом, сколько времени еще потребуется Дочери, чтобы привыкнуть к тому, что так уж в Индии заведено, что люди могут прийти утром, вечером или когда им вздумается, и наверняка ты узнаешь не всех, да и пришли они, скорее всего, не к тебе, а к Матери. Если ты здороваешься — то с соседями по особым случаям, то попросить сахара или ложку дахи для закваски — неведомые тебе отношения. Или растения и черенки. Мама устроила на балконе сад. Пришла соседка:

— Мата джи, вы уж скажите, пожалуйста, садовнику, чтобы смотрел вниз, когда поливает, а то мы поставили стулья и стол, чтобы завтракать там, а вчера вечером на них накапала вода.

— Ой, ма! Это я вчера вечером поливала, уж

прости меня! Вот ведь дура какая, слепая совсем, глупая.

И та, что пришла с жалобой, уже смеется, садится рядом, принимает угощения и рассматривает садик, а потом приходит за ростками какого-то растения, которое, как сказала Мама, воткни только в землю, и уже растет — все в нежных листьях и красных ягодах. То есть пришла жаловаться, а ушла, перекусив и прикарманив ростки.

Более того, год за годом продолжались битвы по поводу того, нужно ли обрезать деревья, но жители соседних домой с Мамой не воевали. В городе, где под парком подразумевается автобусный парк, Мама была счастлива видеть столько цветов и зелени. Садовнику она запретила обрезать ветки.

— Мата джи, — засмеялся он, — я-то послушаюсь, сестра тоже все время бьется, но они все равно пришлют людей обрезать.

— Да как же так? Как можно ненавидеть деревья? — разволновалась она.

— Кто знает, Мата джи. Говорят, заводится живность всякая. Жуки, тараканы. Потом пауки. Потом ящерицы. Белки, мыши, птицы. Они залезают на деревья и высматривают, не лежат

ли внутри на столе сочные фрукты. Кошки пробираются, чтобы поохотиться на них. Обезьяны всегда готовы чем-то поживиться, и змеи вечно ползают. Воры тоже смекнули и забираются по деревьям.

— Ладно. — Мама сверлит его взглядом. — Тогда уничтожай-руби! Режь ветки, я стою тут. — Она встала в позу часового, взяв трость так, как будто это было ружье. — Нет, нам солнце не нужно. Да, нам нужны змеи и воры.

Садовник и охранник засмеялись. Но Мата джи это Мата джи. Никто не мог с ней спорить. Все приходили навестить ее.

Дочь открывала дверь и пропускала внутрь, как будто ее назначили в чей-то другой дом встречать и приветствовать гостей.

— Да, тетя, — рассмеялся Сид, — это я — чудо-юдо, вернувшееся из Америки, твой любимый племянничек, Сид-Сид, с пылу с жару, прямиком из американской булочной.

Америка — она такая. Кто-то проведет всего пару дней в ее котле и уже выходит американским бургером, забывшим все другие языки и вкусы, а звучит еще более по-американски, чем сам американец, а кто-кто плавится всю жизнь,

но остается бходжпурским литти[95]. Кто-то покрывается американской глазурью, а кто-то продолжает мазаться тростниковым гуром[96] и навозом. Какая-то дверь всегда открыта, а какую-то откроют, пожив взаперти, и внутренняя дверь будет пялиться наружу, как будто входная. Казалось, Мама разматывает по дому солнечный свет, как будто это рулон ткани, и повсюду разлетаются золотистые ворсинки. Везде сверкает и сияет солнце.

Я видел это. Говорю вам. Забираю микрофон у тех, кто ведет бессмысленные разговоры о местных диалектах и американском произношении, — пусть они замолчат, а я начну свой рассказ. Потому что так устроена жизнь — то один говорит, то другой, а иногда камни, птицы, деревья, вода, порой нам кажется, что мы высказываем свои мысли, а оказывается — твои, но бывает, говорю только я и только о своем.

Дело было так: только мы вышли из аэропорта, как Сиду пришла в голову идея: «А давай сделаем бабушке сюрприз!» Дом его тетки почти по пути.

---

[95] Примечания: 95

Шарики из пшеничного теста, начиненные нутовой мукой со специями.

[96] Примечания: 96

Нерафинированный тростниковый сахар.

И вот мы, вымазанные американской пылью, оказались в доме, покачивающемся в частичках солнечного света. Охранник, увидев заграничные ярлычки на наших чемоданах, не стал просить записаться в гостевую книгу и звонить хозяйке, и мы с гордо поднятой головой уже у двери. Позвонили. Открыла служанка. С другой стороны от книжной полки Тетина голова, склонившаяся над столом, подскакивала, как воздушный шарик, а вслед за ней — и вся она. Нас она не узнала.

То, как, покачиваясь, кружила по дому Бабушка, было наполнено совсем другим ритмом. Покачивающийся воздушный шар.

— Прогуливаешься с самого утра, бабуля?

— Прогулка для живота, мой милый. — Бабушка обняла его. Потом меня тоже.

— Рад видеть вас на ногах, — сказал я.

Да, это случилось. Я снова влез. Хоть и обещал, что больше не появлюсь на этих страницах, и ушел с концами. Я прекрасно знаю, что этот мир во мне не нуждается и не прекратит свое существование без меня. В этой истории я не то чтобы какой-то важный свидетель убийства. Хотя тут можно развернуть отдельную дискуссию на тему того, что в наши дни следует считать убийством, а кого — свидетелем. Кто видел, что Салман Хан

убил антилопу? Это он был за рулем машины, когда она наехала на тротуар, где спали нищие?[97] Или его водитель? В чем было преступление и кто преступник? А в случае самосуда, учиненного защитниками коров в Дадри [98], кто виновник, а кто блюститель закона? А когда дело доходит до патриотизма и предательства родины, закон начинает путаться в книгах, хитростях, уловках, трактовках и махинациях — что, где, когда? Так кто же свидетель и кого убили?

Погоди-ка, а где тут убийство? Только радуга.

Возможно, если бы не я, то ее опять никто бы не заметил. Но я узнал ее сразу. Да, вот так, тот, кто не имеет никакого отношения к истории, стоит поодаль и может ее увидеть, в отличие от персонажей внутри истории. Молчком, снаружи — что еще делать? Смотри, слушай, нюхай, получай удовольствие. Еще более отстраненный, чем

---

[97] Примечания: 97

В 2018 г. суд Джодхупура, штат Раджастхан, признал актера Салмана Хана виновным в гибели двух винторогих антилоп, убитых из огнестрельного оружия. А в 2002 г. актер на своем автомобиле врезался в придорожную пекарню, ранив четырех бездомных, один из них скончался. В 2015 г. состоялся суд по этому делу.

[98] Примечания: 98

В 2015 г. в деревне неподалеку от города Дадри, штат Уттар-Прадеш, группа индусов учинила самосуд над мусульманином, подозревая, что он украл и забил теленка. Мусульманина убили, его сын получил серьезные ранения.

герои Нирмала Вармы[99].

Я. Вместе с Сидом. Уйду, как же иначе, но до последнего буду наблюдать за сценой.

Меня не было, когда бабушка исчезла, и не было, когда она переехала в дом тети Сида, чтобы развеяться, а в это время освободили дом, принадлежащий государству, и обустроили для нее новый. Я был сейчас, когда она радостно делилась с Сидом своими проблемами с запором.

— Бабуля, если говорить о запоре, то твердое тело размером с маленькую палочку приравнивается к целому кувшину воды, — нес он чушь в своем духе.

Я рассмеялся, а тетя рявкнула:

— Заткнись! Что за мерзости ты болтаешь?

Бабушка выглядела довольной, как будто от одного разговора о запоре ей стало легче.

Мне понравилась бабушкина манера двигаться. Покачиваясь. Качнулась вверх — качнулась вниз в круге солнечного света. Воздушный змей или воздушный шар? Возможно, это платье до щиколоток, в которое она была одета, создавало впечатление, что она похожа на воздушный шар. Или воздушного змея. Выяснилось, что такие

---

[99] Примечания: 99
Индийский писатель, переводчик, активист (1929–2005).

платья заказывает для нее хиджра по имени Рози. Я смутно помнил ее, но она освежила мои воспоминания, придя в тот вечер. Мы узнали, что она часто бывает здесь и много делает для бабушки, а все эти коробочки, крышки, лоскутки, бумажная посуда, корзинки, пуговицы, обрезки, собранные по всему району, бабушка вместе с Рози планируют превратить в контейнеры, миски для фруктов, игрушки и сумки. Мне подарили пепельницу и совет «не кури!». Остальное тетушка Рози сдает куда-то на продажу, половина выручки идет в детский дом, а остальные деньги она жертвует на нужды своей общины.

Сид предложил назвать онлайн-магазин по-английски: «Всякая всячина».

— А почему не индийское название?

— Без шансов, — ответил он, — Посмотрите вокруг. Velvet Hotel. Sweet Dream Guest House. Snow White Beauty Parlour. Comedy Nights.

А я вставил свое:

— Сид вместо Сиддхартха.

Название понравилось тетушке Рози. Когда она пришла. Сейчас ее не было. Были только мы, и бабушка отдавала распоряжения тете Сида и служанке:

— Дети приехали из-за границы, сегодня будет

настоящая индийская еда — для всех все и сразу!

Отцу Сида тоже позвонили и сказали, что мы приехали сюда из аэропорта и выдвинемся, как поедим.

Сначала мы помылись, а потом, хоть это было не запланировано, но вполне ожидаемо, мы оба легли и уснули. На бабушкиной кровати, потому что гостевая комната была заполнена всевозможными безделушками для «Всякой всячины». Уснули и не вставали до вечера.

Да ладно, встали — нас подняли. Тетя сказала, чтобы избежать джетлага, нужно как можно скорее начинать жить по местному времени. Иначе ночью не сможем уснуть. И в розовом свете закатного солнца у нас был великолепный ужин, планировавшийся как обед. Тогда Сид достал вино, которое мы купили в самолете. Разлил по стаканам и сказал:

— Давайте отметим бабушкино возвращение!

— И твое, — добавила тетя.

— Капелька для бабули. — Сид поднес стакан к ее губам.

И тут случилось то, что уже было однажды, — последний луч солнца выпрыгнул из ее глаз, и в вине поплыла радуга.

Я видел. Посмотрел наверх, нет ли радуги на

небе? Может, это она отражается на бабушкином лице? И я засомневался: не придумываю ли я сейчас, что видел радугу на том прощальном обеде? Или и вправду вижу второй раз эту расплескавшуюся радугу?

— Только этого не хватало! Нет-нет-нет. — Бабушка уклонялась-отказывалась, но как будто не по-настоящему. — Горькое, наверное, — скривила она рот.

— Откуда же вы знаете? — подтрунивал Сид. — Ага, попалась. Выпивали с дедушкой?

— А что, только попробовав, можно узнать вкус? — засмеялась бабушка. Сделала глоток, и кажется, ей понравилось.

— А теперь, — начал он со свойственной ему прямотой, которая, впрочем, никогда не была предметом его особой гордости, — бабушка расскажет, куда она убежала.

Вот так просто. Без обиняков говорит то, к чему другие не могут подступиться со своими иносказаниями и окольными путями.

— Передать статую. Рози. Ей нужно было успеть на поезд. Она оставила меня на повороте и убежала, сказав: «Вон видны ворота».

Но бабушка прошла мимо, а потом ворота за воротами, и все похожие.

— Ну и ну! — Сид опять протянул ей стакан.

Мне кажется, бабушка сделала еще один-два глотка. Наверное, в пылу разговора. Или потому что все чувствовали себя свободно. Как будто сейчас не было никаких запретов. Или подумала, что нужно все попробовать, пока жива. Или просто все интересно. И от всех этих переливов появилась радуга.

Тетя отлила ей немного вина из своего стакана. Я тоже. Сид не преминул пошутить:

— Говорить будут на нас, а пьянеет бабуля.

Бабушка подняла трость, чтобы наподдать ему. Вместе с тростью взлетели бабочки и радуга.

Возможно, я придаю радуге особое значение из чувства вины — чтобы оправдать свое возвращение на эти страницы. Сказать, что я видел радугу. Видел или не видел — что с того? Радуга спустилась с неба или устремилась ввысь из бабушкиных глаз — какая разница? Ведь цвета имеют обыкновение переливаться из одного места в другое. Все довольны — и славно. Кроме этого, ничего особенного не происходит. И я приехал не по своей воле. Мы возвращались вместе с Сидом, и он привез меня сюда, не спрашивая. Иначе из аэропорта я бы поехал к себе. Все проявляют ко мне такое радушие, что я рад провести

время с ними, но разве я не знаю, что они здесь в своем праве, а я только гость на этом празднике жизни.

К черту, никто, кроме меня, ничего не говорит, только я зачем-то костерю себя и завязываюсь в узел. Как будто никто никуда не приходил без особой цели и причины!

Наверное, чтобы сохранить душевное спокойствие, с этого момента я буду на все говорить Сиду нет. Я низко кланяюсь и прощаюсь. Больше не встретимся. Надо вернуть шорты и футболку, которые принадлежат бывшему тети Сида. А одежду, которую я снял и положил в корзину для грязного белья, нужно достать обратно. Хотя, пожалуй, пошлю кого-нибудь за ней. А если даже заскочу сам, то буду держаться подальше от этой истории и быстро раскланяюсь. Ведь жизнь идет и за пределами этих страниц. Пусть моя одежда полежит пока там. В историях и рассказах часто остаются огромные пробелы, а это белое пятнышко никто и не заметит.

39

Воспевающие шум и хаос уподобляют тишину и покой гробнице. Кто-то называет реку мокрой, а пустыню — сухой. Про нахала, который норо-

вит полапать и прижать в углу, скажут, что он настоящий мужчина. А про ту, которую он истязает, бьет и подавляет, — что она счастливица. Если красиво расставлено по местам — это магазин, а если набито битком — это жизнь. Уличное — на улице, домашнее — дома. В топленом масле сверху плавает чхадан, а в молоке — сливки. Если добавить в них росу, получается банараси малаийо, а если взбить с дахи — пандажби ласси. В сезон дождей льет дождь, а в жару дует Лу. Мамино тело говорит новыми звуками, сердце Дочери ноет, как порванный барабан. Уменьшающаяся женщина еще больше ужимает себя, чтобы стать легче. Растущая женщина застревает в своих морщинах, от этого долго не может уснуть, а потом долго не может проснуться.

Настал сезон дождей, но это совсем не значит, что будет дождь. Погода своенравна, а человек пытается ее угадать — много о себе понимает, а знает мало, походит-побродит и возвращается к господу богу, ведь на все его воля. Если ветер не разгуливает, спокойно покачиваясь, как Мама, он дует со звоном. И тогда частички воды, а не солнечного света кружат по квартире ливневыми потоками или сочащимися струйками — кап-кап.

Дочь подскакивает то с этой стороны сна, то с той: со свистом сверкает молния, грохочут тучи, скребутся ветки — ревут и колотят: «Пусти! За что ты нас выставила?»

Как же природа великолепна! В ней проявляется все многообразие мира. Нужно только поймать ее мелодию. Сердце и душу — на поруки ветру. Когда тучи сгущаются, сердце героини темнеет, как в поэме «Облако-вестник»[100]*. А когда лопаются бутоны, ноги пускаются в пляс, как у Чайтанъи Махапрабху*[101]*. В капле росы Тагору открылась вселенная. Философия Аристотеля пробудилась, когда затих ветер.*

Если плачешь, то во время дождя твое сердце трепещет, как бумажный кораблик. Если душа цела и невредима, то парит и в солнечном свете, и в лунном, и среди капель. Мама встала, хоть и была прикована к кровати, и теперь капли переливаются на ней, как жемчужные нити. Она идет спокойно, а вокруг нее все волнуется, блестит.

---

[100] Примечания: 100

Санскритская поэма, написанная Калидасой (ок. IV–V вв. н. э.). В ней содержится распространенный в санскритской лирике мотив о том, что возлюбленный должен вернуться к своей возлюбленной перед сезоном дождей, который считается порой любви. Если же он не возвращается, это усиливает любовную тоску.

[101] Примечания: 101

Чайтанья (1486–1533) — основатель бенгальского вишнуизма. Среди прочего известен своим экстатическим танцем, прославляющим бога.

И звучит.

Мама идет, хоть и в раздумьях, но спокойно, хоть и радостная, но тихо. Спит — спокойно, говорит — спокойно. Она отдыхает в новом месте, которое сначала было скрыто внутри и теперь разворачивается наружу. Туда прилетают птицы, и они знакомятся друг с другом.

40

Одна птица прилетает каждый день и заливается трелью. Иногда игриво, иногда печально.

— Эй, сестра, что за пацан там свистит? — однажды подорвалась Рози, как будто уже готовая вызвать его на бой.

— Тихо ты. Это птица, — одернула ее Мать.

Раздался свист. Долгий. С переливами.

— Черная птица. Темноперая пичуга. Blackbird.

Свист, повествующий о чем-то. Как будто доносящийся издалека.

Мама складывает губы в трубочку и дует. Рози повторяет за ней.

Обе пытаются свистеть.

Птица замолкла.

Мама и Рози замолкают. Птица опять свистит. Они тоже свистят. Как будто выступает трио.

Дочь поворачивает ключ в дверном замке: «Это

из моего дома раздается свист?» Дверь уже была открыта. Рози и Мама издают звуки, похожие на свист. Потом тишина. Потом свистит птица. Как будто учит их. Опять свист.

— Видала? — голос Рози.

— Посыпь чем-нибудь, — голос Мамы.

И тогда на небе появляются звезды.

41

Не осталось ни одной причины, по которой Мама могла бы упасть. То есть именно тогда, когда не осталось ни одной причины, это и произошло.

Она свистит.

Причмокивает у каждого растения и нежно поглаживает каждый листочек и каждую веточку. Раньше она это делала, чтобы протереть от пыли, но теперь, когда пошли дожди, просто так — оросить своей любовью.

Иногда растирает в ступке фенхель, толчет чеснок, измельчает поджаренные специи. Разносится аромат.

Сама встает. Сама моется. Сама делает чай. Сама ест и кормит других.

На все лады приветствует проходящих внизу людей: «Эй-хей-хэллоу-намасте!»

Когда сидит одна, разговаривает то ли сама с

собой, то ли с небом, то ли с деревом, но, если захочешь послушать, придется напрячь уши. И без конца издает разные звуки. Стонет, охает и ахает, всхлипывает, кричит — и в каждом звуке радость боли. Конечно, с остальными она тоже разговаривает. Время для Дочери. И время для Рози. Время принимать гостей и провожать. А если заходит Сид, то выпивает даже несколько глотков вина или пива. Однажды К. К. открыл коньяк и предложил ей. Сначала она скривилась. Потом добавила меда. Увидев это, Дочь подняла шум: «Зряшний перевод коньяка!» Но Мама сначала попробовала, облизнув губы, а потом выпила все. Так она пристрастилась к коньяку с медом и иногда пила его вместе с К. К. Дело дошло до того, что, когда коньяк кончался, она просила налить в бутылку немного холодной воды — мол, ни капли не должно пропасть.

Но история на этом не заканчивается.

Сама ходит-бродит, а трость использует уже не только по прямому назначению: вылавливает тапочки из-под тахты; закрывает окно; постукивая, прогоняет ящерицу, притаившуюся на стене; чешет стопы; использует как указку, когда что-то объясняет, как будто делая презентацию в PowerPoint; заставляет звучать стены и пол,

дирижируя, как Иегуди Менухин; не нагибаясь, расправляет коврики, подстилки, циновки; играет с муравьями и еще многое другое.

Разговаривает по телефону. Кому-то подробно рассказывает, что у нее побаливает плечо, там, где оно соединяется с телом, совсем чуть-чуть — наверное, именно это называют «замороженным плечом»:

— Вот настолько поднимаю, а выше — ой! — не поднимается.

Рассказывает так, как будто с той стороны установлен бинокль и собеседник сможет разглядеть, что и насколько она может поднять. Рассказывает так, как будто смакует любое проявление боли. Каждая волосинка на теле заслуживает того, чтобы ее приласкали. Каждая частичка, клеточка, ворсинка полна ощущений.

То же самое с ухом:

— Погоди, я сяду. Приложу к левому уху. Правое закупорено, нет-нет, это не из-за муссона, говорят, сжимается с возрастом — дырка стала маленькая. Слышу меньше на пятьдесят процентов. Или даже на шестьдесят.

Так же показывает опухшие ноги:

— Посмотри, какие они разные.

Так же жалуется, что болит кончик. Который

копчик.

Так же рассказывает о причинах запора и сколько удалось выдавить с утра:

— Целый день одно и то же, бесконечные попытки до обеда. Проснулась — иди, чай попила — посиди, прошлась — опять, поела фруктов — попытайся, после завтрака — на трон. Ем баиль, продолжаю пить трипхалу, гастромон, софтовак, луз, исабгол. Ем только вареные овощи. Все время кажется, что там что-то висит. И еще все время кажется, что сама плоть обвисла. Вчера я приняла луз оба раза.

На этом месте Рози закатила глаза:

— Сестрица, ты все лечение назначишь себе сама или все-таки оставишь что-то доктору?

Это повседневная рутина. Кто удостоит эти дела титула «что-то происходит»? Если день за днем главарь банды, даже будучи в тюрьме, продолжает поддерживать бандитский порядок — это тоже рутина, ничего такого. Ужасающий уровень загрязнения, который растет с каждым днем, тоже привычное дело. Гитлеровские газовые камеры — да, это трагедия, которую нельзя назвать рутиной — тогда действительно случилось. Под «случилось» мы подразумеваем что-то немного драматичное: когда заметки вдруг становятся

бесполезной бумажкой; когда на скоростной автомагистрали, ведущей в Агру, одна за другой сталкиваются двадцать две машины; когда загорается озеро в Бангалоре; когда в Кашмире опытный гид аккуратно ведет туристов по узкой снежной тропинке и вдруг, кувыркнувшись в воздухе, падает распластавшись; или когда Мамины ноги подкашиваются в доме у Дочери.

Без всякой на то причины. Просто так, раз — и все.

42

«Почему она упала?» — этот вопрос вызвал бурю. Это не значит, что все уселись за стол, чтобы обсудить его между собой. Обвинения вырастали за спиной и постепенно подбирались к животу.

Дочь стала думать, что причиной падения была-или-был, был-или-была тетушка Рози. Они с Мамой все время выдумывали какие-то нелепые занятия, а их свист, который курсирует между домом и гробницей, день ото дня становится все громче, и скоро весь район будет его слышать и недоумевать, что, черт возьми, происходит? Конечно, однажды она должна была упасть. Они все время вместе, Рози даже поругивает Маму, принесет, бывало, пучок мяты и взамен уплетает

целое тхали. Мама почувствовала совершенно новый вкус свободы, начала жить так, как хочет она сама, и теперь со всем своим простодушием бедняжка позволяет другим разорять себя. Мусор со всего города тащат сюда, они придумывают и мастерят из него разные поделки, и совершенно ясно, кто получает от этого прибыль, а кто несет убытки. Мама делает слишком много, перенапрягается — как тут не упасть. Ведь именно из-за нее с Мамой приключилось тогда несчастье — потерялась, а потом так долго была совершенно разбита. Наверное, это она убедила Маму, что многие засматриваются на статую, да и сам Старший говорил: «Можно продать за миллионы», Дочь тоже хотела забрать, а люди видят, как Мама начала все раздаривать, и если кто-то попросит Будду, то вы, сестрица — она зовет ее сестрица! — не сможете отказать, так что отдайте лучше мне для сохранности. И доверчивая Мама, не осознающая свою уязвимость, пошла. Неизвестно куда. В какие-то лачуги, трущобы… что там пришлось пережить? Мы все время уходим: на работу или еще куда-то, а она всегда была дома. Из-за статуи обрекла себя на болезни. Скорее всего, именно с тех пор так ослабла, болезнь не всегда проявляется очевидно, да я и не дала ей проявиться, забрав

Маму сюда, но иммунитет пострадал. Разве она знала, что окажется тут? Тогда бы, наверное, попросила меня забрать Будду на хранение. Теперь статуя здесь, но, кажется, не для меня. Я вор, а Рози — хранительница. Хорошо Рози посмеялась надо мной. Да и сейчас продолжает, еще и с прибылью, все идеи придумывает, Мама в этом возрасте столько всего делает: наклоняется, двигается, тянет, режет, качается на качелях — чуть не падает и вот упала.

К. К. не согласился с тем, что кого-либо в чем-либо можно признавать виновным подобным образом — и так утратил остатки своей сексуальной привлекательности.

— В чем-либо? — вспыхнула она. — Я не в чем-либо обвиняю. И что значит «что-либо»?

Сначала К. К. попытался объяснить, что он имел в виду под «что-либо», потом признал поражение и решил сделать ход конем:

— А если твоя невестка скажет про тебя такое, что будет?

— Ну что-то будет, — язвительно сощурив глаза, сказала его по нынешним временам бывшая.

И, наверное, та действительно что-то говорила.

Это предположение было верным. Говорила.

Что если отправить к тем, кто ведет такой странный образ жизни, то так оно и случится — упадет. Выходит, она и Старшего тоже винила? Кажется, да. И ему досталось:

— Ты даже не съездил посмотреть, как она там, в каком состоянии, откуда тебе знать? Ладно, отправил туда на время переезда, но оставлять так надолго. Там больше пьют, чем едят, и редко лекарства, чаще — спиртное, ничего не бывает вовремя, холодильник откроешь — пусто, чтобы поднять что-то, нужно согнуться в три погибели, шаг сделаешь — запнешься о стену, хочешь взять фрукт из миски — нужно раскачаться на качелях и выловить в полете, и в любой момент ты можешь упасть. Эта мебель из соломы и палок, которую отдают бесплатно, — от нее без конца пыль и грязь в доме. А весь мусор, который находят на улице, несут Маме, чтобы она что-то там делала из него, а кто-то другой продавал бы. Кто выиграл оттого, что Мать отправили туда? Она-то там, а нам приходится таскаться туда-сюда без конца, это мы должны водить ее к доктору и заказывать лекарства в государственной аптеке, а Дочь — молодец. Даже чай Мама встает и делает сама. Здесь ей не приходилось вставать. Она управляла домом со своей кровати — просила

все, что нужно, и раздавала указания. Все для нее, и все с почтением. А теперь на подножном корму, и делай все сама — в этом-то возрасте, а все потому, что хозяйка того дома, если его вообще можно домом назвать, занята покорением мира, а Мать родную отдала на попечение слугам, кто они вообще и откуда? И как тут не упасть? Мы опозорены, потому что получается, это мы ее выставили из дома, а ведь я говорила, не годится ей жить в доме Дочери, незамужняя ли она, разведенная, одинокая или еще что. Каждый день сын говорит мне, что нельзя же притащить ее силой, все-таки это ее Дочь, не враг какой-то. Но у меня сердце все время не на месте было. Дочь, конечно, но совсем не умеет ни о ком заботиться, сама в полном раздрае. Когда Мама была здесь, я без конца переживала, когда ее нет — тем более, сын говорит, что жить за другого его жизнью невозможно, и в том, что она упала, нет моей вины, но у меня сердце кровью обливается, а ты посылал меня или Сида только для того, чтобы получить ее подпись, не посчитал нужным хотя бы раз сходить сам и посмотреть, в каком она состоянии, и привезти ее обратно.

— Как я мог пойти? — бросил на нее яростный взгляд Старший. Он не произнес: «Мама упала из-

за сари, и кто сказал, что я не ходил и не видел?»

43

Потому что он видел. И ходил. Он поддался изменчивому настроению листьев. Как ветер не мог сдержать своих порывов, так и Старший — своих. Все помнят, что Мать пропала в последние дни зимы, а нашли ее весной. Сложно сказать точно, сколько дней прошло. Год за годом в конце зимы деревья начинают сбрасывать сухие листья, а из-под них пробиваются новые побеги. Так зима растворяется в весне. Сверху раздается потрескивание, сухие листья срываются и шуршат на земле, а в нежной листве, выглядывающей из-под них, еле уловимый ветерок бормочет, как нежно-зеленая трава. Сверху вздохи прощания, снизу вдохи надежды.

Старший переживал из-за перемен с домом, перемен с работой и перемены обстановки. Все эти перемены заставляли его хрустеть так же, как те сухие листья на земле. Мама исчезла, листья становились все суше и суше, а его сердце все тревожнее и уязвимее.

Но Мама нашлась. Сердце его возликовало совершенно по-детски. Проросли нежные мягкие листочки и побеги.

Отправил ее к сестре на несколько дней. Пусть те листья, которым суждено упасть, упадут, а те, которым суждено вырасти, — вырастут.

Никто не понял, когда листья опять успели поменять время года в его сердце. В разгар сезона дождей. Листья растолстели. Тяжело-тяжело свисали. И сочились тоской. Даже когда молчали, были наполнены тяжестью. Полное тело — это красиво, но в густом цвете таится печаль. Рага тоски. Медленное, очень медленное и унылое вступление — алап. Или плач — вилап.

Всесторонне образованный бывший чиновник не понял. Не узнал отдающуюся в его сердце рагу тоски, исполняемую листьями. Сник. Жена говорила, что такова участь всех, кто вышел на пенсию, — не знаешь, как скоротать день и ночь, сидишь и все время насасываешь краешек своей майки. Она тоже образованная. Но не знала, что печаль просачивается через листья, которые сначала срывал грубый ветер, потом он стал весенним, слегка подмок, а теперь неистово бил дождями.

Никто не понимает раги ветра, рожденные из листьев, и не может разгадать знаки, которые они оставляют на сердце.

А что такое понимание вообще? — даже этого

не понимает никто — И где оно находится? В мозгах, которые поскрипывают, простукивая наш лоб изнутри? Туда-то оно и запрятано — так нас всех учили. А тело и душа болтаются, как слюни, на этих мозгах, закрученных в джалеби![102] Ты как исчезнувшая Алиса, и все, что от тебя осталось, — те самые мозги, которые стали улыбкой и повисли в воздухе? Нос, глаза, губы, шея, плечи, локти, колени, щиколотки, пятерни, бедра, голенький потешный обвисший живот, спина-от-ворот-поворот, хлам, срам, ни ума, ни разума, совершенно никчемные. Ах, если бы кто-то знал, что все эти части тела не какие-то джалеби, а балушахи, раджбхог, мотичур, шрикханд, шафрановая халва, кулфи, басунди. В них и сердце, и разум, и душа — разве поместится все это в тщедушном джалеби? И вот теперь представьте, сколько сердец, разума и душ у каждого из нас! Так ребенок становится пандитом[103], усвоив веды горлом еще до того, как они дошли до его джалеби-мозгов. Музыканты Бхимсен, Шарафат и

---

[102] Примечания: 102

Популярная индийская сладость — нити теста, закрученные спиралями и обжаренные во фритюре.

[103] Примечания: 103

Ученый брахман.

Латафат[104] всем своим телом чувствуют каждую ноту, каждый тон и соединяют их в мелодию. Разве под силу это одним только высушенным бестолковым ненасытным джалебишкам с их строго определенным местоположением? У разбойника Ратнакара мозги были никудышные, оттого он все твердил «мара-мара» — «мертвый-мертвый». Но сердце и душа его были полны бхакти[105], поэтому, когда он повторял «мара-мара», получалось имя господа «Рама-Рама» — так он спасся и стал риши Вальмики[106]. Джалеби всего лишь пустозвон и хвастунишка — ни с чем из всего этого ему не справиться.

Для простоты — что такое мозг? Это то, где происходит процесс мышления. А что такое мышление? Это то, что увидел, понюхал, почувствовал, попробовал, помахал, покружил щегольнул. Разве может джалеби, заключенное в черепную коробку, сделать все это? Это делают

---

[104] Примечания: 104

Бхимсен Джоши (1922–2011), Шарафат Хусейн Хан (1930–1985) и Л атафат Хусейн Хан (1920–1986) — индийские вокалисты, исполнявшие произведения в традиции Хиндустани.

[105] Примечания: 105

В индуизме преданность и любовь к богу, способ познать его.

[106] Примечания: 106

Вальмики — легендарный составитель «Рамаяны», при рождении носил имя Ратнакара и был разбойником.

другие части тела, и это они — око мудрости, истинный разум. Джалеби всего лишь хранилище, или склад, или бакалейная лавка. Место, где хранятся вещи, всё.

В разуме, находившемся в коленях и запястьях Старшего, в других частях тела и даже в волосках, — вопреки тому, что был запрятан в черепную коробку, — а также в его сердце и душе что-то шуршало. Он затосковал. Иногда впадал в отчаяние: «Что делать?» Ветер, разносящий плач листьев, о чем-то напоминал ему, но он не мог вспомнить, о чем. А напоминал он о том, что в те дни, когда Мама была рядом, в том доме, в котором они жили до его выхода на пенсию, ветер колокольчиками звенел в крошечных листочках — это и терзало его память, но он даже не догадывался. Он никак не мог понять, что за чесотка заставляет его без конца чесать голову, поворачивать колени в разные стороны, потягиваться, раскинув руки, и обшаривать пустоту. Просто однажды он поехал в банк по делам — это было единственное, зачем он вышел из дома, размышляя, то ли вложить деньги в акции, то ли открыть фиксированный депозит, а заодно поболтать с менеджером, с которым они приятельствовали со времен службы, выпить с ним лимонного чая

и обсудить политические перспективы. Выполнив эту программу, он поехал домой на машине и случайно повернул налево, на улицу, где был дом Дочери. Ну не то чтобы он именно повернул налево, просто сдавал назад и отъехал левее, а оттуда уже была видна та самая улица. Но в дом Дочери он не ходил. Да, чуть впереди был дом Джамала, его сына-инженера на прошлой неделе застрелили на почве ненависти в каком-то пабе в Америке. Он подумал, не зайти ли ему выразить свои соболезнования, раз уж оказался здесь. «Надо было сходить в туалет в банке, — мелькнуло у него в голове, — придется теперь остановиться у обочины».

Заглушив двигатель у каких-то зарослей, он подумал: «Вот тут, в дождливых сумерках». Посмотрел наверх: «Дождь может пойти в любой момент, но еще видны сгустки солнечного света». А еще он увидел тот самый дом, в который Мама отправилась сменить обстановку. Тот самый, на втором этаже, прижался к тому дереву, вон тот балкон, ага, цветочные горшки, наверное, Маминых рук дело. Там внутри свет. В сезон дождей рано включают.

Кто-то вышел на балкон. Старший шмыгнул в кусты. Мама. В длинном платье. Делает дол-

гие-долгие вдохи, как будто выцеживает из воздуха какой-то аромат. Что-то говорит. Горшкам и растениям. Внимательно их осматривает, что-то втолковывает, щекочет тростью. Потом Мама подняла трость в небо, что-то сказала и засмеялась. А что, если бы упала в этом нелепом балахоне? Странный наряд, сестра сама-то одевается не пойми как, решила и Мать одевать так же? Какая-то соломенная накидка дервиша.

В этот момент Мать повернулась. Чтобы идти внутрь. Спиной к Старшему. Показалась на миг и ушла. Старшему стало не по себе. Он закрыл машину и перешел на другую сторону улицы, туда, где был дом. К дереву, ствол которого окружали булыжники, а ветви тянулись к тому самому балкону. Бог знает, что взбрело ему в голову, но он забрался на булыжник, а потом запрыгнул на дерево, укрывшись в листве.

В головном мозгу пробка, разума в других частях тела он не ощущает, так что же еще может прийти в голову? Забрался на дерево и вглядывается туда, где горит свет, чтобы получше рассмотреть. Никто не видел, как он вглядывался.

Вообще-то видели. Вороны. Их собрание было нарушено его играми в прятки и чехарду.

44

Старший ошибочно подумал, что, размахивая тростью, Мама разговаривала с небом. Она разговаривала с воронами, угрожала им, потому что их банда неожиданно прилетела на балкон и, каркая, уселась на ее деревья и цветы.

— Что за хулиганство? — ругалась она. — Чего шумите? Наглые попрошайки! Всей бандой обрушились на нас, думаете, брошу вам крошек? Ни за что. Смотрите у меня — если хоть лепесточек с них упадет, глаза повынимаю, вот так проверну тростью, а потом скормлю им как удобрение. А ты, умник какой нашелся, — погрозила она тростью, — еще глаза таращить на меня будешь? Ну-ка, иди сюда, иди, — вызывала она его на бой, — как надену на тебя намордник — и сделаю своим домашним псом!

От этих своих слов она разразилась громким смехом:

— Ворона ты или какая-то собаченция? Сейчас как пособачимся с вами!

Она все смеялась и смеялась, так громко, что Дочь вышла на балкон, а Старший шмыгнул в укрытие. Мама пошла внутрь, не опираясь на трость, — она размахивала ей в воздухе.

Старший испытал чувство щемящей неловкости, видя, как Мама громко разговаривает с небом, это же чувство вызвал в нем ее нелепый балахон, в котором он углядел несомненное влияние Дочери. «Господи, упадет ведь! Где все ее сари?» — разволновался он.

Между квартирой на втором этаже и зелеными насаждениями была неасфальтированная дорожка. Задачей охранника было следить за тем, чтобы прохожие там не плевали и не справляли ни малую, ни большую нужду, но в последнее время он увлекся тем, что дожидался, пока по тропинке пойдет какая-нибудь парочка, неожиданно обрушивался на них и разнимал палкой, как двух слипшихся кузнечиков, — поэтому к остальному он относился с некоторой небрежностью. Хотя, может, чиновничий авторитет Старшего перевешивал дубинку охранника, и тот не осмелился сказать: «Эй, дядя, не плюй и не справляй нужду здесь!»

Но у ворон все пошло наперекосяк: и собрание, и погода. В тот день они сбились в стаю и прилетели издалека, преодолев дожди, горы, смог и здания. Те, кто видел это, удивлялись: что происходит и почему небо застилают черные крылья?

Ворон прилетело несметное множество. Орга-

низаторы были счастливы, но немного суетились, пытаясь всех разместить. Им не пришло в голову обзавестись микрофоном или камерой CCTV. Да и это было бы странным, ведь на повестке дня была такая тема: «Уровень загрязнения воздуха растет во имя науки?» Младших посадили на колени к старшим или к тем, кто был потолще. Как кенгуру со своим детенышем в сумке, как два ядра в одной миндалинке, как два банана в одной шкурке или как две головы на одном туловище, так над каждым вороньим телом покачивалось две головы и четыре глаза. Холмы и деревья были заполнены двуглавыми воронами. Деревья шелестели так, как будто кто-то укутал их вороньим одеялом, сочтя их наготу неуместной. Царила атмосфера эйфории и веселья, и, несмотря на карканье со всех сторон, они не стали мишенью ни для глаз, ни для палок, ни для нежелательного внимания прохожих — разве есть дело тому, кто поглощен городской суетой, до каких-то ворон?

Собрание шло полным ходом. Обсуждались ужасные последствия, вызванные меняющимся климатом и действиями людей, боготворящих науку. Со всех сторон раздавалась карканье, а птицы-экологи доставали из-под крыльев подготовленные речи и зачитывали их. Кому позволял

опыт, импровизировали. Собрание отвечало одобрительно-восторженным карканьем. Или скажем так: людям слышалось одно только «кар-кар», как это бывает с любым незнакомым языком, будь то хинди, маратхи, тамильский или азбука Морзе. Вороны впутывали друг друга в долгие дискуссии на разных языках или, если учитывать, что прилетели они из разных областей, на региональных диалектах, но оставим, пожалуй, здесь политкорректность — все-таки речь идет о воронах — и назовем это кар-кар-речиями. Небо звенело от их бходжпури, майтхили, авадхи и браджа.

Культура дебатов была хороша знакома воронам, и они смело высказывали свои мысли. У них было не принято бездумно наскакивать и заклевывать того, кто высказывал свое мнение, было ли оно основано на личном опыте, умозрительных заключениях или обычном недопонимании. На это великое собрание ворон стоило посмотреть. Старые птицы, чье черное оперенье не побелело, но лишь приобрело белесый оттенок, школьники, студенты, мужчины и женщины — все открыто обсуждали, что мир погряз в хаосе и даже их острый ум терпит поражение. «Раньше мы без барометра, компаса, термометра, агромет-

ра, Гугла и Твиттера знали, что приближаются дожди, лесные звери выходят на охоту, ветер не утихнет, семь братьев-болтунов[107] тоже, мышь превратится в льва, облако станцует и так далее, и тому подобное. Взглянув на лицо, понимали сердце — этот негодяй сожрет тебя, а этот йогин даст напиться из своего сосуда. Мы утрачиваем эти способности, потому что люди вторглись в атмосферу и снуют, угрожая своими стетоскопами, телескопами и прочими там скопами и пуская слюнки при виде наших детей».

В какой-то момент стали обсуждать Эль-Ниньо.

Один юнец, которому кружила голову собственная молодость — слегка дерзкий и взбудораженный, не то в шутку, не то из любопытства начал спрашивать:

— Что за Нина?

— Ниньо, — объяснил сосед.

— Эль-Ниньо, — сказал другой знаток.

— Ле-что? — переспросил юнец, ворочая клювом.

— Эль, Эль, — сказал старший, повысив голос.

---

[107] Примечания: 107

Род воробьиных птиц. В некоторых индийских языках этих птиц называются «семь братьев», так как они живут группами от шести до десяти особей.

— Как Аль-Бируни? [108] Аль-Азхар?[109] — улыбнулся юнец.

— Будь внимательней, не стоит все превращать в шутку, — вступила почтенная дама.

И как раз тогда появилось бескрылое и беззаботное существо, которому суждено было нарушить все их планы.

В вечерней темноте, сгущавшейся среди отступивших дождей, остановилась машина, из нее вышел человек и остановился на той тропинке, которая вела к зеленым насаждениям и возле которой проходило воронье собрание. Он расстегнул ширинку и внес свой посильный вклад в дело загрязнения.

— Эй ты, — вскинулся юнец, как будто готовясь ударить. — Какого черта явился сюда гадить, кар-кар?

— Глянь только! Нагадил и идет нас разгонять.

— Проклятье! — опять закричал юнец. — Думает, раз мы добываем еду среди мусора, нам нравятся помои и нечистоты?

От его воплей весь молодняк разбушевался:

— Не знает, что мы не забываем лиц. Сейчас

---

[108] Примечания: 108
Персидский ученый-энциклопедист (973—1048).

[109] Примечания: 109
Один из старейших в мире университетов, находится в Каире.

уцелел только потому, что родители утихомиривают нас, мол, шанти-шанти[110], но ты еще попадешься мне, и сразу клюну в глаз, так что… — Он угрожающе поднял лапу с растопыренными когтями и сделал выпад клювом, изображая, как лишает противника глаза.

— Давайте поддержим кампанию «Чистая Индия»! — сказал сын главы собрания. — Все чиновники здесь, давайте прямо сейчас рассмотрим предложение! Выберем кого-то из молодых, вручим им камеры, и пусть они фотографируют тех, кто гадит в общественных местах и оскверняет природу, а другая группа пусть распечатает много фотографий и везде развесит. Тогда негоднику станет стыдно, и он перестанет.

— Нынче стыд в большом дефиците, — сказала печальная ворона.

Тогда одна юная ворона из тех, что разве-я-хуже-других, начала подскакивать:

— К каждой фотографии нужно привязать камень и распа-нахать головы этим мерзавцам. Я вообще люблю кидать камни в лысых.

В тот самый момент Старший, совершенно не обращая внимания на ворон, шуршащих на

---

[110] Примечания: 110

«Шанти» дословно переводится с санскрита как «мир», «покой».

холмах и деревьях, запрыгнул сначала на холм, а потом на дерево. Поднялся переполох, старшие кричали, что в толпе нужно соблюдать спокойствие, лететь вереницей, не сталкиваться друг с другом и не создавать препятствий для стариков и детей, но возникли опасения, как бы у юнца и его товарищей не вскипела кровь, ведь они были напуганы этим внезапным появлением, и этого было достаточно, чтобы считать напугавшее их существо своим врагом, а еще страх показывает нас такими, какими мы не очень-то хотим себя видеть, — чувство собственного достоинства утрачено и остается только барахтаться или тонуть.

И вот представьте себе, как холмы и деревья начали подпрыгивать из-за разбушевавшихся ворон, тогда стали раздаваться голоса: «Пожалуйста, успокойтесь! Если кто-то из молодых украл телефон, свисток или дамру, пожалуйста, не включайте, не свистите, не играйте, чтобы мероприятие прошло спокойно».

Но вороны раздухарились. Хотели провести собрание во что бы то ни стало. Поднялось такое карканье, и дерево начало так прыгать, как будто выросшие на нем двухголовые затеяли восславить Шиву яростным танцем тандава.

— Эй, кар-кар, загаживайте свои дома, какого черта приперлись сюда? Наш дом — вселенная и природа, уничтожив которую, этот бескрылый народец строит свои дома. Не терпится покончить с собой — вперед, но нас-то зачем тянуть за собой? Куда мы пойдем, когда наши деревья и наше небо вы повалите на землю? Мы не возражали против экскрементов, пока они были органическими. Наши деревья умели отделять молоко от воды и цвести. Но теперь экскременты — это ядовитый химический раствор, сжигающий корни, землю и воздух, — вот что происходит, и мы будем бороться с этим.

Из клювов опять полетели слова, и было представлено еще множество докладов, когда это бескрылое существо, помочившись на землю, подошло к окруженному холмами и камнями дереву, на котором заседали вороны. А оно забралось не только на холм, но и, подпрыгнув, залезло на ветку дерева. Как будто все эти двухголовые вороны были невидимыми, и он мог плюхаться куда вздумается.

— Ну конечно, они и на наш цвет смотрит свысока. Какое неуважение! — карканье превратилось в рев. — Мы черные, и что с того! Мы

вороны[111].

То есть теперь на кону была их честь.

— Тебе нет дела до наших тревог, до наших жизней и даже до нашего существования. Ты нас просто не видишь! Ладно, одного, второго, но ведь вся наша братия невидима для тебя. Как и нет вовсе. Ну мы ему покажем! Как мы, протыкая клювами огромные облака, сбиваем их вместе и перетаскиваем из одного места в другое, давайте так же вонзимся в его плоть, взлетим и скинем его далеко-далеко — он разобьется вдребезги, а его кости разлетятся так, что никто не сможет их собрать и отвезти в Харидвар[112].

Все стали подскакивать от гнева, который поднимался от кончиков их когтей к холмам и ветвям и становился горящими искорками пламени — их-то человек и принял по ошибке за последние отблески солнца.

Это было похоже на ритуал, исполняемый сотнями ворон. Черные, как смоль, они танцевали среди искр, а между ними, хоть и отдельно, бескрылое жертвенное животное, которое вытя-

---

[111] Примечания: 111

Отсылка к песне Ham kale hain to kya hua («Я черный, и что с того, у меня тоже есть сердце») из фильма Gumnam («Неизвестный»), 1965 г.

[112] Примечания: 112

Город в штате Уттаркханд, считается священным у индусов.

гивало шею и крутило головой в разные стороны. Пугающее жертвоприношение.

Внезапно гомон и вопли стихли.

Согласно новым указаниям, место проведения торжественной части с благодарственными речами изменилось. Ее перенесли на купол, выступы крыши и основание старой гробницы в роще. Черное полчище взметнулось с холмов и деревьев. А молодняк, сколько было, сначала рванул вверх, а потом нырнул вниз, к растениям, у которых стояла маленькая женщина в нелепой одежде и кричала на них: «Только суньтесь сюда — перья повыдергаю». Обдавая ругательствами Старшего, вороны кружили над его головой: «Явился, чтобы захватить наше место, а старуха вопит, чтобы мы не гадили на ее горшки, хотя это ваша привычка гадить в каждом уголке вселенной, это ваша суперспособность все превращать в дерьмо». Негодуя, они улетели. В рощу.

Одна почтенная ворона, прославившаяся своими воронистическими взглядами, решила напомнить всем о воронолюбии. Она была одной из авторитетнейших феминисток своего времени, которые добились того, чтобы женщины могли посещать собрания и наравне с мужчинами влиять на решения, касающиеся

всей общины. Настояли на том, чтобы никто не подкладывал свои яйца в чужие гнезда из ворононенавистничества, чтобы не разбрасывали кругом веточки-соломинки, когда строят гнезда, — мы тоже будем жить в чистоте, и чтобы отцы тоже высиживали яйца, ведь дети, которые вылупятся, и их тоже. Она и сейчас высказывалась жестко, но красиво. Ей было больше десяти лет — она старела. Глаза ее были спокойны, как у коровы, а крылья преисполнены мудрости, как свисающие корни баньяна. Она легонько подпрыгивала, и мало кто знал, что в солнечные дни она это делала для того, чтобы витамин D полностью усваивался ее суставами, в результате привычка превратилась в манеру двигаться. Там, где все начинали скакать как одержимые, она чинно вышагивала. Никакой суеты — взорвется ли бомба, расколется ли гора, на ее лице ни тени тревоги, полное спокойствие.

Пока остальные вороны, охваченные ужасом, кружили в воздухе, она стояла рядом с тем запрыгнувшим на дерево человеком и внимательно рассматривала его. Погруженная в раздумья, она прилетела к старому куполу в роще. Преисполненный уважения к ее отваге, кто-то из впередистоящих вручил ей микрофон.

Он был сделан из светло-зеленых бамбуковых палочек, и ее голос кар-карсивым звоном разносился вокруг:

— Любимые дети, не ведите себя так, чтобы слово «ворона» стала синонимом «бесовства». Будьте мягче. Спускайтесь с неба снежными хлопьями, и мир раскинется под вашими мягкими, как вата, крыльями. Смотрите сердцем, а не глазами, полными высокомерия. Подумайте, тот двуногий ничего вам не сделал. У него случилось какое-то большое горе, он смотрит туда, внутрь того дома. Наверное, он потерял кого-то любимого. Возможно, свою мать, которая не видит его оттуда. Каково было бы вам, если бы вы были совсем рядом, а вас бы не видели? Усомнились бы в собственном существовании. Та, вторая, наверное, ее дочь. Мы изменились, но они — нет, при живом сыне мать отправляют жить к дочери — вот оно поражение и пренебрежение. Видели его лицо? Совершенно потерянная луна[113]. А ты, — ворона-феминистка сердито посмотрела на юнца, — почему любой пустяк провоцирует тебя на насилие? Тебе следует каждый день купаться в дождевой воде, чтобы немного остыть. Ты так

[113] Примечания: 113
Отсылка к песне Khoya khoya chand («Потерянная луна»).

легко сбиваешься с пути, обижаешься и теряешь рассудок. Все потому, что ты хочешь летать там, где не позволяет воронье право. Таких, как ты, ловят в один прекрасный день, сажают на привязь и показывают на ярмарках и представлениях: «Нажимай кнопку», каждый день твоя головенка будет появляться в газетах. Так и будешь ходить и летать, ничего не разумея, — головенка осталась только в газетах, а ты даже посмотреть на нее не сможешь. Ты вороний отпрыск, не становись ослом. Коршуном, соколом или журавлем. Терпение, мой мальчик, — сказала она, поглаживая его по склоненной голове.

После ее речи все вороны успокоились и терпеливо стояли. Только вот с наступлением темноты их стали одолевать комары, и они начали втирать в себя кашицу из раздавленных красных муравьев, потому что муравьиная кислота помогала гораздо лучше, чем крем Одомос, но делали они это совершенно спокойно, так, как если бы размельчали гашиш, чтобы потом медленно затянуться. В остальном они превратились в чистый слух и могли теперь уловить тихие стенания Старшего.

Потерянная луна что-то бормотала, и глаза у всех ворон наполнились слезами. Даже у юнца,

который уже отказался от идеи возмездия и забрасывания камнями и размышлял теперь, как ему исцелить сердце этого сына.

Дошло до того, что после благодарственных речей те, кому нужно было вернуться в свои жилища и временные пристанища, улетели туда, а почтенная ворона вместе с юнцом и его товарищами вернулась на старое дерево — из сострадания.

Послушать, о чем говорит сердце Старшего. Они обладали особым навыком — слушать сердце, особенно если говорящий уснул. Стоя на ветви дерева.

45

В квартире было какое-то шевеление. Старший стремительно согнулся, как будто, если уменьшишься, будешь меньше виден. Внутри зажегся свет, а снаружи сгущалась темнота, но кто скажет ему, что вероятность быть увиденным в этих условиях крайне мала. Даже если у вора нет бороды, в ней все равно застревают соломинки. Ощущая себя преступником, он свесился вниз и посмотрел по сторонам — убедиться, что дорога пуста, потом исполнил что-то наподобие акробатического трюка и забрался на ветвь повыше.

Здесь его лучше укрывала листва и квартира была прямо перед глазами.

Его дурная сестра оставляет балкон открытым, а дом весь светится, как на Дивали, так что любой под покровом тьмы и листьев может сколько угодно пялиться на то, что происходит внутри. Но ее никогда не заботило, подглядывают за ней или нет. Стоит себе — смотри не хочу, еще и Маму сделала всеобщим посмешищем, усадив ее на качели в этом костюме дервиша. Кач-кач. «Смотрите все, небось никогда не видали — не слыхали такого, так посмотрите, как они живут, посмотрите на эти волочащиеся по полу нелепые одежды — ох-х-х, как бы Мама не упала. Носила ведь красивые приличные сари и прекрасно справлялась в них с любой работой, а теперь?»

Он начал вспоминать, как она выглядела в сари. Он подумал, что она их выкинула, от этого в его сердце поднялась такая тоска, что он обессилел и уснул.

Человек, вспоминающий во сне сари, разбирается в них не хуже торговца, продающего их. Одно за другим он стал раскладывать все сари в печальном дворе своего сердца и, так как он был на дереве, развешивать их на ветвях. Это были сари, которые Мама носила во времена его детства,

и сари, которые он потом привозил ей из командировок или новых мест работы. Только в сари Мама была Мамой. Вот она в Бенаресе с другими женщинами спускается по ступенькам к гхату[114] Даша-ашвамедха[115] от храма Вишванатха, на металлическом подносе горят лампадки, сделанные из теста, на ней шелковое храмовое сари из Майсура. Цвета синдура, окаймленное тонкой золотой полоской. Край сари накинут на голову, и несколько золотых линий обрамляют ее лицо. Женщины склонились, чтобы спустить лампадки на воду, и сошедшее сверху звездное небо мерцало в воде и кокетливо переливалось, став небесной Тангой. Мама легонько вытерла щеку краем сари, и это нежно-сливочное касание долетело до щеки Старшего, спящего на дереве.

Потом это касание превратилось в пощечину. Которую Мама отвесила, выйдя из кухни. Он не помнил ни когда это было, ни в каком городе, но воздух был наполнен дурманящим ароматом пакор из нутовой муки, жарящихся в горчичном масле. Это был день кадхи и риса. Мама наполнила мисочку пакорами и принесла ему, но язык

---

[114] Примечания: 114
Ступенчатый спуск к священному водоему.

[115] Примечания: 115
Название гхата в Бенаресе (Варанаси).

— это язык, рука — рука, нога — нога, а Старший еще маленький. Раз за разом он возвращался на кухню и горстями хватал с блюда пакоры. Горячие-прегорячие, нежные-пренежные, с торчащими хрустящими клювиками и хвостиками. Уминал одну за другой. Вдруг появилась Мама, вытащила его наружу, закатывая рукава рубашки, и закричала: «А что останется для кадхи? Еще и перелапал все пакоры с общего блюда!», после чего отвесила пощечину, которая ему, сидящему на дереве, показалась такой сладостной и нежной, как касание майсурского сари. Но в тот день было хлопковое дхоти, край которого она пропустила между ног и заткнула за пояс, как отважная воительница. Иной раз обмахивала им разгоряченное лицо, а иной — припечатывала маленького Старшего.

Спящий на дереве Старший с любовью подложил руку под щеку.

Как раз тогда почтенная ворона вместе с юными отпрысками прилетела туда.

«Что-то вы поймете, а что-то — нет, но сегодня изучим сари», — на-кар-кар-шептывали старшие.

Жаждущие обогатиться знанием, вороны достали блокноты, выдрали лапой по перу, макнули

его в древесный сок, записали свое имя и дату и уселись в ожидании.

Сначала они записали: «Спит».

Странное было зрелище: человек спал на дереве, подложив руку под щеку, а толпа ворон собралась вокруг него, чтобы услышать, о чем говорит его сердце, — как студенты, они уселись в рядок на каждой ветке и делали записи. Почтенная ворона руководила ими и объясняла, когда они не понимали, о чем человек говорит. Сари разворачивались и слегка покачивались на ветвях. Вороны смотрели, не отрывая глаз.

Сердце продолжало открывать все новые и новые истории.

Со временем повзрослевший Старший начал привозить сари для Мамы. Узнав, что он собирается в Коту, Мама сама попросила привезти ей сари Кота Дория, которыми славился город. Легкое, цвета коровьего молока, в клетку таких же тонов, с тонкой золотистой каймой. «Стоило ли покупать белое? — спрашивал сам себя Старший. — Но уж больно милое, да и белый этот совсем не похож на траурный». Он вспомнил, как летними вечерами Мама, надев его, вместе с Папой прогуливалась до военного городка. Бывало, бригадир Диллон звонил и говорил: «Вы оба тоже

приходите ко мне, я задержал ваших родителей на ужин».

— Нить Кота, — кар-кар-шептали друг другу вороны.

Потом они увидели, как из сердца начало разворачиваться пурпурное сари, и все дерево заполыхало-засияло.

«Патола», — вспомнил Старший.

«Патола, — присвистнули вороны, — только посмотри, какой цвет!»

«Выполнено в технике нарикундж[116], на нем были танцующие девушки, опьяненные расслилой» [117], — вспоминал Старший. Привез его из Чарминара в Хайдарабаде. Еще одно привез для жены, но она запала на Мамино. Мама сказала: «Носи ты, куда мне, старой кобыле, эти разнузданные пляски?» Но Старший настоял, чтобы она надела, и как же оно ей шло! Наверное, искры зависти прожгли в нем несколько дырочек. Когда прачка проходился по нему горячим утюгом. Ма-

---

[116] Примечания: 116

Традиционная техника нанесения рисунка, родом из города Патан, штат Гуджарат. Характерные цвета красный, белый, зеленый, часто изображаются животные, птицы и танцующие фигуры.

[117] Примечания: 117

Танец, который Кришна исполняет со своей возлюбленной Радхой и другими пастушками, умножившись так, что сам танцует с каждой из них. Олицетворяет божественную любовь и блаженство.

ма все равно носила его — заштопав. А жена еще три-четыре года каждый раз просила привезти такое же, если Старший или кто-то другой ехал в Хайдарабад. Она грезила им во сне и наяву. Возможно, сейчас оно висит у нее в шкафу и, наверное, совсем поистрепалось.

— Но ни одно сари не было настолько царственным, как Гадвал, — сказало сердце.

«Царственное», — записала одна юная ворона, решив, что это вид сари.

— Гадвал, глупая ты сова, — легонько пихнула ее старшая сестра.

— Ворона, не сова, — многозначительно выпучила на нее глаза младшая.

Разворачивая сари на дереве, Старший подумал: «Надо же, благодаря Маме я смог столько узнать о талантах ткачей по всей Индии. Сколько мужчин знает, как выглядит сари Гадвал? Само сари хлопковое, а край и кайма шелковые, расшитые золотыми и серебряными нитями. Это было желтое сари, а его паллу[118] был цвета зеленого попугая, а в каждой его складе и изгибе — о боги, какая красота! — гроздями свисали манго. Сначала их вырезали на каменных и деревянных

---

[118] Примечания: 118
Край сари.

печатях в районе Гадва, что в Андхра-Прадеше, а потом нанесли на сари».

На этом месте Старший вспомнил манго, соком которого он брызнул на Мамино икатное[119] сари Почампалли. И тогда еще Старший был маленьким и сильно плакал. Мама успокаивала: «Сынок, ты уже большой, посмотри, сколько цветов на нем: бордовый, бурый, цвет хны и куркумы — все перемешано так, что пятно совсем незаметно». Когда Мама надевала это сари, маленький Старший обходил ее по кругу, расправляя руками ткань в поисках мангового пятна, но никак не мог найти его на разноцветном фоне, все его подначивали, а он все никак не мог перестать, и еще Каламкари…

— Каламкари, — сказала одна ворона и начала записывать.

— Сначала Почампалли, а после Кандживарам, — сказала тихо ворона-феминистка с глазами коровы, как будто составляя таблицу умножения.

— Откуда Вы знаете? — взволнованно спросил юнец, сидевший рядом.

— Тс-с-с, — подала она знак и улыбнулась.

---

[119] Примечания: 119

И к а т — способ окрашивания и нанесения узора на ткань.

Наша Мама часто носила Каламкари. Он видел мастеров, которые, приделав волос к бамбуковой кисти, наносили мозаичный узор на сари. «Называй их художниками», — сердилась Мама. И правда, сари были великолепными. И цвета необычные, только природные красители. Хаки, бурый, темно-медный. Краски из корней, бетельного ореха, железа, меди, куркумы. Цветов, листьев, на одном были даже синие цвета, но из чего их делали, я забыл, даже если и знал. И Кандживарам…

Тут юнец удивленно посмотрел на ворону:

— Ух ты! Откуда Вы кар-кар-знали?

А она опять загадочно улыбнулась.

Это было черное сари Кандживарам, на котором белым была изображена история Рамы и Ситы. Столько всего на нем, а все равно такое простое.

— Нет цвета, подобного черному, — объяснила ворона молодым.

— Ага, — подтвердили они, нежно поглаживая милое их сердцу сари, которое покачивалось на ветке.

— Только не клювом, — зашипела ворона, — крыльями.

Он купил его за две тысячи рупий. Первый раз ездил на юг. Жене тоже привез, но она частенько

носила Мамино, спросив ее разрешения. Для того времени это было очень дорого. Но еще дороже было Пайтхани.

— Патхан, — каркнул какой-то юноша.

— Патхани, — поправила его девушка.

— Охо-хо, — призвала их к порядку почтенная ворона, — Пай-тха-ни.

Он купил его в Вадодаре. В доме семьи Гаеквад, куда пришел торговец из Аурангабада со связкой сари на голове, — ведь и в самом деле, где еще найти настоящее Пайтхани, как не в доме раджей?

— Ему покажи, — указала рани в мою сторону. — Привезите для своей жены.

«И для Мамы, — подумал я. — Это, с павлинами, бегущими по краю, это, с лотосами, или это, с парчовой каймой, расшитой цветами?»

— Каждую нить пряли и ткали вручную, на одно сари уходит полтора года, господин, — сказал продавец. — Для вас скину цену — вы гость наших покровителей.

Выбрал одно лиловое и одно травянисто-зеленое.

Их тоже развесили на дереве, и одна из ворон-студенток заботливо обернула их листьями, чтобы они не зацепились за острые ветки.

Потом все повернулись и стали с любопытством смотреть на Старшего, потому что он засмеялся, оттого что вспомнил свое путешествие в Тамилнад и как, проезжая мимо магазина, увидел сари цвета красного кирпича. Он вежливо попросил водителя остановиться и зашел внутрь узнать, сколько оно стоит. Продавщица грубо ответила по-английски: «Не продается. Брак». Он было развернулся, но сердце удерживало его:

— Покажите, пожалуйста.

— Брак, брак, — кричала продавщица, как будто разговаривала с глухим.

— Но я ведь могу посмотреть. — Он тоже закричал.

Девушка посмотрела на него так, как будто была готова проглотить этого дурака, который понапрасну тратил ее время. Она достала сари с витрины и практически швырнула ему в лицо. Старший мог немедленно сказать, что это было роскошное сари. Тамилнадский шелк. Цвета красного кирпича. Все в павлинах, а на паллу отдыхают львы. Тончайшая работа, пустого места просто не найти. И все же такое нежное. Такое благородное. Тончайший шелк. Дотронулся, взвесил, погладил, положил и снова поднял: «Сколько?» «Вот ведь свалился сумасшедший на

мою голову», — читалось у нее на лице. «Брак! — На этот раз она кричала так, как будто выносила приговор, и стала показывать, — От сих до сих порвано, здесь тоже, и здесь дырка». Но Старший уже понял, что такое сари одно-единственное в мире. Ничего страшного. И еще в те времена, и с учетом скидки за брак он отдал тогда несколько тысяч. Ох уж это сари! Его носили и Мама, и его благоверная. Дырки зашили. В те времена одежду чинили чудесно. Мама сворачивала его, как ковер, потом оборачивала еще одним сари, потом — бумагой и, завязав ленточкой, ставила в шкаф — как бы не порвалось.

Тут Старший вспомнил то сари, которым она оборачивала это. Из тончайшего блестящего шелка. Цвета облаков с золотистым отливом. Настоящее золото! Вот это да! Он повесил сари на ветку, и вороны потеряли голову:

— Золото?

— Да, — подтвердил Старший, — бывает, сари даже плавят, чтобы получить золото.

— Мы никогда не сделаем этого, — сказала одна ворона, с благоговением прикоснувшись к нему.

— Осторожно! — закричала другая. — Оно сейчас порвется.

— Эй, посмотрите на это! — Юноша отвлек их

внимание на другое сари, совершенно не похожее на остальные. Старший очень осторожно разворачивал его. Малюсенькое.

— Что говорит его сердце, погруженное в воспоминания? — Вороны стали прислушиваться.

Я не купил его. Увидел в храме жены министра Тамилнада. Ее отец был там потомственным жрецом. А сари принадлежало богине. И что вы думаете? Оно мне тоже понравилось. Тоже было красное, но совершенно не вырвиглаз.

— Что? Вороний глаз? В храме была ворона? — разволновалась ворона.

— Да не «вороний», а «вырви», — попыталась объяснить другая.

— Я все объясню. Сначала послушайте, — вступила почтенная ворона. — Посмотрите.

На сари были золотые клеточки.

«Оно было недостаточно широким, — сказал Старший, — но Мама очень обрадовалась и носила его вместе с другим сари».

«А ведь и правда, — подумал он про себя с чувством гордости, — я даже не знал, насколько хорошо разбираюсь в сари».

Ворона объясняла молодым:

— Вы не осознаете, как речь, звучащая вокруг вас, наполняет ваш ум, и удивляетесь, когда успе-

ли все это узнать. Поэтому ищите те места, где речь звучит ясно.

Урок по сари, который давал Старший, продолжался в лучшем виде. Этот урок не имел никакого отношения к тому, что происходило внутри дома, в который он хотел заглянуть, забравшись на дерево. Погруженный в сон, он методично разворачивал воспоминания, обернутые в сари, и одно за другим развешивал их на дереве. Его ученики были в полном восторге от обучения, а сердце продолжало рассказывать.

Теперь сердце спящего Старшего разбередило воспоминание о том, как все это время шла борьба за сари. Жене нравились больше те, что он привозил для Мамы. В какой-то день она обязательно появлялась в них, сначала настояв на том, чтобы первая надела Мама — так проходила инаугурация сари, и оно официально считалось Маминым, после чего его жена могла спокойно их присвоить. Иногда Мама говорила: «Теперь пусть будет твое», потому что Невестка носила сари в пол и ходила на каблуках, от которых на подоле оставались дырки. Невестка, в свою очередь, жаловалась, что все блузки сшиты по Маминым меркам и ей приходится выкручиваться, подбирая другие и комбинируя. Эпические битвы

за сари продолжалась бурно и постоянно. Дом процветал, и обе любили нарядиться по случаю. Правда, Мама все больше склонялась к скромным сари и перестала носить слишком цветастые еще при жизни Отца.

— О! — Он вспомнил то темно-синее сари, которое привез из Шантиникетана.

Это было авторское сари, дело основала Гаятри джи. С набивным рисунком в могольском стиле. Жена была с ним, и это она выбрала его, сказав, что Мама не носит слишком яркое. Оно было темно-синее, почти черное, с винными кубками цвета сурьмы. «Какое же унылое», — искал недостатки Старший, но Маме оно очень понравилось. Когда проводили церемонии награждения, она надевала только его и вручала на сцене награды солдатам и их женам. Фотография даже есть.

— Это сари совершенно особенное. — Вороны смотрели на него с восхищением. Ворона протянула крыло и обернула сари вокруг нижней ветки.

Вечером в тот понедельник — или вторник — в пылу спора они бешено молотили лапами и махали крыльями, но теперь под руководством почтенной вороны они умиротворенно наблюдали, как из сердца забравшегося на дерево

Старшего разворачиваются всевозможные сари, и удивлялись их великому разнообразию. Тогда некоторым из них захотелось обрести лебединую грацию.

Чем ближе подкрадывалась ночь, тем наряднее становилось дерево. Спящему человеку являлось то, о чем он и не догадывался в бодрствующем состоянии, то есть вокруг трепетали и те сари, о которых он вряд ли знал на самом деле. К тому же, чтобы послушать истории его сердца, там собрались черные птицы, полные сострадания, — разве теперь кто-то сможет помешать этому празднику на дереве? Сердце Старшего покачивалось вместе с изумительными сари, развевающимися и колышущимися, а сам он сладко спал на ветке. В это время в роще, принадлежащей Департаменту лесного хозяйства, явно по ошибке кого-то из муниципальных властей, зажглись уютные фонари, а тут, снаружи домов, тоже были лампочки, и в их мягком свете бесчисленные шелковые и хлопковые сари, висевшие на дереве, сверкали и переливались всеми цветами. Вороны трогали их, разглядывали вблизи, даже наматывали на себя — обезумели от восторга так, что стали кружить и приплясывать:

— Только посмотри, здесь и Бандхани[120], и Зардоси[121], и Танчои[122], и Икат, и Аджракх[123], и Джамдани[124], и Чиканкари[125], и Чандери[126], и Мадхубани[127], и Махешвари[128], и Муга[129], и Коса[130], и вон еще Балучари[131], на котором женщины курят кальян, и белое Дхакаи[132], и Тасар[133] из Бхагалпура, и сотканное вручную бенгальское Шантипури[134], а это сандаловое, на котором изображены барабанчики, — из Бастара[135], потом его разрезали на накидки, а это ни больше ни меньше Лугда[136], привезенная из округа Данг, на розовом бирюзовая кайма, коротковато, но Мама часто носила его дома, цвет был нестойкий, потом его забрала сестра, которая любит всякую такую деревенскую несуразную одежду, а еще в пижаме…

---

[120] Примечания: 120

Техника окрашивания ткани — перед нанесением краски ткань завязывают узелками.

[121] Примечания: 121

Техника вышивки золотыми и серебряными нитями, часто с использованием бусин и драгоценных камней.

[122] Примечания: 122

Ткань имеет в основе сатиновое или атласное переплетение, обычно имеет двусторонний рисунок.

[123] Примечания: 123

Техника ручной печати на ткани.

[124] Примечания: 124

Узорчатый муслин.

[125] Примечания: 125

Тонкая ручная вышивка, традиционно выполненная белыми нитями. Производится в Лакхнау.

[126] Примечания: 126

Легкая полупрозрачная ткань, сотканная из шелка и хлопка. Названа по городу Чандери в штате Мадхья-Прадеш.

[127] Примечания: 127

Традиционная живопись штата Бихар. Картины создавали женщины на стенах и полах домов. Во второй половине XX века изображения стали переносить на ткань и бумагу.

[128] Примечания: 128

Название происходит от города Махешвар в штате Мадхья-Прадеш. Изначально ткань была только шелковой, сейчас изготавливается и с использованием хлопка. По легенде сама махарани Ахилия Бай разработала дизайн первого сари.

[129] Примечания: 129

Редкая разновидность дикого шелка, производится только в штате Ассам.

[130] Примечания: 130

Разновидность шелка, производится в штате Чхаттисгарх.

[131] Примечания: 131

Название происходит от города Балучар, штат Западная Бенгалия. Отличительная черта этих сари — изображение эпических и придворных сцен на паллу.

[132] Примечания: 132

То же, что Джамдани, название происходит от города Дакки, столицы Бангладеша.

[133] Примечания: 133

Разновидность дикого шелка.

[134] Примечания: 134

Названо по городу Шантипур в Западной Бенгалии.

[135] Примечания: 135

Округ в штате Чхаттисгарх, где проживают разные племена.

[136] Примечания: 136

Ткань, которую производит одно из племен в штате Чхаттисгарх, также способ его драпировки.

— В пижаме, — записали вороны.

— Пайтхани, — строго сказала ворона.

— Это уже было, — один из юношей показал в своем блокноте. Потом остановился, подпер крылом щеку в манере, свойственной многообещающим студентам, и, повернувшись к вороне с глазами коровы, спросил: — Но почему, тетушка, она перестала носить красивые сари и залезла в этот мешок?

— Потому, мой мальчик, что она избавилась от внешних слоев и теперь принялась за внутренние.

В это мгновение Старший, смотревший на свою прежнюю Мать, обернутую слоями сари, проснулся, как будто вспомнив ее нынешнее однослойное одеяние, и скорее начал прочесывать свою одежду, в которой уже вовсю начали резвиться муравьи и прочая живность. Тому, что их нужно размельчать и втирать в кожу — так убиваешь двух зайцев: муравьев и комаров, — его не учили в школе. И в университете тоже.

— Что произошло? — Старший посмотрел на часы и, путаясь в сари, сначала спустился на другую ветку, а потом спрыгнул вниз. Поднялся вихрь сари, в котором опять взлетели Танчои, Тангаил, Гадвал, Банараси, Махешвари, Кант-

ха, Почампалли, Каттак, Балучари, Чиканкари, подняв с собой блестящую взвесь, похожую на сверкающие капельки пота.

Но Старший уже спустился и со злостью смотрел наверх, туда, где был дом Дочери. Было видно, как Мама, шаркая, ходит по дому.

— Господи, споткнется ведь, упадет, — бормотал он.

И она упала. Но не тогда.

46

Первым вестником была ворона. Но этого никто не понял, потому что прошли те времена, когда, увидев птицу, человек понимал, что это Джаянта[137] или Джатаю[138], который узнал Ситу и принес вести Раме, и так далее. Деревья, небо, реки, птицы — их честь и достоинство втоптаны в цемент. Вода — вонючая канава, небо — дымовая завеса, а птица, если это ворона, явилась своровать или нагадить.

Вообще, когда вороний отпрыск прилетел, ему

---

[137] Примечания: 137

В индийской мифологии Джаянта — бог, сын Индры, который превращается в ворону. В «Рамаяне» описывается эпизод, как Рама, будучи в изгнании в лесу, узнал его в облике вороны.

[138] Примечания: 138

В индийской мифологии Джатаю — полубог в облике ястреба.

действительно захотелось украсть, хотя цель его была только сообщить. Когда он увидел на столе поджаренный тост с фасолью, тушенной в красных-красных помидорах, его сердце затрепетало. Он вступил в схватку с алчностью. «Голод», — сказал он себе, но проснувшееся в нем новое сознание назвало голод алчностью и этим тревожило его. «Как же сложно понять, — подумал он. — Все испытывают голод: и плохие, и хорошие, но нынче только увидишь лакомый кусочек, как брюхо начинает урчать, и как тут понять, где голод, а где алчность?» Он попытался отвести взгляд, но сердце подстрекало: «Разве от кого-то убудет, если я чуточку попробую? Окно открыто, а у меня есть ноги и крылья — могу запрыгнуть или залететь. А потом уже скажу ему, что его Мать упала. Но в состоянии ли он услышать?»

Муж с женой ссорились.

В тот день, неважно, какого числа, потому что это не летописание, а жизнеписание, Старший сцепился со своей женой:

— Где Мамины сари?

Жена взорвалась, потому что, как сказал Заморский сын, после стольких потрясений ее терпение подошло к концу:

— Я что, их запрятала куда-то? Ты видишь, чтобы я в них разгуливала? У меня что, своих нет? Это, может, я превратилась в дерево желаний и раздавала направо-налево все богатства, накопленные за жизнь? И для кого здесь готовят еду, если ется только хлеб с кетчупом? И почему все стаканы пахнут виски? Мои подруги не пьют такой сок. И все деньги прибрал к рукам, когда лук стоит сто рупий за кило.

— Это твой ответ на мой вопрос, или ты специально меняешь тему и называешь меня скрягой?

— То есть это я присвоила сари и теперь собираюсь вложить все деньги в акции?

— Разве я тронул твои деньги? Это Мамины.

Когда в разгаре ссоры доведешь противника до предела, обретаешь покой. Когда прозвучало «Мама», гнев Старшего взвился до небес. И вот особое наслаждение получаешь тогда, когда с этих самых небес противник еще и ляпнет что-то такое и можно трубить во все трубы, мол, такую гадость сказал, до чего непристойно, как мерзко, а заморское потомство будет заламывать руки от отчаяния: «Ну что же мне делать, бросить все, приехать и кинуться на амбразуру?»

— Все на имя твоей Матери, остальное — на имя твоих сыновей, а что остается мне?

— А мне? Что, у тебя матери не было? Ничего не давала своей любимице?

— Так, слушай, лучше тебе не говорить о моей Матери.

— Ладно, хватит, в следующий раз возьми ее сари с собой, — пригрозил Старший.

— Вы сами ведь не пойдете — я пойду подписывать чеки у нее, как будто мне есть какой-то прок от походов в тот дом, где даже чая нормального не нальют.

— Прекратите это ваше саричик-чак-чек, — закаркал вороний посланник, взяв под контроль свое слюноотделение, — Мама упала.

Это был тот самый отпрыск, который все хорохорился и грозился расправой над тем, кто нарушил их собрание, но почтенная ворона ему все объяснила, и он понял. Сначала он был готов распанахать ему голову, а теперь, узнав печальную историю о разлуке с Матерью, хотел эту саму голову приголубить.

Такова молодость. Эмоции так и раздирают. То отдаешь жизнь, то забираешь.

Из одного вытекает другое. И ответ на вопрос, как отпрыск из врага превратился в доброжелателя, может стать длинной историей. У него тоже была мать, которая умерла во время родов. Одно

яйцо лопнуло прямо в животе и застряло там, ее тело стало сходить на нет, дыхание замедлялось-замедлялось и наконец прекратилось совсем. Ему предстояло скитаться от двери к двери, вернее от гнезда к гнезду, но тетка спасла его от этой участи. При упоминании одного только слова «мама» твердокаменное юношеское сердце растаяло, и он сам превратился в мать. Как поется в песне, «Откроешь глаза — в них притворный гнев, а закроешь — любовь»[139], но и то и другое улетучилось.

В этом и дело. Оба чувства клокочут внутри, какое когда проявит себя и выплеснется наружу — это с незапамятных времен тревожит царства, государства и вождей, если они не используют их как инструмент для достижения своих политических целей. Тогда это просто-напросто алчность.

Тут всплывает еще одна, хоть и необязательная, тема. Тема юности. Юность может сделать вороньего отпрыска марионеткой в игре чужих корыстных интересов. Когда тебя несет ураган юности, думай потом, делай сейчас. Где окажется марионетка — в любви или в крови, зависит от

[139] Примечания: 139

Строка из песни Khuli palak men jhu ha gussa («Откроешь глаза — в них притворный гнев»), впервые исполненной Мохаммедом Рафи в фильме «Профессор», 1962 г.

окружения и атмосферы.

Раз уж речь зашла об алчности, вернемся к тосту с фасолью. Алчность присутствует и в любви, и в ненависти. И в любви к родине. И вот юнцу, забывшему враждебность, не терпелось стать милосердным. Он так проникся состраданием к Старшему, что, спрашивая дорогу, добрался до его нового дома. И начал стучать клювом не у двери, а у окна, рядом с которым сидел Старший. Он хотел сказать: «Поторопись, твоя достопочтенная любимая матушка упала». Но муж с женой его не видели и не слышали, а его внимание захватил тост с фасолью.

Внимание рассеивается в стольких стремлениях и направлениях, что в какой-то момент юнец, наверное, даже забыл, зачем прилетел. Как при колониальной амнезии: ухо здесь, печень где-то еще, сердце тут, а глаза — туда-сюда. Но, подумав о своих лапах и крыльях, он опять преисполнился сострадания: «У бедняжек ведь даже нет ни лап, ни крыльев, как у меня, и клюв у них так и остался недоделанным, на что они вообще годятся?» Это всплеск жалости вернул ту волну сочувствия, которая принесла его сюда: «Мама упала — я видел собственными глазами и прилетел сюда, спрашивая адрес. За мной!»

Про вороньего отпрыска история-то еще не закончена. Раз сказано «то», то теперь история про «то». Оно кажется таким малюсеньким, но не стоит им пренебрегать. Великие лингвисты со времен санскрита и до Анни Монто[140], живущей сейчас, преумножают знания о его звеняще-журчащих свойствах.

Тональность «то» радует слух, но Мама упала, и нам уже не до радостей. Так-то и вспыхивают бесчисленные и бесконечные сюжеты. Вообще бесконечно все, и ни одна история не бывает законченной. И жизнь тоже. Глупцы те, кто считает, что она кончается со смертью — даже после смерти жизнь бесконечна. Сегодня жизнь в опасности, потому что родились ученые, которые трудятся над тем, чтобы положить смерти конец и жить вечно. Вот уж кто действительно собирается прикончить жизнь. Наверное, они не знают, что когда Яяти получил в дар вечную молодость, то сам возжелал избавиться от этого дара. Он враждовал не с молодостью, но с вечностью, потому что, если что-то длится вечно, оно перестает существовать. Из смерти рождается жизнь, из горя — радость и так далее, и тому подобное.

---

[140] Примечания: 140
Французская переводчица и лингвист (род. 1951 г.).

«Над этим нужно подумать, а не посмеяться», — как сказал Баде Гулам Али Хан[141], когда спел строчку «Ее браслеты соскользнут с руки» и объяснил, что в тоске по возлюбленному красавица худеет, а слушатели рассмеялись. А дальше эти истории продолжают существовать и, даже закончившись, не кончаются, а пребывают в самадхи, и бывает достаточно порыва ветра, чтобы они опять зазеленели.

Всегда что-то остается. Будь то история про «то» или про вороньего отпрыска.

Во всяком случае, сейчас про него. Юнец постучал, но кто обратил на него внимание?

— Срочное дело, срочное, срочное, — сказал он.

Но разве у кого-то найдется время? В разгар мировой войны. Он прокашлялся и в манере, свойственной умудренным старцам, начал медленно говорить:

— Послушайте, сегодня я вернулся на место собрания и, наверное, вам будет приятно узнать это, захотел еще раз посмотреть на развешанные вами сари, потрогать их и понюхать, а также справиться о здоровье вашей Мамы. Но после вашего пробуждения сари, вероятно, собрались

---

[141] Примечания: 141
Индийский певец, представитель традиции Хиндустани (1902–1968).

в стаю и улетели. Тогда я развернулся, чтобы посмотреть на вашу Маму с балкона. Утро только начиналось. Небо лениво моргнуло, распахнуло свои красноватые глаза и, медленно-медленно просыпаясь, обвело взглядом все вокруг — и тогда везде разлилось розовое марево, хранящее в себе опьянение ночи. Даже мои черные перья приобрели красноватый оттенок — это я заметил в зеркале на балконе. Но прежде чем я успел обрадоваться и зашагать гоголем, я увидел то, что ужаснуло меня. События разворачивались прямо у меня на глазах, как будто эта сцена ждала только меня. Ваша сестра стояла с чайным подносом в руках, а Мама выходила из комнаты, что внутри.

Юнец рассказывал, вкладывая весь свой пыл, но в какой-то момент заметил, что никто не замечает его на этом поле битвы. И тост все так же лежал там. Он прыгнул чуть дальше за окно, но ничего не изменилось.

— Нет-нет, — сказал он, услышав их разговор, — сари тут ни при чем, как и ее плащ-палатка, ее только вчера принес от портного этот хиджра. Она не могла так уменьшиться за одну ночь, а платье было выше щиколоток. Поэтому я и мог следить за движением ее ног. Виноват шах-соло-

вей[142], прилетевший в розовых лучах рассвета и усевшийся на ту ветку, на которую вы повесили сари Почампалли, усыпанное манго. Мама увидела его и, подобно тому, как все поддаются на обман шахов, обманулась. Сила — это ложь, но тот, кто возгордился ей, начинает считать ее истиной. Как шах, который стал настолько свирепым и грозным, что и Гитлер в подметки не годится. Глупые люди — они позволяют такой силе сосредоточиться в одном человеке, считая ее символом порядочности, закона и красоты, которые сделают мир лучше, но она служит лишь своему владельцу. Не извольте считать это моим уязвленным самолюбием — да, я черный — ну и что? — у меня тоже есть сердце, и я совсем не стремлюсь стать шахом-соловьем, лебедем или кем-то еще. Но ваша Мама вступила в совершенно новую жизнь. Все, что видит, — новыми глазами, взволнованной душой и телом. Оступилась. Захотела вспорхнуть к шаху-соловью, но это мы порхаем. Если бы она пошла быстро, птица бы ускользнула, поэтому она хотела медленно-медленно повернуться. Поняли?

Ни черта не поняли. Но к этому моменту утом-

---

[142] Примечания: 142
По-русски эта птица называется «райская мухоловка».

ленные и удрученные муж и жена разошлись по разным углам: жена накрывала на стол завтрак, а муж вернулся в кровать и, закрыв глаза, пытался скрыться от тоски в лабиринтах гнева. Юнец подумал, что теперь все успокоились и будут слушать. Он постучал громче. Тук-тук.

Старший открыл глаза. В окне перед ним была ворона, купающаяся в мягких лучах солнца. Он осторожно протянул руку, чтобы полностью отодвинуть занавеску. В глазах вороны скакало и подпрыгивало проворство. Оба лицом к лицу, глаза в глаза.

Знал ли Старший, что эта ворона прилетала в тот печальный вечер? И вряд ли догадывался, что его голову чуть не размозжили. Кто знает, казались ли ему все вороны на одно лицо, как американцам — сардары, немцам — корейцы, белым — черные, безобразным — совершенные, негодяям — облака, распутникам — женщины, людям — муравьи. Вообще Старший выглядел так, как будто начал узнавать эту птицу. Отпрыск же стал с воодушевлением рассказывать, считая, что его слушают.

Тот, кто не понимает, услышит только «кар-кар», но в его речи было все: и выразительность, и убедительность, и настоящие чувства. Юнец

говорил:

— Сами рассудите, если сердце скачет, как ворона, а ноги стали черепахой, разве не упадет тогда пожилой человек? Сердце вашей Мамы и ее ноги шли разными путями: одна нога шагнула вперед, а другая — назад. Наверное, шах-соловей этого и хотел, — подвел он итог своего политического анализа. — Привычный ритм был нарушен, и случилось то, что случилось. Мамины шлепки начали скользить, и, пытаясь вернуть равновесие, она стала поворачиваться назад. Ваша Мама кричала: «Ой-ой-ой», ваша сестра стояла ошеломленная, ну а я в оцепенении. Пока я сообразил, что надо подскочить, подхватить, удержать, она с шумом шлепнулась на пол.

Как раз в это время появился Сид и в своей обычной манере сказал: «Доброе утро, старик! Смотри, ворона тоже говорит: “Доброе утро! Мам, есть что поесть?”»

И все сошлось.

Ссора утихла. Сид уселся. Мама протянула ему тост и фасоль. А еще поджаренные грибы, она наколола их на вилку и хотела первую порцию отправить в рот старшего сына, но они соскочили и укатились под стол, а вороний сын подскочил в нетерпении. Старик увидел, как он подскочил,

нагнулся, достал грибы и бросил ему в окно.

— Мой муж никогда не исправится. — Мама покачала головой, но гнев ее растопил Сид.

— Эта ворона получше тебя — молча слушает меня и не возражает.

Сид рассмеялся. В глазах юнца загорелся хищный огонек, но он прилетел с важным сообщением и еще раз повторил:

— Ешьте скорее, и пойдемте! Мама упала.

— Я пошел, — вскочил Сид.

Юнец решил, что Сид услышал его.

— Важная встреча с членами Всемирной ассоциации олимпийцев, если дело выгорит — жизнь удалась.

— Сначала сходи к бабушке, она упала! — сказал юнец, одновременно глотая кусок.

— К бабушке когда пойдешь? — спросил Старший.

Юнец посмотрел на него с благодарностью.

— После воскресенья.

— Отнеси ей сари. Как бы не упала.

— Она упала, но сари тут совершенно ни при чем, — объясняли Старшему юнец и доктор.

Но карканье вороны авторитета не имеет, а у доктора либо он есть, и тогда поддакиваешь каждому его слову, либо нет, и тогда на все — «нет».

А еще кто-то говорит, что дело в понимании, а кто-то, что — в сердце, и это два разных подхода.

47

— Нет, — сказал доктор.

На каждый его вопрос Дочь отвечала с готовностью и с каждым вопросом пугалась все больше.

Того, кто и так испуган, напугать легко. Где недоглядела? По ошибке считала Маму абсолютно здоровой и пренебрегала уже солидным возрастом? Иногда ночью приходила из гостевой комнаты, чтобы проверить ее. Когда слышала вдалеке звон браслетов или как включается свет в ванной. Мама при виде ее вздыхала: «Уф-ф-ф, иди уже, я в порядке». А когда Мать ее не видела, Дочь наблюдала, как она захватывала всю кровать. Дочь улыбалась: «Только посмотри, как ей радостно со мной».

Но сегодня случилось такое, как если бы страх вознамерился преподать Дочери урок, мол, очень вы смелая. Утром она сделала чай, чтобы они вместе посидели на балконе, и вдруг Мама совершенно без причины, вместо того чтобы шагнуть вперед, стала заваливаться назад. Она как будто смеялась нараспев: «Ой-ой-ой», и, став кораблем, поплыла назад, а ее сандалии — плюх-плюх —

двигались, как весла.

Секунда или две стали вечностью. Дочь поставила поднос и бросилась, чтобы подхватить Маму, но к тому моменту та уже накренилась назад, сползла по стене и оказалась на полу. Дочь успела только слегка толкнуть ее в поясницу, и, возможно, это спасло Маму от удара головой о стену, в остальном же — полный шок, потому что Мама упала и смотрела с удивлением: «Что случилось?» — и с удивлением ответила: «Господи, я упала».

Дочь испугалась. Ловила, но не поймала. Не ударила ли голову? Как поднять? Как будто в тысячу раз тяжелее стала. Дочь потащила ее по полу в поисках какого-нибудь предмета, с помощью которого смогла бы поднять. Мамино тело оставляло за собой мокрый след. Пот? Моча? Так еще больше поскользнется. Ее страху не было предела. Она никак не могла поднять Маму. Теперь Мама виновато посмеивалась.

— Отойди. Сама встану.

— Скользко же! — Дочь побежала за полотенцем, вытерла пол и расстелила сегодняшнюю газету.

Мама оглядывалась по сторонам: на что бы опереться, чтобы подняться.

— Стул принеси, — скомандовала она.

Мама подползла к стулу, как младенец. С его помощью ей как-то удалось перевернуться. Спиной вверх, животом вниз. Обеими руками оперлась на стул, ноги на полу, застыла, чтобы перевести дыхание. Превратилась в какое-то четвероногое животное. Дочь протягивала руку то там, то здесь, но Мама вставала сама. Как овца или коза. Ее балахон свисал, как живот, вынашивающий несметное число детей. Дочь так разволновалась при виде Матери в этом состоянии, что руки и ноги перестали ее слушаться. «Одна я ничего не могу сделать, — подумала она, — позвоню К. К. и Старшему, но как я могу оставить ее так?»

Мама долго отдыхала в этой перевернутой позе, потом сделала усилие и подняла свою заднюю часть, поочередно перехватывая стул руками, и, приговаривая «нет-нет, отойди-отойди, ох-ох», выпрямилась, схватилась за Дочь, медленно повернулась и долго сидела на стуле у стены, совершенно обмякнув. «Теперь-то вы должны оценить низкие стулья», — могла подумать Дочь, но все мысли о пререкательствах рассыпались в прах. Когда Мама смогла встать, она сказала:

— Все в порядке, только мизинец вывихнула. — И с упрямством брахманки добавила: — Сначала

я помоюсь.

Дочь разглядывала ее: маленькая тряпичная кукла, раздетая, моется и вытирается, пытаясь не потерять равновесие.

Позвонила доктору.

— Не тошнит ее? Сознание не теряла? Колени болят? В голове чувствует тяжесть? На полу мокро? Не пот? Что ела? В горле жжет?

Тромб, артериальное давление, катаракта, ушное давление, сердце — это было только начало списка.

— Нет, — сказал доктор.

Он настаивал на том, чтобы Маму привезли в больницу. Мама сопротивлялась, но Дочь привезла ее в больницу, которую рекомендовал Старший, — она входила в систему Министерства здравоохранения, там ее должны были обследовать и лечить по государственной программе.

48

Мама лежит на больничной койке. Все в порядке, но в отсутствующем взгляде читается: «Опять уложили меня».

— Господи, да ведь ничего не случилось. — Она была смущена и раздражена. — Шлепка скользнула назад, и я упала.

Утром в больнице гремели ведрами с разведенным фенолом. А снаружи гремели сардары. Шутки, хохот, громкие поздравления. Доктор вышел и рявкнул на них: «Это больница!» тогда старый сардар протянул ему коробку со сладостями: «Доктор Сахиб, внук родился — угощайтесь!» Стоявшие рядом с ним юноши подняли руки и с криками «балле-балле!» кинулись танцевать бхангру.

Если мамы падают, то все герои истории тоже падают и оказываются в одном месте. Как от порыва ветра или скорее от звонкой пощечины, все начинают заваливаться в одну сторону.

Таков старый семейный обычай. Тревоги делятся на всех поровну — и неважно, в ссоре ли один с другим. Ладят между собой или нет: мама — это нить, которая связывает всех.

Каждый человек — отражение своего времени, и каждый — совершенно отдельно от него. У зеркала столько углов, неровностей, преломлений и непредсказуемостей, ни за что не догадаешься, кто и как отражается в нем, если не умеешь читать кривые линии. Из-под мышки зеркала пробивается время, смотрит сквозь его сжатые пальцы, а там, где изображения останавливаются, чтобы передохнуть, — его кусочки, складки

и морщины. В извилистых трещинах стекла — тоже время. И любая скорость — время, будь то качание, колебание, скольжение, верчение, прыгание, плавание, ну а женщины — что сказать о них? — умирают каждый день и попадают на страницы книг, и все собрались вокруг Матери, оказавшейся в больнице, тут она и сказала:

— Позовите Рози.

Возможно, Старший неправильно услышал «привезите сари». Мама ведь упала в своей нелепой развевающейся плащ-палатке. Впервые со времен детства он сегодня напрямую обратился к сестре, вручив ей пакет:

— Тут. Доставай.

Стали появляться сари.

Глаза Невестки округлились: «Когда это успели вынуть их из моего шкафа?» И опять открылась старая рана: «Мои вещи никогда мне не принадлежали, в этом доме могут схватить любую мою вещь, которая глянется, даже собственных детей воспитать не дали: то тетка за ними присматривает, то родители мужа, а дом — постоялый двор для всех вокруг, я даже представить себе не могу, что такое иметь свой дом, золовка останавливается, когда вздумается, Мама дает ей мою ночнушку без спроса со словами: «Сегодня ночуй

здесь», более того, все, кому заблагорассудится, садятся на мое любимое место у окна, где я могу читать и заниматься учебой, наблюдая за кухней. Потом еще винят в том, что у меня нет рвения к домашним делам. Только видит, что водитель куда-то собирается на машине, тут же, прикрываясь Мамой, норовит сэкономить деньги на бензин для своей машины или скутера: «В соседнем магазине продается суп Knorr, он натуральный, не ест, так хоть его попьет», — и они уезжают, в итоге десятиминутное дело растягивается на час, потому что она заодно забирает свои вещи из химчистки, к кому-то заезжает и еще бог весть что. Раз в сто дней заправит машину, так Мама двести дней при каждом удобном случае вспоминает, что Дочь залила бензин. Все приходят сюда ради собственной корысти, а в свои домашние дела и работу никому не позволяют вмешиваться. Да она и живет-то так странно, что никому в голову не придет даже близко сунуться». — Вся эта история дымом клубилась вокруг нее, но в больнице ситуация требовала деликатности, и она молчала.

Если нужно молчать, но совсем невмоготу, то звуки начинают прорываться в других местах:

— Фу-фу-фу, посмотри на оконные сетки,

помой! Бе-е-е, будет давиться этим сеном с опилками. Мама, поедемте домой! Пф-ф-ф, ну и ну, ты удивляешь меня, будет носить это сари здесь? Убийственно розовое. А здесь все равно выдают одежду. — Под эти звуки Невестка достала сари, чтобы пересчитать их и посмотреть, какие из них были ее. — Семь сари для больницы!

— И вот тогда упала, — сказал Старший врачу, но тот не согласился.

Врач задавал разные вопросы, но ни один из них не был связан с сари.

— Мама не увидела? Проверьте глаза. Почувствовала слабость? Проверьте сердце. Ушное давление не в порядке? Проверьте уши. Почему палец вывихнут? Проверьте плотность костной ткани. Это может быть анемия, нужно проверить кровь, гемоглобин, тромбоциты, щитовидную железу, мышцы, отвечающие за пальцы, сходить к ЛОРу, сделать МРТ, а еще такие анализы и вот такие исследования. — Все это он записал.

А когда узнал, что когда-то у Мамы в желчном пузыре были камни и их удалили, велел сделать рентген, так как там тоже может быть воспаление и пузырь может лопнуть.

Маму усадили в кресло-каталку. Возраст, возраст, этого требует возраст.

— Оформи ее, посмотри отдельную палату, там ей будет спокойно и удобно, когда будут обследовать.

Когда Мама упала, она смеялась, но теперь устала от бесконечных анализов и обследований, которые ей назначили, как только она переступила порог больницы, и на которые ушло три дня.

К. К. и Старший стояли рядом. Между собой они не разговаривали, а только с врачами и медсестрами.

— Мама джи, а вы моргаете? — спросил врач, читая ее медицинскую карту.

— Иногда, — ответила Мама, подумав.

— Когда поете, голос не дребезжит, как кхартал?[143]

— Я ведь и не пою, — вспомнила она.

— Если кашляете, то в низкой октаве или в средней? Протяжно?

— В высокой, — разбавила она свои мысли нотами.

— А если ногу чешете, то наклоняетесь вниз или поднимаете ногу?

— Тростью чешу, — объяснила она.

— Сны снятся? — спросил он.

---

[143] Примечания: 143
Музыкальный инструмент, ударный идиофон.

— Много, — сказала Мама.

— Ей нужно… — Врач назначил еще какие-то обследования на непонятном языке. Это был главный врач.

Заговорила медсестра:

— Доктор Сахиб, ночью, — она еще раз проверила записи в журнале, — да, в 00.03 и снова утром в 04.52 пациентка свистела.

— Что? Забери свисток. Она может подхватить инфекцию.

— Нет-нет, — засмеялась медсестра, — она губами свистит.

— Интересно. — Врач внимательно посмотрел на Маму и в нерешительности начал поднимать ручку, но видимо, не счел это серьезным поводом.

— Поняли? Сари тут ни при чем, — пренебрежительно сказал он Старшему, который хотел, чтобы Маму как можно скорее выписали из больницы и он увез бы ее домой.

49

Медицинские халаты, болтаются стетоскопы, в руках журнал — приходят и уходят. Дают эти таблетки и те, делают уколы и даже ставят капельницы с физраствором, но решение о выписке

принимает главный врач, который придет вечером, если сейчас утро, а когда наступает вечер, придет утром. Расходы возьмет на себя Старший, и все будут дежурить по очереди сутками, ночью с ней будет Дочь, потому что у нее такая работа — если это вообще можно назвать работой, — что можно делать где угодно.

Лица у всех напуганные и потерянные. На лице Дочери — отчаяние. «Я не справилась бы одна, так было нужно, и вот я становлюсь, как остальные, но в этой ситуации преимущества у тех, кто не живет один, а мне мало того что достаются все недостатки одинокой жизни, так еще и быть с ними я должна вынужденно». Невестка тоже встревожена: «С кем поделиться, только один сын может выслушать меня и посочувствовать». Она выходит из палаты, чтобы позвонить ему. Заморский сын всегда рядом, чтобы разделить ее горе в тяжелый час. Он переживает, как успокоить маму издалека. А она рассказывает больничному коридору: «Отпустили на несколько дней, и посмотри, что вышло, — упала, а теперь кто будет ухаживать? Мы, и никто другой». Сын советует ей:

— Давайте бабушке электролиты, наверное, у нее нехватка натрия, и сами тоже держите под рукой, каждые полчаса-час, мам, делайте

глоток-два, можете даже не знать, что у вас обезвоживание из-за нехватки электролитов.

— Да, сын, иногда голова просто кругом от постоянной беготни, даже на йогу толком не могу ходить в эти дни, — жаловалась она в сердцах, но в этот момент казалась одновременно уставшей, потерянной и радостной.

Старший стоял в стороне. В тяжелом раздумье. Но в нем просыпалось чувство выполненного долга: «Мама опять будет со мной, я организовал лечение, все в порядке, отсюда — сразу домой».

Сияние праведной гордости в его зрачках померкло, когда в больницу пришла Рози. То утро он провел в одной комнате с К. К. И все переживал: «Девушку из нашей семьи благородных кровей, где каждый может гордится светлым цветом своей кожи, судьба свела с этим черным принцем баклажанов, и думала ли она, если выйдет за него, то в кого пойдут дети? Как бы второй раз не осталась не замужем — не очень-то надежным он выглядит. А тут еще одна беда голову поднимает».

Рози вошла с гордо поднятой головой. Начала с упреков:

— Я узнала только сегодня. Шла в сторону дома, а мне охранник сказал. Это что такое? Почему

такой печальный вид? Сестрица, пока жива — все трын-трава. Внутри горишь — все победишь. А иначе дело дрянь и песенка спета.

Врач и медсестра подняли глаза, но решили, что лучше им погрузиться в свои дела.

Рози достала из сумочки гребешок и, встав поодаль, распустила волосы, сжала шпильки губами, собрала разбросанные в воздухе локоны в пучок и села у изголовья Матери.

— Уже три дня, сестрица? — Она округлила глаза. Ее рука незаметно нырнула под дупатту, а потом за оранжевые и чернильно-синие цветы на обтягивающей курте и поправила перекрутившуюся бретельку лифчика.

— Ты сама исчезла, негодница, — улыбнулась Мама.

— Сестрица, — голос Рози разносился эхом, — негодные — это хорошо. Всегда будут с тобой. А годные бросят.

Медсестра рассмеялась. Измерила Мамину температуру и собралась уходить.

— И насколько горяча наша сестрица? — спросила Рози.

— Нормальная температура. — Медсестра покачала головой в южноиндийском стиле, что означает и «да» и «нет» одновременно.

— Вот она я, здесь. И все нормально. А то бог знает, что могло случиться.

— Померла бы, что же еще? — радостно сказала Мама.

— Сестрица, — тетушка Рози резко повернулась, — не так уж это просто. Чтобы умереть в один прекрасный день, нужно прожить тысячи дней.

Эти слова, произнесенные Рози, как любимые диалоги из фильмов, стали эхом отдаваться в больничных коридорах. «Чтобы умереть в один прекрасный день, нужно прожить тысячи дней». Эта фраза о судьбоносности смерти стала такой же крылатой, как бессмертный вопрос Габбара Сингха «Эй, Самбха, сколько их было?»[144]

Никто не знает, как были подготовлены документы на выписку: то ли пока Рози кружила по больнице со своим представлением, то ли просто все обследования были закончены. Старший узнал потом, что бумажными делами занималась Рози, а в это время Дочь увезла Маму обратно к себе домой. Чувство выполненного сыновьего долга опять рассыпалось в прах. А обитатели больницы подхватили еще один афоризм от Рози, который

---

[144] Примечания: 144
Фраза из культового фильма «Месть и Закон», 1975 г.

полюбился им даже больше предыдущего: когда Мама сказала: «Пусть сначала Старший вернется», Рози ответила: «Какой старший? Старший по тарелочкам?»

50

Когда Мама вернулась, со всех сторон забегали — спрашивали, как у нее дела, и помогали донести вещи до квартиры. Охранник открыл ворота и поприветствовал, садовник открыл дверь машины, уборщик, мойщик машины, разносчик газет, служанки, другие водители и соседи, собирающиеся на работу, — все остановились поздороваться.

— Ничего не было, дети силком утащили, согласилась только, чтобы они успокоились, — объяснила королева-Мать.

— Да, — подхватили радостные подданные, — возраст — коварная штука.

— Какой возраст? — вступила Дочь. — Врач спрашивал, что она ест, сердце как у ребенка.

— А живот, как у старухи, — прыснула Мама, кружа в воздухе тростью, отчего разноцветные бабочки стали танцевать на их головах.

Многочисленная процессия доставила Маму домой. Когда открыли дверь, она вихрем понес-

лась внутрь и стала открывать все окна — сама или с чьей-то помощью. От этого прыгнула белка, вспорхнул воробей, муравей засеменил крошечными ножками, кролик заскакал по-кроличьи, взметнулась антилопа, вдалеке слон помахал хоботом, прокралась кошка, прошмыгнула мышь, и из-за шкафа, виляя хвостом, вышла потерявшаяся собака, готовая кинуться, чтобы облизать, — все они оказались внутри под видом ветра и солнечного света.

От столкновения с таким количеством тел с Дочерью что-то случилось. Их запах, в котором смешались земля, пот, мыло, еда, ароматическое масло и бензин, пронзил ее мозг. Она медленно зашла в дом, как будто это она была больной, которая вернулась из больницы.

— Ты не поливала цветы, земля совсем высохла. — Мама подтянула табуретку, села и погрузила пальцы и локти в землю. Чтобы опять расти вместе с ними. Опять почувствовать биение жизни в своем теле.

51

И вот опять она та взрослеющая девчонка, которой скоро шестнадцать, а не старуха на склоне лет, которой скоро восемьдесят. Девчонка моется

— изучает свое тело, бутоны на груди, круговорот пупка, пушок на внутренней стороне бедер, азарт на лице. Волнуется и сгорает от любопытства: и тайна, и скандал. Коснется тела в любом месте своей же рукой — пробивает дрожь. Скользит, поглаживает и высоко вздымает еле заметные волны. И что тогда? Что? Мама начала постанывать.

Своими уколами и надрезами больница освежила чувствительность тела и его старые раны. Стоит только взять за руку или толкнуть в спину, как тут же: «Ой, сжала, след остался, посмотри, столько уколов делали одновременно, медсестра не могла найти вену, все истыкала». Где-то темные остатки въевшегося геля, где-то следы от уколов, где-то вонючая мазь.

— Все болит, — радостно сообщает она, скользя рукой и глазами по своему дряблому, обвисшему и покрытому пятнами телу. — Вот погляди, это в больнице выросло.

— Боже, Мам, ты что, их все помнишь, что различаешь, где новое?

— Почему бы и нет? Почему бы и не помню свое тело? Посмотри, потрогай. Ой-еой, ай-яай.

Старательно соскребает засохшие корочки, разглаживает ямки, мажет ранки и волдыри.

Ни один врач и знахарь не знает лекарства, только Рози. Она принесла листья дурмана и обвязала их вокруг бородавки. Картофельные шкурки втерла в лицо. Наполнила дом едкими запахами, и дом опять зазвучал, не веришь — постучи по стене, колонне, углам. Мамины глаза округлились от удивления:

— И правда, приплюснулась немного, смотри-смотри, и вокруг пятно уменьшилось, побледнела даже.

От взмахов ее трости начинают порхать бабочки, и ей совсем невдомек, что Дочь подумала сейчас: «А кому она говорит? Кто должен посмотреть?»

Что с телом не так, что, только молодые имеют на него право и могут испытывать влечение к нему? Как будто с уходом молодости день за днем кусочек за кусочком ты должен стягивать с себя отмершую кожу, чтобы выбрасывать ее и все больше отрешаться?

52

Тело — тайна. Дочь размышляла о теле Рози, увидев, как Мама оперлась на ее руку и они вместе пошли прогуляться вниз, к гробнице. «Чье это тело — его или ее? Мама опирается на его руку

или ее?»

Заостренные груди, которым при каждом поднятии руки Рози не терпится выскочить из-под накидки. Перепрыгнуть границу.

В изобразительном искусстве и в поп-культуре границы пересекает другое тело. Там, где пересекается граница, происходит слияние. Соединение мужского и женского. Бирджу Махарадж и катхак[145], Джайшанкар и Сундари[146]. Шанкара и Парвати[147]. Их слияние порождает волшебство — став другим, они присваивают другого себе. Ганди, который сидит, по-женски сведя колени вместе, пересекает границу. Дядя Лаччху покоряет сердца, готовя еду.

Дядя Лаччху возглавляет свадебную процессию вместе с женщинами, готовит пури и качори, рас-

---

[145] Примечания: 145

Бирджу Махарадж (1938–2022) — хореограф, преподаватель и исполнитель к а т х а к а, индийского классического танца. Исполнял много женских ролей, в том числе Радху.

[146] Примечания: 146

Джайшанкар Бходжак (1889–1975) — индийский актер и театральный режиссер, исполнял женские роли. Больше известен как Джайшанкар Сундари (Сундари — имя одной из его героинь, которое дословно переводится как «красавица»).

[147] Примечания: 147

Ш ан к ар а — одно из имен бога Шивы, Парвати — его жена. В индуизме Шива и Парвати могут рассматриваться как мужское и женское воплощение одного бога, который часто изображается наполовину женщиной, наполовину — мужчиной.

тирает и поджаривает специи, чтобы фаршировать горький огурец, тинду и бамию. Он намотал на голову дхоти и сидит во дворе, вытянув ноги, перед ним большое блюдо с топленым маслом, поджаренной пшеничной и нутовой мукой, куда он добавил сушеный имбирь, камедь, неочищенный тростниковый сахар и сухофрукты, и когда в его ладонях заплясали кругленькие шарики, предназначавшиеся для только что родивших мам, никто не смеялся над его женственной внешностью и поведением, а роженицы, учуяв запах ладду, стали возвращаться к жизни.

— Дядя, дай нам тоже попробовать, — умоляли мужчины и дети.

— Ты кого родил, дочь или сына? А ты? Родишь — тогда и попробуешь, — смеясь отвечает он, как будто главная мать из всех.

По двору разносится смех и хихиканье. Но смеются не над ним. Никто не упрекнет его в недостатке мужественности и не назовет евнухом. Очень его уважали. После того как поедят мужчины, он ел роти с женщинами, хорошенько сдобрив их маслом. Потому что женщины — это его мир, его неиссякаемая эйфория и весна.

Если вы не знаете дядю Лаччху, что вы можете знать об этих ладду с сухофруктами? А о ласси и

сливках Радхе Пахалвана или о балушахи мужа маминой сестры? А о шакарпара дяди Лалу? О кхире из проса, что готовил старший брат отца? Об имарти Носатого и лаванглата тетки Плясуньи, сдабривающей их сочными ругательствами? Тогда ты лишен всех радостей и удовольствий.

Но мы не пытаемся воссоздать здесь те времена, это история одной семьи, в которой на каждое телесное воплощение найдется свой строгий взгляд, а такие, как Рози, приводят в замешательство, и Дочери нужно понять то, что никак не укладывается в голове и делает ее изображением со стертыми линиями. То ли наполовину проявленным, то ли наполовину исчезнувшим.

С Рози Какое-же-у-нее-тело Мама тоже перевоплотилась по-новому. Вышла, помыв голову, волосы свободно обернуты полотенцем, потому что Рози не велела сушить распущенными — на ветру они теряют полезные вещества и становятся сухими. Теперь она заплетает косу. Мама сидит на стуле, Рози стоит позади, касается ее волос. «Какими пальцами? Какого тела? Странно позволять каждому трогать себя», — что еще могла подумать Дочь?

— Иди сюда, детка, тебе тоже сделаю.

— Нужно заплести свободную косу, — говорит

Мама.

Прочитала это в журналах, которые ей приносил К. К.? Или прельстилась приторно-сладкими уговорами Рози?

— Да, детка. Твои волосы превращаются в швабру. Как будто наг[148], которым ты обернула голову, расправил капюшон.

— Я не успеваю ни маслом помазать, ни расчесаться, вся моя работа и прочие дела растворились в новых обязанностях, наверное, вы все успокоитесь только тогда, когда я совсем перестану заниматься, чем хочу, — ответила Дочь про себя.

— Я сделаю их такими крепкими, что сможешь привязать плуг и поле пахать.

— О да, всю жизнь мечтала пахать и быть ближе к земле, — пронеслось в голове.

— А почему бы и нет? — Рози подмигнула так, как будто услышала ее мысли. — Ну что, поплывет уточка?

От недоумения Дочь злобно уставилась на Рози, а она и Мама рассмеялись так, как будто обе поняли шутку.

Что это за игра в перевертыши? Наверное,

---

[148] Примечания: 148
Мифическое существо, полузмея-получеловек.

должна быть какая-то зацепка, чтоб понять это перевернутое тело? Странно, что ни скажи про Рози, обратное тоже будет верно. Как будто это тело заставляет избавиться от всех плоских определений и предрассудков. Тело, не признающее границ. И здесь, и там.

Когда-то текла река. Когда один отшельник с презрением обругал проститутку, она ответила: «Если я следовала своей дхарме, то эта река потечет вспять». Соединив ладони, она вознесла молитвы небесам, а когда открыла глаза, река текла в другую сторону.

Так люди всегда будут пребывать в сомнении, какое же направление правильное, только поняв это, можно сказать, какое обратное. Но река течет и там и тут. С этой стороны границы, и с той. Как же понять?

И когда потоки, текущие в разные стороны, встречаются у границы, они замирают на мгновение?

53

Тело Дочери замирает. Когда входит К. К. Замирание отделяется от тела и стоит вдалеке.

К. К. в хорошем расположении духа. Внизу он встретил Рози и Маму.

— Я отправил их на своей машине, куда они хотели. Здесь нет никого, только ты и я, и ключи у меня.

— Где? — спросила она взволнованно.

— Здесь. — К. К. притянул ее к себе.

— Мама… где?.. — спросила она между его насильными поцелуями.

Странное положение — боится, что, оттолкнув, обидит его, и одновременно злится, что утратила свободу говорить «нет».

— На каком-то озере идет ярмарка, — прошептал К. К., страстно целуя ее. — В нем сейчас очень много воды. — Он все больше теряет над собой контроль.

— В Ямуне нет воды, в каком озере вода?

Его губы показались ей сухими и липкими.

— Отстань. — Она оттолкнула К. К. — Кто-нибудь придет.

— Кошка, мышка, ворона? — К. К. повалил ее на ковер.

— Мама… — попыталась сказать она.

— Она прячется где-то внутри? — Руки полны жадного упорства, а на языке вертятся шутки.

— Она везде, — сказало ее тело, но с губ сорвалось: — Отстань, вдруг она вернется!

К. К. склонился над ней, и длинная слюна, пока-

завшаяся из его смеющегося рта, коснулась лица Дочери. Такая упругая, что можно как ниткой обмотать палец.

Слюна обмотала самого К. К., и он тут же был повержен. Что-то похожее на отвращение было выплюнуто в воздух.

Оба встали. Дочь смущена, К. К. раздражен.

— Так быстро не приедут, — сказал он и начал поправлять одежду.

— А если что-то забыли? — Она попыталась быть естественной.

— Это ты забыла. Кем мы когда-то были. И тебе это нравилось. Ладно, — он собрался уходить, — воля твоя.

Как будто этим он подтверждал, что не собирается ее принуждать, но и винил в том, что желание угасло.

А оно угасло. Нет страсти. Дом со всем его устройством и хозяйством был в лучшем виде: убран, прибран, упорядочен, и желание или, как его называют, либидо сверкая пятками помчалось вон из дома в поисках глотка свободы — за буйством проливных дождей и молний. В таком правильном благополучном доме ему места нет.

54

Как будто очертания Дочери стерлись, ее лицо казалось размытым в утреннем тумане.

Об этом позже.

Вернее, сейчас.

Когда она на мгновение подняла голову от своей работы, которую не делала, чтобы взглянуть на часы, в исчезающих линиях стало проявляться лицо домохозяйки. Дочь встала приготовить еду. Однажды она увидела, что все, будь то рис, чечевица или овощи, служанка моет одинаково: подержит под краном и вынимает, после этого она стала мыть все сама. Служанка не знала, да и ей не было никакого дела до всевозможных вредных веществ. А когда это были листья, Дочь подходила к вопросу особенно тщательно. Пажитник, амарант, шпинат, марь, укроп, свекольная ботва, салат. Служанка отрезала корни, даже не развязав пучок зелени, Дочь сказала, что листья тоже нужно обрезать: «Развяжи, разложи на газете и оторви толстые черенки на всех листиках», но служанке все нужно сделать поскорей — прибежит и убежит, как ураган. «Ладно, буду делать сама, раз больше некому. Муку тоже достану. Лук так быстро кончился? И сахар улетает. Что

еще достать, а что спрятать под замок? Почему служанки все время пересаливают? И все у них плавает в масле? Как за всем уследить? Воды льет столько — лишь бы не мешать, и бхаджи раскисает. Попросила так не делать, так все спалила, мол, вот, посмотрите — сгорело. Если не жарить, то разве появится вкус? Будет водянистым». — Дочь смотрит молча, служанка недовольно бурчит и хнычет. Тоже самой начать делать? Но как столько всего готовить одной? Рози говорит, что еде тоже требуется товарищ. Приготовишь дал, так он непременно захочет себе в компанию роти и овощи. А они, в свою очередь, требуют гхи, чатни, салат, райту и немного риса. И все вместе они призывают сладости. Мама говорит, сладкого всегда должно быть с запасом — чтобы угостить, если кто-то придет.

Даже у съестного большая дружная семья!

— Охо-хо, — приговаривала она под нос, перекладывая туда-сюда вещи. Достала грузик из крышки скороварки и дунула в отверстие — помыла или нет? Сняла резиновое кольцо и провела пальцами — остатки еды не прилипли? «О боже мой», — бормочет про себя. «Ну что, пойти туда?» — спрашивает себя. «Иди», — отвечает себе.

Открывает служанке дверь. «Сейчас спросит,

что будем готовить?»

— Скажите, что будем готовить, а еще, дидиˢ[149], дайте денег, нужно купить горчичное масло, Мата джи сказала, что придет мадам Невестка и нужно приготовить сагпахиту, как в прошлый раз, мадам заберет для вашего брата.

— Сагпахиту? — Дочь уставилась в пустоту.

— Сагпахиту, — подтвердила служанка. — Укроп, шпинат, очищенный черный маш.

— Все это нужно?

— Нет, это есть, — объяснила служанка.

— Так а что просишь тогда? — спросила Дочь раздраженно.

— Горчичное масло. С чесночным маслом будет похоже на соус.

— А тряпку мне в лицо зачем суешь?

— Ой, диди, — смущенно засмеялась служанка, убрав тряпку, — показываю, что порвалась, тоже купить надо.

— Так купи, — согласилась Дочь.

— Деньги, — закричала служанка.

— Не кричи, я же сказала, не просить деньги вперед. Только что брала десять тысяч, чтобы

---

[149] Примечания: 149

Диди — на хинди «старшая сестра», используется в качестве обращения.

съездить на мундану-шмундану[150].

— Да на овощи деньги, — еще громче закричала служанка.

— Овощи? — как будто забыла Дочь.

— Сагпахита, — многозначительно и громко прошептала служанка, склонившись над ее ухом.

Дочери показалось, что вся ее судьба обернулась сагпахитой.

Уходит, чтобы опять посидеть за работой. За все эти дни написала один безжизненный кусок про алоэ вера, которое сейчас можно встретить на крыше, балконе и в комнате среднего класса или в саду, если посчастливилось им обзавестись. В моем детстве его называли гварпатха, да и было оно просто сорняком. А теперь его дарят на китти-пати[151], юбилеях и раздают гостям. За ним ухаживают с большой любовью, и оно тоже отвечает любовью, разрастаясь все больше. Его мякоть втирают в волосы, щеки, шею, смешива-

---

[150] Примечания: 150

Мундана — обряд первой стрижки волос у ребенка.

[151] Примечания: 151

Вечеринки, которые устраивают женщины одного социального круга раз в месяц. Участницы приносят на встречу оговоренную сумму денег, которая достается устроительнице или той, кто вытянет жребий. Стали проводиться в 1950-х годах после раздела Индии в штатах Пенджаб и Уттар-Прадеш, чтобы снять социальное напряжение и оказать друг другу финансовую поддержку.

ют со слюной и глотают, чтобы там, где нужно, быть светлым, и там, где нужно, — темным и чтобы счастливо прожить сто лет не хворая.

Алоэ вера, твоя жизнь изменилась, и моя тоже, только в другую сторону. Дочь дремала за столом. Если пожалует его высочество Вдохновение, то проснется она и работа. Но Вдохновение не Рози. Дочь и сейчас иногда слышит звук его шагов — очнувшись, начинает расхаживать туда-сюда: «Точно, это оно заглядывает», так и есть. Только оно собирается поднять ногу, чтобы зайти и сесть рядом с Дочерью, если она одна, как обязательно видит кого-нибудь другого и тут же улетучивается, став призраком.

Полуспящая Дочь грустит. Потому что во сне звенят браслеты. Мамины. Наверное, она встала. Нет! Это на моих запястьях звякнули браслеты. Дочь просыпается. Я надела те, что привезла из Таиланда. Кожаные. Как они могут звенеть? Не могут. Наверное, в ушах звенит. Или дух тех браслетов вселился в эти, чтобы досадить мне? Что же, теперь звенеть будут мои деревянные, пластиковые и соломенные браслеты?

Дочь поднимает голову. Засовывает ноги в шлепки, и шлеп-шлеп, шарк-шарк, вжух-вжух — они делают так же, как Мамины. Ой, это я или

Мама? Дочь смотрит на свои ноги. Вот те на! Она надела Мамины шлепки. Даже не поняла, как это случилось. Без конца жаловалась на них, а тут получай — случайно надела сама? При ходьбе они болтают друг с другом и переругиваются с Мамиными подошвами и пятками. Бац-бац, шлеп-хлоп.

Чтобы не ходить в них так, как Мама, она стала давить на шлепки при каждом шаге. Тогда они замолчали.

Но замолчать не то же самое, что успокоиться, — это она хорошо ощутила на себе, живя в одиночестве, которое так ревностно оберегала. То был покой, наполненный звуками, а это безмолвие надрывалось от звуков утраченных.

Ей нужны тишина, пустота и темнота. В тишине — музыка, в пустоте — слова, а в темноте — прозрение. В одиночестве — почва. Слышно, как растет трава. Видно, как цветут цветы.

В ее голове прорастает трава. Сухая и колючая.

55

В тот день Дочь опять проснулась от звука браслетов. Посмотрела на свое запястье — убедиться, что там ее браслеты: «Наверное, на этот раз все-таки Мамины звенели». Впервые испы-

тала к ним что-то похожее на нежность за то, что звенели на своем месте. Но в ванной, когда, умывшись, она хотела поднять лицо к зеркалу, на нее обрушился страх, который стал метаться беспорядочными мыслями: «А если сейчас оттуда на меня уставится Мамино лицо?» Она слышала, что, если живешь с кем-то, становишься на него похож. Муж на жену, собака на хозяина, хозяйка на корову, попугая, кошку, а Дочь на Мать? Дочь, снаружи казавшаяся молчащей, никак не могла замолчать внутри. Быстро прополоскав горло, она сплюнула и тут же вспомнила, что Мама точно так же прочищала горло и смачно избавлялась от мокроты. «Но я делала так еще раньше, — огрызнулась она сама на себя. — С чего вдруг дергаюсь при каждом звуке?»

Тогда из коридора раздались звуки. Опять заговорили Мамины браслеты. Когда Дочь вышла из гостевой комнаты, завязывая халат и припечатывая уже свои шлепки, Мама уже стояла одетая вместе с Рози, а К. К. давал инструкции водителю.

— Куда поехали? — спросил Дочь.

— Небо чистое, — сказала Мама и вышла.

Как будто собиралась погулять по небу.

Будет летать, нарезая круги, в своем новом

вышитом балахоне. Совершенно свободная птица. Сбросила сковывающие движения сари, в слоях которого путаются ноги, — и сразу летать. Это был прямой балахон, без складок, или платье-макси, или кафтан, или аба, или абайя, или плащ-палатка, внутри которой тело расплавлялось и с легкостью выполняло любое движение незаметно для чужих глаз — или как пожелает. Эти приводящие в эйфорию наряды, украшенные винтажными бельгийскими кружевами, или старинной парсийской каймой, или нежнейшей вышивкой, портной Мастер Раза передавал с Рози, и она говорила: «Ну, сестрица, танцуй! Расправишь его — взлетишь, захочешь почесаться — просто приподними, опустишь — сетка от комаров, если невтерпеж — сядь где угодно, как в палатке, и облегчись».

— Вот была когда-то бурка, — рассказывала Рози, и слова ее доносились до ушей Дочери, которая не работала, — упрятанная в нее женщина ехала на моторикше среди несущихся машин, выходила, где пожелает, шла к обочине, присаживалась там, и никто ничего не видел, даже лица. А если в сари, тут ногу достань, там паллу подхвати — сплошное мучение.

К. К. выглядел так, как будто его вынудили

остаться до тех пор, пока не вернется машина.

— Кофе будешь? — спросил он.

Дочь не сказала, что по утрам пьет чай. Она подошла, пряча глаза, и села пить кофе. Она чувствовала, что для разговора с ним нужно будет переводить на какой-то другой язык, но как это сделать?

Перевод — дело непростое. Думаешь, если сделал два глотка английского, будешь сейчас переводить на английский, или, если слышал в детстве брадж, поймешь «Сатасаи» поэта Бихари[152], — но ты заблуждаешься. Перевод — такой замысловатый кхир[153], что позакрученней умишка-джалеби будет. В любой истории есть вещи, которые значат не только то, что очевидно. В научном переводе бьешься за точность терминов. А в литературном нужно уловить чувства и их отголоски. Если нужно продать, то писатель и переводчик будут просить денег у издателя и только тогда возьмутся за работу, а как иначе? А что делать издателю, если он положил деньги

---

[152] Примечания: 152

«Сатасаи» (дословно «Семьсот») — любовный поэтический сборник, составленный в XVII в.

[153] Примечания: 153

Десерт на основе молока, риса, часто с добавлением специй и сухофруктов.

туда, куда сам не может добраться? Тогда перевод превращается в сущий кошмар: вместо улыбки — нож, вместо ешь — корми, пришел — почему не уходишь, конечно — ох, и вляпалась я, и так далее — до бесконечности, Мама — ребячество, Дочь — умудренность и еще более пугающие примеры, так как же придать всему этому словесную форму? Дочь печально посмотрела на К.К., и в ней поднялась злость — как во время перевода.

Донесся запах пота. Служанка? Или Рози оставила? Ей захотелось, чтобы так пах К. К., потому что теперь она плохо переносила телесные запахи. Она чувствовала омерзение к собственному телу и все больше от него отчуждалась. Тело становилось духом. Когда К. К. протягивает руку, та просачивается сквозь нее, как дым. Тогда К. К. настойчиво пытается нащупать тело — это становится похоже на рукоприкладство, и оба начинают злиться друг на друга.

Но сейчас К. К. был погружен в себя, обижен, наверное. Дочь была угрюма. Как наладить с ним отношения? Сказать, что дом стал слишком шумным? Так она гроб хотела, что ли? Нет, но пробирается всякая живность. Нет, это она не про тетушку Рози, она хорошая, помогает Маме, бесплатно, если не считать доходов от «Всякой

всячины». Но разные существа бегают под видом солнечного света и ветра. Что за чушь несешь? Не чушь, новые раги. Что в рагах плохого? Ничего, просто не в свое время. Мама по настроению решает, что слушать, и ставит в обед Дарбари, а утром — фаду. На кнопку «play» Рози наклеила красную бинди, чтобы Мама могла включать даже с закрытыми глазами, и она вперемежку ставит суфийскую музыку-газели-фаду, когда душа пожелает. Теперь еще и на Маму жалуешься? Нет, на разные звуки-отголоски-ритмы — то есть дхвани. Но как ей это сказать? Сложнее всего перевести «дхвани». Да Господи, просто посмотри: весь дом пульсирует, как будто стены, окна, крыша сделаны не из штукатурки, глины, дерева и стекла, а из вен, нервов, дыхания и век.

Но сейчас дом молчит. Мама уехала, и комары, мухи, пауки — все уснули.

Дочь ничего не говорит. Молчание тяготит.

— Когда Мама приедет? — спрашивает она.

Теперь посторонние будут рассказывать о делах домашних. К. К. сидит так, как будто у себя дома. Она ищет предлог попросить у него ключи обратно. Он всегда так решительно заходит в дом, открывая входную дверь своим ключом. Что Мама думает? Что и раньше так же? И когда, зачем

приходил? Рози и ее компашка тоже, наверное, сочиняют скабрезные истории. И жене Старшего досталось свежего перчика — есть что перетереть с подружками.

— Тетушка Рози повезла ее к озеру, на субботний базар. Купить легкие сандалии. Там можно любого цвета найти.

Вся эта история придавила Дочь и показалась ей довольно темной. «Где это озеро? — подумала она изнутри своего сгущающегося отчаяния. — Каждый день что-то новое. В моем доме не стесняют заведенные порядки, поэтому что-то новое рождается легко. И Маме это нравится безумно. Но сандалии могла купить и я, и почему именно у этого озера-шмозера? В погоне за дешевизной. Рози все выискивает, где подешевле».

— Подешевеет к вечеру, когда торговцы в спешке начнут собираться. Зажгут лампочки от генераторов, начнет вонять гарью, и Мама вернется с кашлем, — сказала она. Начало беседы.

— Почему к вечеру вернется? К обеду, — раздраженно сказал К. К., — я съезжу.

Отчаяние Дочери разрасталось, и злость тоже, и ощущение того, что она остается за пределами всех принятых решений.

Этого не было видно. Да и можно ли понять все,

даже если видишь? Вот происходит что-то прямо у всех на глазах, все смотрят, и никто не видит — не видит, как приходит конец света, как уходит любимый, как точка становится квадратной, как гепард превращается в муравья, как судороги заставляют плясать, как останавливается течение. А если что-то и проглядывает, так это то, что вылепило наше воображение. Снаружи то же, что и внутри.

Опять повисло молчание. Не поругать ли служанку, что так долго возится с уборкой в коридоре? Если б каждый день так намывала. Увидела, что та протирает статую Будды. Когда она успела достать ее сверху? Прямо перед ней, а она и не заметила? «В собственном доме ничего не знаю: что в нем появляется, когда попадает наверх, а когда спускается?»

Она встала, подошла к столу и начала аккуратно раскладывать к обеду Мамины любимые сервировочные коврики, миски из Хатхраса, ложки с красными ручками, цветные тарелки — просто чтобы чем-то занять себя. Заглянула в холодильник — розовый чатни из амлы и лука, обрезки имбиря, чили, корня куркумы, уксус из джамболана, ачар из дайкона, репы, цветной капусты и моркови, молочная сыворотка, смесь

специй — что достать и как разложить по мискам? Вываливать все прямо так, как раньше, казалось теперь диким обычаем, и временами она ругала за это служанку. Теперь ты оставила свои привычки в угоду другим и маршируешь в ногу с ними.

Дочь села за обеденный стол и уставилась перед собой. От этого сидения и смотрения она набирала вес. Уставишься так, и руки начинают видеть морковную халву и ладду из нутовой муки, и язык тоже начинает видеть. А потом начинаешь толстеть, только понюхав бамию, баклажан, зелень, цветную или обычную капусту.

— Я толстею. — Она протягивает К. К. жестяную коробку с шоколадным печеньем.

— Стареешь, — грубо бросает К. К. и выходит. — Скоро вернусь.

Оставляет ее, затерянную в собственном обмякающем расползающемся теле.

Но любые тела отступают на второй план, когда Мамино тело опять заявляет о себе.

56

Тайны тела пугают. Пренебрегающий им — глупец. Суфии и другие мудрецы говорили, что тело — это зеркало, это дом, тончайшее покрывало,

радуга, глина, жидкость, синее небо. Змея и лев, может, даже корова или лань. Почитай и заботься. Алмазные копи и угольный рудник. Вспыхивает и мечет молнии, со свистом погоняет хлыстом тьмы. Тело — это дух, через тело дух находит свой путь. Когда тело дряхлеет и отдается на волю огня, коршунов и праха, то все это вместе с духом будет бродить во вселенной и скитаться, став памятью. Память — это душа, которая ходит по земле, чтобы ускользнуть, как только протянешь к ней руку.

Поэтому, если хочешь понять тело, нужно познать землю. В земле-теле сокрыт дух. Внутри твердыни — жидкость. Изменчивый дух плавающих отражений. Его поступь, его движение. Лежит закрытый, откроешь — открыт, укроешь — остается закрытым. Треснуть и потечь может в любом месте.

Крохотная трещина, крохотный всплеск, и земля начинает расползаться — жидкости, пламя, камни, бугорки изнутри выскакивают наружу. «Что это выброшено на поверхность?» — бегут, схватив всевозможные приборы, мол, сейчас-то мы все и узнаем. Под твердой землей все мягкое — бульканье, потрескивающий огонь, кипящая вода. Если нужно вспомнить бога — вспоминай,

потому что земля висит в пустоте, и внутри у нее все трясется и горит. А если бога не вспомнишь, голова обязательно закружится: «Ой, я лечу, падаю, ровно стою, качает туда-сюда, спасите, помогите… ай… ой… а-а-а… как бы из этих таинственных траншей и каналов не вырвалось чего… от моего духа, из моего тела…»

Остается только надеяться, что это всего лишь легкая дрожь, а потом — покой. А если толчки сильные, то может начаться землетрясение. Дыхание сбивается, и внутренности затапливает.

Под ногами, глубоко под землей, поднимается грохот, толчками продвигающийся вперед и готовый вырваться в любой момент — сначала появляются кольца дыма, потом облака, потом летят пули или ракеты. Мощь горячего пара беспредельна, в нем течет лава, разбрызгивая искры, а все остальное — застывшие окаменелые останки, которым веками будут петь оды: «Что за великое творение — воплощенная Шри!» — а доктора и ученые бросят все силы, чтобы докопаться, что же за пар с шумом вырвался между ног и вынес на поверхность скрытые желания.

Сто камней. Сто Кауравов. Мрамор. Поднимающийся из дыма. Мраморный лингам.

57

В этот раз Мама не упала и не потерялась, но, когда она позвала из ванной, Дочь в страхе побежала и с шумом ворвалась к ней, потому что Мама не закрывала дверь.

Дочь застала ее со снятым платьем, руки между ног, и все красные.

— Уйди-уйди!

— Зачем позвали? — спросила она с недоумением.

— Сначала выйди.

— Снаружи, — сказала Мама, — что-то плотное. Если надавить, вылезает, потом втягивается обратно. Я потрогала и рассмотрела. Часть тела. — Мама очертила в воздухе форму. Как будто в презерватив налили воды и завязали. — Блестящая. Распухшая. Вот такого размера. — Она показала в воздухе.

— Покажите, — сказала Дочь.

— Чокнутая.

— Дайте потрогать.

— Ни за что.

— Едем в больницу, — сказала Дочь в смущении.

— Нет, подождем несколько дней.

— Чего ждать? Вряд ли это то, что стоит припрятать понадежней и никому не показывать? — попыталась пошутить Дочь.

Мама стыдливо засмеялась.

— Нет-нет, ну ладно, пусть сначала Рози придет.

Услышав это, Дочь решительно отрезала:

— Не ждем ни минуты. Повяжет узелок с карирой, катеху, бутеей, известью, намажет какой-нибудь мазью, тогда точно беды не оберешься.

К. К. сказал:

— Не занимайся ерундой, опухоль — это опухоль, немедленно записывайся на прием, каждая секунда на счету.

Сид отвез бабушку на машине в больницу. Опять ее обступило полчище. Опять набросились доктора. Опять больничные порядки. У операционной женщина на носилках кричала: «Девочка, моя девочка», медсестра недовольно сказала: «Она в туалет не сходила, поднимай», и ее усадили на судно прямо на полу у двери в операционную. Сидя на судне, она увидела Маму, выезжающую на кресле-каталке, но продолжала кричать: «Девочка, моя девочка».

Рози пропала.

— Ателье портного Мастера на соседнем базаре.

Сообщите ему, — сказала Мама.

Наверное, она хотела опробовать лечение Рози прежде, чем доктора вынесут свой приговор. Мол, оставьте мое тело мне. Или боялась, что все будет как на фабрике, где нет человеческих рук и дыхания, а только автоматическая конвейерная лента — если залез на нее, то сможешь слезть только тогда, когда остановится. Как это бывает, когда смешивают молоко, какао, сахар, чух-чух — подъезжает контейнер, автомат подает струю воздуха, высушивает, пришлепывает, запечатывает, проставляет маркировку, заворачивает в фольгу, и так без остановки делает целую гору и выбрасывает на рынок.

Маму поместили в супер-пупер палату. Пристегнули к креслу ремнем, ноги поставили на педали и сказали:

— Теперь будешь одна, мы выйдем, подними одежду до пояса, здесь никого не будет, руки нужно положить вот сюда, на ручки.

Кое-как нажала кнопку на пульте. В кресле заворочалась механическая жизнь, и оно зажужжало. На Маминых руках затянулись ремешки. Ж-ж-ж-ж-ж — над коленями качнулась занавеска, прикрыв ее нижнюю часть. Ж-ж-ж-ж-ж — кресло разложилось, и Мамина нижняя часть уже с той

стороны занавески. Как будто тело сервировали на блюде. Схватили щипцами, зачерпнули ложечкой, размазали ножом. Ж-ж-ж-ж-ж — вдруг кресло выпрямилось, занавеска поднялась, одежда опустилась. Вошла процессия врачей. Маму опять усадили в кресло-каталку и привезли к родственникам.

— Доктор, все в порядке? — спросили они, как будто перед ними стоял господь бог.

Их бесконечная вера готова была воплотиться в бесконечном количестве анализов.

— Анализ за анализом — так будем исключать варианты и в конце концов поймем, что это. Тогда будем решать, что делать, и опять делать анализы, чтобы понять, выдержат ли лечение легкие и другие органы.

«Опухоль — это шакал или лев?» — читалось в их испуганных глазах.

— Это киста, — сказал врач. — Около пяти сантиметров.

— Ч-ч-ч или… — шикнул на старшую медсестру, громко разговаривавшую в коридоре, другой врач, который стоял рядом.

Что это за ч-ч-ч или?..

— Ч-ч-ч, — прошептала Мама, — на старости лет у меня растет ч-ч-член?

Ну что за выдумки? Конечно, Мама этого не говорила, потому что как она могла сказать такое? Но может быть, подумала?

— А как вы узнали? — спросила врач.

— У меня запор, давит, потужилась.

— И она вышла?

— Да, выходит, когда чихаю и когда кашляю тоже.

— Каждый раз?

Мама, смущаясь, рассказала Дочери, что, когда та ходила за лекарством для укола, приходили медсестры и сбрили там волосы, усадив ее в то странное кресло. Потом спросила:

— Что, будут операцию делать?

Потом стала настаивать, чтобы позвали Рози.

58

Это было не время для оберегов и амулетов, поэтому Дочь не обратила внимания на Мамины слова. Когда прибыла армия домашних, она поехала домой освежиться. Но когда без конца твердишь: «Змея, змея», змея в итоге появляется, точно также ее внутренние призывы «только не Рози, только не Рози» наконец воплотились:

— Ой, тетушка Рози, — вырвалось у нее, когда она парковала машину у кафе «Мадрас», чтобы

купить идли. Служанка, скорее всего, уже ушла, а Мама положила конец обычаю оставлять недоеденное в холодильнике.

Рози ждала, чтобы перейти дорогу. Она повернулась, посмотрела сквозь Дочь и пошла вперед.

Перешла дорогу и зашла в магазин. «Наверное, не увидела, — подумала Дочь, выходя из машины. — Но ведь прямо передо мной, разве смогу пренебречь Маминым желанием?»

Это было ателье. За стойкой стоял человек, который выдавал квитанции и занимался деньгами. Из внутренней комнаты раздавалось жужжание швейных машинок. Кругом во всей красе валялись нитки, лоскутки и рулоны ткани, готовые пойти в дело. Пахло новыми тканями, на вешалках висели ряды сшитой одежды. Портной, на плече у которого болтался сантиметр, раздавал инструкции.

Так это же тетушка Рози! Это она была снаружи!

— Тетушка Рози, — непроизвольно проронила она, заглядывая в дверь.

Тело повернулось. Глаза незнакомца.

Господи, это же мужчина! В мужском пенджабском костюме. Как я не заметила?

Такого же роста и телосложения. Такое же ли-

цо. Но глаза каменные, губы сшиты. Из кармана торчит пачка сигарет. За ухо заткнут малюсенький карандаш. Волосатые пальцы на ногах. На голове вышитая мусульманская шапочка. На посурьмленных глазах очки. Вокруг шеи перекинут сантиметр, свисающий с обоих плеч. В руке ножницы.

— Вы к кому? — красивые, но холодные, неузнающие глаза.

Дочь в смятении. Мужской голос из мужского тела.

— Но вы…

Мужчина молча посмотрел на нее и продолжил чертить мелком линии на разложенной перед ним ткани.

— Посмотри, что мадам хочет заказать, — громко сказал он юноше, стоящему за стойкой.

— Ничего. Я хочу увидеть… эту… Мама… больница… тетушка…

Ледяные, непонимающие глаза.

— Тетушка знает меня, — как будто оправдывалась она.

— Простите?

— С тетушкой Рози… ей… — начала она заикаться.

В этот момент с грохотом вошла какая-то жен-

щина:

— Мастер джи, мой костюм.

Мужчина повернулся:

— Готов?

— Нет, — ответили изнутри.

— Вы же сказали, в среду.

— Приходите в четверг. Портной уехал в деревню. Взял два выходных.

— Как же так, Мастер джи, — начала она причитать. — А моя дупатта?

— Я же говорил, что не хватает ширины. Не останется ткани.

— Но хозяин ателье говорил…

— Он продает, а я шью. Какой нам прок с остатков? Носовые платки делать? Портной Мастер Раза не шьет из обрезков.

— Но Мастер джи…

— Приходите в четверг, сейчас… — Возможно, мужчина повернулся к Дочери, но она уже была за дверью.

Это Портной Мастер Раза, или близнец Рози, или сама Рози? Вот так река текла в обе стороны, разве этого не было достаточно? А сколько сторон еще будет?

Теперь Мама тоже развернула лицо в обе стороны?

От злости и растерянности капают слезы. Или оттого, что: «Неужели все всегда будет помимо моей воли?» Или: «Уже никогда не будет, как раньше?» Или: «Почему я ничего не понимаю?»

59

Все стояли вокруг. Гремучая смесь: Старший, Невестка, Дочь, К. К., еще кто-то, их друзья и приятели, все прячут глаза, но внутри все переживают об одном: о внутреннем органе своего близкого человек — о Маминой вагине. Или члене.

Прибежала запыхавшаяся, как лошадь, тетушка Рози:

— Как же так, сестрица? Детка, как же так? Почему не сказали? Сестрица, бросай эту привычку!

— Старость выкидывает всякие номера, — увидев ее, Мама обрадовалась.

— Это не старость. Волдыри, прыщи, угри — это все у девчонок. Это у вас такая молодая старость.

Все стали отводить глаза.

— Ничего такого, инфекция, — сказала Мама с гордостью. — А ты где шаталась? — насупилась она.

— Упражняюсь, сестрица, упражняюсь. Каждый день тридцать четыре стихотворения: семнадцать читаю, повернувшись в одну сторо-

ну, семнадцать — в другую. А что это вы надели здесь при полном собрании? — указала она на Мамины запястья.

Мама посмотрела на нее в изумлении.

— Всего два, — сказала она.

— Сестрица, это Индия. Здесь умудряются свистнуть с цепи жестяную кружку, пока сидят в поезде над дыркой в сортире. А это больница, где смогут обобрать даже голого.

Окружающие опять не знали, куда деть глаза.

— Я же не останусь тут. — Мама закрыла глаза. А когда открыла, сняла браслеты и подняла руку Дочери, которая стояла рядом. — Носи ты.

— Остерегайся четырех людей. — Рози показала потные пятна под мышками, распуская на голове пучок, потом снова закрутила волосы и собрала. — Адвоката, полицейского, врача и мясника. Того и гляди дело пришьют или прирежут.

— Сделают обычные проколы, никаких ножей.

— Я все знаю, — рявкнула Рози в ответ. — Только что говорила с главной медсестрой. Я же пришла сюда. — Она склонилась над Мамой и погрозила пальцем: — Здесь больных делают еще больнее, чтобы они возвращались снова и снова, но только не убивают — иначе как они вернутся? Операцию будут делать! Какую такую?

Чтобы выдрать? Эти врачи — большие умельцы что-нибудь выдрать, — покраснела она от злости. И тут же рассмеялась: — Особенно мужчины.

С тех пор Мама стала называть опухоль волдырем. Который рос внутри и при каждом толчке и сжатии норовил выскользнуть наружу. Жизнерадостный лингам. Отсечение которого доктора назначили на следующую неделю. До тех пор он будет тайком выглядывать и смотреть на мир, а потом прятаться в свою пещеру и засыпать.

Или это был пылающий лингам Шивы, который Парвати спрятала внутри себя, чтобы, окунувшись в ее прохладные воды, он остыл? Ш-ш-ш… шанти… шанти… покой… Чтобы утихомирить искрящие желания, йони окружает их водой — нирвана, медитация, самадхи, все то, что видишь в храме Шивы. Йони и йогин.

60

Уменьшающаяся женщина была во власти чар. Из глины своего тела она выбирала каждый шрам, пятнышко, родинку, движение, стон, как если бы это были забытые там камешки, сухие ветки, обрезки, колючки, — в надежде, что земля снова заплодоносит. И вырос лингам!

Возможно, она боялась. Когда познаешь тело

— это пьянит, когда исследуешь его географию — тоже, но если кто-то другой начинает вмешиваться, например врач, — это совсем не в радость. Моя земля только моя. Побег, листок, веточка, кустик, или святой лингам, или всего лишь опухоль, от которой нужно избавиться, но пусть это сделаю я. Как только слово «операция» разрезает воздух, беседа достигает своего апогея. Кто-то впадает в ступор, кто-то признает поражение, кто-то приходит в ярость, кто-то становится набожным, кто-то совсем не переживает, а кто-то — ну-все-конец. Кто-то считает нужным прочесть лекцию: «Так ведь укол иглой — тоже операция, не бойся!» А кто-то подхватит и щегольнет образованностью: «Даже не иглой, а шприцем откачают гной из кисты, она высохнет, сожмется и сама отвалится». Кто-то напоминает: «Когда делаешь уборку, соскребаешь ведь присохшую грязь — вот и тут также. Уборка, не операция!» А Невестка сообщила, что, по словам сына, с которым она разговаривала по телефону, все это выскребание, отрезание, прокалывание — дело маленькое, но после станет известно, доброкачественная опухоль или злокачественная.

Наверное, Мама разозлилась. Она почувствовала силу оттого, что Рози была рядом. Наверное,

обе сидели лицом к лицу и костерили волдыри и волдыревыдирателей на чем свет стоит, и ровно за два дня до операции случилось странное: по Маминому бедру хлынула кровь — неожиданно, как первые месячные.

— Что это? — разволновалась Дочь и, обернув тканью кусок ваты, сделала прокладку, позвала К. К. и сказала Невестке, которая вихрем примчалась вместе со Старшим.

Старший молчал и переживал больше всех. С одной стороны, он хотел, чтобы Маму скорее вылечили и он смог бы забрать ее, с другой — прежде чем будут делать операцию, нужно дать ей на подпись чеки, акции и бумаги на землю, которую они купили подальше от города и за которую нужно было внести последний платеж. Наверняка Мама тоже этого хочет. Если построят дом, где будет лужайка и много солнечного света, то и Мама будет счастлива. Его жена не хочет уезжать из центра города. Даже если так, то продадут, и пусть сыновья решают, куда вложить деньги. Но подписать нужно, а то есть риск упустить момент и пустить мозги на малиду[154]. Хорошо бы еще

[154] Примечания: 154

Мал ид а — десерт, популярный в северной Индии и Пакистане. Готовится из остатков лепешек, которые крошат и обжаривают с топленым маслом, сахаром и сухофруктами.

аккуратно подписать пару пустых листов. Но в какой момент это сделать и сколько листов? Он выглядел совершенно уничтоженным. Что, впрочем, суждено всем старшим сыновьям.

И вот третий раз из дома Дочери Маму увезли делать анализы, одев в синее платье и усадив в кресло-каталку, и вся взволнованная толпа, кружа то там, то здесь, вместе, рядом с ней, но каждый сам по себе, сбилась вокруг врача, когда тот появился:

— Ч-ч-ч… что, что-о-о случилось?

— Поздравляю, — сказала врач. Нет, она не сказала: «Мальчик, девочка или велосипед», сказала: — Киста лопнула сама — такое бывает, теперь нужно следить за раной и пропить курс антибиотиков.

— И все чики-пуки, — сказала Рози.

Со всеобщего согласия Мама вернулась в дом Дочери. Это же были женские дела — месячные и все такое, кто справится лучше Дочери? Следующие несколько дней кровь вытекала густым потоком. Когда Дочь покупала гигиенические прокладки, ей казалось, что она покупает их для своей дочери, а еще она положила в Мамину ванную бумажные конверты и старые газеты, чтобы Мама заворачивала в них прокладки и выкиды-

вала — наверное, когда-то так учила ее Мама.

В который раз она спрашивала себя, не лучше ли было выйти замуж? В том смысле, что после свадьбы ничто не разрушило бы семейную жизнь. Была бы толпа детей, и гости всех возрастов, и мои братья-сестры, и его братья-сестры, и тети, и дяди, и Габлу-Баблу, и свекор со свекровью, и слуги, и чиновники, и наследники — все-все-все, и, наверное, дом был бы двухэтажный, и под крышей одну комнату она определила бы под кабинет, где временами могла бы спрятаться от всех, и кто-то был бы с Мамой, а она могла бы сидеть, ни о чем не заботясь, и не бояться непредвиденных событий.

— Мама, что это так пахнет? — спросила она, наклонившись над ведром, чтобы выкинуть бумажный пакет.

— Инфекция, — с гордостью сказала Мама, — которую мы уничтожили.

Господи, пусть эти странные дни закончатся, откуда они обрушились на нас, эти ужасные-ужасные дни?

61

Не нужно говорить. И думать тоже. Потому что время — очень азартный игрок. Что ни скажи

— ему надо переплюнуть. Скажешь: «Ужасные дни», время сделает их еще более ужасными. А «Хорошие дни» не скажет никто, кроме правительства.

Как сказала она: «Странные дни», так не пришлось долго ждать, что они стали еще более странными.

Сначала Рози, которая не нашлась, а нашелся Раза. Это взбудоражило Дочь, и тот, кого до сих пор не было видно, стал появляться то там, то здесь. Встретила его в магазине, и опять, как в прошлый раз, он повернулся и не узнал ее. Во рту холодок от кимама[155], а в глазах — стужа. Потом видела, как в дхабе на главной дороге он пил чай с дальнобойщиками и курил. Однажды она покупала саго, обернулась — а он радом берет кукурузные хлопья. Голова приветственно качнулась. Ее. Но его — нет. Пронизывающий ее взгляд как будто говорил: «Ты улыбаешься незнакомцу, с чего бы это?» Более того, когда она зашла в офис газеты, он стоял у лифта. Оба зашли, лифт тихо тронулся, и оба вышли на одном этаже. Он учтиво держал кнопку, чтобы двери не закрылись, пока она выходит, потом вышел сам.

---

[155] Примечания: 155

Кимам — жевательная смесь из табачных листьев, специй и других ароматических добавок. Имеет охлаждающий эффект.

На ее «спасибо» слегка кивнул, но не более, чем вежливость незнакомых друг с другом людей.

К Рози она уже привыкла — придет домой, а там Рози, выйдет утром из ванной — а там Рози. Но на этот раз ее заставил вздрогнуть голос Мамы, а не Рози. И не голос, а слова.

До нее донеслось: «Не меньше пяти сантиметров».

— Боже мой. — Ее охватила смесь стыда, злости и смятения. — Как Мама может говорить об этом Рози? И теперь они обе хихикают над Маминым пятисантиметровым лингамом?

Она пошла принять удар неизбежности.

Недовольство в ее сердце взметнулось волной страха. Перед ней стоял портной Мастер Раза, а никакая не Рози. В ее доме. С Мамой. Обсуждают пятисантиметровый?

Увидела сантиметр, карандаш, очки — делает замеры для Маминого платья.

— Пять сантиметров будет слишком много, Амма джи.

— Нет-нет, — настаивала Мама. — Вы даже не представляете, как быстро они становятся длинными, и я начинаю запинаться. Я уменьшаюсь.

— Как это возможно, Амма джи? — Мастер вежливо улыбнулся.

— Ну или одежда растет на мне, как дерево.

Слава Богу, они разговаривали о другом. — Тревога поднялась и схлынула. Страх уже не бил волнами — теперь, расправив капюшон, на нее смотрел наг.

— Моя Дочь, — представила ее Мама. — Мастер Раза, — сказала она Дочери.

Наг качнул капюшоном.

— Живите долго, госпожа, — прошипел он со свистом.

Стоит ли мне бояться? В собственном доме. Дочь намеренно не ответила. Продолжала украдкой смотреть. Высокий, крепкий. Нет, все-таки Рози не выглядит так по-борцовски. Или она? Как одно и то же тело может иметь два лица? Или мы все из одного тела, и только одежда, походка, манеры, то, как мы держимся — прямо или горбимся, прихрамываем или маршируем с солдатской выправкой, театрально размахиваем руками или возвышаемся столбом, — это заставляет нас выглядеть по-разному?

Кроме своей, она принесла еще две чашки чая. Рози — простите, Раза — сказал:

— Не стоило беспокойства.

Улыбнулся. Открыл рот. Стали видны зубы. Передние. Зубы как зубы, обычные, один наползает

на другой. Или это падающие лучи создают на них неровный рисунок света и тени. Придет Рози — пригляжусь повнимательнее. Дочь оставила их вдвоем.

Это Рози, или он выглядит как Рози? Они так похожи и непохожи тоже. Все стало пугающим.

Бояться, все время бояться — вот новая жизнь Дочери. Одно дело быть одной. Но быть одной рядом с той, между ног которой из земли поднимается шипящий пар и, вырвавшись, растекается лавой, и во все стороны растекаются ее гости, и тогда какой с тебя прок, если ты не можешь поднять с пола крохотную старушку, похожую на куклу и меньше тебя?

Она почувствовала слабость. Если бы кто-то дал ей руку и помог подняться, она съела бы банан или еще что-то. Она пойдет туда, но только после того, как уйдет Мастер. Когда этот Рози-Раза смотрит на нее, ей кажется, что она голая. Одежда — то, что плывет в разные стороны по коридору, и те, кто там, надевают ее. Я что, расхаживала голая? Была одна, то кто видел? А сейчас смотрят все. Ее пробила дрожь.

Ее охватывала тревога.

Никого больше. Как неторопливо и размеренно он, разложив ткань, выводит на ней линии. По-

том пошел на балкон и стал курить.

Рози не курит. Не жует пан. Не мужчина.

62

Давайте пристальнее взглянем на эту неразбериху, чтобы понять, что случилось. Но «случилось» никак не клеится с «почему». Их союз вводит в заблуждение, тешит сердца и может распасться в любой момент. Укрепись в вере, иначе лодка превратится в утлое суденышко. Не становись рабом «два плюс два — четыре». И не становись тремя обезьянами Ганди, которые на самом деле Мидзару, Кикадзару и Ивадзару, обитающие в храме Тосегу в японском городе Никко. Те, что не видят зла, не слышат и не говорят. Если бы только можно было выбирать и говорить лишь то, что видишь и слышишь. Чего можно добиться, став слепым, глухим, немым — украшать полку или стену японского храма. Мы не смогли понять, что математика — это сплошные повороты и два плюс два — счет умозрительный. Результатом сложения может быть что угодно, растекающееся в разные стороны, как Рози. Ив конце концов, есть ли в безумии шекспировский метод? Шекспир задал вопрос, но не получил ответа и не получит в действитель-

ности. Ив фантазии тоже.

Истории и фантазии — это сон, обрастающий смыслами по мере того, как он продвигается. Борхес напоминает об этом. Ио том, что все — майя. Это, как и все остальное, было открыто в Индии, и здесь об этом рассказали еще до него. Сон похож на дерево, каждая ветка, лист, росток, побег которого рассказывает свою собственную историю, подняв свои огромные ручищи и крошечные ручки — тоже, держа друг друга за пальцы, и по отдельности — тоже. Сплетается история, а то, что рассеивается, поднимаясь из воздуха, земли и песка, создает новую основу, новый уток. Если еще не создало, то создаст.

Клетки собираются вместе. Творение готово. Человека, клана, тела, частей тела. И если соединятся половина человека и половина дерева — то это тоже законченное творение. Или Старший и ворона. Мама и трость. Рози и река. Дочь и падение.

Выходит, нарасимха[156], человек-волк, рыба-девица, жук-мозг, бабочка-сердце, черепаха-душа, красочный упадок, похищение одежды, граница-родина — все это не миф, а проявленные сущности,

---

[156] Примечания: 156
Человек-лев, аватара Вишну.

будь они полные или половинчатые, с парой или без. И все бесконечные, пусть и пузыри на воде.

63

Охранник тоже не переживает. Звонит по внутренней связи и сообщает, что портной Мастер Раза идет к вам.

Не слышится ли в его голосе ирония? Не думает ли он тоже, что это Рози пришла в одежде Разы? Или он действительно думает, что одна приходит присматривать за Мамой, а другой — подгонять и шить для нее одежду, а еще принимать заказы от соседей? Одна помогает спуститься и прогуливается с ней, а потом ненадолго усаживает у гробницы, где переговариваются павлины, и когда они возвращаются, у обеих в руках павлиньи перья, которыми Мама помахивает над своей золотистой тростью в знак того, что настали дни превращения бабочек в павлинов. А другой, показав ткани и обсудив пожелания, идет на балкон курить, и если К. К. тоже случится прийти, то они курят вместе.

К. К. приходит редко, но все же приходит. Перед тем как пойти в офис или после. Как будто испытывает терпение Дочери — когда же она отважится и попросит вернуть ключи?

Больше всего возражений вызывает у нее то, что она никогда не может ничего предугадать — ну почему? Даже голоса обманывают ее. Она думает, что это тетушка, а пришел Мастер, думает Раза, а это Рози. Один голос? Или у всех один и в зависимости от тела владельца звучит по-женски или по-мужски? Что-то женственное, что-то мужественное.

И здесь слияние. И здесь река течет в двух направлениях.

К. К. тоже плывет во все стороны. Мама, Рози и он сидят все вместе. Мама, Раза и он. Рози отвечала за лекарства, а Раза — за выпивку. В сухие дни[157] тоже приносил, и К. К., поблагодарив, наливал ему рюмку. Мама, распробовавшая бренди с лимоном и медом, тоже иногда пила. Даже без Сида.

Дочь зовут, но она всегда занята. Привыкла держаться от всех подальше.

Не справившись, хочет она или нет, они продолжают вечеринку допоздна.

— Оставайся, — сказала Мама К. К. в один из вечеров после возвращения из больницы. Не подумав, где ему спать, теперь, когда она одна спит

---

[157] Примечания: 157

Дни, когда в Индии запрещено продавать алкоголь — государственные праздники, выборы и т. д.

в большой комнате, а гостевую комнату заняла Дочь. Или она имела в виду, как раньше?..

64

Раздражаться на себя хуже, чем раздражаться на других. Из всех зол злейшее. Другие останутся другими. Просто скройся от них, навсегда или на пару часов. Если жену раздражает муж, она может отвести душу с подругами. Вышла из дома — и дыхание вернулось. За ворота — дыхание входит в ритм. Оказалась на улице — оно начинает бежать. Теперь взлетай, пари, падай, отдайся на волю судьбе. Не можешь выйти из дома — выбрось из головы. Если и это невозможно, расправься с врагом в уме, размажь его о землю и взгромоздись на вершину. Ведь, низвергнув другого, ты уже возвысился. Почувствуй гордость, которая, став облаком, скроет раздражение. Погрузись в самообман и порадуй себя этим. А лучшее, что можешь сделать, это превратить то, что не можешь терпеть, в хохот и извергнуть изо рта. А-ха-ха-ха, о-хо-хо.

Смех — это отличительная черта человека, он научился смеяться и научил других. Наверное, были времена, когда он этого не мог. Не радовался рождению ребенка и не грустил о смерти

любимого. Тогда пришлось отделить одно от другого — так, чтобы человек мог радостью ответить на радость и обрел бы способ преодолеть несчастье. С тех пор, наплакавшись, он становится радостным, а когда смеется — само собой радостный. Животные тоже освоили эту премудрость, живя с ним. Домашняя собака не просто виляет хвостом, но и начинает смеяться с соответствующим выражением морды, а ее уличные собратья по-прежнему угрюмы. Кошка так и не стала домашней, иначе и она бы хохотала. Кот Алисы наловчился улыбаться. Все дело в самоуверенности, которая вырывается со смехом. Другое дело, что, как это случается со всем подряд, улыбку используют не по назначению, и сейчас она бродит по улицам, разнузданная, дурная, подлая злодейка, раздающая пощечины, ввергающая в несчастья и причиняющая боль, — смех остался, а сострадание исчезло.

Но улыбка Дочери, а вместе с ней радость, легкость и все остальное исчезло, осталось только раздражение на саму себя. Пока она добавляла в дал приправу из чеснока и чили, на языке у нее вертелось: «Это я? Тогда кто я? Когда я стала мной? Когда стала жить в этом доме? Кто была эта женщина или та? Которая погрязла в

попытках стать идеальной хозяйкой и сделать все возможное для своего потомства, нет, Мамы, а потом стала раздражаться на поцелуи К. К, а потом на саму себя. Которая из-за кулисы подслушивает разговоры Рози, Разы, Мамы и без возражений смотрит, как родственники открывают все ящики и шкафы и, вынув оттуда салфетки, стаканы, бумаги, ручки, рассматривают и оценивают лежащие внутри вещи, а Мамины указания служанкам, соседям, охранникам и садовникам теперь сыплются из ее рта. Которая жарит пакоры для Сида и его компашки, раскатывает папад, так кто же она?

Когда я стала мной? Я, это я или мышь? То за шкаф забьюсь, то по дому сную».

Разве может кто-то быть доволен собой, считая себя мышью? Даже не может убежать от себя. Как говорил Борхес: «Мир, к сожалению, реален, к сожалению, я Борхес». Или вспомним изречение Конфуция: «Куда ни отправишься — везде будешь ты». Иными словами, куда ни пойдешь — мышь найдешь!

Под предлогом работы Дочь сидит среди своих книг, и когда она поднимает ручку, на запястье звенят браслеты, которые на нее надела Мама, и от этого вопрос звучит по-новому: «Когда я

стала мной? И я стала мной или Мамой?»

65

Свистки и звонки. Это такие сущности. Которые пронзают не только воздух, но и сердце и врезаются в тело. Живущие в домах поймут, о чем речь, потому что, если они что-то пишут, рука у них дрогнет, а если что-то делают, то тело пошатнется. Некоторые бегут из дома. Многие, особенно мужчины, затыкают уши ватой и уходят в себя. Те, кто не может сделать ни того ни другого, осваивают особую технику передвижения, спасаясь от свистков и звонков. Скажем прямо, это женщины. Когда Раджи Сетх переводила Рильке на хинди, то нажатием ручки отмечала между строк свистки-звонки — и так создала новую пунктуацию. Шейла Рохекар во время работы считала свистки скороварки, и ее тексты испещрены новыми и новыми подсчетами. Майтрейи Пушпа выбрала другой путь, который охраняли женщины, называвшие себя деревенщиной и готовые снести любые преграды на этом пути. В итоге, когда раздавались свистки-звонки, они сталкивались с этими женщинами и начинали шататься и хромать. Утратив спесь, свистки-звонки издавали совсем другой, дрожащий звук, а

состряпанные Майтрейи тексты и пакоры становились просто убийственными.

Эту манеру письма, отличающуюся особым художественным звучанием, называют «манера свистков и звонков». Владеют ей те, кто вынужден делать свою работу между остальными делами. Этому не научишься за один день, и если не умеешь — значит, не умеешь, но если освоишь, вместе со свистками-звонками сможешь извлечь совсем другой звук, способный утолить жажду любого. Приведем последний пример: это будущая жена Сида, которая не появится в этой истории, потому что она персонаж нездешний, но где-то в будущем она блестяще справлялась с пунктуацией свистков-звонков, пока карабкалась по карьерной лестнице, воспитывая любимую дочь и помогая при этом Сиду (было бы нечестно не упомянуть последнее и оставить картину неполной).

Или некоторые боролись так: выполнив свой социальный долг, то бишь выйдя замуж, родив детей и сделав все возможное для свекра со свекровью, надели Рибоки, и их решительная солдатская поступь молотом обрушивается на подкашивающие пронзительные крики свистков-звонков.

А некоторые ничему не научились. Подпрыгивают при каждом звуке — слово оборвано на середине, предложение хромает, и сами как инвалиды. Скороварка-дверь-телефон-чайник-стиральная-машина-духовка издают протяжное пи-и-и-тры-ы-ынь, и дом начинает ходить ходуном. Звук такой громкий, что, если до сих пор не привык, качнет так, как если бы столкнулся с большим предметом. Что и происходит с Дочерью.

Другие встают и выключают свисток, но здесь свисток выключает саму Дочь. У ее работы не задалось с пунктуацией. Работа превратилась в попытки поработать. В промежутках между которыми, она, притаившись за книгами, разглядывает посетителей. Приходящую каждый день Рози. Это неправда, но правдой становится то, что кажется, а не то, что есть.

Имя Рози упоминалось вместе с какими-то городами. Постоянно в разъездах. То Джангхаи, то Вьяра. Звонила Маме из Баксара. Из Мевата, Карнала, Бхондси и Бомбея тоже. Устраивает праздники, благотворительные ярмарки, зарабатывает деньги.

Сидящая за книгами Дочь навострила уши и слушает что-то про поехать за границу. Что-то

про Пакистан. Про паспорт.

— Это уладит Старший, — голос Мамы.

— А брат согласится? И каким окажется этот паспорт в итоге? Рози — пол женский или что? — ухмыляется Дочь.

Убрав с полки книгу, смотрит в получившийся просвет — а там не Рози, а Раза. Как будто в отместку за ее издевку превратилась в портного Мастера Разу. Проделки этих двоих изводят ее.

Портной Мастер хочет паспорт? В его паспорте точно будет «мужской пол».

Среди книг виден один глаз Рози, нет, Разы. «Представь, что второй он закрыл, — Дочь рисует в уме набросок, — как будто подмигивает, какой же он, наверное, пройдоха за всеми этими вежливыми манерами. Смотрит на Маму хитрым глазом».

Это была хитрость Рози или Мастера Разы? А эта блажь, что нужен паспорт?

— Паспорт сделает К. К., — услышала она его слова.

Теперь К. К. стал его закадычным другом.

Сладострастные глаза К. К. блеснули в ее воспоминаниях. Хотя теперь он даже и не смотрит в ее сторону. А то вместе обсудили бы, почему Рози пришлось стать Разой. Ведь один же чело-

век? Или два? У одного плоская грудь, а у другой плоско между бедрами. Или два в одном — Джекилл и Хайд. Кто тогда Джекилл, а кто Хайд? Кто есть кто?

Однажды она спросила у Мамы. Нет, не прямо. А вот так:

— В доме стало пахнуть сигаретами.

Мама молчит.

— Почему Мастер джи курит здесь?

Мама молчит.

— У него тоже один зуб наползает на другой, как у Рози.

Когда кто-то все молчит и молчит на каждое твое высказывание, начинаешь чувствовать себя не в своей тарелке.

— Какого вероисповедания?

— Кто? — спросила тогда Мама. — Тетушка Рози и Мастер Раза джи?

Мама засмеялась:

— И это ты спрашиваешь про религию?

И Дочь замолчала. Как будто Мама этим хотела сказать: «Не надо лишнего ковырять. Кто бы ни были — их дело. Одна религия или две. Один человек или два. Забудь».

66

«Забывать» работает так. Что захочешь, то и можешь забыть. И даже само то, что хотел забыть, забудешь. Со всех сторон воспоминания появляется граница, и уже не остается никакого способа добраться до него, если только не перекатился через эту границу. Намеренно или случайно. Но даже если перекатился, то того изначального воспоминания уже не осталось, только его переосмысление. Чем-то похоже на процесс перерождения: говорят, что, до того как стать зародышем, ты был кем-то еще, но теперь, в этой жизни, день за днем формировалась новая личность. Ты уже не тот, что был в прошлом рождении, — кто-то другой. С ним тебя связывают воспоминания — если вспомнишь. И на забытое, и на новое смотришь, широко открыв рот и вытаращив глаза. Потому что за границей новый мир, пойдешь ли ты назад или вперед. Так, когда две женщины в этой истории добрались до Хайбера, это был тот же Хайбер, что и раньше, но и совершенно новый, и опасности тоже новые, хотя, говорили, был опасным и раньше.

События путаются так же, как разговоры, если это не презентация на семинаре. Время и по-

рядок перемешиваются, дыхание, взгляды, запахи, вкусы, колеса, колосья, стихи и проза — тоже.

Потому грохочет ветер — что сталкивается со всем подряд, а развернувшись от удара, опять сталкивается там с ветром.

Ветер — это память, это вопрос. Помнить нужно обязательно. Спрашивать тоже. Почему? Как? То, что было. Вот так. И что тогда? В стенах — вопросы и память. В словах. Взглядах. Лопаются, ускользают и опять возникают. Что мое? Кто я? Где моя деревня? Что глазеешь? Это не те вопросы, зазубрив ответы на которые, ты напишешь экзамен и получишь оценку. У вопросов нет ответов. «Где наша Индия?» — твердят и твердят без конца, но даже те, кто когда-то поднял это вопрос, вряд ли знают ответ.

Дело в том, что вопрос — он не про что-то большое. Огромное, великое, масштабное, охватывающее. Он про малое. Незначительное, мелкое, детальное. Да и не вопрос даже. Нужно смотреть, подмечать, обращать внимание, сосредотачиваться. Вглядываться в детали. Одно дерево стоит в лесу особняком. Одно лицо, мелькнувшее в толпе. Появившаяся на миг злобная улыбка на сочувствующем лице. Крошечная веснушка, выбравшаяся из-под макияжа, чтобы

посмотреться в зеркало в лифте. Все остальное говорится, чтобы утаить, скрыть детали.

Поэтому глаза слепого всегда смотрят вдаль. То, что далеко, там и спрятано. Смотри рядом, если надо смотреть, только это уведет твой взгляд вдаль — муравей полз по стене, заполз в щель, пробил ход своим дыханием, вылез с другой стороны, перешел границу и, преодолев Хайберский проход, попал в другой мир. Преодолел и приблизился.

Если бы смотрели вблизи, то смогли бы разглядеть намерения других. Если бы не жили только собственными смыслами, заметили бы много деталей. И тогда поднялись бы вопросы, или их стали бы поднимать. Намертво укоренились в мысли, что она никогда не вернется туда, да и разве можно разглядеть что-то сквозь свою непоколебимую уверенность в том, что, нагулявшись, если и вернется, то только сюда? Разве можно расслышать, как однажды скажет: «Мне нужно идти?»

67

Дочь упала.

Солнце садится, Мама, перетащив стул туда, где еще есть свет, уселась, как голубка, укрывающая

крыльями свои яйца. Проходится тростью по своим растениям, и начинают летать бабочки.

Дочь услышала голос К. К. Прильнула к своему биноклю, то есть щели в книгах, и увидела, как он пускает колечки дыма с Мастером Разой.

Он зашел внутрь с тарелкой жареного арахиса, приправленного черной солью, луком, зеленым чили и кинзой. Поставил на стол радом с ней. Ни она не подняла глаз, ни он ничего не сказал.

Глаза, полные досады и слез. Поднаторела сидеть, склонившись над книгами. Когда Мама позвала ее, она ответила: «Иду», и осталась сидеть.

Она вышла из ступора, когда Мама позвала ее второй раз. Начиналась вечеринка. Голоса были хорошо слышны, но теперь она никого не узнавала. Она несколько суетливо встала, когда услышала звук закрывающейся двери: неужели К. К. ушел, ничего не сказав? Она встала, ее затекшая нога поскользнулась, и она упала. Спасая бумаги, она успела развернуть свое тело, устремившееся в стол, и бумаги были спасены, но остальное — нет. Раздался грохот, Мама закричала: «Что случилось?» — и прибежал Мастер Раза.

Он помог ей подняться, и она пошла, хромая и почти повиснув на нем.

Мама позади, пришла с несвойственной ей скоростью.

«Только не спрашивай, только не спрашивай», — слышалось в ее всхлипываниях. «Что случилось?» — встревоженно спросила Мама, и тут она разрыдалась. Мастер Раза практически поднял ее и усадил на диван в холле. Подложил подушку под спину, под ногу — тоже и стал слегка надавливать там, где нога была подвернула: «Больно? А здесь? А вот так?»

По просьбе Мамы Раза достал из морозильника лед и спросил у Дочери, где можно взять маленькое полотенце:

— Нет, скажите мне. — Достал из ящика полотенце, завернул в него лед и аккуратно приложил к ее лодыжкам.

Еще довольно долго Мастер Раза был занят тем, что оказывал первую помощь Дочери.

— О-хо-хо, — вздохнула Мама, — теперь ты совсем не сможешь вставать до тех пор, пока нога не заживет. Смотри, какая фиолетовая стала.

— Она не сломана, Мата джи, но мышцы внутри потянула. Синяк из-за этого.

— К. К., наверное, уехал в аэропорт. Завтра вернется. Что делать? Тебе нельзя шевелиться, — ругалась Мама. — Проверю, дома ли Сиддхартх.

— Ма джи, вы садитесь. Почему так волнуетесь? Кто-то останется сегодня на ночь. А завтра К. К. вернется.

— Она даже не может в туалет сама сходить, — продолжала переживать Мама.

— Я в порядке, — сказала Дочь. — Почти не болит.

— Можно мне туда? — спросил Мастер Раза, показав в сторону гостевой комнаты.

Он взял свою сумку, в которой принес ткани для шитья, и пошел внутрь.

Обратно к ним вышла Рози в сером обтягивающем шальвар-камизе с розовой каймой. Пучок, туфли, сумочка, джайпурские браслеты, которые она тут же сняла, как будто надела только для того, чтобы снять, и начала ощупывать ногу Дочери, вмиг взяв все дела в свои руки.

— Обычная опухоль, сестрица. Все будет тип-топ.

Из глаз Дочери хлынул такой поток, как если бы кто-то зарядил ей в лицо водным пистолетом. И в этом потоке как будто плыло: «Мое тело не слушается меня. Хочу встать, а оно падает. Оно не может принять никакую форму, не может ничего сделать и обойти хоть какое-то препятствие и жить жизнью, полной красок, тоже не может».

— Болит? — спросила Рози. Касание ее рук было не похоже на касание рук Разы. Его — сильное, но осторожное, как будто откуда-то издалека, а ее — мягкое и нежное, как будто знает тайны каждого сантиметра на теле.

— Разминать не буду, только наложу повязку.

Достала из сумки травы и снадобья, разогрела куркуму, приготовила мазь и известковый порошок. Осторожными движениями нанесла на кожу и завязала креповой повязкой. Добавила в молоко куркумы и дала выпить Дочери, и Дочь уснула. На самом деле!

68

На следующий день приехал К. К., а Рози уехала.

Вечером проведать Дочь пришел Мастер Раза.

— Все тип-топ, детка, — сказал он, став Рози, чтобы облегчить ее душевную боль. — Кости в порядке, и все у вас хорошо, госпожа, — опять заговорил Раза.

Дочь с благодарностью посмотрела на него и соединила ладони. Она была признательна за эту всеобъемлющую заботу и опеку.

Мастер джи положил руку ей на лоб. Волосы были растрепаны, он убрал их назад:

— Этот треугольник волос на вашем лбу — признак красоты. Не прячьте его.

— Он ей от меня достался. — Смеясь, Мама дотронулась до своего лба.

Посередине, там, где заканчивается линия роста волос, часть их образует острый угол и устремляется к носу.

— Вы, тетушка, красивая очень, — сказал К. К.

— Мата джи — это Мата джи. — Раза тоже улыбнулся. — Но вы, госпожа, живите в радости, скорее поправляйтесь и будьте всегда любимой.

Дочь остыла. Захотелось расправить все тело, потянуться и громко заохать-заахать, как Мама. Прикосновение рук Разы было ей приятно. Она вспомнила шутку со школьных времен:

— В школе мы назвали этот треугольник волос «вдовий пик». Говорили, что муж той, у кого он есть, женится два раза.

— Твой так и сделал, — рассмеялся К. К.

— Наверное, мой тоже, — сказала Мама.

— Да, Мата джи? — Мастер Раза серьезно посмотрел на нее.

Дочь и К. К. оба рассмеялись, потому что беседа превращалась в полную чепуху. Мама тоже засмеялась, смущенно, как если бы смех прикрыл случайно оголившееся тело.

69

Сезон дождей все приглушает, и пение черной птицы кажется еще громче. Сумасшедшую трель слышит англичанин по имени Дерек Ман, который пишет по-французски и сидит в далекой европейской деревне. Сердце его дрогнуло, и на два мгновения он на всех основаниях появляется в этой истории, пестующей двунаправленность, берет ручку и запечатлевает в своем романе песню черной птицы:

«Где бы и когда бы ни пела черная птица, она только здесь и сейчас. Этот миг наступает год за годом и снова и снова соединяет это здесь и сейчас. Течение времени застывает в нем, это одно мгновение, неповторимое, запоминающееся, которое забывается до того, как опять не вернется, мгновение, у которого нет границ, только в этом месте, с этого дерева, непохожего на остальные, его ствол отделяется от этих зарослей, как будто из ниоткуда какой-то кусок, пробивший плодородную почву, в которой он и не в своем доме, и не лишен жизненных соков… Слева изогнуто, идет влево. Сколько шагов? Для ребенка — много, для взрослого — три-четыре… Слева от зарослей еще один куст, иногда

они вместе стрекочут в голове, а справа зовет еще одно дерево: «давай, запрыгни на меня», нет ничего незначительного, каждая частица наполнена, так же, как тот первый взгляд, как в свете той первой весны. Вечер. Вечер ребенка, не знающий часов, не слишком поздно, он один, это его особенное место. Особенный возраст. Что он делает? Пока мелодия не звучит… внутри себя он прощупывает тревоги, которые заманили его в другое рождение, но постепенно он возвращается, успокаивается, вот оно. Когда начинает петь черная птица, он может слушать ее, полностью растворившись в звуке.

Впервые он понимает, когда настает подходящее время, впервые слушает, забыв обо всем. Перескакивает все то, что наболело, сам становится как будто отсутствующим, осознает свое неведение. Это откровение. Звук пьянит, он плывет в нем, ощущение, что это начало, начало конца, до него доносятся звуки радости, гнева, сожаления, повествования, ободрения, зависти, страсти, предостережений, страха, симпатии, волнения, насмешек, решимости, преданности, раздражения, храбрости, сосредоточенности, веселья, молчания. Язык, пробуждающий к жизни его собственный. Понимает все и ничего.

Возвращается далеко, туда, где он есть.

Всю жизнь черная птица будет говорить с ним, он будет бесконечно возвращаться в ту первую весну. Где бы он ни был, он будет только здесь, перед этим деревом, в этих зарослях, в этом сиянии и только в этом мгновении».

70

— Там нет краснолицых макак, — говорит Рози.

— Привезем с собой одну? — смеется Мама.

— Только чиронджи[158] и вы, — Рози.

— Поглядим… — Мама.

— На что мне паспорт? Вот когда его нет — сплошная польза. Нас не причисляют ни к мусульманам, ни к христианам, ни к иудеям, ни к парсам, ни к индусам, ни к мужчинам, ни к женщинам, никто не назовет по имени и не узнает. Что уж говорить о реальности, если они хотят, чтобы мы исчезли даже из воображения. А мы можем проникнуть куда угодно.

— Призрак, — засмеялась Мама.

— Даже призрака будут почитать и приглашать

---

[158] Примечания: 158

Дерево, семена которого используются в кулинарии, по вкусу напоминают миндаль.

временами, чтобы узнать что-то о загробном мире и лупить веником, чтобы изгнать из человеческого тела, призрак наделен множеством талантов, бессмертный, вечно молодой, всеведущий. Мы не призраки, мы нечистые.

— Ну что ты болтаешь? — Мама. Пытается утешить.

— Мы уродины, сестрица. Держись от нас подальше. А увидишь — ударь. Умерла или выжила — не оборачивайся посмотреть. Не видела — значит, не видела. Мы пропавшие без вести и будем такими всегда. Этот сад наш и только наш![159] Такие люди с легкостью исчезают. Кто вспомнит про этих бесполезных для общества людей? Сестрица, мы дети Нитхари[160]. Что с ними случилось и кому есть до этого дело? Кто знает, может, тому человеку было откровение, что никому нет дела, и от этого в нем проснулся демон? Он жил один, наверное, ему было одиноко и дом был в пустынном месте, вышел за ворота, чтобы посмотреть на прохожих, и его охватила преступная лихорадка. Наверное, какая-то бедолага бродила в поисках

---

[159] Примечания: 159

Отсылка к одноименному фильму, 1972 г.

[160] Примечания: 160

Деревня в штате Уттар-Прадеш, где в 2005–2006 гг. были зарегистрированы серийные убийства детей.

пропитания целый день. И проходила мимо. Увидела его одиночество. И сказала: «Дядя, дай конфетку». Или «ручку». А может, это был мальчик. Увидел, как дядя курит. А потом выбрасывает окурок. Кинулся поднять, чтобы успеть сделать пару затяжек. И может, в другой день сказал: «Не выбрасывай!» Или «Угости сигареткой, дядя!».

Или видели, как одинокий мужчина закидывает в рот жареный горох. Связь устанавливается быстро. Наверное, в первый день он ничего не дал и не взял. А на следующий день они испытали ложное чувство узнавания. Потом горох, сигарета, ручка, конфета. Не из щедрости. Просто так. Без причины. Сердце — там, руки — тут. Сердца нет, мозги — там, руки — тут. «Спасибо», — наверное, улыбнулся ребенок. Но кому какое дело? А связь установилась.

На следующий день мужчина, наверное, улыбнулся. Без причины. Просто так. Связь стала прочнее. К нему вернулось забытое ощущение собственной власти. «Вот и шалость. Я улыбнулся. Никто не знает, никому нет дела. Только связь. И если я что-то сделаю, кому будет до этого дело? Никто за них не в ответе. Эти дети, разве есть кому-то дело? Дело до их тела?»

«Уматывай», — наверное, сказал он, и ребенок,

наверное, умотал. «Власть», — наверное, улыбнулся он. В следующий раз, увидев его, ребенок, наверное, подумал: «Прогонит или даст». «Испугался меня. Власть!» — подумал и позвал: «Иди сюда!». Наверное, дал арахиса. Или у него была сигарета, и это была девочка. Тогда он сказал: «Иди сюда» и повернулся в сторону дома. Взгляд девочки на мгновение застыл. Потом она пролезла под воротами, как котенок или щенок, и засеменила за одиноким. Одинокий обернулся. Девочка остановилась. Одинокий пошел дальше. Девочка — тоже. Власть! Внутри человек дал что-то поесть.

Однажды мальчик или девочка сама открыла ворота и зашла внутрь. Однажды стала есть, сидя на стуле, который стоял под деревом. Однажды ее обнаружили спящей на веранде за дверью. Никто о ней не спрашивает, и никто не ищет.

«Великолепно! Никого-то нет у этих детей, ни тут ни там. Что ж!» — Он оскалил зубы. Девочка, испугавшись, встала и упала. Он засмеялся. Она тоже. Игра. Власть! «Одни во всем белом свете, ее никто не видит, и меня никто не видит, что угодно может случится, делай что угодно, и я могу делать что хочу».

«Как поступить? Власть!» Власть будоражит,

демоны восстают. Чтобы распробовать вкус своей власти, он начал пробовать на вкус детей. Съел, выбросил в канаву, и это наскучило, тогда сказал слуге: «Иди сюда, натолки специй, приготовь, отведай со мной…»

Кому какое дело до нас, есть мы или нет? — продолжала говорить Маме Рози. — Мы не интересуем их даже с точки зрения торговли, не удосужатся и рекламу придумать, чтобы нас заманить, или открыть магазин и подзаработать. Мы даже жадному бакалейщику неинтересны, вот и подумай, насколько мы ничтожные, незаметные и отсталые. Ни тебе фильмов, ни литературы, ни искусства, ни одежды. Мы ходим в ваших обносках. У нас нет ничего своего. Столкни меня в озеро, сестрица, и никто не заметит пропажи.

Какое кому дело до нас, нас не существует вовсе, а если не существует, то какие могут быть у нас права? А если нет прав, то зачем паспорт? Мы и так по обе стороны границы.

Как будто мы какие-то демоны, но это общество, этот мир, которым нет дела, которые и знать не хотят, что пропадают дети, разве они боги? Ха! Убийцы они, — заключила Рози.

Когда она говорила, вплетенные в ее косу розовые ленты с кисточками кокетливо покачи-

вались. На ней был темно-синий шальвар-камиз, расшитый розовыми розами. Накидка цвета фуксии трепетала зелеными листьями. Насколько Раза был сдержан в речи и скромен в одежде, настолько же Рози вела себя вызывающе, а ее одежды пестрели и сверкали. Если она исчезнет, то мир утратит часть своей притягательности. Будет кому-то дело или нет до того, куда она подевалась?

— Озеро, — прервала молчание Мама и встала с места.

— Озеро. — Мама кинулась к выходу очертя голову, таща за собой трость и Дочь вместе с ней.

71

Обе стояли у озера. Они искали его по GPS, поэтому потерялись по дороге. Где в этом городе озеро, и откуда в нем вода, если даже великая Ямуна засохла?

Далеко от озера распростерлось снежное покрывало, но это был не снег, а озеро, которое через несколько дней будет полыхать в огне.

В нем поднимаются белые облака, несущие чудовищное зловонье, из-под которого выглядывает черная илистая муть. Туда стекают сточные воды всех окрестных городов и фабрик. Ядовитая

смесь масла и фосфора желает стать огнем и скоро станет. Языки пламени будут подпрыгивать на все двенадцать футов, и начнется еще один конец света. То, что издалека казалось снежным покрывалом, вблизи оказывается слоем пены, в который падают замызганные беспомощные осколки солнца. Когда-то влажные почвы низины выполняли функцию фильтра, но теперь там все застроено цементными зданиями. Вплотную к ним распласталось ядовитое грязное покрывало, а Мама стоит спокойно, но выглядит так, как будто ее взгляд сейчас ножом разрежет озеро, и Рози, где бы она ни была спрятана, всплывет на поверхность, как рыба.

Один из гвоздей, державших висящее на столбе объявление, выпал, и оно, накренившись, с шумом билось о столб, что усиливало ощущение пустынности. Если наклониться, можно прочитать написанные на нем правила. Дочь наклонилась. В парках запрещено играть в крикет, распивать спиртные напитки, курить, играть в азартные игры и выгуливать собак. Запрещено прятаться в кустах. Запрещено рвать цветы и растения. Запрещено драться. Запрещено мочиться. Запрещено передвигаться на велосипеде. Но парка нигде не было видно. Он тоже исчез, как

и озеро, укрыв собой какой-нибудь яд.

Наверное, кто-то закурит биди, и пена загорится. В далеких странах начнут трепетать от такого чуда третьего мира. От заголовков в газетах и теленовостях будут действительно хвататься за голову.

Но нигде не будет новости, что Рози исчезла.

— Но тетушка все время уезжает куда-то, — сказала Дочь, видя Мамино волнение.

— Но звонит.

— Приедет и позвонит.

— Но и оттуда звонит.

— Наверное, нет сети.

— Гудки идут. Не берет трубку.

— Наверное, уехала куда-то за границу. Вряд ли возьмет трубку там, если звонят отсюда. Она все твердила: «Паспорт, паспорт».

— Она для меня делала.

Дочь встревожилась.

— Хотела взять меня с собой.

— Куда? — забеспокоилась Дочь.

— Там нет краснолицых макак.

Как будто она должна восполнить эту нехватку — Дочь все больше запутывалась.

— Она ездила без паспорта.

— Тогда, наверное, уехала. — Дочь все никак

не могла взять в толк, что за тарабарщина происходит.

— Но семена чиронджи остались у меня.

Дочь уже привыкла ничего не понимать. Всегда исполняет Мамины желания и делает все, что она говорит. Позвонила туда, куда она сказала. Оставила сообщение портному Мастеру и спросила у Кантхе Рама, не видел ли он Рози. «Иногда показывается», — ответил он. Телефон у Мастера звенел без конца.

— Оба пропали разом? — озадаченно спросила Мама.

На что Дочь, пребывавшая в бессознательном состоянии, отрицательно покачала головой.

— Я не понимаю, — сказала она, признав свое поражение.

— Во-во, — сказала Мама, приводя свою трость в движение, — я тоже.

Как будто обе пришли к согласию.

И она привела Дочь к озеру, которое загорится от спички, которую выбросит кто-то, закурив биди.

Если озеро вспыхнет, появится ли из него Рози, как Лохнесское чудовище?

— Темнеет. — Дочь обняла Маму за плечи. — Пойдемте отсюда.

— Ты знаешь, здесь… — То ли Мама говорила с ней, то ли с собой.

— Да, вы приезжали сюда на субботний базар купить сандалии.

— Она купила дом, — закончила предложение Мама.

— Жила здесь, вдали от города? Я думала… — Но Дочь запуталась, речь идет о Рози или Разе. Казалось, оба приходили откуда-то неподалеку. И ателье было рядом. И когда Старший еще служил, Рози мелькала в окрестностях.

— Снимала. — Мамина трость двигалась так, как будто была продолжением ее тела. — Говорила о переезде.

Это натолкнуло ее на ответ:

— Кто же звонит во время переезда? Это их телефон разрывается от звонков.

Ее пробила дрожь. Пришли двое юношей, сели на берегу озера и уставились в телефон, совершенно молча. То ли смотрят порно, то ли накурились. Во всей округе только они двое и дома, размытые дымкой газовых облаков.

— Пойдемте.

— Да, пойдем, — ответила Мама.

Она имела в виду туда, в сторону домов. Куда летели ядовитые облака с озера, которое через

несколько дней заполыхает огнем. Только подумайте, озеро и загорится.

Один дом за другим. Пошли искать иголку в стоге сена.

72

— Есть агентства, где можно официально нанять помощницу по хозяйству. Она будет приходить на весь день, будет делать чай для Мамы, помогать принимать ванну, кормить завтраком, делать массаж головы, расчесывать, гулять в саду или около гробницы, — сказала Дочь.

Ее никто не услышал. Мама с К. К. были заняты поиском адреса Рози. Какая-то комнатушка в районе, примыкавшем к кладбищу за мечетью, — туда он и отвез Маму. А там выяснилось, что она говорила о своих планах пересечь границу, но перед этим перевезла вещи в квартиру у озера.

— Я же говорила, что она уехала за границу и поэтому не смогла позвонить, — утешала Дочь — или хотела, чтобы окружающие оценили верность ее догадки?

Но Мама была погружена в себя. Еще какое-то время, а потом внезапно как будто подпоясалась, завязала шнурки и отправилась расквитаться с судьбой.

— Странно так переживать об этом, — скажет Старший встревоженно. Невестка будет подливать масла в огонь. Кантхе Рам, улыбнувшись, сказал: «Мата джи, не волнуйтесь вы так, вся ее жизнь в этом — крутится то там, то тут». Но открыто никто не отваживался пренебречь ее беспокойством. И никто не находил в себе смелости сказать: «Что такого у вас стряслось, что никак неймется найти ту, чей адрес неизвестен, пол неизвестен, то ли служанка, то ли еще кто, а вы уже не в том возрасте, чтобы бродить по сомнительным кладбищам и тратить свое время и жизнь впустую».

На этот раз у Рози сняли трубку.

— Кто? Рози?

Услышав Мамин голос, К. К. повернулся, а Дочь встала из-за рабочего стола. Сид тоже был там, а так как я привез его на машине, то я тоже был там. И еще один наш приятель. До этого он не появлялся в истории. О нем ничего не будет рассказано. Он еще более ненужный персонаж, чем я, и его появление еще более случайно, чем мое, и если бы его не было, то нашлись бы и другие свидетели. Его зовут Рахил. Да и какая надобность знать его имя?

— Шила. Или Шакила? — сдавленным голосом

сказала Мама, повесив трубку.

«Сколько еще форм может принять Рози?» — подумала Дочь.

— Пойдем в дом у озера!

И все пошли.

73

Дверь не открылась, а сломалась. От нашего натиска.

Она смотрит ошарашенно. Открыла дверь для кого-то другого. Шила. Или Шакила.

— Рози? — Взгляд бабушки Сида шмыгнул за нее.

— Кто вы? — спросила Шила. Или Шакила.

— Где Рози? — спросил К. К.

Сид и его тетя обошли женщину и пошли внутрь.

— Уехала, — сказала она. Посмотрела на тех, кто пошел внутрь, и на тех, кто стоял в дверях, не понимая, к кому обращаться.

— Ты ответила на звонок, как ее телефон оказался у тебя?

— Оставила, — сказала Шила или Шакила.

— Кто ты, где она и когда вернется?

Вдруг Шила-Шакила начала тараторить — предложения беспорядочно вылетали из ее рта.

Она не грубила, просто была ошарашена.

— Я снимаю квартиру. Уже сто лет в этом доме. Она уехала к себе. Сейчас приедет мой муж. Мы собираемся уезжать. Нам надо кое-куда. Снаружи наш скутер. Одежду повесить некуда, поэтому повесили на скутер. Здесь работает машина, в доме открылась фабрика. Делают пластиковые крышки. В печенках уже сидят. Голова раскалывается.

Она все говорила-говорила, и ее прорвало. Разразилась злобной тирадой:

— Кто вы такие? И какое право имеете что-то спрашивать? Откуда мне знать. Разве кто-то отчитывается перед тем, как уехать? Она мне не родственница и не подружка. Да и с чего бы? Не знаю я, когда приедет. Телефон забыла. Болела она.

— Если болела, то как поехала?

— Может, в больницу поехала.

— Кто-то отвез?

— Сама поехала или кто-то отвез, я не обратила внимания. Почему я должна везти? Кто она мне? Мы снимаем жилье. Каждый год повышает оплату. До небес уже задрала.

— Почему она оставила свой телефон?

— Да какое мне дело? Ну оставила, взяла другой, наверное. Работает — не работает, бог его

знает. Зазвонил — взяла трубку. Не задумываясь. У меня температура. Вы еще. С чего вдруг такой допрос? — Она приняла борцовскую стойку. Ее рыжие волосы были распущены, как будто она только что встала с постели. Под глазами — черные круги. Она пошатывалась, и ее голова свешивалась вперед, как будто на ней затянулась петля.

— Нам нужно идти, и вы уходите, — хрипло тявкнула она.

Бабушка развернулась:

— Пойдем.

Все говорили, что сразу почувствовали себя странно, как только вошли в дом.

— Воняло протухшим ачаром, — сказал Сид.

В квартире было две комнаты. За ними маленькая веранда, захламленная всякими вещами.

— Я видела там ее розовые ленты с кисточками, — сказала Дочь.

Мама обошла весь дом, постукивая тростью. Шила-Шаки-ла, ворча, следовала за ней. Одна комната была полностью занята огромным столом, похожим на тахту, а другая — огромной кроватью.

К. К. сказал, что ему было страшно.

Все заметили, что на стене позади них были

пятна от пана, напоминавшие кровь.

Жевала ли Рози пан? Раза точно жевал.

— И под кроватью, — вспомнил кто-то.

— И за ней, — вспомнил кто-то другой.

Что же выходит, если допустить, что это не красная слюна, а кровь?

74

Хорошо бы понимать дух времени. Люди скучают. Все время нужны события, какая-то драма, иначе кажется, что ничего не происходит — жизнь застыла. Если жизнь идет с одной и той же скоростью и по проторенной дорожке, она кажется неподвижной. Если сидишь вдали от этой дорожки за своими книгами или за компьютером, то почувствуешь себя мертвым. Неподвижность пугает. «Не окаменею ли я, сидя спокойно?» — эта мысль ужасает. Пусть уж дни раскачиваются туда-сюда, земля переворачивается под ногами, рутина будет выдрана с корнем, сердце, легкие, желания подскакивают, поднимется ураган, после которого не разберешь, что поломано, что цело, и каждое утро опять нужно выходить на схватку с жизнью.

Поэтому разбой притягательнее, чем покой, пошлость перевешивает добродетель, рычание

— почитание, разрушение — творение, мятежностъ — безмятежность, бурчание — молчание. Вот почему в истории Толстого жене наскучил милый спокойный муж и она последовала за никчемным ветреным любовником, падким на удовольствия. И вот почему иногда люди обретают новую жизнь, когда все вокруг рушится. И отринув все, что дает уверенность в завтрашнем дне, начинают чувствовать вкус к бесконечному движению, благословленному Лакшми и заставляющему биться сердце.

Нынче ритм жизни такой, что все время на носочках — так ходи, а иногда и беги. Пятки забыли, что такое касаться земли.

Но насколько хватит внимания передвигаться только на носочках? Осторожно! Бам — и ты уже свалился.

Только вот расчеты путаются. Мама стояла на той же поверхности, что и Дочь. А потом — бам! — и все упали. Ну упали — и упали, а Рози упала и умерла.

75

Рози умерла.

76

Озеро загорелось.

— Меняет обличья? — Инспектор посмотрел на Дочь с Сидом и рассмеялся. — Ничего с ним не будет. Ходит-бродит, иногда сюда захаживает. Все его здесь узнают. Но узнают не совсем его, скажем так. Все его обличья ложные.

Потом инспектор повернулся к Маме:

— И кто же прибрал вас к рукам, Амма джи? Вы такая наивная. Благородные люди обо всех заботятся. Возраст у вас уже почтенный, вот вы все и волнуетесь. Моя бабушка такая же. С нами живет. С самого утра на ногах: «Харий пришел? — это наш слуга. — Ночью был сильный ветер. Путь подметет во дворе. Уже шесть пробило, воду, насос включи, батюшки, Бхоунде еще не вернулся. — Бхоунде — мое домашнее прозвище, — смеясь объяснил он Маме и продолжил: — Давно уже пять пробило, — хотя часы на башне только-только отбивают пять. — Позвоните в участок!» Сплошное волнение, ведь «у Бхоунде работа такая — исправлять негодяев и жуликов, опасность на опасности». Милая, любимая бабушка.

Инспектор Бхоунде перемешивал во рту зевки, пан, табак, катеху, известковый порошок, отхар-

кивающуюся мокроту и, смачно сглатывая время от времени, продолжал рассказывать:

— Эти люди не исчезают, так вот и ходят-бродят туда-сюда. Раньше сюда не приходил, но потом купил дом, откуда деньги взялись, бог его знает. Чем только они не зарабатывают, и прилично, мы вот с вами купить не можем, а они — пожалуйста. Но тот, кто продал дом, как он его продал, неизвестно? Сейчас ведь как: получил кругленькую сумму, и сам черт не брат. Может, и не знал вообще, кому продавал. Может, и документов никаких не показал во время покупки. Послушайте, — к перекатывающей во рту смеси добавилась умудренность, — даже определить, кто они такие, нельзя точно, могут назвать себя кем угодно и пользуются этим, раз документов нет, могут улизнуть без проблем.

Бхоунде помрачнел:

— Если эти люди начнут жить среди нас, считайте, настал конец света. Ладно, он сдавал квартиру. — Засмеялся: — Однажды на него набросилось несколько собак, вот он стоит, а в следующее мгновение уже — ничком. Даже собаки не признают их! Дети бегут следом, бросают камни, мы их ругаем, мол со всеми надо по-доброму, бить никого нельзя. Ну ладно, иногда

приходил. Наверное, неплохие деньги получал. Это дорогое место. Раньше была деревня, а теперь состоятельные люди строят тут дома. Открытое. Озеро. Автобусы ходят. Скоро будет метро. Огонь утихнет. Напрасно шумиху подняли, приезжала государственная инспекция. Кто-то бросил в него недокуренную биди, сухой мусор может загореться где угодно. А он слоем покрывал воду. Под ним был пластиковый мусор, поэтому до того верхнего слоя вода добраться не могла, вот и вся история. Но мне работы привалило. Все висит на мне, и мне разгребать. Идите спокойно. Вот увидите, сам где-нибудь объявится.

— Я все время занят, — сказал инспектор Бхоунде, наклонившись к Сиду.

Я это слышал, потому что был вместе с Сидом, в тот раз тоже. Но не будем обо мне.

— Но жители района говорят, сейчас приходит в мужской одежде. Наверное, поэтому собаки и дети не приставали. — Он забулькал от смеха. — Правда. Понаблюдайте, макаки и лангуры держатся от мужчин подальше, нападают на женщин, воруют кошельки, очки, мобильники. Бананы, хлеб, бхаджи улетают только так. Здесь нет макак, и лангуры не приходят, иногда на озеро, да и то один-другой забредет случайно. Но

посмотрите в храмах. Вот в Санкатмочане стоят в ряд или сидят и ждут, пока верующие, выходя, дадут им прасад. Почему бы и нет? Они ведь воплощение Ханумана. И я почитаю Ханумана. Каждый день читаю Хануман-чалису, а в субботу иду в храм и подношу ладду. Я занимаюсь спортом, чтобы порадовать Баджрангбали[161], это потом уже я устроился в полицию. В нашей семье Хануман — самый любимый бог. Все счастливы и спокойны, братья не ссорятся между собой, мы даже с женами своими не ссоримся, — смех пузырьками вырвался из смеси, перекатывающейся у него во рту, — сам Хануман соблюдает обет безбрачия, но преданных ему благословляет на семейную жизнь. А наши сердца, что и говорить о них, звенят в унисон. Даже не знают, что такое сердечный приступ. А он везде, куда ни глянь, вот у босса случился инфаркт, и он покинул нас. Читайте Хануман-чалису, Мата джи, и ваше сердце никаким приступом не возьмешь. Вот посмотрите, — инспектор нажал кнопку на своем мобильном телефоне, — отец все время читает. — Раздался голос отца: «Да здравствует Хануман, океан мудрости и добродетели, да здравствует

[161] Примечания: 161
Одно из имен Ханумана.

повелитель обезьян, прославленный в трех мирах!» — У него сердце здоровее, чем мое, вы, Амма джи, всегда читайте Хануман-чалису — и дни ваши будут наполнены покоем, жизнь тоже.

Мама водила тростью.

— Заведите дело об исчезновении.

Мама никак не могла успокоиться после встречи с той Шилой-Шакилой. Она привела нас в полицейский участок. Не в тот, в котором нашли ее, после того как она пропала. Этот был в районе, примыкавшем к озеру. Озеру, которое загорелось и извергало облака дыма.

Инспектор Бхоунде раздражался все больше.

— Что вы понимаете? Неясно, пропал ли кто-то вообще, при чем тут дело? Взрослый человек может пойти, куда ему вздумается, откуда он исчез вообще? И вряд ли он должен был перед кем-то отчитываться, куда он ходит и откуда приходит, у него не было никого, перед кем он в ответе, а вы, Амма, что так печетесь о нем? Ввязались на свою голову, в вашем-то возрасте будете таскаться по участкам-судам? — Гоняя во рту смесь из зевков, мокроты, пана, табака, катеху, известкового порошка и отрыжки, он продолжил: — Вы ведь знаете, кем он был, ради кого впутываетесь в эту историю? Поет, танцует, просит милостыню и

еще неизвестно что, эти люди бродят повсюду, свадьбы, праздники, кражи и то, что не могу сказать вслух при вас, чем только не промышляют, уж мы-то знаем, если поймаем, припугнем и отпускаем, вряд ли кто-то захочет загадить свой участок, да и где взять отдельную камеру для них, нам тут мерзавцев хватает, для них места уже не остается, да и переполох поднимется, если этих будем сажать вместе со всеми, вот поэтому мы их наказываем, — его смех пеной перепрыгнул на лицо стоящего рядом солдата, — и отпускаем. Амма джи, если повод действительно есть, напишите, но как может потеряться тот, у кого нет места жительства?

Бхоунде джи почувствовал свою умудренность.

— И вы же знаете, что озеро загорелось. — Он начал слегка злиться.

В суматохе пожара потерявшиеся потерялись еще больше. Честь нации была под угрозой. Негосударственные организации, репортеры, местные и иностранные, зеваки и представители власти — все толпились здесь. С одной стороны были те, кто видел в пожаре конец света, а с другой — представители власти, уверявшие, что это незначительное происшествие, виной которому

была малюсенькая биди. Первые говорили, что все это — результат опасного вмешательства в окружающую среду и горели химикаты, скопившиеся на воде, а вторые, что мусор, нанесенный на берег во время дождей, высох, и какой-то деревенский чурбан бросил туда окурок. Горючая смесь этих взглядов распаляла ссорившихся, но никак не могла помочь им отделить вспыхнувший на берегу огонь от дыма, парящего на середине озера.

Полиция оцепила озеро, и никто не мог приблизится к нему без разрешения, дежурили круглосуточно. Толпа собиралась по эту сторону, а огонь и облака сгущались по ту.

Но Мама — это Мама, уговорила К. К. и опять приехала.

— У нас даже сон — харам, и вы еще опять пришли выяснять, не отрыли ли мы этого многоликого. Вот скажите мне, как отыскать того, про кого ничего не понятно, где фальшивка, а где настоящее? Человек или джинн?

Он пытался шутить, но на этот раз инспектор Бхоунде казался уставшим. Наверное, теперь у него нет времени на Хануман-чалису. Виной тому шумиха, поднявшаяся вокруг загоревшегося озера.

Он опять занялся приготовлением сочной смеси во рту, как вдруг его сердце атаковал пропуск для прессы, оказавшийся у К. К. Полиция до сих пор не смогла до конца избавиться от страха перед журналистами. Инспектор сглотнул. И, сняв несколько людей с дежурства у озера, отправил их в новую квартиру Рози.

77

Тем, у кого есть сердце, по нраву любовь, экстремистам — оружие, бабочкам — трость, подхалимам — правительство, мне и тебе — барфи и ладду, газетам — что погорячее. Поэтому их страницы пропитаны кровью, а магазины пожирают посетителей, заманив агрессивными вывесками и цветами. Грабежи и разбой, Нитхари 16 декабря, Джессика Лал, скандал с хавалой[162], Харшад Мехта, Найни «Тандури», мошенник Собрадж, избиение Зинат Аман и жестокость Капура-Шапура. В мире прав и свобод у газет тоже есть право не интересоваться самоубийствами крестьян и не обращать на них внимание, так же как закрывать глаза на убийства и травлю племенных

[162] Примечания: 162

Неформальная финансово-расчетная система, популярная в южной Азии, Африке и на Среднем Востоке.

жителей. Как полыхает — такая и страница. Какая-то новость развалится на весь разворот, вальяжно приветствуя вас, а какая-то забьется в уголок муравьишкой. Однажды в суде слушалось дело о том, как одна коза зашла пощипать травы на территорию, где паслась другая коза, а еще в эпоху подъема национализма судили человека, который не встал с инвалидного кресла во время исполнения государственного гимна. Свободная пресса выбирает, кому какое место достанется, а кого-то еще и фотографиями поощрит. К. К. решил придать огласке исчезновение Рози, и страница для этого нашлась. Спасибо и на этом.

Те, кто заглянул в эту статью, узнали, что была такая Рози, хиджра, которая на накопленные средства открыла благотворительную организацию для своей общины. Когда-то она сбежала из приюта «Анджуман-э-Ислам» есть лангар в гуру-дваре, а потом прибилась к какой-то христианской миссии, в которой она сколько-то поучилась и, повзрослев, сумела стать хозяйкой своей жизни. Шитье, вышивка, всевозможное рукоделие, джемы, желе, чатни, ачар, готовые обеды для рабочих — она бралась за все. Рози купила квартиру у озера и сдавала ее в аренду.

Когда инспектор прибыл туда, на двери висел

замок, и спустя два дня тоже висел замок, тогда его взломали и зашли внутрь. Шилу, или Шакилу, и ее любовника с черными прилизанными волосами поймали у дома, они собирались надолго куда-то уехать, а Рози нашли внутри — ее запихали в выдвижной ящик кровати.

В газете написали, что Рози хотела выгнать квартирантов и поселиться там сама, из-за этого разгорелся спор. Сначала Шила-Шакила попросила дать ей время, потом согласилась на повышение оплаты, потом изъявила желание купить квартиру, потом позвала любовника, а потом началась перепалка с Рози, и парочка сказала точно то же самое, что инспектор Бхоунде.

Мол, вас одурачили, у нее ни документов настоящих, ничего, и мы попались на удочку, даже не поняли, что она — фальшивка, сначала приходила якобы женщина, а потом стал приходить мужчина.

Раз уж преступники и полиция сошлись во мнении, что фальшивка не стоит никакого внимания, то на какое-то время дело было заброшено.

— Мы люди порядочные, в этом районе только такие и живут, спросите кого угодно, доставили ли мы хоть кому-то неприятности, мы провели в дом воду, построили вон ту стену с разрешения

соседей — очень хорошие люди, сын работает в магазине электроники, его мама дает нам кинзу, мяту, чили, выращивает все в горшках, однажды даже баклажаны были. Стена все-таки защищает, а то все могли заглядывать сюда, когда он уходит на работу, а я остаюсь одна, разве оно мне надо, чтобы каждый прохожий на меня пялился? Потолок тоже протекал, мы тысячи рупий потратили, покрасили водостойкой краской. Она не делала ничего. Мы ей сказали, что не будем впутывать ее в разбирательства, что законно, а что нет, иначе сразу можно попасться на мошенничестве. Сказали, ты не такая, как те, что хлопают в ладоши, непристойно поют и танцуют, ты этого не делаешь, мы снимаем у тебя жилье, на этом и остановимся. Ты иногда заходишь, можешь и оставаться у нас. Вон, посмотрите, огородили веранду, обустроили ей место. Разрешили жить с нами. А так разве кто-то захочет, чтобы она жила в этом доме — кругом дети. Деньги мы уже отдали, нам она сказала, что собирается на родину, надолго, наверное, поэтому не могут найти.

Но ее нашли. В выдвижном ящике. А на кухне в металлической ступке нашли пестик со следами той самой крови, которая застыла на стене красными пятнами слюны, окрашенной паном.

Ее запихали частями вместе с раздробленным черепом.

— Еще одна форма многоликого. — Этого Бхоунде не сказал.

В газете написали, что это был благонадежный хиджра, которого квартиранты хотели заставить переписать на них жилье, обещая, что оно перейдет к ним только после его смерти, и надеясь, что он уедет и сам не вернется. Но Рози не собиралась ни переделывать бумаги, ни уезжать, да и умирать не спешила, поэтому им пришлось пустить в дело металлический пестик, и случилось то, что случилось.

К. К. написал о том, что Конституция гарантирует равные права всем независимо от пола и что третий пол был признан официальным судебным решением, но в реальности мало кому удалось этого добиться, а общественного признания — и того меньше. Редактор счел все это неинтересным для читателя и посоветовал написать длинную статью в академический журнал. Пока читатель осилит всю новость, он уже заскучает. В общем, кто бы сколько ни прочитал — с этим покончено.

Нигде не было ни слова о том, что позвали на опознание, или о том, что Мама опять сказала:

«Пойдем!»

Морг. Тело Рози. Голова накрыта, из-под покрывала торчат ноги. Бесформенная кукла, у которой на пальце ноги висит бирка с номером.

Ценник. Дешево.

78

Глаза Дочери застилал туман. Вся печаль мира, все разлуки, воспоминания, осуждения, лишения, радости тихо испарялись из лежащего перед ними человека и дымкой плыли в воздухе. Глаза Дочери наполнились слезами, как будто перед ней лежал не труп Рози, а ее собственный. Все мы будем так лежать, так уйдем, так будем выглядеть, что станет с нашей красотой, и какой ценник повесят?

Торчащие из-под покрывала ноги Рози были все в пятнах и такого же зеленого цвета, как озеро в тот вечер. Рози была зашита в покрывало широкими стежками, и оно вздувалось так, как будто его распирало изнутри.

Лопнул ли живот, опух, деформировался, или из него полилась жидкость, которая запачкала покрывало? Во всех частях тела кровь, наверное, превратилась в гной и хлынула наружу потоком, ломая ребра.

Мама хотела увидеть лицо.

— Когда начальник разрешит, — сказал сопровождающий.

Мама, не обращая внимания, отдернула покрывало. Руки Рози были зашиты. Как и ноги — гниющие ветви гниющего дерева.

— Не трогай, — хотела остановить ее Дочь.

Как будто они начнут капать, как раздавленная свекла.

— Сначала должен прийти начальник, — лениво, но строго протянул сопровождающий.

Мама слегка коснулась рук. К. К. осторожно положил свою руку на Мамину — то ли остановить, то ли поддержать.

Покрывало сбилось. Дочь стояла на цыпочках, как будто собиралась убежать.

Рози лежала давно. Едкие пары формальдегида силились перебить запах смерти. Пищеварительные соки, которые раньше растворяли еду, теперь за неимением ее растворяли саму Рози, переваривая ее кусочек за кусочком. У Рози внутри продолжалась пирушка.

Сердце перестало гонять кровь. Она скопилась в обвисших частях тела, и те гнили, пухли и обезображивались. Гной продрал кожу и сочился наружу. Как будто поджарили баклажан, чтобы

сделать из него пюре.

Пришел начальник, убежденный удостоверением К. К.

— Закрой лицо, — рявкнул он на сопровождающего.

— Подними эти омерзительные веки. — Дочь зажмурила глаза.

— Рози, — спокойно сказала Мама, как будто желая подтвердить узнавание.

— Открой рот, который замолчал, — пронеслось в голове у Дочери, когда она мельком взглянула на сгусток какой-то жижи, вытекшей из носа Рози, — то ли кровь, то ли дохлые черви.

В больницах и моргах стараются поскорее избавиться от таких бесхозных неопознанных трупов, до которых никому нет дела. При условии, что они не попадаются на глаза Маме и К. К.

— Почему не помыли Рози? — ругалась Мама.

— Поправь покрывало, — опять рявкнул начальник.

Сопровождающий потянул покрывало, чтобы поправить, но оно сползло еще больше, и Рози показалась вся целиком.

Комнату наполнил запах, голое тело было обтянуто тонкой вощеной кожей, которая стягивалась и начинала лопаться, и повсюду были видны

темно-зеленые, синие и бурые пятна, впадины и отметины. Местами куски были фаршированы масалой[163] и сшиты.

Картинно. Или странно. Или страшно.

А это? Грудь или волдыри? А это что, член выпирает?

Когда мертвое тело застывает, это называется «трупное окоченение». Член затвердевает рядом с мошонкой. Выступают волдыри.

— Почему тело не накрыто? — разозлилась Мама и с мольбой посмотрела К. К. в глаза.

Начальник выглядел немного растерянным.

Сочащееся тело, покрытое кровью, трещинами, пятнами, следами ударов, было разукрашено и деформировано гниением — так оно выглядело одетым.

Как если бы в доме большого колониального господина по случаю Рождества на большом столе сервировали зажаренное целиком большое животное, которое предварительно замариновали и фаршировали разноцветными сухофруктами, а потом обмазали сливочным маслом, посыпали чесноком, имбирем, листьями и цветами и торжественно подали. Укутанное соусом и спе-

---

[163] Примечания: 163
Смесь специй.

циями. Нож с вилкой изящно положены рядом на салфетку.

— Свое усопшее тело Рози пожертвовала больнице для медицинских исследований, — провозгласила Мама, и это звучало ничуть не хуже законного завещания.

Так был исполнен погребальный обряд. Но не религиозный.

79

Трость ревет, мечется и затихает. Вдох-выдох, и дыхание останавливается. Глаза немеют и сохнут. Один умирает, другой становится безжизненным. Если молния завершает свой бег в дереве, оно превращается в сушняк. Когда буря заканчивается, то соломенная крыша оказывается сломанной. А когда исчезает песня, в горле селится кашель.

Мелодия очень важна. Любовь, страсть, дружба, безумие — что бы то ни было, но в горле должна быть мелодия, которая будет играть всю жизнь. Поэтому, когда П. Сундарам в рассказе Сары Рай[164] теряет связь со своей мелодией, вся его жизнь катится в тартарары.

---

[164] Примечания: 164
Индийская писательница, переводчица (род. 1956 г.).

История повторяется. Мама лежит безжизненно, начала кашлять, мелодия потеряна, на это раз в доме Дочери.

— Кто знает, какими микробами наполнен там воздух? Никто же их не вычищает, так и копятся там, — сказал Врач Старшему. — Кто повел Маму в это место? Похоже на какую-то аллергию.

Кашель выселил из горла мелодию. Мама забыла, как разговаривать. Слегка покачивалась и днем и ночью, а резкий сухой кашель вознамерился согнуть ее. Как будто звенел пустой мир. Пустота, принимаемая за кашель. Треск в горле сгибает тело пополам, и каждый раз, когда с помощью Дочери Мама немного выпрямляется, она становится чуточку меньше. Маленькая-маленькая, такая маленькая, как будто вознамерилась, проделав щель, пролезть через любую границу и оказаться с другой стороны.

Утром Дочь усаживает ее рядом с черной птицей, и обе кажутся одинакового размера, потому что размер никак не связан с измерениями. Если баньян будет величиной с жасминовый куст, то покажется маленьким, а если бабочка величиной с ворону — большой. Мама сидит с отсутствующим видом, и птица, видя, как всю семью захлестнуло сострадание, сама наполняется

состраданием к ней. Наблюдая за согнувшейся потерянной женщиной, ставшей меньше себя самой, она садится на ветку дерева и начинает петь, затихает и снова поет, как будто напоминая: «Ма, вот она, твоя мелодия, ну, узнай же!» Мама где-то витает, не здесь, переполнена историями, которые теснятся внутри нее, цепляются друг за друга и сталкиваются. Глотает все, что Дочь кладет в рот, и каждый раз кашляет, как будто вот-вот что-то выскочит наружу и прервет ее самадхи.

Воздух слегка покалывал, и Дочь нежно накинула на Мамины плечи легкую шаль, чтобы защитить ее от утренней прохлады. Вся любовь Дочери, все, что было в ней от Шраваны Кумары[165], разлилось половодьем, ведь теперь не было Рози, которая помогла бы Маме спуститься и погулять с ней. «Как больно смотреть на нее, и если я не позабочусь, она даже не будет знать, когда ей есть и когда одеваться». — Та, что сидела в углу съежившись и наблюдала, как Мама радовалась жизни вместе с Рози и осталь-

[165] Примечания: 165

Шравана Кумара упоминается в «Рамаяне». Стал символом сыновьей преданности, так как очень любил и почитал своих слепых родителей. Когда они захотели отправиться в паломничество, он посадил их в корзины, которые повесил на плечи, и отправился в путь. Случайно был убит в лесу около Айодхьи царем Дашаратхой.

ными, теперь ощутила ее потребность в себе и выбралась из укрытия. Вместе с Рози умерла та букашка, которой стала Дочь. Теперь она была подобна бархатистому покрывалу, сотканному из солнечного света, — нежно укутывала Маму, согревала и оберегала от холода.

Став солнечным светом, она почувствовала силу и однажды ответила взаимностью на вновь разгоревшиеся чувства К. К. И когда они вместе отправились сдавать статью, то на обратном пути решили прогуляться по своим любимым развалинам, где редко ступает нога человека, потому что никому не нравятся джунгли, если рядом нет Макдоналдса или магазина Haldiram's. Их роман был воскрешен под покровом тьмы на ветви мангового дерева, склонившейся до самой земли. Это грозило опасностью встретить не змею или тигра, а, как это чаще бывает, человека, но Дочь была полна новых сил и потому пошла на риск.

Любовь остальных бурлила сочувствием. И дверь в дом Дочери распахнулась еще шире, чем прежде. Если только что выздоровевший опять заболевает, то все родные начинают жутко переживать. Их трясет так, что они не могут дышать, пока не

почувствуют дыхание больного. Дом стали

штурмовать отряды муравьев, влекомые рассыпанными по полу крошками разных закусок и каплями пролитого чая. Заходил Сид, прочие родственники, слуги, друзья, соседи, и каждый со своим рецептом, мол, это точно поможет. Через Невестку стали поступать заграничные советы: «Напоите ромашковым чаем, он успокаивает, еще часто газы всему виной — дайте мяту, желудок наладится, и кашель пройдет, а еще в ее возрасте можно принимать по полтаблетки снотворного, будет хорошо спать и быстро пойдет на поправку». Невестка охранника была родом из какого-то горного региона и привезла оттуда масло: «Пустите меня к ней, я разотру ей голову, и масло вытянет яд, который сидит внутри». В бутылочке было зеленое масло, в котором плавал стебелек, напоминавший сороконожку. Девушка сказала, что это было насекомое, которое водится в их краях, его живым бросают в масло, и оно пускает туда свои соки, после чего масло творит чудеса. В больнице врач хотел назначить анализы и проверить, все ли показатели в порядке, а потом уже думать о дальнейших обследованиях. Он сказал, что во льдах с незапамятных времен спят незнакомые нам вирусы, которые теперь начинают распространяться по миру из-за таяния,

и кашель, диарея, слабость уже не проходят сами, как раньше, их стало сложно лечить, поэтому нужно положить в больницу под наблюдение и потом уже что-то решать — причиной всему глобальное потепление.

На этот раз семья была не готова отвозить Маму в больницу. Рози ушла, но голос ее как будто остался. Сид предложил позвать врача на дом, но и эту идею отвергли — нет ни боли, ни головокружения, ни одышки, ни потоотделения, да и кашель проходит, а это все не врачи общей практики, которые бы смогли диагностировать все сразу — уже насмотрелись, каждый врач отправляет к следующему, так они назначают разные анализы и начинают исключать: «Это не то, и не это», чтобы наконец добраться до «того». Рози бы сказала: «В больнице убивают, вместо того что возвращать к жизни, но и умереть не дают, чтобы не испортить себе статистику. Дайте только знать, и я примчусь лечить. Чтобы приехать, мне не нужен паспорт».

Но Рози ушла, совсем, из жизни. А Мама сидела молча или кашляла. А семья, как покрывало, окутывала ее со всех сторон, стала для нее одеялом, ковром-самолетом и тростью.

Семья понимает все с незапамятных времен.

В тот раз все поняли, что Мама покинула их с уходом мужа, и пытались вернуть ее обратно изо всех сил, и теперь опять пытаются вернуть ее, потому что она снова покинула их.

Но никто не говорит, что с уходом Рози. Старший и его жена считают, что она почти сошла на нет после того, как уехала от них, а Дочь уверена, что так получилось, потому что она доверила заботу о Маме другим людям. Семья продолжает идти своим проторенным путем и считать себя великой заступницей. Ее старая страсть — полудохлая птичка. Только станешь ей, как на тебя обрушится безграничная любовь, а на тех, кто превратил тебя в нее, — вся сила семейной ярости. И все начинают дуть на одряхлевшие крылья, пытаясь поднять их: «Ну же, мы тебя поддержим, взмахни еще разок, потихоньку-потихоньку, не спеши, только не вздумай без нашей помощи — упадешь и тебя растопчут».

Догадывались ли они, что в семьях заведен еще и такой обычай: когда охваченные тревогой, все думают только о том, как угодить, порадовать и сделать все, что она скажет, — ведь и возраст уже какой почтенный, — то начинают делать одно, другое и третье, чего никогда и представить себе не могли.

80

Услышав звук шагов у открытой двери, Дочь встала и остолбенела. Перед ней стоял брат. Перед ним — сестра. Их взгляды путаются и цепляются друг за друга, как будто попали в ловушку — я, ты и больше никого. Земля, глаза, воздух, тело, душа пришли в движение и как будто стали жидкостью, в которой все журчало, клокотало и переливалось.

Старший укрыл лицо своей мантией тирана. Так он мог и вытереть пот с лица, и скрыть беспокойство. Если Мастер Раза шьет одежду из ткани, то он — из манер и ужимок.

Мама сидела на балконе, окутанная тишиной. Старший прямиком направился туда.

— Пойдемте! — скомандовал он. — Будете сидеть на улице, еще больше заболеете.

Мама медленно подняла голову. Посмотрела на Старшего, посмотрела на Невестку, вошедшую за ним, посмотрела на Дочь, стоявшую за ними, посмотрела на открытую дверь за ней и на соседскую лохматую собаку, которая залаяла от радости, встретившись глазами с Мамой.

— Бросил меня, — сказала Мама.

Невестка, наклонившись, коснулась ее стоп.

— Что же вы такое говорите, Мама, это вы нас бросили. Столько всего произошло за это время, ну же, вставайте! Сейчас пойдем.

— Сейчас пойдем, — подтвердила Мама отсутствующим голосом.

— Нагулялась и будет. Насмотрелась на причуды всякие. Пора вернуться к спокойной жизни, — сказала Невестка. — Где еще о ней так позаботятся, как не у нас, ей обязательно нужно вернуться.

Заморский сын тоже позвонил: «Поберегите себя, не растрачивайте силы, наймите сиделку и проинструктируйте ее обо всем: что у бабушки запоры и с каждым приемом пищи ей нужно давать пол чайной ложки исабгола, предварительно растворив в воде, а по утрам — небикард, а еще я пошлю отсюда инжир со своим коллегой, а вам — массажер для ног, пусть и бабушка им пользуется, хорошо?»

Тем, кто читал Пола Закарию, это может напомнить один его рассказ, в котором сын, находившийся вдали от своей пожилой матери, держал в голове сотни мелочей, касающихся ухода за ней. В письме даме, откликнувшейся на его объявление о поиске сиделки, он все подробно разъяснил, сначала описав удобства, зарплату и

прочее. И написал, что остальные братья и сестры находятся в разных местах, «а я беру на себя все заботы о любимой матушке и буду приезжать к ней раз в два года. Ты же будешь жить с ней. В девять часов будешь будить ее тихим голосом. Только не тряси. Легонько разотри ей ладони и лоб. Если, проснувшись, узнает тебя, приветливо улыбнись, а если нет — с улыбкой напомни, кто ты. Потом подними изголовье кровати, подложи под спину подушку и помоги сесть, наклони чуть вперед ее тело и аккуратно разомни всю спину и плечи. Потом с помощью Со-саммы — еще один персонаж рассказа — усади ее на унитаз. И все время улыбайся, потому что, после того как мама встанет, ее должны окружать только любовь и радость, это благотворно влияет на душевное и физическое здоровье. Пока мама будет сидеть на унитазе, сиделка должна похлопывать ее руки или спину — одной рукой. В 9.20 нужно протереть ее губкой. В это время продолжай разговаривать с ней о каких-то памятных моментах. О чем-то приятном. О счастливых моментах из своей жизни. Или о нас, ее детях, или о наших детях — всегда что-то ободряющее».

Одним словом, для будущей сиделки были расписаны указания на каждое мгновение маминой

жизни: когда она спит, просыпается, в постели, в туалете, в кресле-каталке и так далее. И даже такая тонкость, что, когда солнце будет садиться, ее нужно привезти на балкон и развернуть лицом к закату, заблокировать колеса, опустить ограничитель, чтобы она не упала вперед, и оставить одну. Пусть насладится уединением.

Он заботился о каждой мелочи, хоть и был за семь морей. Сын из рассказа Пола еще дал такое указание: «В 9.30 вечера уложи маму спать и, заглянув ей в глаза, пожелай спокойной ночи и сладких снов, посмотри, улыбается ли она, и нежно поцелуй ее в голову, потом в щеку, а потом в губы — от нас от всех, ее сыновей и дочерей, и скажи: «Дорогая моя аммачи[166]». Так начинаешь думать, что сиделка на самом деле медиум, через которую дети передают свою любовь.

Выставив все эти условия, сын из рассказа так завершил свое письмо: «Если ты согласна на это, то мы готовы провести собеседование на должность сиделки для нашей мамы».

В этой семье Закарию никто не читал. Но сыновья — это сыновья, в рассказе они или за его пределами, и жена Старшего сказала:

---

[166] Примечания: 166
Аммачи — «мама» на малаялам.

— Посмотри, как он заботится о бабушке, даже оттуда, и обо мне тоже, не хочет, чтобы вся моя жизнь превратилась в одну только заботу о ней и о доме, и, несмотря на работу, обязательно звонит раз в два дня, даже оттуда он делает все для нас, и я не чувствую себя одинокой.

— Упакуй ее вещи! — спустя вечность Старший заговорил с сестрой — и это был приказ.

Конечно, она была недовольна.

— Пусть сначала поправится.

— Я пойду, — тихо сказала Мама, посмотрев на Дочь.

Почему, когда дело идет к смерти, матери вспоминают про сыновий дом? Кришна Собти рассказала об этом в своей новелле «Эй ты, девочка».

Опершись на трость, Мама склонилась над ней и начала кашлять.

— Пойдемте внутрь, — сказала Дочь.

Кашляя и дрожа, Мама подняла трость. И голову. Дрожащая поднятая трость была похожа на длиннющую спичку, которая, подхватив искру пылающего закатного солнца, стала зажигать светильники, укрывшиеся в листве стоящего рядом дерева. Повсюду мерцали красные огоньки. Мама прислонила трость к ветке дерева, как буд-

то она тоже была его веткой. Откликнувшись на призыв, прискакала птица. Солнце разрасталось, и, сев на трость-ветку перед Мамой, она стала еще чернее, а глаза ее покраснели. Выводя свои длинные трели, она пыталась вернуть Маме ее мелодию.

— Через границу, — сказала Мама.

Почему-то все замолкли, чтобы послушать песню птицы и Мамы. Перелив свиста. Плач в разлуке, призыв к воссоединению.

Черная птица свистит. Перед малюсенькой женщиной.

Где бы она ни была, она только здесь, перед этим деревом, этими зарослями, в этом свете — и сейчас.

Потом птица улетела.

И тогда засвистела Мама, как будто она была не в переполненном людьми доме в густонаселенном городе, а в затерянной пустыне, где свист разрастается в пустоте и медленно-медленно умирает.

81

Слеза падает с грохотом камня. Капля дождя.

Сколько есть всего, о чем мы даже не догадываемся, но в это никто не верит. Этот мир

одержим поисками причин случившегося. У одного тела могут быть разные жизни. А то как бы тяжеловесный Тадж-Махал, сделанный из твердого камня, мог парить в воздухе подобно клочку ваты?

Камень взлетел, как лист бумаги. Капля упала, как камень. Камень остается камнем до тех пор, пока он камень. Тяжелый, твердый, неколебимый, недвижимый. Как только по нему пробегает дыхание, камень начинает дрожать. Становится бумагой и плывет. Бумага трепещет, и по ней летит история — только что появившаяся на свет.

Вдоль границы разбросаны красные отблески, напоминающие вышедшие из-под пера слова.

Рубеж, граница другой границы, на границе, с той стороны границы.

На границе песок. Как в пустыне. Песок ждет. Остановлен. Песчаное ожидание. Пустыня задержанного. Это и есть граница. Часть с одной стороны, остальное — с другой. Пересекаешь, чтобы прийти или чтобы уйти. Безграничная торговля.

Драматично. Но это понятно. Ответы есть. Я — где бы то ни было, а ты — там. Там ты — это я, здесь я — это ты. Ожидание их встречи. Если

встретятся, то это любовь. Тело и душа падают в пески, тонут и наполняются им.

Уменьшающаяся женщина свистит так, как будто это в пустыне дует ветер, не знающий преград, и медленно-медленно, слой за слоем начинает разлетаться песок, обнажая формы, покоящиеся в самадхи.

82

Как в игре. Когда дети бегут, чтобы прыгнуть, но внезапно раздается: «Паспорт!», и они чуть не валятся с ног.

Мама просит у Старшего паспорт. Неужели не собирается ехать к нему, собирается в какое-то путешествие? Все поражены.

«Ладно, — втолковывали они сами себе, — последний рубеж, поможем исполнить ее мечту. Хорошо, что есть желание. А то уже испугались, что совсем слегла, как в прошлый раз. Устроим путешествие».

— Пакистан. — Когда Мама сказала это, все были уверены, что ослышались, и никто не придал этому значения.

Даже в этом возрасте желания остаются желаниями, и почему кто-то должен умирать с печалью от того, что не успел что-то посмотреть?

Поедем в Кашмир, Гоа, Кералу. Если хочет за границу, так пожалуйста, Сингапур, Шанхай. Когда Сид поедет туда по делам, возьмет ее с собой. Если захочет, можно отправиться на Шри-Ланку или Маврикий. Джумман туда ездил, в его отеле были стеклянные стены, и со всех сторон в них билось море. Да, при желании можно в Лондон, Париж, Нью-Йорк, там наверняка учатся или женятся чьи-то дети. Но надо уже учитывать возраст. Если все это не прельщает и хватит смелости, можно рвануть в Австралию. Ведь каждый раз Заморский сын звонит своей матери оттуда и зовет к себе, обещает все показать. Так пусть Мама поедет с Невесткой и тоже посмотрит. Побывает за границей.

Потому что Пакистан. Пакистан? Пакистан! Не бросать же Маму в водоворот громких лозунгов из романа Кришны Собти «Гуджарат: из Пакистана в Индию»? Нашу Маму?

И потом Пакистан так далеко.

На что Мама слегка огрызнулась:

— Он там, где он есть. Это мы далеко.

Как бы то ни было, если собралась в такую даль, то почему бы и не в Австралию? Там и дом будет. Но Пакистан? Кто ездит в Пакистан?

— Рози, — ответила Мама.

— При чем тут Рози? — закричали все разом, и, испугавшись криков друг друга, подпрыгнули.

Это называют одержимостью.

— Ей нужно было ехать.

— Она ушла.

— Чиронджи не взяла.

— И что?

— Я отвезу.

Старший, его жена, Кичлу Тая, доктор Мираси, К. К., Дочь — все подскочили и завопили, а потом замолчали и начали думать, что же делать.

Старший договорился с кем-то и сделал паспорт. Невестка сказала:

— Пусть ее душа порадуется, иногда бывает достаточно все спланировать, а до самой поездки дело не доходит.

Преисполненная сострадания, Дочь, отринув все предубеждения, подумала: «Рози всегда поддерживала Маму, и, если Мама теперь хочет отвезти чиронджи кому-то из ее близких, я непременно помогу ей в этом. В век ЛГБТ[167] я не хочу быть среди реакционеров».

— Мне поехать? — К. К. легонько толкнул Дочь. — Что плохого, если составим компанию

---

[167] Примечания: 167

Пропаганда ЛГБТ запрещена на территории Российской Федерации.

Маме и под этим предлогом тоже съездим — давно собирались туда с ребятами из пацифистской организации.

Мама сидела с ними, но как будто ничего не замечала, не осознавала и была расстроена. На празднике в честь ее дня рождения К. К. и Старший сидели рядом и спрашивали друг друга по очереди: «Еще что-нибудь выпить? Я налью?»

— Еще что-нибудь выпить? — спросил Старший у К. К. во время празднования восьмидесятилетия Мамы в Доме офицеров.

— Тетушка, бренди? — спросил К. К., увидев ее потухший взгляд. На что Дочь подала ему знак молчать.

— Ты, — Мама подняла трость и указала на Дочь, — поедешь со мной.

Это был приказ.

— Сейчас. — Она поднялась почти в самый разгар вечеринки и повернулась ко всем лицом.

Еле заметная прохлада, предвещающая наступление зимы, заставляла ее тело дрожать, но она позволила шали, которой жена Старшего укутала ее, бесцеремонно упасть на пол.

Как будто один за другим она сбрасывала с себя все слои: жена, мама, тетя, то, это, и наконец осталась одна она — обнаженная, никому не из-

вестная, принадлежащая только себе, нетронутая мыслями и заботами о ком-то другом.

В восемьдесят Мама стала эгоисткой.

83

Каждый раз подготовка длится вечность, а само событие заканчивается, как будто не успев начаться. Так бывает с экзаменами, публичной речью, жизнью, едой, детством, Маминым падениями и подъемами, и, вопреки всем ожиданиям, каждый раз она встает совершенно в другом настроении. То отправляется по ту сторону за мужем, то за Рози, то еще через одну границу.

Индия и Пакистан играют в игры. Один говорит, это крикет, пусть приезжают, другой говорит, это их певец, не давайте ему петь. Этот сказал, наши рыбаки ловят там рыбу — потопи их, тот сказал, он служил в армии, а теперь работает осведомителем — сдери с него шкуру. Среди всех этих перепалок визы то выдают, то — нет. Посольство — это такая божественная обитель, где иногда выигрывают совсем без подготовки, а иногда ходят с козырей и все равно проигрывают.

Невестка приехала на ужин в Президентский дворец. Наряд она выбирала особенно тщательно, так как на приеме были разные иностранные

послы — на ней были строгие черные брюки, кремовая блузка и черный пиджак из Австралии. На этот раз Рибоков не было, вместо них высокие каблуки от Кристиана Лабутена, купленные в магазине французской обуви. Жемчужное ожерелье, брошь, сияющая бриллиантами, а на запястье сверкающий браслет с часами. Сегодня она могла получить что угодно, все было ей под силу.

— И обрати внимание, — сказала она Старшему, — она занималась у меня йогой, это дочь пакистанского посла.

— Добро пожаловать в нашу страну, когда только пожелаете, — сказал посол. — Вы учили мою дочь.

— Слыхал? — Она была без ума от собственного наряда.

На следующий же день Сид отправился оформлять бумаги в посольство, кое-как заполнил анкету, и, когда служащий сказал: «Вы и подпишите», расписался за бабушку, за себя и за тетю. В графе «Какие города планируете посетить?» написал, что вспомнил: Лахор, Карачи, Исламабад, а что еще?

Когда страну разделяют, дружба и ненависть идут рука об руку, а визы и границы зависят от настроения — то пробиты, то размыты, то погру-

жены в самадхи.

Старший доехал с ними до Вагаха, и когда он смотрел, его взгляд был разделен надвое: между Мамой и сестрой, как будто он сам был границей — то пробитой, то размытой, то погруженной в самадхи.

Граница

1

Приехали в Вагах, где каждый рассказ — драма, а что ни повесть — то о разделе. Таковы хроники уменьшающейся женщины, или каждое сочинение и есть история раздела — любви, страсти, печали, отваги, боли в разлуке, ужаса резни?

Они присутствуют незримо — в воздухе витают духи. Или сидят — в ряд, как на официальном приеме писатели, и перед каждым стоит карточка с его именем. Бхишам Сахни. Балвант Сингх. Джогиндер Пол. Манто. Рахи Масум Раза.

Шани. Интизар Хусейн. Кришна Собти. Хушвант Сингх. Рамананд Сагар. Манзур Эхтешам. Раджиндер Сингх Беди. Всех и не пересчитать. А рядом актеры зачитывают их строки, извиваясь и балансируя, как акробаты.

Гани, герой рассказа Мохана Ракеша, сидит на груде обломков своего дома.

А там сидит Интизар Хусейн Сахиб и пишет свой роман «Селение». Сердце его полно печали: «Мы, молодая кровь, отправились скитаться в погоне за новыми горизонтами, думая, что избранные, вряд ли кто-то хотел покинуть родину и навсегда отвернуться от Дибаи. Разве знали мы, что, когда устремили свой взгляд туда, оглянуться назад уже не получится и обратной дороги нет?» Маулана, актер, читает его строки: «Все творили беззаконие над нами: и чужие, и свои».

«Я бесцельно брожу по городу, совершенно опустошенному внутри и безразличному снаружи», — читает актриса, открыв случайную страницу. Интизар Сахиб оборачивается и смотрит на нее, а она, похлопав его по плечу, продолжает читать ему написанные им же строки, как будто это она сама написала, а Интизар Сахиб — читатель. «Горько, когда переулки, пти-

цы и деревья не узнают тебя, а если узнают, на душе становится тоскливо». «Ты бродишь в поисках дерева ним, — печально говорит Интизар Сахиб, — но здесь ним, тамаринд, манго, бодхи — все смотрят отчужденно при виде меня».

С другой стороны шелестит страницами «История жизни», и какая-то актриса останавливается, чтобы по ним пробежаться. Тогда с этих страниц сходит Кришна Собти в совершенно бескомпромиссном наряде: на ней свободные гарара и курта пурпурного цвета, расшитые звездами, поверх них — теплая жилетка, а на голове — читральский паколь, в руке у нее все еще открытая ручка, и чернила не высохли. Ей она проводит линию от романа «История жизни» к роману «Гуджарат: из Пакистана в Индию» и дальше, дальше — как будто создает новые границы, которые будет перепрыгивать одна за другой, и поэтому ручка всегда наготове и всегда будет. Одна позабытая героиня следует за ней и, открыв книгу, тихим мягким голосом произносит: «УХинда Рао было четверо сыновей: Сийо, Тийо, Дхийо, а четвертого и называть незачем — он подбирал мусор за далитами. У Исламуддина тоже было четыре сына: Араб, Патхан, Тюрк, Могол».

Услышав это, со всех сторон начинают стекаться другие персонажи, как будто на звуки игры, в которой нужно складывать всевозможные слова или разбивать их на слоги. Вместе, отдельно, одно за другим, из совершенно противоположных лагерей и в странной театральной манере поднимаются, танцуют, хнычут и замирают лозунги, словно примериваясь, в каком сочетании они смогут раскрыться во всей красе.

«Раздался голос:

— Почему только твой?

— А почему не мой?

— Если не мой, то и не твой.

— Если не твой, то ничей».

Кришна Собти проводит ручкой линию, по памяти соединяет строчки. «Все пытались перекричать друг друга. Раздирали глотки в попытке извергнуть свой собственный голос».

Новая граница, новый скачок.

И тогда, кувыркаясь, появляется Бишан Сингх, безумный лунатик, из рассказа Манто «Тоба-Тек-Сингх», при каждом кувырке стражник стреляет в него, и из его тела струится тонкая красная струйка, которая брызжет фонтаном над сценой, образуя кровавые арки. Кто-то хохочет, кто-то трясется от страха. Бишан упивается

всеобщим вниманием и выделывает еще более замысловатые трюки в воздухе, тогда пули пробивают в нем еще больше дыр, и, рисуя все новые и новые красные круги, он начинает говорить на смеси английского, панджаби и урду: «Сверху the грохот the аппех the невнимательность к the мунг к the далу the лампочек».

Воодушевившись, актеры повторяют вместе с ним: «Сверху the грохот the аппех the невнимательность к the мунг к the далу the пакистанского правительства. Сверху the грохот the аппех the невнимательность к the мунг к the далу единого Гуру джи the хальсы и the победа только за единым Гуру джи».

На этих словах вместе с красной моросью по толпе собравшихся разлетаются брызги смеха.

Тогда кто-то объявляет:

— Это Вагах, прекратить шум.

Все замирают.

— Сядьте смирно.

Писатели статуями застывают на своих стульях, а актеры — в тех позах, в которых были.

Бишан Сингх тоже: одну руку он приложил к уху, другую — козырьком над глазом — поза человека, внимательно слушающего и смотрящего. Потом серьезно спросил:

— Фазалдин, где Тоба-Тек-Сингх?

Манто тихо отвечает:

— Где? Там же, где был раньше.

Бишан подпрыгивает. Но голос его становится серьезным и сдавленным, когда вокруг эхом разносится: «Это Вагах!»

Вдруг толпы людей — разодетые, деревенские, многие в военной форме — выбегают вперед. Вытаскивают стулья из-под писателей, засовывают их ручки им в карманы и направляют на них ружья и мечи. Писателям требуется некоторое время, чтобы понять, что под ними нет стульев, и поэтому несколько мгновений они остаются сидеть в воздухе.

Вообще, эта драма и ныне живущих, и тех, кто принадлежит поколению Кришны Балдева Вайда. Кто-то скажет две драмы бок о бок. Кто-то скажет две драмы смешались. Одна видна всем — это та самая драма юношей-данавов[168], которые носят форму цвета хаки по эту сторону ворот и черную — по ту, у тех и у других красные и черные тюрбаны украшены высоким плюмажем, что делает их похожими на пету-

---

[168] Примечания: 168

Д а н а в ы — мифические существа, сыновья мудреца Кашьяпы и богини Дану. В некоторых текстах описываются как гиганты, противостоящие богам.

хов и увеличивает рост с шести футов до семи, с их участием разыгрывается танцевальное представление «Да-здравствует-Индия-Ванде-Матарам-Да-здравствует-Пакистан-Да-здравствует-Великий-Вождъ». А вторая драма видна не всем — в ней эти писатели, которые есть и сейчас и всегда будут, даже когда исчезнет Вагах, и из-под которых могут вытащить стул в любой момент, и тогда они смотрят отрешенно в одну точку.

Еще и потому, что они никогда не могли понять, нужно ли им в ту сторону или в эту и где вообще эта сторона, а где та? Их шеи измучились вертеться туда-сюда, в глазах застыл вечный вопрос, а они сами, потерянные, бредут то туда, то, как будто подхваченные порывом ветра, спотыкаясь, разворачиваются сюда. С обеих сторон того, что все называют границей, раскинулось небо, и их взгляды, устремленные туда, никак не могут различить в нем границу — то ли они заблуждаются, то ли они и есть те люди, которые перескакивают через границу.

И вот они сидели там, отягченные думами, заблудшие странники, взволнованные писатели, и говорили друг другу: «Послушай, приятель, время и пространство перепутались внутри меня.

Иногда я совсем не могу понять, где я и какая сейчас юга» [169].

Они среди своего безлюдного леса, в своих пустых залах и потому не замечают, что, утащив их стулья, заявилась новая публика.

Было столько народа и столько патриотизма, что нехватка стульев была делом обычным.

Но в тот день Бишану из «Тоба-Тек-Сингха» вздумалось бунтовать. В другие дни его вращающаяся драма шла своим чередом, а сегодня он как будто был совершенно опьянен желанием сорвать танцевальный спектакль на границе. Что уж теперь рассуждать о том, почему день за днем обе драмы шли параллельно, каждая по своему пути, а однажды им взбрело в голову столкнуться? Просто все началось с Бишана, и никто ничего не замечал, было только видно крутящийся смерч и красные потоки, выписывающие круги, — все это приводило в смятение сцену Вагаха. Сверху раздавались приказы: «Немедленно схватить мятежника!», но ведь для этого нужно его увидеть, правда? И если не смогли поймать тогда, смогут ли теперь?

Конечно, все слышали этот грубый командный

---

[169] Примечания: 169
Период времени в индуизме.

тон, который до сих пор не может терпеть Кришна Собти. Она встала, выпрямившись так, что гвардейцы, направлявшиеся в ее сторону, замерли в бессилии. Собти предостерегающе погрозила пальцем: «Вы, сэр, довольно!» Как будто хотела сказать: «Неужто рискнете схлестнуться с “Тоба-Тек-Сингхом”?»

Стражники с обеих сторон ворот, и те и другие сусами и высоким плюмажем, пришли в замешательство. Как не потерять лицо и маршировать торжественно и гордо среди этих красных потоков? Капли падают на нос, уши, а ты даже не можешь поднять руку, чтобы почесаться, или мотнуть головой и увернуться.

Какое-то время продолжается неразбериха. Потом гремит еще одно объявление: «Солнце садится. Начинайте!» Огромные ворота между двумя странами с лязгом открываются, толпы людей усаживаются по обе стороны — в Индии и Пакистане, и, вышагивая, появляются парадно одетые военные в высоких ботинках и с высоким плюмажем, колышущимся, как флаг.

К этому моменту писатели уже встали, но в недоумении бродят, не решаясь пойти туда или сюда, а Бхишам джи стоит у ворот, смотрит с удивлением в другую сторону и падает. «Боже,

они проломили череп генералу», — печально произносит он. Стоящая позади актриса читает строки из его романа «Тамас»: «Куда делась его трость, его дырявый темно-зеленый тюрбан и изношенные сандалии...» Она замолкает, и Бхишам джи берет свою книгу из ее рук.

— Ты, — говорит он.

— Я, — говорит она.

— Ты ведь хочешь знать, произошло ли здесь что-то? Послушай, — говорит он еще печальнее. Потом пишет и тут же зачитывает: — Рассказывай или не рассказывай — особой разницы нет.

По Хушвант Сингх, рыча, как лев, и не оглядываясь по сторонам, выпрыгивает на ничейную землю, и его размотавшийся тюрбан, подобно третьему флагу, развевается на ветру. Тогда Бишан Сингх резко запрокидывает голову к небу и кричит на панджаби: «Эй, птица, куда летишь?» — Его голос эхом доносится и сейчас.

Видел его кто-то или нет, но все услышали, как в небе шелестят крыльями тысячи птиц, и кто где был, там и остановился, чтобы на пару мгновений взглянуть наверх и увидеть птиц и их крылья. По их нигде не было видно. В газете написали, что происходившая в тот день драма — тайна, покрытая мраком, и никто не знает,

были ли то птицы, НЛО или голоса минувшей бойни.

Оба усатых парня тоже непроизвольно запрокидывают головы назад, но тут же снова выпрямляются, опасаясь, что сегодня им достанется и за это, и в момент этой разделенной тревоги они встречаются взглядами до начала шоу. Они смотрят друг на друга с симпатией, как попутчики. А во время шоу будут таращить глаза с ненавистью.

Что бы ни случилось, спектакль должен продолжаться. Вокруг царит атмосфера патриотизма, народ уселся, и только глупые писатели упрямо стоят, а женщины в военной форме, которые их видят, но не узнают, покрикивают на них, как на пасущийся скот, но с уважением, и рассаживают среди людей.

Только Сингха из «Тоба-Тек-Сингха» не удается никому поймать. А в небе все раздается шум птичьих крыльев.

И вот толпа уселась, и, кроме растерянных писателей, у всех в руках мобильные телефоны, которые они подняли вверх, — в каждом мобильном полыхает закатное солнце, сжавшееся до размеров экрана, и кажется, что они держат зажженные свечи.

«Не молитва ли это?» — хотят спросить писатели, но все органы чувств собравшихся устремлены только к стражникам-великанам, которые, чеканя шаг, с разных сторон выскакивают на дорогу, идущую между усевшимися людьми.

По патриотическому рычанию, раздающемуся с мест, становится ясно, что это не спектакль при свечах.

Рахи Масум Раза пишет: «Эта улица молчит, никого не спросила, кто он, зачем пришел и куда идет».

Какой-то актер повторяет строку: «Эта улица молчит, никого не спросила, кто он, зачем пришел и куда идет». Услышав это, Рахи Масум Раза поворачивается в его сторону. Актер приветствует его. Рахи Масум Раза приветствует в ответ.

— Останетесь ненадолго? — спрашивает актер.

— Какой смысл сейчас оставаться? — отворачивает лицо он.

Толпа заревела. «Сколько можно ждать?» — подзадоривает один другого.

Услышав свое имя, с достоинством встает

Интизар Сахиб[170]. Одетый в пальто с закрытым горлом, он никого не замечает. Голос его печален: «Теперь мы должны умереть. Разные времена повидали. Ито, что видеть было не нужно. И мочи нет смотреть, что будет дальше. — Стоя посреди собравшихся, он продолжал говорить с чувством полной безнадежности: — Разве есть в эту годину кто-то в твердом уме? Люди потеряли полстраны и до сих пор не пришли в сознание».

Но видел ли его кто-то, слушал ли? Что же, люди зря потратили время и деньги, чтобы приехать в Вагах? Ждали-ждали, а теперь не будут смотреть шоу?

И тут начинается сногсшибательное зрелище. Разудалый военный танец, обе партии которого наверняка долго репетировали. Во время репетиций нет места вражде. И уж, наверное, было много смеха и шуток. «Ты так высоко задерешь ногу, как будто хочешь пнуть себя в голову, а я задеру так, как будто хочу разбить свою. А потом зыркнешь на меня так, как будто хочешь сожрать заживо, а мои яростные взгляды будут лететь в тебя, как бомбы и пули». Но теперь, во время шоу, на сцену выходит вражда. Меч со

---

[170] Примечания: 170
«Интизар» переводится с хинди как «ожидание».

свистом рассекает воздух. Ружье с лязгом подпрыгивает и кувыркается. Издав обезьяний клич, они встречаются взглядами. Они так размахивают кулаками, что плюмажи на их тюрбанах начинают яростно трепетать. Как в искусной драме — ни за что не различишь, где чувства настоящие, а где поддельные.

«Битва или игра?» — напряженно вглядываются некоторые. Писатели тоже. Манто опустил голову: то ли уснул, то ли расплакался.

А Кришна Собти, конечно же, и сейчас гневно грозит пальцем: «Сэр, довольно!»

Ио Сингх из «Тоба-Тек-Сингха» в ударе. Он пытается усложнить маневры стражников своими красными салютами[171] и теперь выдумал кое-что еще. До сих пор, несмотря на разные выходки, ситуация была под контролем, ведь патриотизм крепок, но Сингх осваивает все новые и новые приемы. Внезапно выскакивает из укрытия и сравнивает с землей чувство национальной гордости, возросшее до небес. Громогласные призывы патриотов дрогнули, а из-под оголтелой решимости стал подниматься взволнованный напряженный ропот: «Будьте бдительны, поймайте его, иначе

---

[171] Примечания: 171

Lal s a 1 a ш («красный привет» на хинди) — приветствие коммунистов в Индии и других странах Южной Азии.

нас ждет провал». Потому что поверх шелеста птичьих крыльев или чего бы то ни было, кровавых фонтанов и лозунгов, заглушивших бы даже вопли на матче по крикету, «Да здравствует Индия!», «Да здравствует Пакистан!», «Да здравствует великий вождь!», «Слава матери Индии!» гремит: «Сверху the грохот the аппех the невнимательность к the мунг к the далу the Пакистана и Хиндустана the как же вам не стыдно».

Кажется, среди публики есть сыщики, одетые в штатское, их глаза бегают по сторонам, как у роботов, но Бишана поймать не удается. Ускользая от взглядов и военных в форме, и военных в штатском, он неожиданно возникает где-то среди толпы и начинает кричать. Скачет, кувыркается, выпрыгивает по обе стороны ворот, и никто не может остановить его.

Среди скандировавших «Да здравствует Пакистан!» он закричал: «Хар Хар Махадев», солдаты кинулись его ловить, но он, толи перемахнув через ворота, то ли проскользнув снизу, очутился на другой стороне и закричал: «Вода Замзама[172], ваше превосходительство». Какой-то ярый патриот, намеривший у себя во лбу семь пядей, ударил

[172] Примечания: 172

Священный колодец в Мекке, посещение которого является частью хаджа.

в него кулаком, но он просочился сквозь кулак, как дым.

Идея с кулаками понравилась Сингху. Он колотил по бедрам гигантов и с той и с другой стороны и тут же исчезал, а их безжалостные ноги подкашивались, на форме оставались следы. Им удалось удержаться на ногах, но дыхание сбилось. Они не могли повернуть голову, чтобы посмотреть, кто их атакует, поэтому он мог появиться откуда угодно в любой момент и свалить их. Остальные тоже все вглядывались: «Кто это? Обезьяна или какая-то нечисть? Куда подевалось это привидение?»

Нынче Бишану Сингху отлично удавалось внезапно появляться и так же внезапно становиться бесплотным. Вот он пощекотал за талию гвардейца в тюрбане с танцующим плюмажем — тот выгнулся, но, будучи малым смышленым, тут же выгнулся в другую сторону, как будто так было задумано в его воинственном танце. А гвардеец, стоявший с другой стороны, вслед за ним нарочито выгнулся в обе стороны сам — чтобы не отставать.

«Что бы теперь предпринять?» — с этой мыслью Бишан выхватывает из рук писателей и актеров любую книгу, какую вздумается, откры-

вает и, почти крича, читает. Когда вперемешку с обычными лозунгами стали звучать литературные строки, ладно народ, даже писатели пришли в недоумение. И так стояли они в замешательстве, силясь что-то понять, и когда узнавали собственные строки, приветствовали их, как бы говоря: «Так это же мое несчастное творение». Например, когда он взял «Сухой баньян» и в воздухе эхом разносилось «даже сожженный дотла во время погрома, дом продолжает называться домом», вздрогнув, повернулся Манзур Эхтешам, а потом снова замер, как будто признавая вину, после этого, смутившись еще больше, он согнул свое длинное тело, наклонился так, чтобы сделаться совсем невидимым, и на цыпочках стал выбираться оттуда.

Но тот, кто год за годом погружался в безумие двух стран, сегодня был совершенно не намерен проявить даже каплю снисхождения. То, что случилось позже этим днем, — это граница, край границы, за пределами границы.

Солнце садилось, и настал момент опускать государственные флаги с обеих сторон. Разодетые гвардейцы, пытаясь скрыть спешку, хотели поскорее и как можно лучше выполнить свои обязанности. С особой горячностью они пожали

друг другу руки, как будто говоря: «Дружище, мы сегодня заодно, враг — кто-то другой». Остался завершающий эпизод танца. Снять сверху оба флага.

Лозунги взметнулись так, как если бы это были руки-ноги, с проворностью обезьяны вскарабкавшиеся вверх по флагштоку, чтобы теперь доставить флаг вниз. Если шум за пределами сцены достигает того же уровня, что и на ней, спектакль начинает казаться пошлым — таким он и казался. И вот тогда что-то случилось. Хулиган выскочил, как обезьяна. И как сумасшедший. Прыгая с одного шеста на другой, как циркач, он мешал снимать оба флага. Стражники в панике. С обеих сторон. Если резко потянуть, веревка может порваться. Но почему она не тянется? Они беспомощно посмотрели друг на друга: «Дружище, давай держаться вместе, сохраним нашу честь, помогай!» В душе они боялись, что начальники обвинят их и вышвырнут со службы. Но сегодня флаг был свободен. Потянешь вниз — а он взмывает вверх, рванешь изо всех сил — застревает на месте. С обеих сторон.

Все внимание публики было устремлено туда. Зрители забыли свои громкие лозунги и смотрели, потрясенные. Вокруг опустилась тишина. С

обеих сторон раздавались телефонные звонки, и куда-то отправляли гонцов, и в мгновение ока, маршируя, показался высший офицерский состав. Прямиком к воротам. «Флаг должен быть снят», — рычали они сдавленным, но командным голосом.

Превосходство, написанное на лицах чудовищных гигантов, таяло и растушевывалось, как актерский грим под палящим солнцем. Они превратились в огромных ягнят. Позор и унижение.

Все взгляды были прикованы к флагам. А флаги выплясывали по-обезьяньи. Гвардейцы были не в силах что-либо сделать. Вместо флага они сами спадали с лица, и в конце концов от них осталась одна форма.

И тогда опять зашумели птичьи крылья, а вслед за этим все увидели, как оба трепещущих флага устремились вниз, но, не успев спуститься, взметнулись в воздух, как будто какая-то невидимая рука перебрасывала их туда-сюда. Трехцветный тут, а месяц там.

— О-о-о-о, — то ли заорала, то ли сделала глубокий вдох толпа.

— Скорее закройте ворота! — звучит приказ, как будто от этого флаги перестанут существовать. Раздается лязг металла, и проворность, с

которой полиция с обеих сторон берет в кольцо людей с фотоаппаратами, мобильными, а еще и журналистов, конечно, удостоится всяческих похвал.

Поэтому до сих пор ни в одной газете и ни в одном журнале нет новости о потерпевшем фиаско спектакле, в котором флаги рухнули на землю и совсем забыли, с какой стороны они были. Нигде нет фотографий. Возможно, какой-нибудь полицейский или военный из любопытства, а может, корысти ради, успел щелкнуть кадр, и через несколько веков какой-нибудь исследователь или потомок достанет его из забвения, начнет раскапывать эту историю, и тогда что-нибудь обнаружится. По пока был шум, а потом все затмила кромешная тишина.

2

Кто обращает внимание на маленьких людей среди этих возникающих-исчезающих спектаклей? Никому не было дела до их очереди, кроме них самих, да и среди них не многие в здравом уме и твердой памяти, потому как они продолжают путать прошлое с настоящим, а свою юность со старостью.

И как раз среди них была маленькая женщина

со своей стареющей дочерью.

Мама отказалась ехать дальше в машине с сыном и вышла, чтобы продолжить путь пешком. Как будто это была не она, а ее ушедшая подруга, которую подгоняло желание пересечь границу с кульком чиронджи.

Чтобы следовать дорогой души, нужно уловить ее поступь — Мама шла медленно-медленно, осторожно-осторожно.

На пути, ведущем в Атари, маленьких людей остановил мильный камень — так же, как в Лувре останавливает Мона Лиза. На нем было написано расстояние до Лахора — тридцать километров. Дорога вела в обе стороны от границы.

Женщина идет так, как будто каждым шагом покрывает сто лет. Рука Дочери в ее руке, опирается на трость. Сын смотрит издалека, в смятении и нетерпении, а что еще остается, как не развернуться, сесть в машину и отправиться в Амритсар?

На солнце было жарко, а в тени — прохладно.

Огромные пустые пространства, как на фабриках.

— Что это за фабрики? Они и раньше здесь были? — спросил кто-то из маленьких людей.

На пластиковых стульях, стоявших вдоль до-

роги, не теряя бдительности, дремали люди в форме. Есть такие птицы, которые при перелетах на дальние расстояния полуспят-полубодрствуют: наверное, военные учились у них.

— Они и раньше здесь были? — спросила одна из маленьких женщин.

Женщина-полицейский досматривала женщин:

— Что в сумке? А в этом кульке?

Толпа маленьких людей шла через большущие залы. Проверка после досмотра. Новенькие сверкающие иммиграционные залы. Здесь все ничьи. Те, кто были своими, уж давно позабыты. Зал огромный. Люди маленькие. Очередь длинная. Обездоленные и несчастные. Сверкающий и богатый. На головах узелки с вещами. Потухшие лица. — Привиты от полиомиелита? — Да, вот посмотрите сертификат. — Паспорт, виза есть или нет? Глаза военных в сомнении бегают по сторонам, пристально вглядываются и опять рыщут.

Чиновники чешут голову: «Что тут обыскивать? Узелок или фотографии?»

— Ничего запрещенного на них? Наши ядерные установки, парламент, военные объекты?

Пачка писем.

— Какие древние, иди-иди, забирай. Фотогра-

фии деревьев? Что за фокусы? Ну-ка рассказывай, брат, зачем везешь с собой это дерево? С той стороны, что ли, нет деревьев?

Никак не возьмут в толк, что кто-то хочет видеть все: родственников, деревья, камни, а кто-то хочет показать. Поскребли камень, посмотрели дерево со всех сторон — что спрятано в этих листьях, в этих листках?

Ничего не нашли. Того, что они научены искать, здесь нет. А то, что есть, они искать не научены.

— Навоз несет, что делать?

— Сухой или мокрый?

— Сухой.

— Нужно как следует упаковать.

— Как следует заверни в пластик. Пропустим, или пусть выкидывает?

— Да сам уже реши!

— Проходи, бхайя. И сокровище свое забирай!

Семена чиронджи. Контрабанда? Наркотики? Обе женщины не вызывают таких подозрений.

А это?

Статуя? Глаза Дочери округлились. Когда Мама упаковала? Испугалась, что в наше отсутствие Старший заберет? Вряд ли он будет вламываться в мой дом. Этот Будда обрел волю, возникает сам собой, когда вздумается и где вздумается. Ищет

свое место в истории? Офицер поднимает статую и рассматривает со всех сторон. Дочь делает безразличное лицо. Офицер молодой, статуя старая и принадлежит восьмидесятилетней женщине. Как будто остов из последних костей обтянут последними остатками кожи. Глаза глубоко впали. Ребра можно пересчитать. Юноша начал считать, но устал, сейчас много работы — не до развлечений.

— Проходите, садитесь.

Разрешил сесть в автобус.

Подъехали к воротам. То есть ворота с обеих сторон. От ворот Индии к воротам Пакистана.

Железные ворота открылись со скрежетом. Кто-то идет медленно, кто-то начинает бежать. Автобус остановился.

Некоторые продолжают идти пешком. Сухое дыхание сбивается в застывшей белизне палящего солнца, но они продолжают идти. Останавливаются. И снова идут.

Когда Мама вышла из автобуса, в ее глазах было то же оцепенение, что и на лицах вокруг. Граница чего? Мы отсюда или оттуда?

На клумбах росли цветы, и Мама наклонилась, чтобы протереть их. На руке осталась пыль.

Некоторые приехали, только чтобы повидаться

с кем-то. Старая женщина отсюда бежит и обнимает девочку оттуда: «Внучка, моя внучка!» Девочка смеется над бабушкиными слезами.

— Где это мы? — оглядывается она по сторонам. Откуда ей знать?

Короткие курты, длинные курты. Простые курты, расшитые курты. Какие-то шальвары, как пижамные штаны. Какие-то пижамные штаны, как шальвары.

Один приехал забрать кассету. Бебе не может ходить. Отправила свой голос.

— Дай мне, дай! Буду слушать каждый день.

Кукку, который был Парамджитом, младшим братом Шамли Деви, приехал из моузы[173] Кот-Халифа под именем Каримулла и весь в морщинах. Сын Шамли, никогда не видевший дядю, выскакивает навстречу рассматривающим его глазам и говорит: «О, вы приехали!» Стоя на нейтральной полосе, брат и сестра то ли с любопытством, то ли с упреком спрашивают друг друга и вздрагивают: «Это были мои слова: “Где ты был столько лет?”» Но если повторять это раз за разом, ответ все равно не найдется. Не знаешь — значит, не знаешь.

---

[173] Примечания: 173
Единица административного деления в Пакистане.

Сарабджит Коур тоже приехала. Отбросив накидку с лица, она ищет свою дочь:

— Где моя дочь?

— Кто твоя дочь?

— Амрит Коур, ей четыре года.

В другом конце автобуса сидел какой-то сардар. Сидевшая рядом Масума, дочь Сакины, коснулась его и назвала дядей. «Что это?» — оглянулся он и понял, что Сакина и есть Амрит Коур. Он ездил домой в деревню, где одна мать каждый день смотрела на звезды и спрашивала: «Какая же из них моя доченька?» Если звезда упадет, она сожмет ее в ладони, как светлячка. Это и есть Сарабджит Коур. «Вот она, моя доченька. А это доченька моей доченьки».

Зелено-белые ворота со скрежетом закрываются. Людей, как скот, разгоняют кого туда, кого — сюда.

Маленькая женщина вышла из автобуса со своей дочерью.

Пакистанский посол прислал машину, чтобы отвезти ее в Лахор. Рахат Сахиб приветствует их.

Маленькая женщина стоит с той стороны того, что называют границей, и медленно-медленно вращается, как земля, раздумывая куда пойти: туда или сюда? Как будто именно для этого дня

она надела одежу дервиша. Одежда тоже вращается. Остановив вращение, Дочь разворачивает ее вперед. На дороге, ведущей в Лахор. Дорога, на которой они стоят, называется «Великий колесный путь», и идет она и туда, и сюда.

Маленькая женщина стремительно идет вперед, как будто соревнуясь с дорогой.

3

Свами[174] нарисовал птицу. Друг спросил его:

— А почему птица?

— Наверное, видел где-то, — ответил он рассеянно.

— А почему сидит на утесе?

— Прилетела туда, — ответил он в той же манере.

Тогда весь мир посмотрел на все скалы и мысленно стал переносить на них птицу. А потом по всему миру стали появляться высокие утесы, и на каждом из них — крошечная, похожая то ли на каплю, то ли на бабочку, то ли на цветок, птица. Держится еле-еле, так, что может сорваться от одного только взгляда, но не срывается. Не

[174] Примечания: 174

Джагдиш Сваминатх (1928–1994) — индийский художник, поэт, писатель.

сорвется. Цепкая и крепкая, меньше самой маленькой, птица, которую никто бы не заметил, если бы не Свами, увидевший ее и запечатлевший взмахом кисти, и если бы мир не был сценой.

Так начинается игра. Птица и утес. Высокий утес. Крошечная птица. Утес, намеревающийся рухнуть, птаха, похожая на бабочку. Что же сейчас будет? Ох, что же, ах-ох? Камень упадет. Птица умрет. Пет-нет-нет. Камень поднимется, птица вздохнет, поймает рыбу. Камень растает, птица поплывет. О-го-го!

Свами, а почему бы не нарисовать потом воду и рыбу? Нарисовал.

Однажды он встал с мыслью: «А не взять ли сегодня другой цвет?» Разложил холст на полу — здорово, если здесь разольется вода и поплывет птица. Поднял тюбик с краской. «Какой выдавить: кобальтово-синий или красный, в который красят почтовые ящики?» На руке было пять пальцев, как это обычно и бывает. И они были привыкшие выдавливать краски. Но он, Свами, не машина. Человек, хоть и Свами. Пальцы, а не кнопки, которые всегда настроены на одну скорость и давление. И выдавилось слишком много.

В тот особенный день краска с детским ликованием превратилась в зубную пасту и стала

растекаться по холсту в неистовой радости. С проворностью, свойственной матерям, Свами бросился промокнуть пятно пенящейся краски своим дхоти, как будто убежавшее молоко — краем сари. Но с большой нежностью — чтобы не задохнулись рыбы.

Домотканое дхоти белого цвета с черной тонкой каймой, привезенное из магазина «Мригнаяни» в Бхопале. Он отпечатал его на холсте навечно, и в тот самый миг родился новый мир, который заполнила другая история. Начало жизни, в которой будут камень, и птица, и рыба, и вода, и бесконечное брожение на отпечатанном дхоти.

История течет беспрепятственно. Мама остается в ней. Женщины и их начинания.

4

Та дорога видела. На нее ступили две женщины. Пошли.

Дорога видела, как по ней проходили истории. Одни топали, другие подпрыгивали.

Извиваясь и закручиваясь, как река, дорога разгуливала от одной страны к другой и пересекала столетия. Она знала людской смех, понимала спешку, видела столько ростков страха, что они,

как кровь, наполняли ее вены. Наверное, ей не нравилось, что поднималось столько пыли и зеленый цвет деревьев, посаженных вдоль нее, едва пробивался сквозь коричнево-серые заносы, а в текущем рядом с ней канале, в котором в летние ночи мелькали светлячки, вода покраснела не из-за отражавшегося в ней рассветного или закатного солнца, а из-за кровавой примеси прошлых времен.

Однажды, в те прошлые времена, на шедший по дороге караван напали. А для разбойников резня, побои, крики, вопли — это праздник. (Вот есть один такой в Гуджарате, спросишь его: «Чем займемся сегодня?», а он отвечает: «Погнали на берег Сабармати», мы едем туда на машине, и его рыбьи глаза тут же, как рыбу на вилку, цепляют слипшуюся парочку, и когда развратники начинают заикаться от страха, наше настроение улучшается — и это тоже разбой, совершаемый по мановению сердца.) Видела дорога или нет, но там нападали столько, что все смешалось: кто бежал убивать, а кто бежал от смерти, угрозы, мольбы, живые и мертвые. Так один человек, видя, как на него летят мечи и топоры, поднял с дороги мертвого ребенка и в надежде спастись стал размахивать им перед собой, как будто

щитом.

Это все было неясно еще и потому, что бегущие ноги, колеса и копыта поднимали столько пыли, что все происходящее проплыло, окутанное вихрем. Во мраке смерча отец отрезал голову собственной дочери, муж вытащил пестик из горшков и подносов, которые несла на голове его жена, и убил ее. Со всех сторон был обман — большие сундуки были пусты, а жемчуг и алмазы прятались в узелках.

Дорога с удивлением смотрела, как несколько людей завязали в узелок драгоценности, деньги, золотые сверкающие-звенящие пуговицы и слитки, вручили его каким-то детям, сидевшим в повозке, запряженной быком, и прошептали: «Заберитесь на то дерево и сидите там».

Детей было двое. Пригнувшись, они вылезли и вскарабкались на дерево. На это дерево. Может, на эту ветку. Может, тогда было больше листьев. И они не были такими сухими и пыльными.

Наверное, у дороги проснулись материнские чувства. Забыв про всех остальных, она наблюдала только за детьми. Вдруг один из них случайно упал с ветки, второй ребенок и дорога одновременно закричали, но, к счастью, крик остался незамеченным среди поднявшегося смерча. Ре-

бенок вскочил и, даже не отряхнув с себя пыль, взлетел обратно на дерево, как будто за ним гнался медведь.

Или как будто забыл свою жизнь на ветке. Запихав жизнь обратно в себя, он, конечно, стал смеяться над этой шалостью. Стал, и что с того? Чтобы развлечь его, старший брат показал ему: «Смотри! Не плачь. Ха-ха-ха, видал?»

Двое мужчин бежали, привязав к толстой палке кусок ткани и усадив туда дряхлую старуху — как будто они сделали для нее качели. Или как будто деревенские жители убили гиену и теперь тащили ее в деревню, привязав к палке. Детей можно простить, потому что они были как раз в том возрасте, когда принято смеяться и играть.

Но когда двое мужчин, которые до сих пор несли и поддерживали эту женщину, почти что вышвырнули ее на дорогу и убежали, дети уже не смеялись.

Еще долго они сидели съежившись на том, вернее, на этом дереве и прижимались друг другу. Не осознавая и не понимая, они со страхом смотрели на то, что происходит на дороге, невинными глазами.

Дорога есть дорога. Кто она, чтобы вершить судьбу? Лежала безмолвно, но и у нее есть вены,

возраст и способность ощущать радости и печали. Далеко-далеко тянется ее извилистое тело, но ведь все ее — если хлопнуть по ней за сотни миль, звук эхом добежит сюда. Потому что это река, воплощенная в дороге. Река жизни, как окрестил ее один английский писатель. Как у реки, у нее нет ни головы, ни ног, ни начала, ни конца, и в этой беспрерывности — утешение. Если встанешь с этого края, то здесь начало, встанешь еще где-то — там. Кто сможет остановить ее течение?

Но все это было еще до того, как появилась бомба. По крайней мере, тогда казалось, что из маленькой она будет расти и расти, извиваться, кружить и бежать. Лошади, верблюды, мулы, пешеходы, проходившее по ней, щедро делились с ней своими успехами и оживляли ее. Вдоль дороги росли тенистые деревья, и можно было освежиться в водоемах. А сколько было постоялых дворов, где отдыхали после долгой дороги. Хочешь — наслаждайся песнями и музыкой, хочешь — спи, а хочешь — наедайся до отвала.

Но, умоляю, прекрати эти бесчинства и кровопролития! Если убьешь, стоя на мне, то можешь поранить и меня, ранишь. И те двое детей, сколько еще они будут болтаться на дереве?

Стоял такой крик, что было ясно: ничего не

прекратится. Беги сюда, беги туда, запрыгивай один на другого.

Посреди этой бойни на дороге молча сидел древний старик, соединивший руки в молитве. Вместе с дорогой он молился о том, чтобы все это прекратилось. Возможно, он сидел убитый, а руки так и застыли в молитве.

Тогда ребенок, тот, что младше, второй раз упал с дерева. На этот раз ему не удалось скрыться от глаз, и какой-то мужчина побежал к дереву, направив на него ружье. «Беги!» — закричало дерево, и малец заметался туда-сюда, что можно было принять за бег, а пули со свистом пролетали мимо, и ни одна его не задела. Но жизнь младшего теперь и его жизнь — старший спрыгнул с дерева и побежал за ним с криком: «Оставь моего брата, оставь!» Но пуля настигла младшего — он рухнул. Тут подбежал другой бандит и замахнулся ножом на старшего, в это время подошел тот, что застрелил младшего.

— Оставь его, — сказал он.

— Почему это? — спросил тот, что с ножом.

— Я его заберу, — ответил тот, что с ружьем.

Забрал. Куда, что случилось дальше — кто знает? Но дорога узнала Рахата Сахиба, когда спустя годы он вернулся и рухнул под то дерево. Пули

перестали свистеть, но его лицо впечаталось в дорогу, и она продолжала слышать его дыхание и всхлипывания.

5

Кто знает, увидели ли женщины? Или дорога увидела их? Как они шли вместе с Рахатом Сахибом.

Рахату Сахибу нравилась дорога.

— Пойдемте прогуляемся вдоль канала, — сказал он. — Погода чудесная, освежитесь.

Мама тоже наслаждалась дорогой. Прогулка в тени деревьев и разговоры о когда-то сверкавших в канале светлячках.

Дочь засмеялась: Мама — достойная ученица Рози, хорошо знает, что где сверкает. Такое любопытство в ее-то возрасте — даст фору любой молодости. С улыбкой она представила, как скажет К. К.: «Тебе не кажется, что молодость приходит не вовремя? Пока ты еще несмышленый и не успел пожить. Она приходит, уходит, а мы даже не замечаем. В старости должна приходить. После всего, что ты пережил и осознал. Тогда уже хорошо понимаешь свои желания и стремления. И каждая мелочь, каждый пустяк молодости приносит удовольствие. И осознание».

Рахат Сахиб и Мама шли впереди, Мама наклонилась и коснулась дороги. Она была такой маленькой, и казалось, дорога, которая была совсем близко, сама поднялась ей навстречу, как бы говоря: «Ну же, коснись и ты меня!» и Мама пальцем дотронулась до нее.

Старая скала — это не просто камень, в ней спят души ушедших времен и людей. Первый человек положил на нее руку, и если коснешься скалы, это ощущение пульсирует в твоем пальце. И ты тоже начинаешь ощущать себя первым бесценным творением всевышнего.

Женщины замолчали. Остановились на мгновение. Маленькая женщина протерла лица листьев, свисающих с ветвей дерева.

Теперь она не казалась уставшей. Но у Дочери закралось сомнение — не призывает ли она сейчас Рози вселиться в себя, чтобы, исполнив желание своей умершей подруги-няньки, отдать ей долг. Мама стала наполняться энергией Рози.

Рахат Сахиб смотрел на нее уголками глаз. Улыбался.

— Вы не выглядите уставшей. Порхаете под этими деревьями.

От радости, имел он в виду.

— Что же я, становлюсь майной или воробьем,

раз порхаю? — засмеялась маленькая женщина.

— Рози, — возникло в голове у большой. — Которая привела вас сюда.

Большую женщину охватило волнение: «Что такое внушила Рози Маме, что продолжает жить даже после смерти? Только из-за нее одной Мама становится не-Мамой. Внезапной и переменчивой. Удумала отправиться в самую сложную страну. Какой же одинокой я стала».

— Лодкой, апа, вы становитесь лодкой. Плывущей туда-сюда, как будто это не дорога, а вода. Покачивающейся на волнах. Неспроста в «Киме» Киплинг назвал ее «рекой жизни».

— Просто неровную поступь старости вы облекли в другие слова, и больше ничего.

И тут дорога накренилась. Или выгнулась. Мама пошатнулась.

— Ой-ой-ой, — подхватила ее Дочь. — Как вы идете? И на трость толком не опираетесь.

— Как королева, — сказал Рахат Сахиб, слегка рассмеявшись. — По великой дороге. Великой королевской дороге.

— Очень старая дорога, — сказала ставшая большой женщина, просто чтобы что-то сказать.

— Очень. Ее чинил Чандрагупта Маурья[175] и прокладывал дальше Шер-шах Сури[176].

— Вот это да! Вся история в одной прогулке, — сказала Дочь, просто чтобы что-то сказать.

Глаза Рахата Сахиба были наполнены мудростью.

— Эта дорога тянется на две с половиной тысячи километров. Она смотрит и вперед, и назад.

— Как мудрые глаза, которые смотрят и вперед, и назад, — не сказал никто.

Она смотрит на страны, которые были и которых не было. На караваны. Тонги, повозки, запряженные быками, грузовики…

Кровь, дым, стекло, золото, гной, набеги, беженцы и сухофрукты.

Глаза Рахата Сахиба смотрят и вперед, и назад. Он останавливается у дерева. Огромное тенистое дерево. На нем столько птиц, сколько жителей в обеих странах.

Утренний солнечный свет просачивается сквозь сеть листьев и ветвей. Над сетью раскину-

---

[175] Примечания: 175

Индийский правитель, основатель империи Маурьев (ок. 350–295 гг. до н. э.).

[176] Примечания: 176

Военачальник, правитель Делийского султаната, основатель династии Суридов (ок. 1486–1545 гг.).

лось лахорское небо. Он вдумчиво вглядывается, как будто примериваясь, куда бы забросить эту сеть.

Лахорское восходящее солнце блеснуло в его глазах.

Он положил руку на голову Дочери.

— Вы — другое поколение.

Мама стала называть ему имена и адреса.

— Рози обо всем позаботилась, — подумала Дочь, то ли отдаляясь, то ли обнаружив себя в отдалении. Начала читать надписи на ближайшем указателе. «Трасса Лахор — Дели».

— Дорога не знает препятствий, хочешь иди сюда, хочешь — туда, никакие визы не нужны, — сказал Рахат Сахиб.

Все засмеялись. А что им еще оставалось?

6

Мама спешила в Лахор. Когда она сказала: «Посмотрим Старый город», Дочь опять подумала, как же Рози ее хорошо подготовила, прежде чем отправить сюда.

Даже днем теперь было прохладно. Мама накинула легкую шаль поверх своей вышитой абайи. Как следует позавтракав и выпив чая на лужайке отеля Faletti's, они вышли втроем. Они собира-

лись посмотреть город и потом отправиться по адресам, которые были у Мамы, чтобы доставить чиронджи.

Рахат Сахиб показывал Лахор и рассказывал о местах, где они гуляли.

— Поедем, куда скажете, машина ваша, Лахор ваш.

Ему нравилось, что Мама, как заправский турист, останавливала его на каждом шагу: сделаем так и посмотрим вот это.

— Давайте заберемся на минарет мечети Вазир Хана и полюбуемся видами.

Задыхаясь и делая остановки, Мама поднялась наверх и стала разглядывать раскинувшийся под ними Лахор.

— Она часто смотрела, — сказала Мама, блуждая в воспоминаниях.

— Умерла, бедняжка. — Дочь тоже вспомнила Рози и сделала фотографию на мобильный.

— Посмотрим Лахорскую крепость, она любила гулять там, — сказала Мама.

Посмотрели.

— Посмотрим мечеть Бадшахи.

Посмотрели.

— Поедем к Рави.

Съездили.

— Как высохла, — сказала Мама как будто о старой знакомой. — Лахор весь зеленый, но куда ушла вода? Как же часто она приходила сюда, — добавила она, вспоминая.

«Наверное, таково свойство дружбы в старости. С кем бы она ни завязалась: с человеком, джинном или животным, нравится быть только с ним, а когда он умирает, дружба продолжается. — Дочь сама с собой делилась смелыми психологическими выводами. — Ага, вот о чем они беседовали с Рози, сидя у меня на балконе и на ступенях гробницы. Готовили пакистанское кхичди. Рози сыпала своими знаниями и соблазняла Маму, мол, возьму с собой, увидите это, покажу вон то. Оказавшись в моем доме, Мама начала видеть новые сны, захотела поехать в Пакистан. Теперь, когда Рози не стало, я отвезу ее и покажу то, что показала бы Рози. А Мама хорошо делала домашнюю работу — вызубрила весь список того, что нужно посмотреть».

— Поедем в Монтгомери Холл, — сказала Мама. — Оказывается, там теперь библиотека и он называется Кайд-э-Азам. А еще скажите, где Сады Лоуренса? А рынок Толлинтон?

Потом сказала:

— Поедем к воротам Мочи и в сады Мочи.

Потом сказала:

— И почему же так все высохло?

Наверное, Рози говорила, что они все в пышной зелени.

— Здесь политические лидеры произносят свои речи и дети играют в крикет, но делаются попытки опять сделать парк, — сказал Рахат Сахиб.

Что касается магазинов, которые нужно посетить, то казалось, у нее тоже был с собой список, составленный Рози. Магазины были и с виду такие же, как с той стороны, да и товар ничем не отличался: сухофрукты, пластиковая ерунда, коробочки, пузырьки, специи, еда — все, что можно найти на Карол Баг и Чандни Чоук. Но внутри Мамы была Рози, и в ее глазах, которых теперь стало четыре, все казалось новым и необычным.

Потом сказала:

— Возьмем кхатаи[177] в том магазине — там отлично делают.

Мама идет в ногу с Рози. В каждой радости, в каждом стремлении угадывается Рози. Каждый шаг восполняет желание, ушедшее вместе с ней.

Теперь Дочь с любопытством наблюдает, как Мама, будто сама превратившаяся в Рози, по-

---

[177] Примечания: 177

Порошок из высушенных недозрелых манго, используется в качестве приправы к разным блюдам.

казывает Лахор ей и Рахату Сахибу. Мама идет впереди, они следуют за постукиванием ее трости. Рози шепчет ей в ухо: «Сейчас поверни направо, а сейчас — налево», и она поворачивает.

Среди снующих велосипедов, скутеров и нищих под предводительством Мамы идут Дочь и Рахат Сахиб.

— В Анаркали, — говорит Мама, — она все покупала на базаре Вано.

Когда добрались туда, говорит:

— Не помню точно.

Сколько из услышанного-рассказанного удержишь в памяти?

— Ничего страшного, — утешает Дочь. — Пойдемте.

— Да, пойдем, — соглашается Мама. — Пить чай вон в той дхабе.

Им нужно выпить чаю в какой-то дхабе на углу старого квартала Анаркали.

— Она пила там, — говорит Мама.

Похоже, ей приходится прилагать усилия, чтобы вспомнить, что говорила Рози, и поэтому она исследует весь район.

— Вон та дхаба, — показывает она.

Узнала или, может, решила, что это та самая.

Что-то обсуждают с Рахатом Сахибом. Опять

всплывают записанные на бумаге имена и адреса. Дочь разглядывает переливающийся и сверкающий Анаркали, сама идет в несколько магазинов и возвращается с парой сандалий, украшениями, костюмом из синели, пепельницей для К. К., резным подсвечником и гравированным крючком для ключей. До нее доносятся слова «Делийские ворота» и «Сурадж Сингх Гали».

Какая же Рози везучая! Захотела кому-то передать чирон-джи, так сердобольная Мама принесла ее на своих плечах. А я Маму — на своих. Ну и пусть, сдюжим. Хоть Рози и внутри нее, но теперь я за все в ответе.

— Вы пришли с той стороны? — спрашивает хозяин дхабы на панджаби. Угощает пакорами.

7

Когда они дошли до Сурадж Сингх Гали, Дочь заметила, что глаза у Мамы зажмурены. Застыла у Делийских ворот. Чтобы рассмотреть карту, отпечатанную на сердце, нужно закрыть глаза. А еще, чтобы спросить совета у души, поселившейся внутри тебя. Разговаривает с Рози, но может показаться, что сама с собой.

— Что слева? Шахи Хаммам. Впереди базар. Люди прихлебывают чай из фарфоровых пиалок.

Пойдем потихоньку вперед. Старые разваливающиеся дома, свисающие с них оголенные провода. Они сплелись наверху, а внизу — переулки. Взлетели голуби. Показалась кошка.

Продолжает говорить, как будто рассказывает душе-спутнице, где и что происходит, — рисует картину. Если та соглашается, делает следующий шаг.

Уже почти развернулась. Медленно-медленно идет дальше по переулку и перешептывается с Рози. Что только думают местные, видя женщину, которая разговаривает сама с собой и явилась с той стороны?

Дочь хочет вмешаться, но Рахат Сахиб подает ей знак идти тихо. Как будто нет ничего странного в том, чтобы прийти с той стороны и беседовать с призраком. Из одной превратиться в двух.

— Магазин воздушных змеев, — говорит Мама и показывает на него так, как будто все знает. — Где дерево?

Дерево, какое дерево в этих узких переулках? Где даже одному нелегко протиснуться. То локтем заденешь, то нога провалится в канаву.

— Мама, дерево?

— Дерево с синдуром.

«Рози, Рози, — хочет разозлиться Дочь, но что

толку злиться на мертвых? — И все-таки что она там нарассказывала Маме? Искать синдур? Здесь?»

Спросила одного, спросила другого — Мама расспрашивает. Рахат Сахиб не теряет терпения: ведь она пришла с той стороны границы, гость.

— Это шиитское? — спросил кто-то. — К которому приходят во время Ноучанди Джумерат?[178]

И правда, было дерево все в красных точках-тиках. Выходит, Рози была шииткой, а Дочь так и не знала об этом?

Мама озиралась по сторонам, как сумасшедшая. Потом сказала:

— Здесь нет, вернемся к Делийским воротам.

Чего нет? Адресов, которые дала Рози? Они же записаны, можно показать кому-нибудь, и он поможет найти. Или еще какое-то туристическое место? Обязательно нужно все посмотреть? Но почему вот так, обшаривая тростью?

Рахат Сахиб вывел обратно к Делийским воротам. Мама опять встала, изучая окрестности. Потом сказала:

---

[178] Примечания: 178

Вечер первого четверга каждого месяца по исламскому календарю. В этот вечер устраиваются праздничные собрания, поминаются пророк Мухаммед и его семья. Традиция распространена среди шиитов Индии и Пакистана.

— Туда не пойдем, а пойдем сюда, в сторону переулка с тем деревом.

Отмеряя и выверяя каждый шаг, она шла вперед.

— Посмотри на это, а теперь на это, — говорила она то ли себе, то ли Рози.

Локомотив, тянущий за собой вагоны.

Теперь Мама двигалась с закрытыми глазами. Как будто так будет лучше видно.

— Господи, да разве так можно ходить? — вырвалось у Дочери. — Мама!

Рахат Сахиб потянул ее назад.

Мама с закрытыми глазами впереди. Повернула налево, потом опять налево. Они оба за ней.

Забыв день сегодняшний, открыв дорогу памяти.

Мама остановилась у какой-то водосточной канавы. В ней текла вода. Она не казалась грязной, но все-таки это была канава. Здесь она открыла глаза и долго смотрела на воду. Потом ее рука, обводя тело, заскользила вниз и остановилась между ног.

— Она писала в эту канаву, когда была маленькой, если не могла терпеть.

Женщина в окружении мужчин, рука между ног, стоит беззаботная под лахорским небом,

пришла с той стороны.

Кончики ушей у Дочери горят от стыда. Что это такое Рози рассказывала Маме? Она попыталась вернуть Мамину руку на место.

Мама освободила руки и стала с новой силой вглядываться в переулки, как будто могла видеть вдали. Что-то неопределенное, словно стала рекой с двумя головами, которая может течь и сюда, и туда. Тот самый миг, когда встречаются два потока. Застывший миг. Ставший водоразделом.

Решила пойти в тот. Самый узкий переулок. Стены с обеих сторон сами поддерживали их за локти. Разве нужна тут трость? Мама отдала ее Дочери. И нужно ли держать глаза открытыми? Опять закрыла. Так и не открывала.

Остановилась. Шедшие позади тоже. Дотронулась руками до стены, чтобы убедиться в том, что она шершавая, как говорила Рози.

— Та самая? Да?

Она шла с закрытыми глазами, касаясь рукой стены. Как будто доверившись переулку, который, взяв ее за руку, вел куда пожелает.

Переулок нес ее. Дальше стена стала очень старой. В ней была дыра размером с маленькое окно. Мамина рука провалилась в нее, и тогда она засунула туда голову. Замерла. Не открывая

глаз. С той стороны в крыше тоже была дыра, такая, что если свалишься сверху, то не упадешь, а застрянешь — наполовину наверху, наполовину вися. Ее прикрывал брезент, на который Мама посмотрела, полуоткрыв глаза.

— Все еще? — спросила она у дыры в крыше.

И быстро опустила веки, чтобы не исчезло все то, что было теперь видно.

Остановилась на пару мгновений, казалось, чтобы вернуться обратно в сон. Но вдруг пошла так, словно ноги забыли, как делать шаги, и вели себя как сумасшедшие. Она не ставила сначала одну ногу, а потом вторую, но обе ноги поднимались вместе, чтобы шагнуть. Как будто боялись, как бы одна не осталась позади. Как будто дали обет ни на секунду не разрывать свою связь, и то, что должна узнать одна, тогда же должна узнать и вторая. Как будто два тела и одна жизнь.

Мама не то скакала, не то бежала вперед. Туда, где заканчивалась стена и была маленькая красная площадка, к которой вели ступени.

— Мама! — Испугавшись, что она может споткнуться, Дочь бросилась подхватить ее.

Но на этот раз Рахат Сахиб сильно схватил Дочь за плечи и потянул назад, так, что она в удивлении уставилась на него.

Мама запрыгивала на ступеньки, все так же беспечно поднимая обе ноги сразу, перескочила через красную площадку и оказалась у двери.

Старая толстая дверь зеленого цвета, отделанная узором из трещин, с тяжелой железной цепочкой.

— Это дом брата ее матери, — прошептала Мама, но шепот был больше похож на крик.

На двери не было видно таблички с именем, но была вывеска, на которой на урду было написано: «Здесь можно купить оборудование для крикета». Мама прочитала вывеску и подергала за цепочку.

Здесь гремела цепочка, а там, с другой стороны переулка, из крошечного дома вышел старик. Столетний. Длинная борода, глаза, затянутые паутиной.

— Из семьи доктора, — сказал он, увидев женщину, схватившую дверную цепочку. — Дочь доктора пришла, — провозгласил он переулку и, забравшись на две ступеньки, положил руку на голову женщине, стоявшей на красной площадке.

От этого шпильки, державшие на ее голове пучок, упали, а волосы рассыпались, и тогда, чтобы бережно подобрать их одна за другой, со

всех сторон переулка стали выходить люди.

8

Много лет назад жил такой Бхупен Кхакхар. Он рассказывал истории с помощью кисти. Истории про женщин, хотя ему самому нравились мужчины. Их он одевал в женские одежды и наделял женскими манерами. Он знал, что истории нельзя запереть в коробку, холст или взгляд. И потому никогда не пытался. Напротив, каждый раз оставлял лазейку, пустое место, чтобы история могла свободно течь и выбирать свой путь сама.

Потому что истории никогда не заканчиваются. Выпрыгивают через окна, щели или еще какие-то отверстия, а если не находят, раскачивают землю и создают их для себя. Из того, что Бхупен оставил недосказанным, недописанным, незаполненным. Куда улетучились? Тут же и след простыл. Исчезли. Как обрывки мыслей. Став преданием, отдаются на волю ветра. Перепрыгивают границы. Как Мама. Раз за разом. А теперь вместе с Дочерью. Перепрыгнув через границу. Поднявшись из самадхи.

Фанатикам и правительству не нравятся ни самадхи, ни истории, ни Бхупен Кхакхар. А нравится запирать их. В папки, ящики, коробки. Никто не

говорит, что только за взятки и мошенничество. Но и за истории, особенно если они о женщинах. Пусть они не шевельнутся — тем лучше. Вырой могилу, да такую, чтобы никогда не разверзлась. Опусти туда женщин, чтобы сияние их померкло, цвет поблек, кожа сморщилась, кости истлели. Аромат испарился.

Фанатики не поднимают крышку, потому что им не нравится, когда аромат вырывается на волю.

Но они не боги — слава небесам! Хотя еще в одном рассказе Пола Закарии всемогущий бог приходит к великому музыканту и поэту Бабуке признать свое поражение и, сев перед ним, просит: «Научи и меня своим песням!» Непревзойденная сила искусства, выраженная в музыке и литературе и недоступная богу.

Поэтому и крышки скидывают. Аромат устремляется вверх, поднявшаяся волна подхватывает за собой образы, и история находит новый путь. Как из взбитых вод возникли Европа и Гималаи, так же из взбитого песка возникают истории. Новые следы на песке врезаются в старые. Образуя новые формы. Уничтожая границы.

Ветры — это бродяги, как и истории. Никто не может их остановить. Не может прижать

крышкой и закрыть в коробке. Ветру не нужны всякие там визы. У него, как и у истории, гибкость и пластика. Ветер или огонь? Или дым? Или аромат? Его составляющие нельзя порезать на куски и запихать в выдвижной ящик, как Рози.

А Рози так и осталась закрытой? Встала, вышла и идет впереди Мамы, позади Дочери.

Вот тебе и история.

Жил-был царь, жила царица, умер царь, за ним царица, перевернута страница?

Мальчик хохочет.

И жил-был царь, жила царица, и вот так, и наперекосяк.

Девочка смеется: «История еще не кончилась».

Жила-была Рози, жила сестрица.

Поднял кисть. Заполняет холст цветом. Потом Бхупен весь замирает. Часть не завершена, краска хаотично растеклась, как поведет себя дальше, куда потечет — пока затихла. Прыгнет, перескочит, история не кончается.

9

Но где Рози? Пока одна только сестрица да сестрица, а наша партия проиграна.

Если привык смотреть на что-то определенным образом, а все оказывается наоборот, то начи-

наешь злиться. Как будто это ставит под вопрос нашу способность правильно воспринимать окружающее. Везде, где мы привыкли видеть Рози, там Мама. Мы сами создали призрак Рози и увидели его. А ее там не было — была Мама. На минарете мечети Вазир Хана, на берегу Рави, на базаре Вано, у сточной канавы, у каждой двери, на красной площадке.

Все привычные в жизни ориентиры сбиваются. Кто повязал повязку на эти глаза, кто одурачил голову, кто эта женщина? Читает на урду и говорит, что «название нашей станции «Лахор» писали на четырех языках: урду, панджаби, хинди и английском».

— Мама, ты соврала, — сказала Дочь в номере Faletti's.

— Нет.

— Ты сказала, все это ее…

— Ее и есть.

— Рози…

— Ее, которая уехала отсюда. Это была я.

10

Не замечая человека, открывшего зеленую дверь, Мама проскользнула в дом:

— Порог, — сказала она, — запри как следу-

ет, — продолжила на панджаби, — и вместе со стариком глазами стала втягивать в себя дом, длинными-длинными глотками. Моргает, как в замедленной съемке: подолгу смотрит, открыв глаза, потом надолго закрывает. Люди, вышедшие один за другим в переулок, столпились за ней и за столетним стариком. Людей было столько, что было неясно, кто вышел из этого дома, а кто пришел снаружи.

Она смотрела наверх. Все собравшиеся смотрели наверх.

— Бог мой, — она широко открыла рот, но тут же прикрыла его рукой, — верхние этажи обрушились?

Люди продолжали вглядываться.

— Раньше было пять этажей, — рассказывала она, — потом крыша. Только посмотри, второй этаж тоже сломан.

— Нет, там есть несколько комнат, — сказал юноша. Был ли он здешний или пришел снаружи?

— Поднимешься по ступенькам — еще один порог. Здесь комната, где хранятся металлические коробки, — сказала она. — Ящичная. Одеяла, матрасы, пледы, покрывала. Тарелки, плошки, подносы. Тетради, фотографии, бинокли.

— Это комната деда. Она зовет его дядей. Здесь играют в карром. Ее все зовут «тащи-бей».

— Здесь ванная. Только кран. Ни этого нагревателя, ни душа.

— Наверху другой этаж. — Мама стала подниматься, а все, и пришедшие из переулка, и жившие в доме, — за ней. Уворачиваясь от свисающих со стен проводов, запутавшихся в старой паутине.

— Наверху гостиная, — сказала Мама, зайдя внутрь. — А эта. Отделана зеленым деревом. — Показывает им зеленую комнату. — В окнах все те же красные, синие и желтые стекла. Ее называют цветной комнатой.

— Отсюда видно Каусар. Ее одноклассницу. Тогда она спускается, и они вместе садятся в конную повозку. Отправляются на урок по дильрубе[179]. Еще они катаются на велосипеде. У них Raleigh. Они вместе ездят на учебу.

— Это комната с колоннами, — продолжает экскурсию Мама. — Здесь молятся. Колонны обвалились, — показывает она.

— Напротив комната дяди. Разрушилась, — рассказывает она.

---

[179] Примечания: 179
Струнно-смычковый музыкальный инструмент.

— Наверху. Спальня. Бамбуковая перегородка не сохранилась. Оттуда она смотрит, кто пришел. Каусар одна или с братом?

— Сверху сбросили авоську для покупок — овощи, фрукты. Яйца — двенадцать на анну. И две большие буханки хлеба тоже на анну. Четыре анны за сер[180] рыбы. Четыре анны за сер мяса. Сырого. Шесть анн — за готовое. Паи, почем расгулла? Маи, по одной анне.

— На крыше тоже была комната. Улетучилась? — Спросила она, как будто обвиняя собравшихся. — Она там училась. С Каусар и с Анваром. Их отец — профессор английского.

— Выходят на крышу. В этом возрасте болтают без умолку.

— Готовятся лепешки. Дед прогнал на крышу. Разгорелся очаг, роти на сковородке. Поднялся переполох. «Выскакивайте наружу», — сказал дед. Двери попадали, лестницы ходили ходуном. «Выбирайтесь, — скомандовал дед, — дом сгорит».

— Он уцелел, — сказала Мама умиротворенно. — Скажу ему, что огонь утих.

— Пойдем вниз.

Все стали спускаться. Туда, где в ряд было выло-

---

[180] Примечания: 180
Мера веса, равная примерно 900 граммам.

жено оборудование для крикета. Все завернуто в полиэтилен: биты, мячи, щитки, шлемы, кепки. На продажу.

— Приемная дяди. Там он проверял зрение.

— Ее дядя, — обратилась Мама к собравшимся, — глазной врач. Брюки цвета хаки, желтая рубашка в клетку. Его фармацевт. Афганские шаровары, тюрбан с хохолком.

Кто-то придвинул кресло для Мамы. Она села.

— Она сидит здесь вместе с ним. Ей шестнадцать. Она читает газету «Трибуна». Дядя проверяет глаза Анвара. Это стоит пять рупий. «Прочитай строчку». «Лахор», — прочитал он. Но не смог разглядеть ни «4», ни «6». «Нужны очки, близорукость. Такие очки прослужат всю жизнь». Толстые стекла, черная оправа, закругленные дужки, огибающие уши. Когда он начинает выигрывать в карром, она и Каусар подтрунивают нал ним: «Что за кокосовую скорлупу ты нацепил, с ней видишь в два раза лучше. Жульничаешь». Он убирает очки в карман и опять загоняет фишку в лузу.

Маме принесли чай.

Зеленая деревянная дверь была открыта. Дети, старики, молодежь — все собрались. На двери было написано «Оборудование для крикета», и

внутри было оборудование для крикета. Столетний старец сидел там, и если бы кто-то понимал их разговоры, то, наверное, записал бы. Длинные, запутанные, полные молчания. Иногда только одно слово, ни начала, ни конца. Слова, про которые, как и про людей, собравшихся в зеленом деревянном лахорском доме, было невозможно сказать, пришли они снаружи или изнутри.

Гурдаспур… Хошиарпур… Лаялпур… Даска… Даска в ста километрах от Лахора… Мы в моузе Кот-Халифа… Сестра в Раджпуре, Патиала… Да-да, я хорошо помню Шекхупуру… Гуджранвала каждый день на телефоне… Шакаргарх разрушен… Да, он сидит на рынке Сутар-Манди… долгих лет, сынок… О Сабихе и не спрашивай, эту рубашку прислала она, в ней и умру… Катра Муншиян уехал в Лудхиану… Бхайджи, Кхалу, Маму-врач, Чача ушли… мой дом — твой дом, живи с нами, храни тебя Господь, это твоя дочь… подойди.

Положил руки на голову Дочери, погладил, замер.

— Теперь уж кто где, — сказал столетний старик.

— Почему вы плачете? — смеясь спросила Мама.

11

— Сэр, ее дочь разозлилась.

— На что?

Это был телефонный разговор между Рахатом Сахибом и пакистанским послом, находившимся в Дели. С одной стороны провода с треском подбирались опасные языки пламени, а с другой — мямлил сдавленный шепот.

— На чиронджи.

— Я вас что спрашиваю? А вы там чиронджи жуете?

— Нет, сэр, их будут есть хиджры.

— Что? — По проводу побежали такие электрические разряды, что Рахата Сахиба чуть не ударило током.

— Она привезла их для каких-то хиджр.

— Хиджр? Теперь будем обсуждать это в наших государственных ведомствах?

— Сэр, они обсуждали это между собой. Мол, пойдем сейчас.

— Кхиджрам?

— Нет, домой. Им нужно было пойти домой.

— Так получается, они вернулись.

— Нет. Дочь сказала: «Пора домой», она ответила: «Да, пора домой». Это все, что я знаю.

— Приехали сюда, выходит? — Господин посол сидел по эту сторону, поэтому «там» он называл «здесь».

— Нет, она говорила о том, чтобы пойти домой здесь, — объяснил Рахат Сахиб.

— Что за ахинея? Я знаю, где их дом.

— Сэр, в дом ее мужа.

— Дом ее мужа здесь.

— Сэр, она говорит, здесь.

— Вы совсем там рассудок потеряли?

— Нет, сэр, это две женщины, приехавшие из Индии, потерялись.

— Они были под вашей ответственностью, куда вы смотрели? — прорычал посол. — Что я теперь отвечу?

— Сэр, я забронировал перелет до Карачи, лично посадил на самолет. Там мой человек отвез их в отель. Потом…

— Потом? — Телефонный провод пульсировал, как загнанное сердце.

— Сэр, выяснилось, был какой-то разговор о Мохаттанага-ре. Что-то было про поехать к главному инженеру на фабрику по производству сахара.

— Дальше будете рассказывать? — Раскалился провод.

— Еще говорили о Хингладже. Что там и море,

и пустыня.

— Теперь вы будете учить меня географии Пакистана?

— Нет, сэр, я хочу сказать, что…

— Что?

— Сэр, не было визы, и мой человек не рекомендовал им ехать. Сказал подождать, пока он поговорит со мной и мы сделаем визы. Но они не стали ждать.

— Без визы? — Взорвался провод. — Вы понимаете, что вы вообще говорите?

— Госпожа сказала, что она здешняя и не признает визовые ограничения.

— И вы не признаете? — Провод искрил.

— Нет, сэр, ни в коем случае. — Провод безжизненно повис. — Но они не согласились.

— У вас с головой все в порядке?

— Сэр, я боюсь, что госпожа, та, которая дочь…

— Оповестите все службы, прочешите каждый миллиметр Синда. Но без шума, чтобы никто не заметил. Вы все знаете о напряженных отношениях и стычках между нашими государствами. Если там узнают, будет скандал. Эти дамы и нас втянут в неприятности. Они наши гости, примите все возможные меры. Осторожно все разузнайте, разошлите приметы и разыщите их до того, как

обе страны встанут на уши, узнав, что они путешествуют без виз.

— Да-да, сэр, я сам этим займусь, никто не узнает, кроме нас, куда они подевались, найду их, где бы они ни были: в пустыне, в море и в какой угодно стране.

— Что за чушь вы несете? Вы же знаете, что это головная боль обоих государств — до сих пор не смогли определиться, кто где имеет право жить, кто откуда и на чьей стороне закон?

12

Кто-то сказал, их видели в Митхи. Кто-то напал на след в Мирпур-Хасе. Но женщин так и не нашли.

Постепенно тревога нарастала, и, возможно, дело получило больше огласки, чем того хотелось: если в пустыне Тар кто-то наткнется на след двух женщинах, пришедших с той стороны, — одной маленькой и одной большой — пусть сообщит в ближайший полицейский участок.

Самой достоверной оказалась новость о том, что в таком-то месте починили проколотое колесо частного автомобиля, и две женщины, вышедшие из машины, стояли поодаль от нее, покачиваясь, как две тени, и о чем-то оживленно

спорили.

— Так откуда мне было знать, что их ищут? — сказал парнишка, работавший в гараже. — У них же не написано на лице, что они иностранки. Даже похожи на старшую сестру моего отца.

— Обе?

— Нет, все три.

— Откуда три?

— Две индианки и моя тетка, получается три, разве не так?

— Вот осел! Как твоя тетка может быть не похожа на твою тетку?

— Все три похожи на тетку — вот и все, что я говорю.

— Уже сказал. А теперь скажи, о чем говорили они?

— Откуда мне знать, сэр? — И парень, отряхнув свою запачканную одежду, угрюмо замолчал. Мол, я тут один даю показания, а меня еще и ругают. Вот поэтому все избегают иметь дело с представителями власти.

Заговорил стоявший рядом механик:

— Вы их ищете? Я слышал, как они разговаривали.

— А ты как мог слышать?

— Я пошел по нужде в кусты.

— Туда, где они стояли?

— Сэр, я уже был там. Не мог же я вылезти, когда они подошли, так и сидел.

— Ладно, рассказывай, что слышал.

— Сэр, на них были шерстяные шали. Было холодно. Они выглядели как мать и дочь. Я видел, что…

— Я спрашиваю, что ты слышал, а не что ты видел.

— Да, сэр. Они кого-то искали. Называли какие-то имена. Кого-то крошечного. Или маленького. Каусар. Муж. Анвар. Спорили.

— Спорили? — спросил сыщик.

Механик был одет в джинсы: одна штанина закатана до колена, что придавало ему вид киногероя. Выяснилось, что он был страстным киноманом и поклонником Амитабха Бач-чана.

— Сэр, мне нужно было выйти из кустов, разве я мог тогда подумать, что мне надо внимательно слушать, о чем они говорят? Если бы я знал, что вы спросите, то записал бы. Вот посмотрите, я всегда ношу в кармане блокнот. Сэр, — расплылся он в улыбке, — я записываю слова песен из фильмов и напеваю, поэтому все говорят: «Имтиаз — веселый малый». — Открыл страницу и начал: — Вот это песня Амитабха Баччана: «Парень, я стал

господином».

— Дилип Кумар.

— Сэр?

— Кто ее пел?

— Рафи или Кишор, — засомневался механик.

— Дилип Кумар.

— Он пел?

— В фильме, — объяснил кто-то.

— А, — понял он. — О, — почесал голову. — Ах да, это я неправильно сказал. Я имел в виду «Поев бенаресского пана».

Большой чиновник бросил на своего подчиненного такой грозный взгляд, что тот тут же вытянулся по струнке и сурово сказал механику:

— Мы явились сюда не для того, чтобы выслушивать лекцию об их фильмах, а чтобы поймать их женщин. Они же не пели эти песни? И что тогда?

— Нет, сэр, она была рассержена.

— То есть? Она злилась и возмущалась, мол, до каких пор будем таскаться от двери до двери, от беды к беде, от Тара до Тартара. И кричала на мать — кажется, это была дочь: «Вы совсем забыли, что приехали отдать…» — И дальше она сказала то ли шаронджи, то ли калонджи, то ли чиронджи. Да, сэр, совершенно точно, они приехали что-то

отдать. «Уже отдала. Я попросила Рахата Сахиба», — сказала маленькая женщина, похожая на мать. — Механик изобразил ее тонкий голос.

— И? — спросили чиновники, пытаясь собрать картину.

— Все. — Механик никак не мог подобрать подходящие сюда реплики из фильмов. Потом продолжил: — «Или вы забыли?» «Я помню». — «Вы неправильно говорите». — «Нет, правильно». Потом обе сели в машину и уехали. Я не посмотрел на номера, простите, сэр, я спешил выбраться из кустов.

Людям, приехавшим на допрос, не было никакого дела ни до механика, ни до его кустов. Им было совершенно все равно, вышел он оттуда или так и остался сидеть. Им нужно было отыскать двух женщин, которые казались местными, и сделать это как можно тише.

Но даже крохотное пламя дымит. Дым долетел до других учреждений и разнес историю о том, как две женщины под предлогом поисков какого-то Сарвара, Анвара, мужа, Кау-сара, маленького или большого, без визы проникли в нашу страну — сейчас даже невинные на вид девушки, девочки и старушки могут оказаться шпионками и террористками. Эта «Рози», все эти

«шатронджи-калонджи», «тары и тартары» могут быть кодовыми словами для прикрытия опасной спецоперации.

Но больше ничего не было обнаружено. Только Тар и тишина.

13

Тар, которая пустыня. Тишина, которая ее голос. Пустая — без шума и толпы, наполненная эхом. Пустая — то есть свободная. Пустыня — то есть песок. Так ночью воспоминания вернулись в сердце Фаиза[181]:

Как пробежит по дюнам легкий ветерок,

Как в глушь безлюдную тайком весна приходит,

Как страждущий вдруг обретет покой.

Ночь. И полная луна. В лунном свете блестит песок. Когда-то песок был океаном. На песке колючие тени от кустов. Высоченные дюны. Некоторые по четыреста-пятьсот футов. Дюны скользят. Корни и запутанные ветви кустов

[181] Примечания: 181

Фаиз Ахмад Ф аиз (1911–1984) — пакистанский поэт, участник революционного движения.

пробиваются сквозь песок, как будто хотят понежиться в лунном свете.

Красивое зрелище, молчаливая сцена — две женщины в своем мире, и никаких свидетелей или историков, которые бы могли запечатлеть происходящее.

Но.

Это стоит запечатлеть. Когда такая компания оказывается в песках, то в свидетелях и историках нет никакой нужды. Чтобы послушать историю, летит бабочка. Песчинки соединяются, дует легкий ветерок, луна появляется и исчезает, как будто отражается в свинце, женщина просит остановить машину, выходит и садится, став песчаной тенью.

Положив обе руки на трость, она сидит в пустыне, и одна из бабочек, нарисованных на ее трости — только посмотри! — медленно взлетает и садится на рукоятку трости. Осторожно, между ее пальцев. Прикосновение бабочки настолько легкое, что кажется выдумкой.

Бабочка черная, на раскрытых крыльях белые пятнышки, которые при взмахе превращаются в белые линии. С шелестом она расправила крылья и молча смотрит на женщину, слушая ее историю.

Женщина рассказывает ровным голосом. Бабочка слушает, ведь для того, чтобы услышать, нужна душа, а не уши, и поэтому ее крылья трепещут во время рассказа.

Незаметно для глаза от каждого трепетания взлетает песчинка.

Изо рта совершенно неподвижной женщины вылетают слова. Ее пальцы на рукоятке трости. Между ними бабочка. Вокруг пустыня Тар.

Бабочка молча слушает историю женщины.

Она рассказывает. То замрет, то продолжит.

История первая
«Истории»

На сковородке лепешка. В очаге горит огонь. Она на крыше. Звук шагов. За ее спиной. «Дядя, дядя!» Дядей она зовет деда. Мужчина с повязкой на лице. Поймал ее. Схватил. Потащил. «Дядя!» Лепешка. Дым из кухни. Дом сгорит…

Она — как мешок. Одетый в никаб с повязкой на лице тащит ее. Волоком. Все тащит и тащит. Тыщ-тыдыщ. Тащит по переулку. Дом остается позади.

В квартале пожар. Дым. Кашель. По переулку. Тащит и тащит. Одна сандалия порвалась. Была новая. Давит на большой палец. Надевай каждый день. Разносишь. Час. Два. Ноготь на большом

пальце врастает внутрь. Она собиралась отрезать его, потихоньку вытащив из кожи.

Небо. Кружится. Птицы.

Судок с едой валяется на дороге, содержимое разбросано вокруг. Она вляпалась в соус. Перец и специи въедаются в нарывающий ноготь.

Дом там, за языками пламени. В огне пляшут черные тени. Выскакивают. Кто-то вырвался. Подняли и бросили обратно. Печеная в тандуре картошка.

«Тетя!» «Тетя, тетя!» Магазин тети Джаддана. Тетя Джаддана — всем тетя. «Спаси, тетя! Лепешка осталась на огне. Беда! Я спалила дом. Пепел. Тетя! Дядя, дядя!» — кричит. Кашляет. Жмурится.

Волосы запутались. Что-то острое. Выдраны. Одетый в никаб дернул. Потащил. Кровь.

Собака. Поджала хвост. Скулит.

Врезается в обгоревшие искалеченные тела. Мертвые. Или живые кульки.

«Анвар, Анвар!» Анвар уехал в Лаялпур. Искать дом. Потом собирался забрать ее. До тех пор она должна была остаться в доме отца матери.

До свадьбы она уже была в Лаялпуре. Один раз. Ездили из колледжа. Кинотеатр под тентом. Табуретки и скамейки. «Город майи». Фильм.

«Стреляй, стреляй, стреляй! Девчонок в зин-

дан».

Крики.

«Отец! Брат!»

Ботинки, сандалии, задыхаются, бегут.

Перевернутая повозка. А лошадь была?

Чья-то сережка? Очки. Горшок. Череп. Как будто размазали об стену арбуз. Мозги и повисший, как на пружине, один глаз.

Притащил.

Поднял. Швырнул. Грузовик. Или что? Еще один или двое в повязках. В грузовике девчонки. Как она. Шестнадцать. Семнадцать. Девятнадцать. Плачут. Всхлипывают. Одна на другой. Овцы-козы. Букашки. Она укусила за руку. Тот, что в повязке, влепил пощечину. Страшные глаза. В красных прожилках. На лбу шишка. Кожа такого цвета, как будто обуглилась, пока он тащил ее через огонь.

Темень. Сверху кинули дерюгу. Они погребены под ней. Девчонки кричат. Царапаются. Увязли в дерюге. Темень. На дерюгу с шумом летят тяжелые вещи. Девчонки внизу. Задыхаются, раздавлены. Умирают. Без сознания. Кто-то плачет. Кто-то молчит. Ослепли. Она тоже.

Шум. Или молчание.

Воспоминание. Или догадка.

Машина остановилась. Мужчины в повязках выпрыгивают. Вытаскивают девчонок вниз. Плачут. Молчат. «Я ничего не сделала. Отстань! О господи! Куда меня несешь? Мама! Папа! Брат? Вы? Мамина сестра не простит вас!»

Кладбище. Одна могила разрыта. Новая. Или раскопали. Она упала. Лежит. Убежит. Тот, что с шишкой, прыгает следом. Вытащил. Бросил. Боль. Не помнит.

Да, боль. Вспомнила. Ноготь на большом пальце. Разве отрежешь теперь. Врастает все больше. Врезается в плоть. Как достать? Начал гноиться.

Пинок. Открылась дверь. Каморка. На кладбище. Девчонки набились. Молчат. Запуганы. Прижались друг к дружке. Как скот. Дверь закрыта. Темень. Плач. Молчать. Слезы. Кровь. Пот. Моча. Вонь. Наверное, была — не помнит.

День или ночь? Сколько дней, сколько ночей? Кто в состоянии посчитать?

Теперь загрузили в открытый грузовик. Она встала. Пустая улица. Нигде не видно колодца, куда можно было бы спрыгнуть. Двое мужчин в повязках позади нее. «Вниз». — Ее пихают и заставляют сесть. Упала. «Куда нас везут? Что будут делать с нами? Анвар! Где будешь искать?» Пустошь.

Белое солнце. «Колодец, колодец», — колотится ее сердце. Смерть не приходит от одного только желания. И от того, что призываешь ее, тоже.

«Надевай двое шальвар». Так наставляла девочек мадам. Двойные шальвары остались там. Дома.

Когда они проникли в дом, были одни шальвары или двое?

«Лепешка сгорела. Дома пожар. Я подожгла». Она заплакала. «Нигде нет колодца».

Сколько дней? Сколько ночей? Где-то заперли. Опять погрузили в грузовик. Где-то заперли. Опять погрузили в грузовик. Все тот же или другой? Кто знает. Все те же девчонки? Кто знает, сколько. Стадо.

Как-то она оказалась в повозке. Зажата под ногами того, что с шишкой, и возничего, сверху на нее что-то накинули. А девчонки? Кто знает.

Съела половинку тоста. Иногда хлеб и вода. Иногда только хлеб. Иногда только вода. Несколько фиников. Немного нута. Четыре анны — кима, одна анна — роти. Где бы найти яда.

Слышала о мятежах. Слышала о беженцах. Думать нельзя. Говорить тоже. «Анвар. Дядя. Увижу колодец — убегу».

Девчонки теперь молчат. Одна сказала: «Нас

сделают проститутками». Другая сказала: «Нас прикончат». Опять замолчали. Сидят, взявшись за руки. Иногда по отдельности.

Поменяли машину. Военный грузовик-краб. Запихали в него. Наверное, и новые девчонки. Все девчонки. Почему только девчонки? У девчонок гнилая судьба.

В загоне с коровами и быками. С животными. Солома. Навоз. Мычание.

Как-то на развалинах какой-то старой крепости. «Вот бы забраться повыше и прыгнуть».

Грузовик резко затормозил. Девчонки попадали друг на друга. Остановился. Всех вывели, выстроив в линию. Внутрь. Еще девчонки. Все под замком. Заключенные. Какой-то монастырь. Заброшенный. Ванная. Впервые. Прикрикнули. Выдали мыло и одежду. «Помойтесь!» Помылись.

Гостеприимная встреча козочек, идущих на убой. «Почему не дают нам яд? О Боже! О Милосердный!» Девчонки взялись за руки, встали в круг, замолчали.

Она разорвала рукав старой курты. Сделала повязку и замотала нарывающий палец. Хромает.

Впервые просторное помещение. Просторная тюрьма. Она бродит по заброшенным комнатам. Хромает. В одной комнате статуя. Она видела

такую в музее. С Анваром. Точно такую же. «Мой Анвар. Наверное, это Анвар оставил ее здесь. Чтобы подкрепить мою смелость. Знак от Анвара». Маленькая. Пять дюймов. Или меньше. Такой же древний Будда. «Анвар, где ты? Как ты узнаешь, что я здесь?»

Она подняла статую. Прижала к груди. Будда был с ней и во время сна, и во время бодрствования. Зачем умирать? Уже умерла. Но сжимает статую. «Исполним погребальный обряд вместе. Теперь он всегда со мной, где бы я ни была. Это знак. Это Анвар. Утешение моего умершего сердца. Теперь это мое каменное сердце, полное сострадания».

14

Женщина остановилась. Бабочка скользнула обратно на трость. После того как они уехали из Карачи, все находившиеся в машине продолжали искать и расспрашивать. Увидев пустыню, женщина опять попросила остановиться. Села так же, как в прошлый раз. Обхватила пальцами рукоятку трости. Почувствовав ее настроение, бабочка вспорхнула и уселась между двумя ее пальцами, легкая, как призрачное видение. На это раз бабочка была цвета красной охры, кото-

рая переходила в черные полоски. С обеих сторон виднелись пятна, похожие на открытые глаза, а при взмахе крылья напоминали уши.

Женщина начала рассказывать вторую историю, и вторая бабочка сидела перед ней, открыв глаза и навострив уши. Готовая слушать и смотреть.

История вторая.
«Статуя и та девчонка»

Где-то свистели пули. Рычание какой-то тяжелой машины. Грузовик. Звук шагов. Спор. Громкие голоса. С шумом открылись задние ворота. Внутри у девчонок все содрогнулось. Взялись за руки и сели, прижавшись к стене. Она завернула статую в дупатту и прижала к груди. «Анвар, Анвар», — поднимался в ней страх.

Кто это был? Спорят: «Только индуски у вас? Как-то нечестно по отношению к нам, — раздается хохот. — Ну-ка, любезный, одолжи нам пару-тройку. — Еще хохот. — А местечко вы себе знатное присмотрели, приятели. Дайте и нам слегка поразвлечься». Балагурят.

Потом молчание. Скрежет закрывающихся ворот. Звук буксующих колес. Грузовик уехал.

Что будет? Что происходит? Мы умерли. Нет, это статуя спасла. Это знак. В тот первый раз она

видела такого Будду с Анваром. Анвар почувствует. Мы спасемся.

Это она плакала или другие девчонки? Мы сидели рядком, взявшись за руки.

Она стала при всех прижимать к себе статую. Вспомнит о доме — прикладывает Будду ко лбу. Спустится мертвенная тишина — склоняется перед ним.

До каких пор? Никто не знает, до каких пор. Нет ни часов, ни радио.

После споров и хохота их увезли из того старого здания. Они настолько алчные, что совсем не готовы делиться. Они засунут нас в гарем. Продадут какому-нибудь богачу.

Туда и везут.

Вдали от города. Такая глушь, как будто никогда не ступала нога человека.

Остановились в лесу. Развели огонь, дали девчонкам муку и велели делать роти. «Делай, что скажем, иначе прикончим».

То ли жизнь спасать, то ли честь — в сердце выжженная пустошь.

Ни щипцов, ни сковородки, куски теста бросали прямо в огонь, сначала растянув палочкой, их кровожадные стражи тоже это ели.

Их было двое или трое? Был тот, что с шишкой

на лбу.

Шепчутся между собой. Пожар. Нападения на караваны. Карачи Пинди Лахор. Тандоджам Умеркот Мунабао. Тхарпаркар Кхипро Тандо-Аллахъяр Кхадри. Куда нас везут? Выставить на базаре? Статуя. Моя статуя. Мое каменное сердце.

Колесо застряло. Машина не могла дальше ехать.

«Скорее поворачивай руль!» — закричал один.

«Вылезайте!» — поднялась паника. Не всем под силу управлять машиной в пустыне Тар.

В пустыне Тар. Куда нас везут?

Ветер. Ревет. Над девчонками яростно хлопает брезент. Теперь, когда они плачут и всхлипывают, кажется, уже по привычке. Все умерли. Сидят, взявшись за руки. Но мой Будда со мной.

Ветер сдирает кожу. Когда срывает брезент, мы чуть не вываливаемся наружу.

Рев мотора и ветра.

Грузовик опять остановился. Колючка в шине. Проткнула. Долгая задержка. Накачивают. «Поторопись, приятель, время вечерней молитвы».

Она видела, как они читают намаз. Наверное, их было двое. Или все-таки трое? Их шали трепетали на ветру, а они, словно статуи, застыли в молитве.

У одной из девчонок начался понос. Все вместе начали колотить по грузовику. Из-под брезента. Все колотили и колотили. Кричали. «Открой! Эй, открой! Живот!»

Когда развязали брезент, ветер ворвался внутрь, как будто бросился в атаку. Ветер пустыни. Многие попадали.

Был день. Светило солнце. Ветер был опасный. Было невозможно стоять прямо. Они вцепились друг в дружку, чтобы не упасть. Ветер вонзает в наши тела песчинки, и кажется, что это осколки. Глаза окатывает сыпучим ливнем. Из царапин струится кровь. Песок втирается. Девчонки дрожат. Штормовой ветер. Песок, песок, песок.

Грузовик опять поехал. Опять их выгрузили. Какая-то станция. Кхокхрапар? Написано построена в 1870 году. Малюсенькая. Пустая. Рельсы. Всех высадили на платформу. Ждут какой-то поезд. На какой рынок собираются отвезти на нем? А что еще подумает девчонка, если вообще подумает? Что у нее осталось, чтобы думать?

Я. Моя статуя.

Двое было или трое? Впереди и позади. Взгляд коршуна. Чтобы ни один кусочек мяса не сбежал.

Сколько мы просидели там кульками? Да где

часы, чтобы посмотреть. Все бессмысленно. Все замерло. Плакать, кричать, молчать, говорить — все бессмысленно. Пробежала крыса, одна закричала, другая засмеялась, третья — над ней.

Вдалеке показался караван верблюдов.

Один в повязке прибежал, задыхаясь: «Уходим, они узнали».

Паника.

«Идут сюда. Бегите, бегите!»

Девчонки сказали или те, что в повязках? Тот, что с шишкой. «Они остановят поезд. Убирайтесь отсюда».

Шум, надвигающийся издалека. Ветер. Сердце.

Все побежали в беспамятстве. Даже не поняв, нужно бежать от этих или от тех, что идут сюда. Просто бежали.

Нашли какой-то стоящий грузовик. Их согнали туда и погрузили в него. Поднимали и зашвыривали. Она была ужасно взволнована. Встала, чтобы выпрыгнуть. Моя статуя? Где она выпала? Кто-то с силой швырнул ее обратно в грузовик. Будда? В сердце поднялся настоящий ужас — на это раз точно пропал.

Грузовик. На полной скорости. Брезента нет. Свищет ветер. Такой сильный, так воет и сшибает с ног. Я, разлученная с Буддой, на несущемся

грузовике, кричу, валюсь и падаю, но не от ветра, а от бешеного стука сердца.

Чья-то рука в ее руке. Дрожащая от страха. Маленькая девчушка. Одиннадцать. Или двенадцать. Испуганное лицо.

С рывком грузовик остановился. «Вылезайте, вылезайте! Прыгайте!»

Крики, вопли, ноги, руки, удары.

«Возьми, возьми, возьми». — Мужчины в повязках раздавали свистки. Такие можно купить у продавцов воздушных шаров. «Будете в них свистеть».

«Бегите!» Побежали. Кто туда, кто сюда.

«Не сюда. Туда. — Толкнул кто-то. — В сторону песка».

«Бегите в разные стороны! Вместе вас увидят и поймают. Свистите. Чтобы понимать, кто где. Чтобы не потеряться».

«Давайте скорее! Теперь мы уже ничего не можем сделать. Свистите, чтобы не заблудиться. Когда доберетесь туда, тогда собирайтесь вместе. Будьте осторожны!»

В тот момент мы были не способны понять, что с нами делают.

Один из мужчин в повязках подошел к ней. Повязки на нем не было. Была шишка. Лица не

помню. В руке у него статуя. Моя.

— Возьми, баджи[182]. Люди сошли с ума. Теперь беги. Потом возвращайся. Быстро. К себе домой.

— Баджи, — всхлипнула маленькая девочка. Которая держала ее за руку. Так, как будто не отпустит никогда. В другой руке — мой Будда. Таща девчушку, я бежала по песку. Девчушкой была Рози.

15

В какой-то момент на пальцах женщины, которая рассказывала историю, опершись на трость, собрались сонмы бабочек. Те, кому не хватило места, уселись вокруг нее на песке, подняв крылья и приготовившись внимательно слушать. Не было нужды в словах, ведь в трепете их крыльев слышалось: «О, хорошие люди в такие темные времена спасают девчонок от зверств своих же товарищей». В этом мирном трепетании некоторые касаются крыльями других, как бы говоря: «Видишь, в любые времена, какими бы плохими они ни были, не оставляй веры в хорошее. Пусть это отпечатается на твоих крыльях, пусть вера наполнит твой полет».

---

[182] Примечания: 182
«Старшая сестра» на хинди и урду, обращение к девушке.

Бабочки знали, что в этом мире они гости на пару дней, подобно лунному свету, рассыпанному по песку. Через шесть-семь дней для них все будет кончено. Даже если удастся пройти от края до края, то двенадцать — это предел.

Но еще бабочки знали, что это они распространяют по миру послание надежды, которое передается от поколения к поколению. Как они, собирая пыльцу, помогают цветам перебираться в другие места, прорастать там, цвести и благоухать, точно так же они впитывают в себя сок историй, собирают их пыльцу и разбрасывают ее по песку, чтобы даже после того, как они исчезнут сами, истории могли дать новые побеги и источать аромат. Мы умерли, и что с того? Наша весть не умрет никогда.

Одной бабочки достаточно для того, чтобы где-то далеко зацвел цветок, а здесь их собралось великое множество. Теперь невозможно было замолчать ни одну историю. И добро тоже.

И что же? Они сидели вокруг, расправив в ожидании крылья.

История третья
«Море песка»

Такой сильный ветер, что чувствуешь себя пассажиром на корабле во время морского шторма:

то в одну сторону покатишься, то полетишь в другую. Мы падали то туда, то сюда.

«Бегите по отдельности!»

Мы прыгали то туда, то сюда. Как с тонущего корабля. Не в воду, а в песчаное море. Которое разливалось перед нами и куда мы бежали, чтобы спасти свои жизни. Песчаный шторм.

Мы по отдельности. Я сжимаю руку девчушки. При нас свистки, с помощью которых мы даем знать о себе и подбадриваем друг друга. Руки и ноги били по песку, плыли в песчаном море. Свистели. Свист напоминал крик о помощи, разносящийся по ветру пустым эхом. Или крик какой-то песчаной птицы. Или он нам мерещился.

Дул ветер, и частички песка сыпались ливнем.

Не сможешь даже представить, если никогда не видел, — приближающийся издалека смерч, вздымающийся до неба, похожий на морское цунами. Он шел на нас. Огромная желто-черная стена, готовая вот-вот обрушиться. Волна, которая становилась все ужаснее — высокая, необъятная, гремящая, несущаяся к нам.

Развернуться и бежать? Но как? Оттуда надвигается обезумевшая толпа. Которая узнала, что их же люди собрали отовсюду девчонок и спрятали,

чтобы они не попали в их зверские лапы. Они горят от ярости. И приближаются сюда.

Позади пожар. Впереди смерч. Образы, возникающие в нем, — настоящие или ложные? Тени кровожадных существ, бегущих по песку. Целое войско. Скачут к нам. Чтобы проглотить. Звери, несущиеся галопом. Ревут, рычат, извергают пар, клокочут.

Столько ветра. Столько песка. Мы плыли по нему. Барахтались, пытаясь не утонуть. Только бы не отстала девчушка, только бы не ускользнула статуя, только бы не утонуть. Руки, разрезающие песчаные волны, как воду. Водное землетрясение.

Я не умела плавать. Дыхание сбивалось. Песок врезался в легкие. Я задыхалась. Песок, песок, песок. Тонем, тонем, тонем. В носу — песок, во рту — песок. В глазах и ушах — песок. Плыли, задержав дыхание. Вдруг рот резко открылся. Дыхание прерывистое, все заполняет песок, дерет горло, каждый выдох — новая рана. Просто болтыхай руками-ногами, как можешь, следи за тем, что все еще тянешь девчушку, радуйся, что ее рука все еще в твоей, и статуя, моя статуя, все еще при мне, прижала, не уронить, не дать уплыть-раствориться, закрой глаза, вперед, толь-

ко вперед, где остальные девчонки, свистнула в свисток, ничего не слышно, ревут волны, как бы не услышали бандиты, ох, не они ли это шумят, это свисток, боже, чье-то тело всплыло впереди, как труп, который показался из воды и исчез, так они продвигались, я тоже.

Волна-чудовище надвигалась на них, чтобы проглотить. В ней — полчище тварей, разъявивших пасти. И мы бежим к ней.

А потом мы столкнулись. Сокрушительный удар. Стена желтого смерча рухнула на нас. Полностью перекрыв солнце. Грохот стоял такой, как будто взорвался космос. Море, со всех сторон море.

Эта ужасная волна разбила нас. Наши кусочки и осколки кружились в водовороте. Солнце исчезло. Песок и тьма встретились. Наши руки и ноги всплывали и исчезали, как напуганные рыбы, листья и ветки в воде. Как тени на морском дне. Чье-то наполовину съеденное тело. Или что? Что-то качнулось на поверхности. Чья-то оторванная рука. Или змея. Господи, внутренности всплыли? А это какой-то риши сидит в самадхи? Как мой Будда. Но у риши отрезана голова. Безголовое самадхи.

Где все девчонки? Мы остались одни? Свисток.

Среди этого громыхания. Все равно свисти. Есть кто? Слышишь? Во рту песок. Все равно свистнула.

— Кажется, оттуда, сестрица, — сказала девчушка.

Неужели действительно слышали? Свисток в ответ на свисток.

Возможно, шторм поутих. Возможно, это были свистки. Чтобы не утонуть, девчонки свистели. Свисток. Еще один. Нащупать друг друга. Дать о себе знать.

Ф-с-с-с-с-с-с-с, ф-с-с-с-с-с-с-с…

Потом свист становится тише. Еще тише. Как будто кто-то свистит, умирая — продолжает свистеть, пока все тонет и тонет. С каждым свистком дыхание убывает, становится слабее, исчезло.

Девчонки продолжали плыть в песчаном море. Боролись с желтыми сыпучими волнами. Временами останавливались и свистели. Постепенно силы начали покидать их. Одна за другой они стали тонуть. Один за другим замолкали свистки. Одна за другой тени уходили в песок. Свист смолк. Тишина.

16

Бесшумный ветер. Бабочки снова вернулись на трость, а одна бабочка-видение, сидевшая между Маминых пальцев, так и уснула. Осталась послушать, что снится. Грезы, кошмары, тяжелые вздохи мира, которые поднимают историю, а потом она окутывает бабочку покоем со всех сторон.

Бабочка спала, а разворачивающаяся история начала трепетать в ее сердце.

История четвертая
«Утонувшие»

Когда к ней вернулось сознание, она обнаружила, что они запутались в каком-то колючем кустарнике. Она, девчушка, Будда. Если бы кустарник не схватил их, то они свалились бы в озеро, которое было как раз перед ними, и утонули бы не в песке, а в воде.

Солнце угасло. Наступили сумерки. Неподалеку виднелось несколько хижин и поля пшеницы. Так ей помнилось. И никого вокруг, сколько хватало глаз. Когда Мама и Рози

увидели сумеречное озеро, они очень испугались и почувствовали жажду. Мама была

старшей, перепуганная Рози прижималась к ней.

Осмотрелись. Никого. Увидели — свисток где-то утонул. Увидели — Будда тут. Он в порядке — значит, и они в порядке.

Прячась и озираясь, Мама и девчушка тащились вперед. Запекшаяся кровь. Укрылись в поле. «Пшеница», — подумали они, но может, и какое-то другое растение, кто знает. Они клевали сырые зернышки.

Усадив Рози с Буддой в поле, Мама пошла к озеру за водой. Сумерки сгущались. Но как принести? Разве что в пригоршне или дупатте? Мама окунула дупатту в воду. Потом отжимала ее, и капельки падали в рот Рози.

Им надо было выбираться. В какой деревне они были? А что, если они попадут в лапы бандитов? Пойдем. Туда, где остальные девчонки. Или одни.

«Бог ты мой. — Мама посмотрела на Будду. — Ох, а тот с шишкой на лбу. Братишка».

Но куда идти? Откуда они пришли? Что позади, что впереди? «Кажется, там, в небе, еще виднеется какой-то отблеск, смерч был впереди, солнце — позади, значит, идти надо туда», — предположила старшая. Она зажала статую под мышкой, и они пошли.

Двигались вперед. Молча. Ветер затих. Песок мягкий, нежно проваливался под их ногами. Босыми. Шли держась за руки. Как будто им нравилось коротать ночь в прохладном песке.

О чем они думали? Да и было ли о чем?

Вокруг песок. Выглядывающие из него корни и палки. Поломанные кустарники. Продолжали идти в нарастающей тишине. И вдруг раздался свист, сначала совсем тихо, потом чуть настойчивее. Ф-с-с-с-с-с-с. Ф-с-с-с-с-с-с.

— Это был свисток, сестрица, — сказала девчушка. Она откуда-то достала свисток и вручила Маме. Ее свисток уцелел.

Мама свистнула в свисток. Ф-с-с-с-с-с-с-с-с.

Откуда-то издалека свистнули в ответ. Звук раскачивался над пустынным покоем.

— Свисти!

Девчушка продолжала свистеть с короткими перерывами. Игрушечный свисток продавца воздушных шаров. Она свистит здесь, а откуда-то возвращается эхо.

Обе вглядываются. Откуда? Оттуда. Пойдем туда.

Наверное, они обрадовались. Наверное, не знали, куда идут, но к ним вернулась храбрость.

В рот им набивался песок. Набивался внутрь.

Они кашляли. Кашляли все сильнее и сильнее.

Сколько времени, никто не знает. Сколько дней они шли, уставали, голодали, выживали. Если палило солнце, они сидели под кустами. Даже дремали.

Куда ни посмотри — никого.

В темноте вырванные руки, отрезанные головы и сломанные пальцы тенями покачивались на песке. Или на ветру.

Совсем незаметно ветер тоже начал свистеть. Словно желая их подбодрить.

Может быть, это свистел только ветер. Но они свистели в свисток. И слышали свист в ответ.

Две одинокие фигуры все шли и шли вперед, шли и шли. Она — девчушка, я — сестра.

Один раз высосали сок из какой-то травы. У девчушки белые потрескавшиеся губы.

Потом силы совсем кончились. Девчушка почти беззвучно спросила:

— Сестра, что мы сделали не так?

Я положила ее себе на колени. И стала поглаживать в тени кустарника. Рассказывала сказку.

— Жили-были раджа и цирюльник. Цирюльнику приказали постричь раджу. Когда он пришел, раджа сидел в тюрбане. Цирюльник размотал тюрбан. И увидел, что у раджи козьи уши. «Ска-

жешь кому-нибудь — тебе смерть», — проревел раджа. Когда цирюльник вернулся домой, он от страха не проронил ни слова. Но заболел живот. Все сильнее. Разболелся так, что он слег. Что делать? Кое-как вышел из дома. Вокруг пустыня, никого, совсем никого. Потом он увидел дерево. Он побежал. Сказал дереву: «Вот послушай», — и рассказал ему про козьи уши раджи. И выздоровел. Но заболело дерево. Кто-то срубил его и сделал саранги. Однажды цирюльник услышал, как кто-то играет на саранги, и он поет: «Раджа — козоушка, раджа — козоушка». Девчушка засмеялась. «Козоушка, козоушка», — пропела она и уснула.

Я проснулась в госпитале военного лагеря. Жар. Зеленая мокрота. Кашель. Все тело — одна сплошная рана. Теперь мне не выжить.

Девчушки не было. Будда стоял рядом — на столе.

Потом выяснилось, что провели границу, я выжила, и опасность миновала.

17

Нежный песок, нежный ветер.
Песок летит по ветру.
Ветер раскачивает песок. Ветер укутывается

в песок, как в одеяло.

Одеяло трепыхается.

Песок нежный. Слегка подпрыгивает на ветру.

В одеяло пробрались кролики. Под одеялом бегают кролики. Одеяло бегает вместе с ними. Только посмотри — бегущее по пустыне одеяло, в нем прыгают кролики, и все они гоняются за горизонтом.

История не заканчивается. Рассказывает новую историю. У тонко чувствующей женщины глубокие глаза. У девочки косички перевязаны лентами разного цвета. Бабочка уселась на самую высокую ветку. В пустыне взлетела одинокая птица.

Куда летит? Ищет прибежище. Отдыхает. Оглядывается по сторонам. Что-то поднимает. Сердце трепещет.

Свами закрывает глаза. Видит далекий звук. Слушает его тишину. Какой-то голос, какая-то мелодия, какое-то мерцание устроилось на далеком песчаном холме.

Что видно? Качнулся камень. Ветер поменял обличие. Взлетела бабочка. Дерево поцеловало ее в лоб. Раздался смех.

Так смейся.

Открой глаза. Что-нибудь видно? Ничего? Все

равно смейся.

Потому что Интизар Хусейн сказал, что земля хватает и злится, деревья узнают, почва мстит.

Кисть задвигалась по картине Бхупена, история помчалась. То длинный прыжок со скоростью и ловкостью атлета, и уже опирается на голову, болтая в воздухе ногами. То качнется в сторону, и от каждого покачивания взлетает воспоминание, а в каждом воспоминании — новый виток, новый поворот.

Потом Кхакхар остановился. Остановил. Оставил мокрые растекшиеся краски. Здесь не все. Еще не все. Появится, когда появится, еще один прыжок.

То окно. Из которого Мама выпрыгнула и добралась до пустыни, чтобы создать историю. Куда отправилась потом, пока неизвестно. Жива ли, в объятиях ли бога, убили ли, или сама к нему отправилась, а что с Дочерью — все одни вопросы.

Последнее, что говорили, ее видели в каком-то автобусе рядом с Пешаваром. Автобус нарисовал некто Бхупен — все то же красочное изображение простых людей и их желаний.

Но случилась драма. В Хайбере.

18

Каждый день расследования чреват теми самыми коллизиями, которые бесконечно ввергают Хайбер в суматоху. На стуле сидит следователь. Перед ним стол, на котором лежат папки, паспорта, очки. С другой стороны — стул для Мамы, она то садится, то встает — как захочет. На соседнем стуле — Дочь. Дочь с покрытой головой. Мама — нет. Дочь — в испуге, следователь — в тупике. Мама в задоре.

Он спрашивает ее имя, говорит: «Чанда». Спрашивает про мужа, говорит: «Анвар». Спрашивает, где дом, поднимает пригоршню земли.

— Это кто? — показывает он на сидящую рядом Дочь.

— Моя мама, — смеется она. — А ты мой дедушка. Господи, сынок, ну разве не ясно, что это моя Дочь?

— Госпожа, пожалуйста, давайте четкие ответы.

— Сынок, а ты задавай четкие вопросы.

— Ваше имя?

— Думаешь, если будешь спрашивать одно и то же каждый день, я назову другое имя?

— В вашем паспорте написано… — Он пытается

прочесть, но не может произнести.

— Умеешь читать? — спрашивает Мама.

— Где ваш дом?

— В этой земле.

— Ради всего святого оставьте эту землю в покое.

— Сынок, нельзя говорить, что оставляешь землю, земля обижается. — И, встав, она декламирует, как будто читает: — Твоя земля прокляла тебя. Дорогой мой друг, и земля умеет злословить. Вот если бы только в запале создания Пакистана нас не выкорчевывали и не забавлялись, разметывая семьи по сторонам.

— Сядьте, сядьте, — волнуется он и бросает сердитые взгляды.

— Читать обучен, но и этого не читал? Чем занимаешься вообще? Это Интизар Хусейн. «Море впереди».

— Госпожа. — Допрашивающий встает. Он понятия не имеет, что с ней делать и как.

— Вот скажи, — спрашивает она стоя, — Земля Интизара Сахиба, она чья? Скажи-скажи, сынок, он ваш или наш? Ты садись, сидя отвечай.

— Госпожа, вопросы задаю я.

— И отвечать тоже будешь ты.

— Вы, — мямлит он. Чем больше он волнует-

ся, тем больше его губы вытягиваются вперед и становятся похожими на клюв. Кажется, на лице вместо рта начинает расти птица. Сначала показался крошечный кусочек клюва, потом рот раздулся и проклюнулась птица целиком, которая раздраженно выскакивает на каждое слово, произнесенное Мамой, этой странной новой женщиной. Вспорхнет — и что останется на месте рта? Лица подчиненных, стоящих рядом, хранят беспристрастность, но и они уже устали от этих ежедневных процедур, заставляющих кипеть их мозги.

— Ваш адрес?

— Ох, сынок, не знаешь, какой тут адрес? Эй, кто-нибудь, скажите ему. Ланди-Котал. Заброшенный гестхаус. Скворечник. Две пустые комнаты. Малюсенькая веранда. Дворик. И эти высоченные стены. Как будто не скворечник, а роскошный форт. Над стенами виднеется минарет мечети, а над ним — пядь хайберского неба.

— Госпожа, мы спрашиваем у вас домашний адрес. Это тюрьма.

— Для тебя, может, и тюрьма. Я сюда пришла по собственному желанию. Да, чтобы обустроиться, потребуется время. Ты же бросил сюда только две

пустые чарпаи[183], и воняет застоявшимся дымом — сколько же вы тут все курите! Аж матрасы провоняли и одеяло. Ладно хоть капля уважения к старшим осталась — принесли простыни и пододеяльники, когда мы попросили. Благо на базаре Ланди-Котала все можно купить. Ружье, пистолет, самолет, гашиш — хотя к чему нам все это. Ведра, ковшики, зубные щетки, кружки и стаканы. Даже сходили починить оправу моих очков. А еще нужны были шторы. Парду[184] мы не соблюдаем, но на окнах занавески быть должны. Чтобы спать, должно быть темно. Иногда днем светит слишком ярко. Хорошо, что матрасы и одеяло полежали на солнце — спасибо этим служителям. — Мама показывает на четырех охранников, приставленных наблюдать за ними. В руках у них «калашниковы», пальцы держат на курках. — Хорошо бы и этим детишкам солнце показать, напрасно засунули их в форму. Эти большие тяжелые автоматы оттягивают им плечи.

---

[183] Примечания: 183

Традиционная индийская кровать, на раму которой натянута веревочная сетка.

[184] Примечания: 184

Кодекс поведения для женщин, предполагающий полное затворничество. «Парда» значит на хинди «штора».

Делать-то тут нечего, знай сиди себе усы подкручивай да за нами приглядывай. Эй, мальчишки, ведь и усов-то нет, что подкручивать? У вас борода. Настоящая хоть? Что-то не похоже. У таких птенцов и такая бородища — зачем дурачите эту разбитую старуху-развалюху?

Но дурачит здесь эта старуха. Ни на один вопрос следователей не дает прямого ответа, пускается в длинные рассуждения. И смеется. Или глухая тишина.

— Послушайте, госпожа, мы полностью заботимся о вас. Из уважения к возрасту не держим взаперти. Иначе…

— Какие молодцы! Браво! Да как бы вы заперлито? Где были бы тогда ваши хваленое пуштунское гостеприимство и дружелюбие? Пуштунвали, ваш кодекс чести, слава которого гремит повсюду и которым вы так гордитесь, — взяли бы и вышвырнули на помойку?

— Мы все делаем с предельным почтением. И вы будьте любезны. Мы заказываем сюда все, что вы просите: одежду, еду, кахву. Фрукты, овощи…

— Да, к лечению моего запора вопросов нет. А как насчет нашего багажа, который потеряли? Тоже часть гостеприимства? В ванной нет зеркала, в комнате — обогревателя, свет такой тусклый,

что, если и захочешь, почитать не сможешь, да и читать-то нечего, вам всем совсем нет дела до того, чтобы читать и писать?

— Раз вы такая образованная, то почему разгуливаете вот так, без визы? Сразу двойное преступление: мало того без визы, еще и в Хайбере, пограничном районе, куда даже мы не можем приехать без разрешения, — начинает оправдываться следователь. Забыл, наверное, что нужно жестко вести допрос, и по-детски обижается теперь. — Нам нужно делать свою работу, багаж ваш вернут. Нам нужно его проверить. — Потом он вспоминает, кто здесь должен оправдываться, и тут же задает вопрос, который он и его напарники задают каждый день: — Госпожа, пожалуйста, отвечайте сейчас молча.

— Сынок, да как же можно отвечать молча? — смеется над ним Мама.

Снова и снова она встает, пускается в пространные рассуждения, бранится и грозится.

— Скажите, как вы сюда попали?

— Сынок, память у тебя совсем слабая. Только вчера рассказывала, что, когда мы возвращались из Торкхама, твоя же какая-то машина перерезала нам путь и остановилась. Поэтому нам тоже пришлось остановиться, иначе мы бы столкну-

лись. Из машины вышла толпа вооруженных автоматами парней и окружила нас. В это время я рассматривала Хайберские горы. Серо-бурые, вырезанные ножом, а их острые пики отшлифованы песком. Как только не извивалась дорога среди них, местами такая узкая, что и один-единственный верблюд вряд ли протиснется. Бирюзовое небо. В горах — пещеры, где-то они похожи на закрытые глаза риши, а где-то за тобой следит пристальный взгляд вора или солдата — какая разница — в них отражались последние лучи солнца. Здесь горы чернющие, а там — ярко-розовые. Эта картина поглотила меня.

Следователь нервничает.

— Скажите своей матери, чтобы она тоже содействовала следствию, как и вы. Пусть отвечает четко. Предельно четко.

Они приходят, потом уходят. Опять приходят. Опять усаживают ее на стул напротив. Дочь — рядом, но ее просят сидеть молча.

— Когда вы сюда приехали?

— Когда ваши приспешники нас поймали. Смотрите. — Она кладет ногу на ногу и втыкает трость в землю, тем самым давая понять, что сейчас начнется долгий рассказ. — Мы прибыли в Торкхам. Даже не устали. Всю дорогу нас встреча-

ли с такой любовью — приводили в худжры[185], усаживали на подушки, чтобы мы передохнули, угощали сухофруктами и кахвой, пускали на женскую половину дома, где мы могли сделать все, что нужно женщине. Каждый настаивал, чтобы мы остановились в его доме. Столько любви. Эти их земляные крепости, железные ворота, внутри сплошные машины, в стенах специальные отверстия, чтобы было видно все, что творится снаружи, а при желании можно просунуть туда ствол ружья и отстреливаться. Раньше не выпадало случая увидеть это.

— Пожалуйста, рассказывайте только то, что спрашивают.

— Господи, да потому что ваш специальный чиновник, как мы слышали, поехал туда. Какой-то милый человек принимал нас у себя, угощал, а потом отправил с нами своего сына. Африди. Пропускной пост в Мични, пропускной пост в Торкхаме — везде этот славный мальчик выходил и говорил, что мы его гости, и мы двигались дальше. И его вы куда-то дели. Где он? И его под замок посадили? Его-то за что? Он проявлял гостеприимство, то самое прославленное — пу-

[185] Примечания: 185

У пуштунов место, где принимают гостей, собираются, чтобы обсудить социальные, религиозные и прочие вопросы.

штунское. Где он?

— Здесь спрашиваем мы, не вы. Вы отвечайте. Скажите своей матери, чтобы она собралась. Если будет на то воля Аллаха, мы поскорее покончим с этим делом, а вы сами усугубляете свое положение.

— Мама, просто отвечай. Тогда мы уедем отсюда.

— Именно этого мы и хотим — поскорее с вами распрощаться.

— Но мы не хотим, чтобы с нами прощались. Мы хотим увидеть вашего специального чиновника. Мы приехали, чтобы встретиться с ним.

— Зачем вам с ним встречаться?

— Смотри, сынок, — та женщина, то есть Мама, опять постучала тростью, — ты лучше записывай каждое слово. Все время забываешь. Слушай опять. Мы приехали так. В машине. Потом был автобус. Автобус выехал из Пешавара. Люди сидели в нем, свесив наружу ноги. Такой весь разукрашенный автобус. Нет такого цвета, которого бы не было на нем. Весь в рисунках и узорах. Сосны были нарисованы. Озеро, дома-лодки. Лица кинозвезд, светлые-пресветлые. Шамми Капура даже я узнала. Куры, лебеди, утки. Антилопы, медведи, цветы и красное-крас-ное сердце,

пронизанное стрелой любви, молчи, не встревай, дай вспомнить. Разноцветные гирлянды из цветов и лампочек, отделанные маленькими сверкающими стеклышками — так, что можно смотреть без устали. Какой же замечательный автобус, водитель всю душу вложил. Не то что вы — дали нам эту комнату в глухомани. Лампочку хоть повесьте, света мало. И, — она опять подала знак молчать, — чтобы не забыть: по всей дороге шли люди, чьи спины сгибались под тяжелым грузом — телевизоры, усилители, колонки, холодильники и прочая дребедень. Наверняка сюда принесли? Так разве сложно поставить нам сюда телевизор? Хоть новости посмотрим. А то отрезали нас от мира.

— Госпожа, перестаньте, пожалуйста. Давайте опять пойдем сначала, — говорит он так, как будто дает второй шанс. Хотя это он — тот, кто теряет силы и терпение. Мама изнуряет его. Изо рта следователя все больше высовывается птица, а он водит по ней языком в предвкушении, что вот-вот проглотит.

— Господин, ты уж определись. Говоришь, завершим. И на том же выдохе: «Давайте опять сначала». — Мамин легкий смех эхом пробегается по Хайберу.

— Имя? — спрашивает он и поднимает руку, призывая к порядку.

— Что толку говорить? Если вы не можете ни читать, ни слушать?

— Чандрапрабха Деви, назовите свое имя, — говорит он довольно громко. Наверное, тренировался в уме и теперь научился выговаривать.

— Называешь по имени и просишь сказать имя, — смеется она. — Солнце, скажи, как тебя зовут? О Чанда-луна, скажи, как тебя зовут?

— Кто такая Чанда? Откуда приехала? Зачем?

— Я — Чанда, — громко говорит ему Мама. — Ч-а-н-д-а. Чанда. Я отсюда. — Опускает руку в землю. — Приехала по собственной воле.

— У вас в паспорте не это имя.

— Луну отправили без паспорта.

— У вас нет визы.

— Луну отправили без визы.

— По паспорту Вы проживаете в Индииж. Ваш дом очень далеко отсюда.

— Он там, где он есть, это ты далеко, сынок.

— Я здешний, это Вы сюда приехали.

— Нет, сынок, Я не приехала — уехала отсюда. — И, как будто склонившись в молитвенном поклоне перед небом, произносит:

Не знаю, откуда взялась эта отчуж-

денность,

Откуда бы ты ни был, я тоже оттуда[186].

— Госпожа, скажите, пожалуйста, матери, чтобы давала правильные ответы.

— Сынок, почему правильные только те ответы, которые ты знаешь?

— Ма джи, — хватается он за голову. — Зачем вы сюда приехали? Навлечь беду на всех на нас?

— Вот смотри. — Мама опять опирается на трость, давая понять, что разговор опять будет длинным. Встала. — Это ведь Хайбер? — Делает паузу. Ответа не последовало, и тогда продолжает: — Хайбер так Хайбер. Все приходят сюда. — И начинает перечислять, кто за столетия побывал здесь. — Александр Македонский, Тамерлан, Бабур, Ахмад-шах Дуррани, Мухаммад Гури, Махмуд Газневи, шелк, железо, золото — все было принесено ему в жертву. Только вглядись в сияние этой каменной земли — вот это да! — где-то вырезано кольцо, где-то медальон, где-то браслеты, которыми хайберский владыка леса с любовью украсил

[186] Примечания: 186

Строки из газели поэта Мира Мухаммеда Таки, больше известного как Мир Таки Мир (1723–1810). Мир Таки Мир писал на языке урду и во многом повлиял на становление его литературной формы.

себя. Волшебство повсюду. Чье угодно сердце забьется чаще от желания попасть сюда. — Пока говорила, она качала головой, а вместе с ней и тростью.

— Почтенная госпожа, вы же знаете, какое это опасное место? Кто вас сюда привез?

Но Мама продолжает, прервав его:

— Когда заходит солнце, хайберские горы сверкают розовым. Небо наполняется цветом. Любой, кто пропадет здесь, улетучивается, так что ищи-свищи. Но что поделаешь, — сказала она невинно, — если единственный способ быть здесь в безопасности — это не приезжать, то придется рискнуть, ведь так?

— Мы хотим, чтобы вы были в безопасности. Но вам придется ответить на вопросы, которые нам нужно задать. Кто привез вас сюда?

— Мое желание.

— Назовите имя.

— Чанда.

— Не ваше.

— Ага, признал мое имя?

— Имя того, кто привез вас сюда.

— Али Анвар.

— Что-о-о? — Птица забилась в тревоге.

— Как зовут вашего специального чиновника?

— Али Анвар, — непроизвольно вырвалось у него. — Что-о-о? — На это раз ярость, похоже, была направлена на него самого. — Назовите имена тех, кто был с вами в Карачи и после этого, — выпаливает он. — Они вас привезли. Без необходимых бумаг. Нам нужно поговорить с ними.

— Меня привел сюда Али Анвар. Мне нужно поговорить с ним. Вы отправили ему мое послание?

— Госпожа, мы желаем вам благополучия. Пожалуйста, отвечайте на наши вопросы.

— Пожалуйста, отвечайте на мои.

— Госпожа, мы должны будем провести расследование. Вы иностранка, женщина, в возрасте, не понимаете, но те, кто привез вас сюда, пакистанцы, они знали, что поступают неправильно, нам нужно проверить их.

— Как наш багаж? Вы просто сделали так, чтобы он исчез. Только трость вернули, всю битую-перебитую. Остальное отправили саперной бригаде? И думаете, я помогу вам отправить этих милых людей туда же? Дудки!

— Скоро вы получите свой багаж. А теперь скажите, пожалуйста, имена. — Как будто дает взятку.

— Чанда. Али Анвар. Какое тебе дело до остальных?

На следующий день багаж вернули. Мама подскочила к своей сумке и открыла ее.

— Моя статуя. Где моя статуя?

— Ее пока изучают. Она очень старая. Она останется там, откуда она.

— Я тоже очень старая. Останусь там, откуда я. Мальчики, — обратилась она к охранникам с «Калашниковыми», — закажите мне щипчики для ногтей.

19

Кто эта женщина? Я не знаю ее. Каждый день новая история. Как так может быть? Это с возрастом что-то расхлябалось внутри?

Это я расхлябалась. Не могу разглядеть, как каждый день она принимает новые обличия. Не могу терпеть эти бесконечно меняющиеся оттенки настроения. Теперь я даже не знаю, кем она назовет себя в следующее мгновение. Я все время живу в сомнении.

Как она стала такой? Как за одну жизнь кто-то может быть столькими вещами сразу и плыть в настолько разных направлениях?

Она была моей матерью. Я была ее опорой в

старости. Взяв ее за руку, я привела ее на эту сторону. Когда я успела запутаться в подоле ее струящейся абайи, который она тащила, куда ей вздумается? Куда она привела меня? С кем только она не встречалась и кого только не втянула в эти безумные поиски! В Карачи была какая-то подруга — отправилась к Аллаху, а дочь ее где-то в Синде, там мы узнали, что ее двоюродный брат по матери был переведен в Пешавар, и нам надо с ним встретиться.

В Пешаваре выяснилось, что он отправился в командировку, так она настояла, что времени нет и нужно ехать за ним. И мы оказались на той дороге, про которую чиновники говорят, случись что, смерть, несчастный случай, они ответственности не несут. Ни капли не сомневаясь, она пробралась в это опасное место под названием Хайбер. После Джамруда — Хайберский проход, и мы брошены на милость пуштунов. Убийства, грабежи и разбой — вот обычаи этих мест.

Я сдурею от страха. Но ее — а кто она? — страх и пальцем не тронет.

У меня не осталось даже тени надежды. Я поехала с мыслью, что хорошо бы немножко порадовать ее на излете жизни. На излете ее жизни, но не моей.

Я обманулась. Мне казалось, что веду ее, показываю дорогу. Я заблуждалась. Все думала, ну ладно, всего-то, хорошо, и это тоже, пусть, подставлю плечо, а здесь бесконечная цепочка — одно цепляет другое, и везде нужно поддержать. Спросишь: «Далеко еще?», отвечает: «Вот уже, почти пришли». Каждый раз «вот уже, почти пришли». Раз за разом «вот уже, почти пришли».

И куда пришли? Хайбер. Тишина. Даже хайберский ветер дует где-то снаружи. Сюда ничего не долетает. Со всех сторон — только эта высокая стена и деревянная дверь, сделанная в ней. Которая всегда закрыта. Открывается, только если принесли еду, кахву или пришел следователь, тогда с ними проникает легкий порыв ветра.

А эта женщина? Кто она? У нее множеством форм, имен, домов и языков. Кому верить?

Говорит, вот только сюда осталось съездить, а это — последний, кого надо повидать. Мол, это конец.

Как же конец? Что, прямо сейчас в путь? Так почему не идет? Почему продолжает дурачиться, так что, если они и захотят, не смогут отпустить ее? В конце концов, пусть и для вида, но они должны соблюдать хоть какие-то правила.

Та женщина, кто она? Как будто и не хочет

уходить вовсе. Я смотрю на ее возраст и ей напоминаю о нем, но волнует ли ее хоть сколько-то мой возраст? Кто я, как попала сюда, такой должна была быть моя жизнь? Чья эта жизнь? Чью жизнь я живу? Это настоящая я? А как же та, что осталась позади?

Вдруг я поняла, что ужасно соскучилась по К. К. Даже сказала им, что я журналистка и мой гражданский муж — тоже. Что он наверняка волнуется и ищет нас. Сказала с гордостью, но и с надеждой, что они все испугаются. Хоть немного. И меня тоже.

Но кто тут пугается, кроме меня? Ни эта женщина, ни те, кто приходит сюда каждый день: то пограничники, то представители власти Пакистана, то военные, то племенные лидеры и, может, даже террористы. Страх и угрозы — игра двух наших стран. И кого угодно они могут сделать в ней пешкой. Могут использовать двух невинных женщин для заключения политической сделки. Отпустят нас, если в Индии отпустят их заключенных. Выменяют наши жизни на какого-нибудь опасного шпиона или террориста? Согласится ли наше правительство? Только если жизнь двух женщин хоть что-то значит для них, так?

Только если моя жизнь хоть что-то значит для Мамы, так? Это не моя история, а в ее истории меня нет. Кто она, чего хочет, почему не сделает так, чтобы они сжалились и отпустили нас? А наоборот, без конца подначивает.

Я боюсь. Покрываю голову, чтобы показать уважение к их традициям и надеясь, что меня тоже будут уважать. На все вопросы — а они приходят каждый день и спрашивают одно и то же — отвечаю крайне вежливо. «Ваше имя?» Говорю. «Имена родителей?» Говорю. «Зачем приехали сюда?» «С Мамой». «Без визы?» «Да», — а что еще сказать? «Вы образованный человек, вам известно, что это неправильно». «Да, но у нас не было дурных намерений. Мы невиновны. Отпустите нас. Сколько еще будете держать здесь? Наши родственники волнуются. Вы же видите, сколько Маме лет».

К. К. знает? А Старший знает? Знали бы, что-то предприняли бы уже. Пройдет еще несколько дней, пока спохватятся, где мы, что мы и когда вернемся. К тому времени эти четыре охранника уже изрешетят нас.

Только и ждут этого с первого дня. А ты все время трясешься, когда же тебя поджарят. Все кружат над нами. Ночью, когда мы идем спать,

сторожат у двери. Стоит только сомкнуть глаза, как выскочат и будут палить без остановки. С каждой пулей я буду падать все ниже. Какая же прикончит меня? Кто посмотрит в мое мертвое лицо? К. К.?

Почему стала так скучать по тебе? Почему мы не скучаем по тем, кто рядом? В следующий раз, когда будем идти рядом, каждый миг буду смотреть на тебя так, как будто тебя здесь нет, и тогда не совершу ошибку, отстраняясь или пренебрегая твоими словами. Буду все время прикасаться к тебе. Ведь этого ты хотел от меня.

Почему мы хотим прикоснуться друг к другу не в одно и то же время?

А эта женщина, которая не думает ни о ком, кроме себя самой? Неужели Мама не видит синяки у меня под глазами? Она даже попросила принести нам зеркало, чтобы я переживала каждый раз, когда смотрелась в него. Посмотри, какими грубыми и шершавыми стали мои руки! А этот волос, торчащий из носа, теперь не могу даже ножнички попросить, чтобы отрезать его. Он бесит тебя, но что поделать? Где твои ножницы, К. К., в гостиной? К. К., если бы ты увидел меня сейчас, весь твой пыл угас бы. Брови срослись в сороконожку. Густые усы. Здесь я превращаюсь в

мужчину. Еще и старого. Полюбишь этого обрюзгшего, побледневшего скуко-женного старика? Черта с два!

Да и они наверняка видят в нас разбитых, сломленных женщин. Наивных и несмышленых. Никаких не шпионок и диверсанток. Но эти две страны… бесконечное соревнование в безумии. За что угодно могут призвать к ответу, отомстить, потребовать выкуп.

А эта Мама, которую я всегда считала Моей Мамой, взялась усложнять даже то, что совсем просто. Без визы. Потом отказывается выдавать людей, помогавших нам. А я знаю их только как дядя такой-то, дядя сякой-то, брат того-то, да и если бы захотела, не смогла бы свидетельствовать против Маминой воли. Еще статуя эта. Которую она нашла здесь, еще одна такая же в музее Лахора. Древняя статуя, национальное достояние, а она присвоила и разгуливает с ней как ни в чем не бывало. Они не возвращают, а она негодует и требует. Да господи, забудьте! Спасите свою и мою жизнь. Поедем обратно.

— Обратно? — сказала она. — Так я вернулась обратно. Мне нужно встретиться с Али Анваром.

«Али Анвар, Али Анвар», — только и слышу я. Расстраиваюсь и пытаюсь изгнать его из своей

головы. Да кто бы он ни был. Только оставьте нас в покое.

Ой, что это, охранники спят? На маленькой веранде, прислонившись к стене. Обмякли. «Калашниковы» соскользнули с плеч. Беспечность? Или наконец поняли, что нечего бояться этих заключенных, которые не способны ни сбежать, ни убить?

Я пристально вглядываюсь. Сейчас они не могут причинить мне никакого вреда. Пока спят… но стоит проснуться — сила на их стороне. Выскочить и вырвать у них автоматы? Пиф-паф — и прикончу их? Но даже тогда мы не спасемся. Сначала я уничтожу их, потом Маму, потом себя.

Все, что случилось до сих пор, — цветочки. Мы все еще вместе — Мама и Дочь. Но кто знает, как они поведут себя? А что, если разлучат нас, чтобы надавить? Или начнут ломать руки-ноги? Нет-нет, они не тронут нас. Но если позовут женщин — полицейских?

Ружейный выстрел. Где? Час от часу не легче. Меня подстрелили? Нет, эти спят. Маму. Прибежала во двор. Уложили Маму. Что будет со мной? Без Мамы в этом аду.

Охранники проснулись. Один из них засмеялся, поправляя ружье. Увидел мои испуганные глаза.

— Снаружи стреляют, свадьба, наверное, — сказал он.

Да ладно, мой же убийца успокаивает меня. Как это понимать? Охранник маленький: и по длине, и по ширине, и по возрасту. Отнять оружие — жалкий и никчемный. Борода есть, но за ней — ребенок. У одного даже бороды нет. Наверное, и не бреется. Такой огромный автомат у него. Стрелять хоть умеет? Но «калашников» настоящий. Автоматы в руках наших чокнутых государств имеют привычку стрелять по собственному желанию.

Это все шутка, или мы в опасности?

Неведение — это особый страх. Ведь с нами ничего не случится? Если мы застряли в государственной машине, то им придется соблюдать официальный протокол. Если дело попало на бумагу, придется потратить чернила — мол, смотрели, слушали, процесс идет. Проверять багаж, допрашивать нас, держать под замком — все это часть процесса. Выйти можно только тогда, когда он закончится.

Но Мама ведет себя так, как будто на каникулах. Сидит себе. Вытащив стул на солнце. А рядом с ней стоят двое охранников. Смеются. В ушах у меня звенит, что ли? «Он бросает мяч быстрее,

чем Шоаиб Ахтар». — Это он говорит Маме?

Я с грохотом бухаюсь на веранду, рядом с двумя другими охранниками, которые спали и которых я хотела изрешетить раньше, чем они изрешетят меня.

Никто не обращает внимания, а быстрый боулер смеется и раздувается от гордости.

— Правда, я играл в клубный крикет в Пешаваре. Джавед Сахиб как-то видел меня во время тренировки.

— Джавед Миандад, — объясняет второй охранник Маме.

— Сказал, давай, кидай мяч, я смотрю. На нем были щитки. Он уже вышел на пенсию, но это все равно был Джавед Миандад. Я набрался смелости. Отсчитал двадцать пять шагов и показал класс.

— Да как же вы поймете, о чем он говорит? — К этому моменту все охранники окружили Маму.

— Не знаю, но вы продолжайте говорить — узнаю. Я смотрела, как все смотрели крикет.

— Мы разыграли пять мячей, и Джавед Сахиб признал поражение: «Хватит, дружище, я проиграл».

— Видите, уважаемая мама, какой он хвастунишка?

Уважаемая мама? Уважаемая мама!

— Ну и ну, сынок! Так почему не стал играть в крикет дальше? Почему схватился за ружье? — Мама подняла трость и в шутку погрозила ей.

— Ты идешь туда, куда ведет бедность, — ответил сынок.

— А вот скажите, — начал другой, — кто лучше: наш Имран Хан или ваш Капил Дев?

— Я не знаю никаких наших-ваших, — сказала Мама, и опять раздался смех — опять уходит от ответа.

Мама! Мама?

20

Хайбер молчит. Каждый его день одинаковый. И в этой одинаковости каждый день разный. Жизнь застыла, но продолжает уходить.

Хайберское небо. Хайберские горы-истуканы. С остроконечными головами. Безмятежно сидят в позе лотоса. Дверь, окруженная истуканами и небом.

Дверь никуда не ведет. Стоит, окруженная высокими глиняными стенами и приделанная к двум комнатам, вырезанным в них. Если вздумает когда-нибудь тронуться в путь, то потащит их за собой, как локомотив.

Дверь заперта снаружи.

Если посмотреть сверху, увидишь застывший Хайбер. Где-то вдалеке грохочут колесами бесконечные цветные грузовики и исчезают, не оставив и царапины на этой глади тишины. Густой черный дым выскакивает из выхлопной трубы, как немое животное, и исчезает в горах. Как ружейные пули. Которые рассекают воздух по случаю свадьбы, рождения, смерти, в знак любви, ненависти и всего чего угодно. И никто их не считает.

За дверью живут две женщины. Мама и Дочь. Посмотришь на Дочь, и кажется, что она в заключении. Нарезает круги по малюсенькому двору, как мышь в клетке. На все смотрит с опаской. В каждом шевелении ей мерещится смерть. И если так продолжается день за днем, то собственное шевеление исчезает, превращаясь в омертвение. Все становится настолько обездвиженным, что только смерть может растормошить. Одно мгновение не отличается от другого, ночь — ото дня, один бесконечный затянувшийся момент смерти.

Дверь остается закрытой, но постоянно открывается. Приносят чай, завтрак, фрукты-овощи, дал и мясо, роти и нан, воришкой проскакивает порыв ветра, чтобы схватить его, приходят поли-

цейские, военные, чиновники, террористы, и все — грудь колесом. Отбросив шаль на плечи, Мама дает чудаковатые ответы и отвечает вопросом на вопрос, Дочь завернулась в шаль, как в бурку, и ее спокойный голос, присущий мудрым и пожилым, москитной сеткой окутывает пространство. Слой за слоем Мама скидывала века хиджаба, и теперь Дочери приходится компенсировать это, склоняя голову и скрывая свое тело. Всю жизнь склонять и скрывать. Даже если всю жизнь на поруках у Хайбера. Даже если смерть придет сейчас — это тоже на совести Хайбера.

Вопросы выдохлись. Все те же вопросы, все те же ответы — поднимаются со дна двора, парят над высокой стеной и исчезают в крошечном клочке неба, который может поместиться в кулак. Их обрывки, зацепившись за единственный минарет мечети, трепещут на ветру.

Следователь выходит за дверь. Не запирает ее. Звякнув еле слышно, цепочка повисла. Дочь напугана. Специально оставили открытой. Чтобы мы сбежали, а потом нас прихлопнули под этим предлогом. Устали от этой драмы — пора кончать.

Поэтому все стали такими спокойными? Все четверо охранников готовы были спустить курок,

как роботы, а теперь лежат развалившись — они отдельно, автоматы отдельно. Разговаривают с Мамой о крикете и болливудских фильмах.

— Теперь вы поняли, что мы не преступники, отпустите нас, — говорит Дочь тому, у кого вместо рта птица. По щеке катится слеза.

— Да что же вы так волнуетесь? Вы ведь наши гости.

— В тюрьме и гости? — Интрига закручивается. — Мы больше не хотим быть здесь гостями. Когда можно будет уйти?

— Бог даст, — говорит он, заставляя птицу слегка подпрыгивать. — Что это за «бог даст, бог даст», еще одна угроза? — И это случится, мы ждем приказа сверху.

Приказ сверху? Кто там сверху, и что за приказы? Очень закрученная интрига.

А эти Дилип Кумар и Мадхубала, Сунил Гаваскар и Имран Хан, эти утешения и ободрения? Что это? Новая интрига? Чтобы усыпить нашу бдительность? И тогда изрешетить?

Дочь постарела. Волосы на висках поседели. Появилась одышка, как при астме.

— Если что-то нужно, дайте знать. Любые жалобы — дайте знать.

Дыхание Дочери сбивается все сильнее. Нам

крышка. Это хитро продуманный план. Хотят ослабить нашу защиту, чтобы мы сболтнули что-нибудь такое, и уж тогда наша песенка спета. Принесут в жертву. А до тех пор корми, пои и украшай цветочными гирляндами.

Цветы уже подготовили. Ведь у второй женщины просьба за просьбой.

— Что за угрюмую, безжизненную обстановку вы здесь устроили? — отчитывала она Наваза Бхаи. — Травку хоть посадите, цветы.

И Наваз Бхаи принес растения, совок, удобрение и лейку.

Неужели Мама не понимает? Что это тюрьма? Вот так исполнять любые желания. Уловки. Показуха. Приемчики, чтобы ослабить тебя. И когда совсем обмякнешь, тебя прирежут. Неумышленно она помогает осуществить их план.

Несмышленая. Она похожа на крошечную куколку, одетую в просторную абайю, которая стоит опершись на трость. Разбила клумбу в спичечном коробке. Без конца воркует и обсуждает крикет с убийцами. Очистила от сорняков, сухой травы и камешков. Руками рыхлит землю. Похлопывает, чтобы разровнять. Аккуратно собрав совком малюсенькие корешки, поднимает растения, усаживает их в приготовленные лунки и укрыва-

ет землей. Безбородый убийца приносит воды в лейке, и Мама поливает только что посаженные цветы.

Наваз Бхаи принес и горшки. С такими же растениями. Но большими. Вот и цветы. Бархатцы.

Я видела, как на Ид аль-фитр на козла вешают гирлянду из бархатцев. На клумбе еще не зацвели, сколько ждать еще? Поэтому принесли в горшках. Все это — их шутовской спектакль, а Мама, дурочка, участвует в нем.

— Гул-е-оуранг, — говорит Наваз Бхаи.

— Зафаргул, — говорит один убийца.

— Гулфишан, — говорит другой.

— Гулхазара, — добавляет третий.

— Бархатцы, — говорит Мама и продолжает: — Какая разница, как назвать, ты — так, я — эдак, как ни назови — они на все согласны.

Хайбер молчит. С наступлением темноты на него покрывалом опускается безмолвие, и кажется, что это только первый из множества слоев ночи.

21

Хлопая крыльями и кувыркаясь в воздухе, как будто кто-то выстрелил ею из ружья, прилетела ворона. С громким карканьем она повисла на

минарете, потом сделала усилие и, тяжело дыша, уселась.

Внизу Мама, по локоть засунувшая руки в землю, услышала, как кто-то пыхтит, и щурясь посмотрела наверх: «Да не может быть!» Ворона увидела, как та смотрит на нее, и наверняка подумала, что в земле она ищет червяков. За один взгляд они оценили друг друга, примерились и смирились. Как это было и в прошлый раз. Теперь она когда угодно прилетает посидеть на минарете и вспарывает тишину своим карканьем. В котором слышится «Рам-Рам».

Кажется, Мама сидит, укутавшись в землю, а Дочь — в свою накидку. Мама начала разговаривать с вороной, и, решив, что это самец, называет его Коува[187], а Дочь разговаривает с щелями и трещинами.

С опаской ворона соскакивает вниз, на крепостную стену, в глазах тревога, крылья наготове — если вдруг заварушка, успеть взлететь. Мама грозит пальцем, но на лице у нее улыбка. В следующий миг, повернувшись, она обнаруживает приятеля Коуву сидящим рядом с ней в земле. Тот отпрыгивает на два шага назад, увидев Мамин

---

[187] Примечания: 187
«Коува» на хинди значит «ворона».

грозный взгляд.

— Даже и не думай! — говорит Мама. — Даже и не думай совать свой клюв в эти нежные листочки.

Несколько бутонов. Мама поглаживает их пальцами. Раскладывает на них ломтики солнца.

Тук-тук — Коува с почтением стучит клювом о землю. Мол, нет, ваши корешки, листья, бутоны ни в коей мере от меня не пострадают. Мне нужны червяки. Или роти. Он с вожделением смотрит на кусочки, лежащие на подносе рядом с Маминым стулом, а Мама следит за его взглядом.

— Уж больно длинный клюв у тебя, махараджа. Кражу задумал? Это тюрьма, махараджа, не теряй рассудка. И ты без визы? Пожелай себе удачи. Тебя тоже представят Али Анвару.

— Али Анвар уехал в командировку, — сказал Наваз Бхаи. Тот самый Наваз Бхаи, который зовет Маму «Амма джи». И который оставляет дверь незапертой, ни на цепочку, ни на замок.

— Теперь все, что нужно сказать, я скажу только ему, — говорит Мама вороне, протягивая ей кусочек нана.

Мама разговаривает с вороной, а Дочь рассказывает закутку во дворе. Вот так мы и будем жить теперь. Наполовину здесь, наполовину там. До

каких пор? Почему? Мне нужно встретиться с тобой, К. К. Хоть разок. Перед смертью. Чтобы попросить прощения. За то, что ты был рядом, а я не замечала. Нос воротила. «Отпустите меня», — скажу я этому таинственному Али Анвару, когда он придет. Если придет.

Мама не шелохнется, пока он не придет. А если потом шелохнутся эти автоматчики, то нам уже не шелохнуться никогда. «Ой, тихо ты», — цыкает она раздраженно то ли на собственную накидку, то ли на Маму, беседующую с вороной. Прислушивается. Смеется и разговаривает не со мной, а с вороной. Эта улетит, найдет еще кого-нибудь. Возьмет бархатного клеща, посадит к себе на ладонь и будет с ним болтать. Вот только я — никто. Моя жизнь — ничто.

Даже разговаривает с этими обмякшими убийцами. Чьи автоматы обмякли так же, как их руки и ноги. Теперь они мало похожи на солдат, больше — на развалившиеся колонны и стены. Или садовников. Пропалывают грядки по ее указке. Пускают нам пыль в глаза.

— Ну-ка, ну-ка, — говорит Мама вороне.

Или это было «кар-кар»?

Ворона уткнулась клювом в Мамины ладони.

Мама разговаривает с ней. Дразнит.

— Эй, обжора! — Потом увещевает: — Бери, что хочешь, сынок, никого нет, только не трогай растения. — Потом продолжает в киношной манере: — Любил ли ты кого-то в своей жизни? Вручил ли кому-то свое сердце, полное любви? — И уже философствует: — А настоящая любовь только та, которую суждено потерять?

Потерянная любовь настоящая. По-настоящему потеряна, потеряна настоящая.

«Про меня говорит? — встрепенулась Дочь. — К. К. Ты и я? Ты — моя настоящая потерянная любовь». Вспоминает своего племянника Сида. Представляет, как он берет гитару и задорно выводит в стиле диско: «По-о-отерянная-я-я-я на-а-астояща-я-я-я». К. К. смеется, отбивая ритм руками и ногами.

Какая же я одинокая. Дочь впадает в отчаяние. Где я? Я есть вообще? Своя хоть для кого-то? А для себя? Ни для К. К., ни для себя.

Она одинокая. Кто она? Дочь смотрит из далекого угла. Какая же я одинокая. К. К., как бы мне поговорить с тобой? Что она там бормочет себе под нос? Вот до чего доводят разговоры с воронами. Дочь сыта по горло. Встревает из своего далекого угла.

— Мама, — утомленно зовет она. И слегка то-

пает ногой.

Закрытая дверь открывается, и входит следователь, увидев ворону, он отступает.

Или устал. Все хотят, чтобы с этим делом было поскорее покончено, а безумные разговоры были погребены внутри этих крепостных стен.

Но и тут опасный поворот. А что, если Мама запоет, как Анаркали[188]: «Раз пришла любовь, чего бояться?»

Или они все ждут приказа сверху, что делать с пешками? И пока ждут приказа изничтожить нас, изничтожаются сами? Пальни из «калашникова» — и дело с концом.

И кто-то пальнул. Врезавшись в закрытую дверь, Наваз Бхаи выскакивает во двор так, как будто это им пальнули из ружья.

Трепеща от страха, Дочь стоит в углу. Ворона взлетает и садится на стену.

— Поздравляю! — клокочет Наваз Бхаи. — Большой господин едет с вами встретиться. Тот самый, с кем вы хотели встретиться. Он все поймет. Счи-

---

[188] Примечания: 188

Анаркали — имя танцовщицы, в которую, по легенде, был влюблен принц Салим, сын императора Акбара. Салим хотел жениться на ней, но Акбар был против и замуровал Анаркали живьем в стену. Сюжет очень популярен в Индии и Пакистане. В 1960 г. вышел фильм «Великий Могол», в котором повествуется об этой трагичной любви. Песня «Раз пришла любовь, чего бояться» была написана специально для него, исполняет ее Лата Мангешкар.

тайте, уже приказали вас выпустить.

Дочь подбегает к нему.

— Наваз Бхаи, пусть сейчас отпустят. Дайте свой телефон. Я позвоню вам, когда мы будем в своей стране. — Изо рта у нее вырывается непроизвольное бульканье.

— Боже упаси! — Наваз Бхаи соединяет ладони. — Ни в коем случае не делайте этого, прошу. Молите Бога о том, чтобы к нашим народам вернулись здравый смысл и божественное провидение, пусть придет мудрость, и мы свободно будем ездить туда-сюда. Иначе тысячи людей вот так бессмысленно будут пропадать в тюрьмах. С обеих сторон. Мой дядя уже семнадцать лет там. — Из его глаза скатывается слеза.

По нежным щекам убийц — тоже. Дочь глушит всхлипывания в своей накидке.

Мамины руки вымазаны в земле. Она медленно встает. Встала. Потом медленно поворачивается, как вращающаяся кукла. Из глаза Навaза Бхаи скатилась слеза. По нежным щекам убийц — тоже.

— Почему так происходит? Почему это произошло с нами? Почему мы не смогли встретиться? — спрашивает она у Коувы, подняв глаза от земли. Его глаза — горящие искры. — Где ты

был? — спрашивает она печально. — Поддался и испугался?

— Кар-кар, — отвечает Коува. Или «да-да».

Или «Ма-ма».

22

Устроили офис. Но для кого: чиновника Али Анвара или Мамы — с первого взгляда было неясно. Стул и стол. За ним сидит специальный чиновник при исполнении Али Анвар.

В маленьком дворе позади него, скрестив руки, стоит Наваз Бхаи, четверо невинных убийц, тот, что с птицей вместо рта, бородатые ребята, одетые в темные цвета с «Калашниковыми» в руках, прилетевший с минарета на стену Коува, а в соседнем углу сидит на стуле Дочь и выглядывает из-под своей накидки. С другой стороны стола — тоже стул, но он слегка отодвинут. Пустой. Потому что Мама склонилась над своими растениями.

Она стояла и, как кукла, поворачивалась ко всем, вращаясь вокруг своей оси. Медленно. Она посмотрела в глаза новоприбывшему чиновнику, а он тут же опустил их. Мама подбросила вверх пригоршню земли и объявила, как если бы пальнула из ружья:

— Али Анвар, он же Крошка господин.

Частички земли фонтаном подпрыгивали в воздухе.

Наваз Бхаи вручил ей трость, и, помахивая ей, как розгой, она подошла к стулу, села и сказала: «Садитесь!», потому что Али Анвар встал.

У Дочери глаза вылезли на лоб. Слова без остановки вылетают изо рта. Но никто не обращает на нее внимание. Да, ворона пару раз прыгнула в ее сторону по стене, но у ворон свой промысел — скачи-кружи и уж когда-нибудь где-нибудь получишь свой лакомый кусочек.

Дочь никак не может прийти в себя, что-то бормочет крепостной стене. Вот и сейчас. Это и есть Али Анвар? Его Мама называла своим мужем? Какая же я была напуганная, не позволяла этим ее словам даже проникнуть в мои мысли. Помнится, тогда в полицейском участке она по ошибке назвала неправильное имя, а когда услышала, что волосы, растущие на лбу треугольником вниз, называются мысом вдовы, показала свой. Даже звук шагов этих воспоминаний заставляет меня вздрогнуть. Вон! Убирайтесь вон! Жизнь и так запутанная. Не позволю запутать ее еще больше. Нет, я никогда не верила. У нее с головой приключилась какая-то беда. Но даже если просто

слушаешь все это, в сердце поднимается переполох. Поэтому вон. Пожалуйста, вон! Но сегодня я получила доказательство того, что она потеряла рассудок. Это его она называла мужем? Боже мой, да он, похоже, мой ровесник. Около того. Чуть старше? Или чуть младше. Наверное, услышала где-то имя, и оно застряло в ее расшатанных мозгах. Бедняжка. Наверное, все это был уже перебор для нее. Наверное, разум затуманился. Мама. Моя. Мне нужно будет оберегать тебя. Но что мне делать, что? Что здесь в моих силах? Господи, Аллах, Бхагван, Милостивый, К. К., Старший, Рахат Сахиб, господин посол, Невестка, мистер «Бог даст», кто-нибудь, спасите нас!

Дочь стала немного напоминать жену Старшего: склоняет голову перед каждым божеством, совершает арати. Прибыл устранитель препятствий. Бог всемогущий. Хранитель и защитник.

— Господи. — Она в нетерпении выходит вперед. Как будто сама выпустила себя из своей же тюрьмы. — Мы ждали вас.

И вот вы пришли. Вы — наша надежда, вы образованный человек, только спросите у того посла, который организовал нашу поездку, и он скажет вам, что мы ничего не сделали, освободите нас, — рассыпается она по двору.

Тот, что с птицей вместо рта, жестом указывает ей на стул.

— Ваше имя? — спрашивает Али Анвар. У Мамы.

— Гляди-ка, тебе не сказали, с кем ты идешь встречаться? — спрашивает Мама.

Али Анвар смотрит вниз, на стол, потом наверх, потом куда-то слева от Мамы, потом — справа.

— Как вы сюда попали?

— Твоя вот эта рать, — она обводит рукой собравшихся, как будто смахивая их веником, — и этого не сказала? — С ее руки до сих пор осыпаются частички земли.

Али Анвар обращается к ней с большим почтением:

— Госпожа, вы поступили очень неправильно. Снаружи очень опасно, вы даже не представляете.

— Что ж, спасибо, твои люди привезли нас сюда, — улыбается Мама.

— Это, правда, так, госпожа, здесь вы в безопасности. Если кто-то пропадет снаружи, никогда не узнаешь, то ли он попал в руки к талибам, то ли погребен в каком-то из этих ущелий. Мы хотим отправить вас обратно в целости и сохранности.

— Я уже вернулась обратно. — Мама смотрит

ему прямо в глаза. Али Анвар опускает глаза еще ниже.

— Госпожа, вы же знаете, что у вас нет визы.

— Что мне с той визы? Не нужна была до сего дня, а теперь в моем-то возрасте понадобилась? — Мама говорит так, как будто ей сто лет. Двести лет. Много сотен лет.

— Вы знаете, что это преступление. Вы пересекли границу. — Голос Али Анвара повысился на тон.

Дочь делает шаг в сторону Мамы и три — назад. Коува остается там, где был, застыл неподвижно, вывернув шею и подперев одним крылом щеку, — слушает не моргая.

Потому что Мама уперлась тростью в землю и начала вставать. Все встает и встает. Чтобы выпрямиться. Но и после этого продолжает расти. Как будто уже не маленькая, а все выше и выше, пока не упирается головой в хайберское небо. Теперь, когда она наконец выпрямилась, все смотрят на нее снизу вверх и слушают, подпирая щеки руками.

— Граница, — говорит Мама. — Граница? Знаешь, что такое граница? Черта. Что такое черта? То, что обводит бытие, опора человеческого существования. Такая большая и такая маленькая.

Каемка на платке, узор по краю скатерти, вышивка, собирающая нити на моей шали. Свод неба. Клумбы по сторонам этого дворика. Межа на поле. Парапеты на этой крыше. Рамка картины. У всего есть свои границы.

Но граница не для того, чтобы выдворять. А для того, чтобы еще больше осветить обе стороны.

Ты меня выдворил. Так что, я уйду? Нет.

Граница не закрывает, но открывает. Придает форму. Украшает края. Кайма расцвечивает и эту сторону, и — ту. Отделай резьбой, пусть сверкает цветочным орнаментом, пусть переливаются драгоценные камни. Что такое граница? Она проявляет бытие. Дает ему силу. А не разрывает.

Граница подчеркивает индивидуальность. Там, где встречаются обе стороны и обе стороны цветут. Граница украшает их встречу.

У каждой части тела есть граница. И у этого сердца. Она окружает его, но и, как мост, соединяет с другими частями. Не разделяет его — ни внутри, ни снаружи. Глупцы, если провести границу через сердце, то это уже не называется границей, а называется раной! А если сердце запереть внутри границы, то оно взорвется.

Ослы, граница не для того, чтобы что-то остановить. Это мост между двумя частями. Между

ночью и днем. Жизнью и смертью. Обретением и потерей. Они связаны. Их нельзя разделить.

Граница — это горизонт. Где встречаются два мира и заключают друг друга в объятия.

Граница — это любовь. Любовь не заключает в тюрьму, а осыпает звездами, чтобы преодолеть все препятствия. Граница — это линия соединения. Способ совместить здешнее и тамошнее во имя их же счастья. Соприкосновение. Встреча. Слияние.

Граница — это игра. До чего веселая. Провели линию. И давай скакать туда-сюда. Вот так. Прыг-скок. Привязали веревку. И стали на ней качаться. Туда-сюда. Вот так. Скользи туда-сюда. Вот так. Иди, как акробат, балансируя и падая туда-сюда. Вот так. Смеясь в азарте. Игра. Так играй, смеясь. Моя сторона — твоя сторона. Подбрось мяч, ударь, перелетел — шестерка! Коснулся черты — четверка! По рукам!

Забавы и радости на границе. Пой песни, танцуй, читай стихи. Сделай ее еще изящнее. Бесконечно и бесстрашно. До предела. Границы, края. Но не припечатайся к ней. Не припечатай. Двигай границу — вперед и вперед, еще вперед. Действуй с любовью, деликатностью и бесстрашием. Как будто обвязываешь невидимой веревкой. Вперед

и вперед. Не теряя равновесия, не разрывая и не разрываясь. Выходи с той стороны.

Граница, господа, для того, чтобы ее пересекать.

Граница — значит, прыгай. Она ведь подстрекает, мол, перескочи, вернись, играй, улыбайся и приветствуй, встречайся и твори.

Перемахнуть через нее — одно удовольствие. Все отношения — через нее. Она обнаруживает себя, чтобы связать одного с другим. Если есть один, есть и другой. Связать их любовью.

А если охватила ненависть, то она растворится в крови, которая бежит по венам отсюда туда, чтобы придавать сил, и потечет вместе с ней — обе части умрут целиком, до последнего кусочка. Какой дурак захочет этого?

Но вы, дураки, этого хотите. Вы сделали границу источником ненависти. Не той красивой границей, добавляющей блеска и очарования обеим сторонам бытия, а диким зверем, который перегрызает обеим артерию и убивает. Невежды, только такие неокрепшие умы, как вы, могли подумать, что можно убить кого-то — и ничего тебе не будет. Дети, у границ, омываемых кровью, только один исход. Разорвав вены, потечет кровь, и все части тела высохнут и окоченеют, вот тогда

и продолжайте кричать «Аллаху Акбар» и «Харе Рама Харе Кришна».

Эта вот граница — вопрос разницы между вашим временем и нашим. Тогда мы так не боялись. Не думали, что везде запрятаны бомбы. В этой трости, в том горшке, в моем ногте. И все время растрачено: разминируй, ищи, вынюхай, тук-тук, шмыг-шмыг. Мир не был таким, что, куда ни глянь, везде мы чужаки и иностранцы. Воздух был чистым, и каждая частичка сверкала. Простые, незатейливые дни. Пыль была пылью, а не невидимыми неизвестными ядовитыми химикатами. Мы знали, чего хотим. Не шли на поводу у жажды славы, денег, власти и первенства. Небо не было этим клочком в полпригоршни, который вы, скряги, растянули наверху. Не было этих стен, которые дом превращают в тюрьму. Наши двери были всегда открыты. В них не было маленьких круглых отверстий, и уж точно никто не бесстыдствовал и не засовывал в них дуло ружья, вместо того чтобы просто посмотреть в глазок.

Границы тогда были прекрасны и по ту сторону, и по эту. На границе — любовь и уважение. На границе дети катались с горки, и все смеялись, смотря на них: хочешь — скатись туда, хочешь — сюда.

Зная, что здесь его дом, а там, за новой границей, новые радости, Интизар Хусейн отправился в путь — почему бы не испытать их? И тысячи Интизаров отправились в путь, мол, пойдем туда, а потом вернемся.

Разве знали они, что вы — отдельный народ? Что считаете себя главным орудием в борьбе со вселенной? А крики и вопли разрушения — ростками бытия в саду жизни?

Не все Интизары смогли вернуться. Их Дибаи остался позади, они везде стали чужаками. А граница? Она заалкала злодеяний и убийств, и вместо солнечного света и воздуха там стали разгуливать бесстрашные людоеды. Что, кроме изношенных и изодранных воспоминаний, можно найти с той и с другой стороны? Тогда Интизара Сахиба поглотила скорбь, и в слезах он повторял: «Все, что мне осталось, — это трепать хлопок воспоминаний».

А где граница? Господа, Пичхва повесил флаг на дереве, и получилась граница. Когда сумасшедший Маулви Сахиб из новеллы Джогиндера Пола приехал в Карачи, для него не было никакой границы, он продолжал считать, что живет все в том же своем Лакхнау. Вы создали границу у себя в уме. Поменяли имена, но места остались

прежними, и люди — тоже.

Не будьте дураками. Делайте, как я говорю. Плывите через колючки границы, как воздух. Станьте электричеством, если есть провода. Станьте хорошими и играйте в хорошие игры. Если будете останавливать хороших, то останется ли время ловить плохих? Вы устроили игры страха. Собачью грызню. Все лаете: «Гав-гав, это моя территория, граница помечена, только сунься, гав-гав, сожру целиком».

Не дайте ненасытным распоряжаться границей. Кровопролитие и жестокость у них задарма. А солнечный свет, небо и воздух — чтобы украсть.

Не признавайте границу. Не разбивайтесь об нее вдребезги.

Есть только мы. Если мы не признаем, то этой стены не останется.

Тростью Мама провела линию. И стала переступать через нее. То прыгала, то раскачивалась. Играла, вскидывала руки и ноги, сотрясая землю. Ее голос то взмывал вверх, то устремлялся вниз. Глаза то загорались, то смеялись. А иногда она останавливалась на линии и начинала вращаться, направляя поднятую трость в головы собравшихся, так, что им приходилось уворачи-

ваться и наклоняться то вправо, то влево.

Все девять рас[189] были рассеяны в воздухе.

Все встали, окрасившись в самые разные цвета и эмоции. У Али Анвара лицо было красным, у бородатых лица были желтыми, у убийц — изумленными, у Навaза Бхаи — одухотворенным, у Дочери — испуганным, у Коувы — исполненным гордости. Никто даже не пикнул.

Мама замолкает, начинает медленно садиться, как будто спускается внутрь себя. И после того как села, продолжает опускаться, как будто хочет погрузиться в землю.

— Уходите, — отворачивается она, — мое сердце скорбит. Много людей умерло.

23

Неизвестно, когда он ушел, но известно, когда вернулся. Али Анвар. После того, как заключенная Мама произнесла речь о границе. Через день или через два — никто не мог сказать точно. Случилось вот что: открытая дверь открылась, и вся

[189] Примечания: 189

Раса — центральное понятие индийской эстетики, дословно переводится с санскрита как «сок», «вкус». В широком смысле это эмоция, возникающая под влиянием искусства. В трактате «Натьяшастра», посвященном драматургии и написанном в первые века нашей эры, описываются восемь рас, позже к ним была добавлена девятая. Каждая раса соотносится с определенным цветом и богом.

процессия вошла внутрь с той же помпой, что и в прошлый раз. Остановилась. Все в оцепенении — Али Анвар красный, тот, что с птицей вместо рта, мистер «Бог даст» и остальные бородачи желтые, убийцы изумленные, у Наваза Бхаи лицо одухотворенное, у Дочери — испуганное, у вороны — исполненное гордости, никто не пикнет. Все стоят как вкопанные. Как будто опять вернулись в то мгновение и не было никакого перерыва. И что же, сейчас будет продолжение?

Мама в окружении растений, медленно поворачивается, берет трость и медленно идет к стулу, прислоняет ее к спинке стула, отряхивает руки и одежду от грязи и, садясь, медленно произносит:

— Садись.

Али Анвар сел. Все остальные продолжали стоять. Коува, вопреки обыкновению, вспорхнул совсем безмолвно и устроился сверху, на стене. Он подпер крылом щеку, как будто подавая пример остальным, и они тоже подперли щеку рукой в ожидании.

Все молчат, словно не понимая, кто за главного и кто заговорит первым: Мама или Али Анвар?

Все молчат.

Как будто выпили бханга. И ждут, кого прорвет первым — тогда все непроизвольно последуют

его примеру.

Мама молчит, погружена в себя, и это делает атмосферу невыносимой. Но вот она делает знак рукой — идем дальше?

— Госпожа Чандрапрабха Деви. — Али Анвар смотрит вниз.

— Госпожа Чандрапрабха Деви. — Мама иронично улыбнулась.

Вырвавшийся у Дочери вдох хлопушкой упал вниз.

— Госпожа, — сдержанно говорит Али Анвар, — собирайте свои вещи. Вас в безопасности доставят в аэропорт Лахора, а оттуда…

— Где моя статуя? — прерывает его Мама.

— Она… — Голос Али Анвара слегка дрогнул. На мгновение он замолчал и, собравшись, продолжил: — Не ваша.

— И чья же она, любезный? — резанула Мама. — Она всегда со мной.

— Она здешняя, здесь и останется.

— Тогда и я останусь здесь. С ней.

— Как она попала к вам? Из музея пришел отчет. Она из Сикри, округ Мардан, провинция Хайбер-Пахтунхва. Второй век до нашей эры.

— Точно такая же в музее Лахора. — Мама рассказывала так, как будто они во всем согласны и

продолжают мысль друг друга. — Такой же слоистый камень, такой же темный цвет. Мы видели ее. Поэтому я подобрала эту.

— Это кража.

— Что, сынок? Кто-то заявил в полицию о своей пропаже?

— Она нигде не зарегистрирована, но статуя настоящая — это установили доподлинно.

— Так и я, сын мой, настоящая. Зарегистрирована где-то или нет.

— Ее нашли здесь. Это и есть ее страна.

— Меня тоже нашли здесь. Вот и скажи, какая страна моя? Спроси у своего отца.

— Не говорите ерунды! — Али Анвара бросило в краску.

— Спроси у своего отца, что это за ерунда.

— Какое отношение вы имеете к нему? Говорите о себе, о том, что произошло здесь. Говорите прямо — так будет лучше.

— Буду говорить прямо с ним, с твоим отцом. Позволь мне встретиться с ним.

— Не втягивайте его в эти дела.

— Не втягивайте? Он втянут по самые уши.

— Что за околесица, госпожа? Это государственное дело, а не игра.

— Государственное дело и есть игра — бессмыс-

ленная и бесстыдная. Злополучная и унизительная. Глупая и вероломная.

— Пожалуйста, замолчите.

— А он замолчит? Позови его — вот и посмотрим.

— Да почему мы должны его звать? Как он связан со всем этим?

— Как муж связан со своей женой.

Что случилось потом? Все с одной стороны, Мама — с другой. Кто-то встал, кто-то упал. У кого-то заколотилось сердце, у кого-то лопнуло терпение, кто-то взметнулся вихрем. Али Анвар схватился за голову, «калашниковы» еле-еле удержали убийц на ногах. Изо рта мистера «Бог даст» вырвалось «О Господи». Наваз Бхаи сделал шаг в сторону Мамы и споткнулся. Другие бородачи поворачивались то вправо, то влево, а потом принялись грызть ногти. А тот, что с птицей вместо рта, открыл рот так широко, что птица вывалилась и куда-то улетела.

Даже Коува побелел.

Дочь сделала шаг вперед, три назад и, расплакавшись, стала орошать двор мольбами. Ее слова лились бессвязным бурлящим потоком. Маме: «Мама, не чуди, отпускают, так выходи». Навазу Бхаи: «Вы уж ей втолкуйте, что ей нужно

молчать». Вороне: «Что-то там наверху у нее разболталось, себя угробит и меня за собой потащит». Убийцам: «Не убивайте нас, мы и так умираем с каждым днем, я уже подняться не могу, только ей не говорите, скажет, малокровие, скажет, накормите ее куриным супом, скажет, купите ей витаминов на базаре». Бородатым, обращаясь к каждому по очереди: «Это тюрьма, мы ничего не сделали. В ее возрасте голова уже плохо варит, и у вас есть старая мама, и старый папа, наверное, если скажет: «Отвези, это мое последнее желание», то и вы поступите так же, как и я, она потеряла связь с реальностью, даже меня, свою дочь забыла, сына своего тоже забыла, дом забыла, думает, что *это* ее дом, разбила садик, посадила цветы, но это тюрьма, это не наша жизнь, это не моя жизнь, я другая женщина, я живу по-другому, я хотела жить отдельно и жила отдельно ото всех, мой дом… мои книги… музыка… мой неприкосновенный ночной покой… друзья… К.К… длинное ожерелье из старых монет… всегда носила его… Не взяла с собой, думала, скоро вернемся, а тут придется снимать при каждой проверке… если б знала… что… взяла бы… оно часть моей личности… такое не найдешь на базаре Ланди-Котала». Али Анвару: «Ну почему вы не понимаете, она

же не знает, что говорит, я тоже схожу с ума, я задыхаюсь, Али Анвар джи, брат, вы мой брат».

— Да, — сказала Мама, — это твой брат. Иди, скажи Анвару: «Анвар, приехала твоя жена».

Коува пришел в себя и сказал: «Вах!»

24

К. К., я ухожу. Расстаюсь навсегда. Мне было так важно быть с тобой — это я хочу сказать перед тем, как уйти. С тобой жизнь стала жизнью. Даже наши ссоры оживляли каждый волосок на теле.

Спасибо, К. К., спасибо за каждое мгновение, подаренное тобой! Ты дал мне то, чего я хотела. Но теперь я знаю, что жить, как мы хотели, засыпать вместе и просыпаться вместе нам не суждено.

Пишу тебе, любовь. Если сможешь, почувствуй ее и дай мне отваги перенести эту разлуку.

Это Хайбер. Если бы тут было море, то я запечатала бы это письмо в бутылку, тайком вышла бы в эту дверь и пустила бы ее по воде. Чтобы однажды ты получил ее.

Но в Хайбере есть только эти горы. Попасть сюда легко, но выбраться невозможно. Даже ветер, случайно залетевший сюда, испускает тут последний вздох. Да, теперь у Мамы в приятелях ворона. Как раньше та черная птица, помнишь?

Но лучше бы это был голубь, тогда бы я привязала это послание к его шее, и, гонимый силой моего последнего желания, он бы прилетел к тебе. Я к тебе.

А что толку с вороны? Только раздражает меня еще больше. Все нарезает круги, пока Мама несет эту чушь, — как будто сочувствует всем сердцем. А Мама все распаляется. Не понимает, что та скачет вокруг нее в надежде получить крошки и кусочки мяса.

Да, может, и кусочек меня принесет тебе. Часть меня, пожует мясо на косточке и выплюнет перед тобой. Ты вздрогнешь: «Бог мой, это же человек». Может, это будет моя рука, на которой мизинец сильно меньше остальных пальцев. И ты вспомнишь: «Ой, так это рука моей возлюбленной, которая отдала богу душу». Или она притащит часть ноги — тогда тоже сможешь узнать по большому пальцу, который торчит в сторону и очень длинный. Если ты обращал внимание.

Куда мы ехали? В автобусе или поезде? Ты что-то искал для какой-то статьи и, положив мои ноги себе на колени, сказал: «Не то чтобы красивые, но любимые, милые моему сердцу». Дразнил меня. Помнишь? Где это было? Когда?

Что-нибудь помнишь? Меня помнишь? Или,

как Мама, все забыл? Продолжаешь жить своей жизнью?

Все равно я хочу сказать тебе, теперь, когда шанса на спасение не осталось. К. К., ты даже представить не можешь, что со мной происходит. Куда затащила меня моя собственная Мать? Совершенно немыслимый фарс. Она настолько захвачена действом, что хочет умереть, исполняя свою роль.

Ей-то что? Ей восемьдесят. Чего бояться? Так и уйдет, пребывая в своих снах.

Но я, ведь я не хотела этого? Или?

Вчера я поссорилась с ней. Сказала: «Вы всё выдумываете одну ложь за другой».

А ей все нипочем. Набросилась на меня: «Никакая это не ложь».

Мне кажется, она стала делать все это, чтобы раскрасить свою унылую жизнь. Возможно, мне не стоило забирать ее к себе домой. Она завидовала моей жизни. Тому, что я хозяйка своих желаний и не несу ответственности за других. Могу поехать куда хочу, пригласить кого хочу и когда хочу. Никто не может меня остановить, никто мне не указ. Задумала соревноваться со мной, обойти меня. Сбросила с себя одежду. Разнагишалась так, что куда ни посмотри — везде

срам, а ей хоть бы хны — поет себе беззаботно и самозабвенно. С этой Рози. Дружила с Рози, которую никто не воспринимал всерьез. Кроме меня. Я никогда не удерживала ее. Только помогала. Когда Рози-Раза меняли формы, я тоже не препятствовала. Весь мой дом перевернули вверх дном, всю мою жизнь — но и тут я поддержала. Она стала сочинять про себя странные выдумки, мол, погляди, и у меня есть мыс вдовы. Даже имя придумала. Анвар! И, гоняясь за этим именем, мы оказались здесь. Вся эта история продолжалась до вчерашнего дня, и главным желанием было встретиться со специальным чиновником, ее мужем… мужем. А он оказался юнцом, теперь принялись искать его отца.

Я спросила ее, неужели вы совсем не уважаете себя и меня? Мы же просто нелепое посмешище для окружающих. Имейте уважение хоть к своему возрасту. Свадьбы, мужья, вся эта любовь-морковь — только это приходит вам в голову? Совсем забыли про своих родных и о том, что для них хорошо? Что же вы за мать такая?

И знаешь, что она на это сказала? Сказала, а ты подумай, что такое забывать. То, что происходит, происходит осмысленно или в забытьи? А что случилось, сделано думающими или теми, кто

думать прекратил? Забыть — значит умереть. Я не умерла. Я втоптала в песок все, что было за мной, сегодня я вернулась в этот самый песок. Что-то в этом роде.

Я закричала: «Эти ваши песчаные воспоминания затащили нас в пасть смерти. Вы принимаете сны за воспоминания, ну и наслаждайтесь этой выдуманной игрой, пока жизнь утекает сквозь пальцы!»

Нет, бесстыдства не хватило, чтобы сказать: «Вам-то что, все, что должно было, уже случилось, теперь живите, где хотите: в реальности или в своих выдумках». Сказала только, что есть я и мне еще нужно пожить. Я не собиралась жить так. Здесь мое дыхание потерялось. Да если бы я хотела посвятить себя дому, семье и всякой-такой суматохе, то, как и все остальные, завела бы пару-тройку детей, дом со слугами, машину, кого-то, кто помогал бы на каждом шагу, и стала бы мамой, бабушкой, госпожой и царицей. И Рибоки бы надела, мол, гляньте-ка, и это мне по силам. Но я хотела жить своей жизнью. И стоило мне проявить хоть какую-то заботу о вас, все пошло кувырком. Даже дыхание стало исчезать.

— Уезжай. При первой возможности, — сказала она, как будто нашла решение. — Я скажу

Анвару.

Анвар, Анвар — бог знает, откуда взялось это имя, но теперь оно все время звенит у меня в ушах. Впервые она произнесла его в полицейском участке. Наверное, мы не поняли, что после ухода Папы она действительно заболела, впала в глубокую депрессию. И наверное, тогда рассудок ее помрачился. Не могла вынести одиночества, и воспаленный мозг породил другого мужа, тогда, попав в собственную ловушку, она вынуждена была поддерживать свое существование благодаря лжи, и одна ложь цеплялась за другую — так мы попали сюда. В тюрьму.

Или в сумасшедший дом.

Я слышала, что старики впадают в детство. Но считать себя юной? Как же нелепо. А меня в расцвете лет она сделала старухой и привезла в Хайбер умирать.

Да, это должен был быть Хайбер. Лучшее место для этого сюрреалистичного спектакля. Или мог быть Томбукту. Или Луна. Или Марс. Место, непохожее на привычный мир. Мама довольна спектаклем, который она поставила. Даже если умрет, это будет завораживающая смерть. Как же она пристрастилась к монологам. Если бы ты только слышал ее речь о границе в тот день и

видел, как были ошеломлены мы, зрители.

— Придите хоть немного в себя. Посмотрите на свой возраст. На мой возраст. Вы собирались закончить все это на Али Анваре. Не вышло с ним, взялись за его отца. Теперь нам несдобровать. Видели, как он разозлился? Если какая-нибудь женщина придет и скажет, что она жена нашего отца, разве мы будем молча терпеть? — пыталась я вразумить ее.

— Если она жена твоего отца, то не нужно терпеть, нужно оказать ей радушный прием, — упрямилась Мама.

— Как он Вам может быть хоть кем-то? — продолжала я, К. К.

— Он мне не кто-то, а муж.

К. К., тогда я ей напомнила:

— Мам, у него другая религия, другая страна. Какая Вам выгода от всей этой бессмыслицы?

— Выгода? — Она спросила так громко, что убийцы заглянули внутрь. — Это то самое слово, которое приводит в смятение религии и страны, разделяет их. Разделяй, разлучай, и получишь выгоду. Создай страну — спаси веру. А страна создается или разрушается? Религия расцветает или чахнет? Выгода? Что такое выгода? Даже не говори мне. Я сюда не за выгодой пришла.

Просить долю, участвовать еще в одном разделе — это все мне неинтересно.

— Так зачем тогда пришли? — закричала я.

Тут откуда-то прилетел комар и начал пищать мне в ухо. Вспоминаю, как ты, К. К., скрипя зубами, бегал за несчастным комаром и вопил, что не дашь этому козлу улизнуть. К. К., продолжай называть комаров козлами, это утешит мою душу. Но только не говори Маме! А то она тут же сделает комара своим наперсником.

Этот комар-козел отвлек меня… где я остановилась? Да, я, разозлившись, спросила:

— Так зачем тогда пришли сюда?

— Встретиться с мужем, — ответила она с какой-то странной решительностью.

— Вы индуска, он мусульманин, как он может быть вашим мужем, как вы могли пожениться? — Я попыталась раскрыть ее обман.

И тут у нее ответ наготове, представляешь, К. К.? Целую речь произнесла: «Ты что же думаешь, связи и отношения появились только после того, как пришло ваше поколение? А раньше людей в мире не было? У них не было желаний и стремлений? Мы тоже жили. Тоже учились, знакомились, вместе гуляли. Создавали моду и разрушали. Сначала перенимали мы, потом нас

копировали в других местах. И мы тоже любили. И знаешь, милая, у человеческих отношений никогда не было границ и никогда не будет. Тогда тоже были догмы, но были и те, кто двигался вперед, нарушая их. Напротив нашего класса был класс господина Зафри. Он преподавал фарси. Мы изучали искусство. Мы все вместе ходили к нему есть халим и другие мясные блюда. Мамин брат не разрешал ходить туда, но дядя — так я звала маминого отца — никогда не запрещал. А сестра отца говорила: «Когда пойдешь туда на обед, произнеси: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его» и ешь себе на здоровье. А по дороге домой скажи: «Ом бхур бхувах сваха»[190]. И все правильно». Когда Каусар приходила к нам, то смеясь произносила: «Ом шанти шанти». Пути соединяются смехом и игрой. Рано или поздно любовь признают все. Несколько дней спорили, ругались, жаловались, потом мы поженились». Говорит, в 1870 году был издан специальный закон, разрешающий заключать брак людям, принадлежащим разным религиям, если их старшие родственники дадут согласие, — так они и поженились.

---

[190] Примечания: 190
Молитвенная формула на санскрите.

«Не может этого быть, где-то должна быть запись о вашей свадьбе, где она?» — прижала я ее к стене. Тогда она ударила меня по плечу тростью, ладно, не то чтобы сильно, но со злостью.

— Ты спрашиваешь, где запись? Спроси у тех, кто перетащил все оттуда сюда, какие записи остались. А где запись о тех, кто убегал от гнавшегося за ними огня? Где был чей дом, и осколки чьего сердца там остались — это записали? Эти бумажки не ищут? А ты требуешь доказательств того, что нас двоих благословили мамин отец и папин брат? Стоит только уничтожить упоминания о нас, лишить дома и возвести границу из лжи, как уже поверишь, что нас и не было вовсе. Сколько всего есть в мире, чего не записано на страницах истории. Витает в воздухе. Можешь распознать, так распознай. Не отбрасывай, но отнесись с почтением. Если привыкли обходиться без бумаг, скажете, что эта статуя моя, а если нет, скажете, что все — вранье? Об этой статуе нигде нет записи: ни в каком учреждении, ни в каком музее, вы строите догадки, разглядывая ее. Так посмотрите на нас. Мы сами и есть доказательство нашего существования.

Она все глубже и глубже увязает в собственной истории. И чем больше она запутывает ее,

тем больше удовольствия получает. Насколько убивает меня, настолько оживает сама. Господи, да замолчи же, эти сказки сведут меня в могилу, весь мир смеется над нами, чего еще ждать?

Но возможно, и это из-за зависти. Ведь ей осталось жить всего ничего, значит, и я должна расстаться со своей жизнью. И с тобой. К. К., между нами проведена граница. Если бы я знала, разве перешла бы на другую сторону? И теперь уже не вернуться?

Живи хорошо, мой любимый К. К., и продолжай называть комаров козлами. Но повторяю еще раз, это шарканье полунадетых шлепок, в которых ты таскаешься везде, безумно меня раздражает — не делай так. Уж постарайся ради меня. Или в память обо мне. Или в надежде, ложной или настоящей, что однажды откроешь дверь и увидишь меня на пороге.

Будешь ждать? С чего бы тебе ждать? Приедешь сюда? Как приедешь? Никто не ждет. Кто-нибудь что-нибудь знает? Какая разница. Так и уйду. Ты даже не узнаешь, что я скучала по тебе, только по тебе. Настоящая любовь, потерянная любовь.

Твоя,
Исчезнувшая.

P. S. Только что приходил Наваз Бхаи. Сказал:

— Собирайтесь, за вами приедет машина, и вы вернетесь на родину. Пятница — выходной. Потом суббота и воскресенье.

Значит, на следующий день, в понедельник. Да, Амма джи, вы не сможете встретиться с отцом начальника.

— Да как же так, Наваз, почему не смогу? Ты только скажи ему, он сам придет, обязательно придет!

— Он не может прийти. Он парализован. Не может встать.

— Я ничего не понимаю, — шепчет Мама Навазу Бхаи. Наваз Бхаи положил руку ей на плечо. — Почему Шимми ничего не сказала?

Шимми — это дочь некой Каусар, которую Мама считает своей подругой. Мы встретились с ней, когда путешествовали без визы по Синду. Это она рассказала, что ее мамы уже нет в живых и где искать ее дядю.

Мама стоит. Одна. Крохотная. Наваз Бхаи ушел.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать. Широко-широко, как будто хочет закричать. Лицо искажает боль, как будто вот-вот заплачет. Ни звука. Мама стоит. Одна. С открытым ртом, распахнутым, искаженным. Молчит.

На стене растет ее тень. Как будто и не ее. Тень

истории.

Я устала. Сна нет. Усну? Буду спать?

Я буду спать. А ты приди и поцелуй. Тогда проснусь. А нет — так нет.

25

Спустя какое-то время в Шри-Ланке перед самым началом матча по крикету первоклассный бэтсмен из пакистанской команды начал икать и никак не мог остановиться. Поили водой, говорили задержать дыхание, похлопывали по груди, били по спине, но он икал так, что подпрыгивала раздевалка.

— Убить решили? — спросил бэтсмен, чье раскрасневшееся лицо все было залито слезами.

Тогда боулер с очень серьезным видом сказал, что знал одну женщину, которая переставала икать только тогда, когда ее резко били по спине. Вся команда разразилась смехом. В перерывах между приступами икоты и плача бэтсмен сказал:

— Дружище, захотелось меня пнуть, так просто пни.

Другие игроки тоже стали подшучивать:

— Ребятки, мы не в футбол собираемся играть, а в крикет. Если бы ты попросил подать мяч из-за

спины или выбить шестерку, то мы бы точно помогли.

— Я не шучу, — сказал боулер серьезно. — Я звал ее «Амма джи».

Товарищи продолжили подтрунивать:

— А она тебя сынком?

— Да, но ее дочь звала меня убийцей.

— Почему же, сынок? — покатывались они со смеху. — Увидела тебя с битой в руках?

— Нет, с «Калашниковым».

— Вот это ты дал жару, дружище!

Но парень был совершенно серьезен. Рассказал, что это были сложные времена для его семьи. Отец погиб от несчастного случая, и ответственность за мать и сестер легла на его плечи. Ему пришлось бросить учебу, и по рекомендации дяди его взяли в армию. Отправили в Ланди-Котал сторожить политических заключенных.

Рассказал, что там были две женщины, из Индии. Одна старая и одна напуганная. Не было никакой необходимости все время угрожать им автоматом, но то был приказ сверху.

— Мы откладывали автоматы и разговаривали про крикет. Она рассказывала, что однажды она упала и ее муж вскочил ее поднимать, а она, лежа на полу, отгоняла его: «Отстань, отстань,

пропустишь, как Имран выбьет шестерку».

Их поймали без визы. Ее пакистанские знакомые возили их по стране.

На что большая часть команды вскинулась на него:

— Вот уж удивил, приятель!

Кто-то добавил, что на прошлой неделе возил без визы своего индийского друга смотреть Мохенджо-Даро. Остальные тоже разоткровенничались. Начали рассказывать, кто куда возил своих родственников и друзей без визы. Получился целый оркестр.

— Да зачем нужна эта виза?

— Вот именно, сел в автобус или машину да и поехал. Карачи. Таксила. Читрал. Каган. Мингора. Дир. Гилгит. Мардан. Инд. Хазарейцы.

— Мы собирались в Сват и Кашмир. Но накануне вечером позвонил дядя из Исламабада и сказал, чтобы мы не делали глупостей и что каждый представитель власти норовит перейти дорогу другому: «Ты поговорил с бригадиром, но если об этом узнает межведомственная разведка, пограничники или кто-то еще, то твоих гостей прикончат и тебя тоже».

— Это и случилось. Все-таки дело было в Хайбере, — сказал серьезный парень.

Оркестр опять загомонил:

— Когда мы ездили в Индию, у нас была виза на посещение только двух мест, но нас повозили везде. Биджнор. Карнал. Морадабад. Вриндаван. Гуджранвала. Амбала. Варанаси. Атраули. Бхопал. Кхатаули. Малабарский холм. Парк-стрит. Шимла.

— Разве кто-то сможет вычислить по внешности? Но Хайбер есть Хайбер, слишком по-львиному выглядела твоя Амма.

— Львица, — сказал тот, кого наградили прозвищем «Убийца». — Сказала, никуда я отсюда не уеду, и требовала встретиться с отцом большого господина, чтобы поговорить с ним о минувших днях, тогда только, говорит, тронусь с места. Уж не знаю, какая муха ее укусила, но даже начальникам пришлось несладко.

— И что потом? — Верили ему товарищи или нет, но история их постепенно затягивала.

— Было решено их депортировать, хотят они того или нет. Тогда… — Он замолчал.

— Тогда? — спросил кто-то после паузы.

— Тогда она стала икать.

— Икать? Да, об этом-то мы и забыли. — Но теперь никто не смеялся. Все ощущали необычное напряжение.

То, что серьезный парень рассказал потом, было таким странным, что никто не знал, как реагировать. Это могло бы показаться смешным, но почему-то шутить у них не получалось. Любопытно, что, когда он только заговорил про икоту, все дружно смеялись.

Так вот.

— Той ночью, — начал игрок, бывший тогда охранником, — она стала икать и не могла остановиться. Нас было четверо, спать стало невозможно. В конце концов мы не выдержали и постучали в комнату, где были обе женщины. «Все в порядке, Амма джи?» Когда рядом не было начальства, мы звали ее «Амма джи». Наваз Бхаи тоже.

— Кто такой Наваз Бхаи? — спросил кто-то. И он продолжил:

— Из комнаты вышла ее дочь и сказала, что у ее мамы случился приступ икоты. Мы, охранники, дали ей воды. Не помогло. Сказали, что позовем врача и скажем Навазу Бхаи. На что Амма джи сказала: «Нет, не сейчас. Просто ударь меня кулаком по спине». Дочь ударила. «Сильнее», — попросила она. После пары ударов икота утихла.

— Прошла совсем? — спросили игроки после воцарившегося молчания.

— Выяснилось, что утром началась снова. Мы все вместе с Навазом Бхаи стали советовать, что делать. Попей воды, но глотай по капельке. Одной рукой зажми нос, а из другой — пей. С обратной стороны стакана, то есть не с той, где губы, а с противоположной. Задержите дыхание, досчитайте до ста, а потом выдыхайте. Я сказал, что позову врача и сообщу начальству. Она все икала и икала, а потом опять велела ударить ее по спине, да посильнее, и опять икота стихла.

— Все на этом? — спросил кто-то из слушающих.

— Нет, — ответил рассказчик. — История только начинается.

Когда икота началась снова, Амма джи попросила нас вынести наружу матрас и разложить его. Встала перед ним. А стоящей позади нее дочери сказала, чтобы та собралась с силами и не била кулаком, а резко пинала ее в спину, в живот, в бока и в любую часть тела, которой она повернется.

— Дочь согласилась? — забеспокоились слушатели.

— Нет, конечно, разве дочь может согласиться на такое?

— И что тогда?

— Тогда она сказала мне: «Ты же у нас в крикет играешь, так давай, покажи свое мастерство».

— И что тогда?

— Тогда ее дочь согласилась.

Да, всем было понятно, что если уж надо бить, то пусть лучше бьют свои, а не кто-то еще.

— Но потом и мы тоже били.

— Что-о-о? — У слушателей отвисла челюсть.

— Постепенно это стало забавой, в которой мы все принимали участие с большим удовольствием. А еще ворона, которую она кормила роти со своей тарелки. Ворона сидела на стене и так неистово каркала, что казалось, она хлопает в ладоши. Амма джи начинает икать, и мы бежим расстилать матрас, разгоняемся и смачно пинаем ее. Ворона спрыгивает вниз и начинает скакать и каркать между нами. День от дня наши пинки становятся все увесистее. Амма джи падает на матрас и так и сяк, после нескольких раундов икота проходит. Если не проходит, то лежит какое-то время на матрасе, отдуваясь, потом встает и отдает команду: «Пинайте!» Ворона тоже подначивает. У меня получалось лучше всех, и она стала часто просить именно меня. Я разбегался, подпрыгивал и в воздухе выбрасывал ногу вперед.

— Вот так бил старую женщину?

— Просто, — он беспомощно поднял глаза, — в ней была такая сила, такая настойчивость и любовь, что мы делали все, что она говорила. Каждый раз, когда я наносил удар, она с шумом падала и опять вскакивала.

Он продемонстрировал такой мастерский кик в воздухе, что остальные игроки непроизвольно кинулись прикрыть невидимую женщину.

— Ого! Мощно, дружище. Так и сломать что-нибудь можно.

— Мы все так и сказали. Поэтому убедили ее, что матрас нужно положить перед ней: «Будете падать на него, когда мы бьем. Чтобы не было ушибов».

— Ну да, так оно лучше.

— Но у нее были другие намерения. Она так проворно перетащила матрас обратно, как будто была самая юная из нас. А потом так накинулась на нас с руганью, что больше никто не решался давать ей советы. Она закричала, — он изобразил ее громкий голос: «Хотите уронить меня лицом вниз? Я не буду падать вперед. Только назад, смотря в небо, лежа на земле. Неважно откуда прилетит пуля: спереди, сзади или откуда-то еще».

— То есть пинок.

— Или икота.

— Нет, пуля. Она имела в виду пулю. — Рассказчик стал серьезно-грустным. — Сказала, это Хайбер, воплощение безумства двух стран. Здесь может произойти что угодно. Пуля или удар — ничто не в нашей власти. Но мне должно быть удобно, когда я падаю. В моем возрасте я должна с достоинством лежать в своей постели, а не валяться, как разломанная кукла.

— И что потом? — спросил кто-то, сглатывая слюну.

— Потом мы все пинали и пинали, а Амма джи так ловко подскакивала, на лету складывала свою трость — клац-клац-клац — и приземлялась на матрас, смеясь в небо так заразительно, что мы тоже начинали смеяться.

— Сочиняешь, — отважился кто-то.

— Да, в это трудно поверить. Такое было время.

— А икота? — спросил игрок, который икал. Ни он сам, ни другие не заметили, что икать он перестал.

— Она и не икала вовсе.

— Да ладно, что за шутки! Несмешно.

— Никто и не смеялся. А Наваз Бхаи обливался слезами. Говорил, что не было никакой икоты.

А икать она стала, чтобы научиться правильно падать.

— Когда в нее выстрелят? — В голосе спрашивающего читалось недовольство, как бывает, когда кажется, что ты что-то начал понимать, но вдруг это понимание выдергивают у тебя из-под ног, как ковер, и ты падаешь ничком.

— Да.

— В нее выстрелили? — прошептал кто-то.

Бэтсмен, который икал в начале, издал странный звук.

— Не смейтесь, — сказал он. — Мне кажется, пуля была выпущена в каком-то другом веке и предназначалась кому-то другому, но она не осталась в том веке. А продолжает убивать тех, кто родился позже. — Его голос дрогнул.

— Хватит! — рявкнул капитан. — Что за настроения перед матчем?

В том матче икавший бэтсмен поставил свой личный рекорд в результате 105 нот-аутов.

После 99 ранов, когда он выбил шестерку и мяч перелетел павильон, он подпрыгнул, исполнил торжественное сальто, упал на питч, как будто и не упал вовсе, а просто лежал, восторженно глядя в небо и протягивая ему биту в знак дружбы.

26

Если хочешь расслышать, как кто пищит, становись комаром, хочешь быть влажным — стань облаком, хочешь пободаться — стань главой государства, танцевать — ветром, оплакивать свою судьбу — чьим-то хвостом, течь, как река, — Мамой, метаться, как загнанный зверь, — Дочерью, а если хочешь остановить рассказ — давай сюда, потому что рассказ не заканчивается, но может остановиться.

Но рассказ может двинуться дальше, песок, бабочка, птица, старуха, кулек или молодуха — они не знают преград. Да, у них не осталось никаких записей, на которые можно положиться. Нет ни статуи, ни свадьбы, ни тюрьмы, ни визы — ничего, что бы свидетельствовало хоть о чем-то из этого. Что-то не было записано никогда, что-то сгорело дотла в грешном огне, вспыхнувшем от рук человека.

Еще есть такая вероятность, что кто-то из этих документопоклонников спустится из головы в уши и начнет вслушиваться, какой звук откуда исходит. От козоушки, вороны или всевышнего. Но с этими недоверчивыми интеллектуалами возникает новая трудность:

они объединяют слухи и правду, а увиденное и услышанное отделяют от выдуманного. Они не способны понять, где истинное становится ложным. Они даже не знают, что такое язык. Если они говорят на хинди, то понимают только его, а другие языки им кажутся абракадаброй или потоком щебенки. Они даже представить не могут, что они чего-то не знают, но есть кто-то, кто знает, и это не засвидетельствовано в их языке, в их документах. То, что у птиц, жучков, воздуха и темноты есть свои наречия, лежит за пределами их познания. Приди им в голову, что на луне обсуждают происходящее на земле, они тут же отринули бы эти пустые домыслы. Если бы они были в состоянии помыслить об этом, то земля сейчас не погибала бы. Они самонадеянно полагают, что потопы и ураганы обрушатся на Филиппины и Узбекистан, но вряд ли на Германию или Америку. Пара Фукусим случится в Японии, но потом — точно нет, к тому же Япония твердит, что является частью Запада, но принадлежит Востоку и всегда будет, а на Востоке все время происходят несчастья.

Иными словами, какое дело этим людям до истории, что была до и что будет после? На место действия тоже уже не вернуться, потому

что те две женщины, как кошки, откуда-то проскользнули внутрь, а сейчас в Хайбер даже птице не пролететь. Его захватили Талибан, Аль-Каида и им подобные. Вся провинция Хайбер-Пахтунхва превратилась в огромный муравейник, из тоннелей которого беспрестанно появляются вооруженные муравьи, они бросают бомбы и стреляют по сторонам, чтобы убрать из этого мира одну Малалу[191] за другой.

Суть в том, что если кто-то решил не ввязываться в эту историю до сего момента, то дальше им точно лучше не читать. По если кого-то влекут дороги и яркие краски, то к чему останавливаться? Так ноты сливаются в одну рагу. Сколько в ней страдания, сколько радости! К ней примешивается другая рага. Взмывает так, что первая становится легким воспоминанием.

Отзвуки и отголоски мелодий проникают через любую границу. Мелодии меняются, музыка остается. Смерть приходит, жизнь идет дальше. История возникает, меняется, течет. Свободная, с той стороны и с этой.

Но тем, кто хочет слушать дальше, нужно

---

[191] Примечания: 191

Малала Юсуфзай (род. 1997 г.) — пакистанская правозащитница, лауреат Нобелевской премии мира. В 2012 г. на нее было совершено покушение.

верить в тени. В то, что кто-то видел эти тени и слышал. И прилетевшая пуля тоже попала в тень.

Это называется развилкой. Какой путь выбрать: путь теней или путь вспыхивающих плотных форм? Если по душе первый — то нам по пути, если второй — ни шагу вперед.

27

Той ночью.

Четырнадцатилетний сын повара сказал, что той ночью видел две тени рядом с тюремным зданием. Он вышел справить нужду и не особо вглядывался, но одна тень была длинной и крупной, ее лицо было спрятано под никабом, и было видно только взволнованные глаза. Эта тень пыталась укрыть собой вторую, которая была похожа на тень маленькой девочки и пыталась отделиться от большой. По словам мальчика, когда она повернулась, на ее лицо упал свет от фонаря на крыше казармы Наваза Бхаи, но он не смог узнать ее, потому что все лицо было испещрено морщинами. Он испугался, но никак не мог прерваться, поэтому увидел то, что увидел: страх одной и отблеск на лице другой. Да, в ее руке была палка, которой она кружила в воздухе,

как бы играя, и вокруг разлетались светлячки, похожие на бабочек.

Мальчик больше ничего не видел, но бродячая собака, спавшая на веранде дома специального чиновника, тоже видела две тени. Вероятно, это были те самые тени, что и у тюрьмы: одна длинная, а другая короткая, которая все пыталась отделиться от длинной, укрывавшей ее. Собака услышала шорох, издаваемый тенями, и он показался ей непохожим на звуки, которые издают существа из плоти и крови, — тогда, нехотя и проклиная свое любопытство, она встала. Ничего себе! Они уже стоят на веранде. Пока под полусмеженными веками собаки лень боролась с любопытством, она пару раз моргнула, а тени уже толкнули дверь и зашли внутрь. Если бы она знала, что дверь открыта, разве стала бы ночевать на веранде, но сейчас она была не готова отдавать свое съежившееся тело на съедение хайберскому холоду. В ней, конечно, шевельнулась позабытая гордость ее сторожевого рода, и она даже предприняла тщедушную попытку встать на все четыре лапы. Но вместо свирепого лая она услышала бездыханное сипение, вырвавшееся из ее замерзшей глотки, поэтому, чтобы спастись от позора, она, как заправский курильщик ганджи,

скользнула обратно в мир своих грез.

Что случилось дальше: растворились ли тени в темноте или что-то еще — сказать было сложно. Но за этим последовала цепочка совпадений. Первое — это куропатка. Которую некоторые называют еще чукарской. В момент, когда тени вошли в ту комнату, на карнизе окна которой эта куропатка спала в ту ночь, она открыла один глаз. Проснулась ли она оттого, что ей что-то приснилось, или от незнакомого звука шагов, — этого сказать она не могла. Будучи национальным символом Пакистана, она считала себя Куропаткой-НеПромах. Но проворные любители изысканных блюд неустанно доказывали, что она Куропатка-Наповал. Поэтому днем она становилась невидимой, а ночью отправлялась на прогулку. На этом карнизе ей частенько улыбалась удача, и она любила заглядывать сюда. Дремала в ночной тиши. А в перерывах между сном открывала один глаз, клевала кузнечиков, муравьев и жучков, которые ползали по лиане, обвивавшей карниз, и удовлетворенно зевала. Она никогда не была большим любителем полетать.

Ночь была очень темной. Настолько, что хайберское небо исчезло среди звезд. Куропатка

уставилась одним глазом в небо, а другим высматривала насекомых. Как и всегда, она собиралась уснуть, но в это мгновение маленькая тень метнулась из-под большой, укрывавшей ее. «Ух ты! Какая крохотная тень, — встрепенулась куропатка, она же национальная гордость. — Женщина в Хайбер-Пахтунхве — большая редкость».

Проснувшись окончательно, она стала пристально следить. Жену Али Анвара она знала. Та сейчас была у своих детей, не здесь. Да и зачем бы ей выходить на эти опасные улицы, став тенью? «Так это же, — мозги чукарской куропатки были невелики размером, но сияли, как змеиная жемчужина[192], и на мгновение осознание ослепило ее, — те самые заключенные женщины!» Весь Хайбер знал о двух преступницах, которые пробрались сюда из соседней вражеской страны. Эта мысль ударила ее, словно молния, и она, перестав ощущать границы своего тела, потеряла равновесие, пошатнулась и, наверное, свалилась бы, но все же сделала над собой усилие и удержалась. От такого напряжения из груди у нее вырвался крик.

Каждое действие имеет свои последствия и

[192] Примечания: 192

Мифический драгоценный камень, который образуется в голове у змеи.

рождает целую цепочку событий. Крик услышал Али Анвар. Который сидел рядом со своим отцом, находившимся в коме. Он метнулся к двери рядом с окном, вышел наружу и посмотрел наверх, туда, где сидела куропатка. Она все не могла решиться: то ли улететь, то ли остаться на месте, как тот самый Коува — нет силы и мощи, кроме как у Аллаха, — сел рядом с ней, хоть и на безопасном расстоянии. Куропатка смотрела на него так, как будто тот прилетел воровать ее жучков, а на Али Анвара с подозрением, мол, раньше не гонял меня, но кто знает, что взбредет ему в голову сегодня; Али Анвар бросал растерянные взгляды на обеих птиц, а Коува в нерешительности отпрыгнул подальше — разве поймешь, кто друг, а кто враг? В общем, все трое играли в гляделки-гадалки, пытаясь определить, кому тут можно верить.

Пробираясь и продираясь через путаницу всех этих совпадений, вылетело будущее, в котором длинная тень укрылась под ночными звездами, а маленькая села туда, где до этого сидел Али Анвар, случилось ли это потому, что все были соучастниками, или просто странные вещи происходят в этом мире — на этот счет нет единого мнения.

Была одна мать, которая пришла к одному парализованному.

28

— Анвар, это Чанда, — сказала Мама.

Анвар лежал совершенно неподвижно. Рядом с ним стоял резной ночник, через отверстия которого рассеивался мягкий свет. Его глаза были закрыты. Мама смотрела на его лицо. Потом Мама тоже закрыла глаза.

Мама молчала. Как долго — птицы не знали. Если то, что она говорила, было правдой, она встретилась с ним спустя столетия — так она рассказывала своим детям. Поэтому Мама молчала. Глаза закрыты. Потом она начала петь. Тихим голосом, который то становился громче, то дрожал, то фальшивил. Как будто не упражнялась целую вечность. Остановилась и засмеялась. Слегка смущаясь. Опять запела. И теперь пела, не прерываясь и не смеясь.

> *– Откуда эта спесь и к чему столько высокомерия?*

На мгновение открыла глаза.

И продолжила:

– О мой господь, милостивый к страждущим… выполни просьбу Ибрагима, бог мой…

Устала, наверное, или задумалась. Глаза закрыты, морщины на лбу все глубже.

Теперь она медленно открыла глаза и склонилась над лицом Анвара, чтобы посмотреть в его закрытые глаза.

— Рага Пурия Дханашри, — прошептала она то ли себе, то ли Анвару, то ли обоим.

Мягкий красноватый свет от ночника отбрасывал отблески на Мамины щеки. Или это прилила кровь от неестественного напряжения стареющих легких.

И продолжила:

– Лети, ворона, лети, я отправлю с тобой послание.

С тех пор как мой любимый на чужбине, я не могу спать спокойно.

«Ой!» — вскрикнула она, нет, она выглядела как «ой!». Потому что, пока она пела, она увидела своего Будду — он стоял за головой Анвара на тумбочке. И вот тогда у нее вырвалось «Ой!».

Те же чувства заставили Коуву произнести: «Кар!» К этому моменту он и куропатка уже не

опасались друг друга. Каждый смекнул про другого, что ему безразличны жучки-паучки, и оба были поглощены сценой, в которой героиня под покровом ночи прокралась, чтобы встретиться со своим давним возлюбленным. Али Анвар дремал в кресле на соседней веранде, совершенно позабыв о них. С чего бы классическое пение, к тому же тихое и не всегда чистое, привлекло птиц? Но кого не привлечет, если обращаются к нему?

— Ворона! — прокаркал Коува.

Он бросил гордый взгляд на куропатку, и его сердце преисполнилось великодушием. В знак дружбы он захотел протянуть крыло.

— Ты и я — птицы. У нас один язык, только произношение немного отличается, и мы называем его по-разному, — сказал он.

— Так же, как хинди и урду у этих двоих встретившихся, — по-дружески засмеялась куропатка.

— Т-с-с-с-с, — предостерег Коува, — давай не будем мешать свиданию влюбленных.

— Конечно, — сказала куропатка.

И, поддерживая друг друга крыльями, они замолчали, как послушные дети, — пусть рассказывают те, кому принадлежит эта история. Да, оба чувствовали опасность, но раз дело касалось любви, будь то пуля или конец света, — ничто не

могло омрачить ее сияния.

Увидев Будду, Мама прижалась лицом к лицу лежавшего Анвара и прошептала ему на ухо:

— У этого камня есть сердце, и у моего брата, у которого шишка на лбу, — тоже.

Птицы не разбирались в классической музыке, но их тонкий слух тут же уловил шелест любви.

Если бы мое каменное сердце и брат с шишкой не оберегали меня, я бы не выжила и не пришла бы сегодня встретиться с тобой. Потом она слегка улыбнулась, качнула рукой, встряхнула головой, как будто исполняя романтическую роль, и опять замурлыкала:

> *– Лети, ворона, лети, я отправлю с тобой послание.*
>
> *С тех по, как мой любимый на чужбине, я не могу спать спокойно.*

Коува начал раскачиваться в такт, хотя ничего не смыслил в нотах.

— Я уснула. Анвар. Все спала и спала. Кашляла и кашляла. Туберкулез. Кашляла и спала. Брат с шишкой спас меня и исчез, а каменное сердце было со мной и не давало умереть. Как ты, в сознании, но без сознания. Когда проснулась, узнала, что стороны света поменялись местами.

Она опять запела рагу.

— Баде Гулам Али Хан. Помнишь? — засмеялась она. — Хавели Миян Хан?[1] Вечера у ворот Мочи.

Пение ее все еще хромало — не всегда чисто и не всегда в ритм, но голос начал раскрываться. Она пела, останавливалась, склонялась над ним, вспоминала, Анвар молчал.

— Наверняка помнишь Такия Мирасиян?[193][194] Нет?

Увидев, что Анвар молчит, она разговорилась еще больше.

— Те песни, помнишь их? Каждую неделю мы ходили в гробницы Асаф-хана[195] и Нур Джахан[196]. На той стороне Рави. Потом гуляли по саду. В укромном уголке. Ты и я. Жевали сочную траву. Мои браслеты. Все разбились. — Она на-

---

[193] Примечания: 193

Особняк в Лахоре был построен в XVII в., во второй половине XIX в. и первой половине XX в. Там жили и останавливались разные музыканты, в его залах регулярно проводились концерты и музыкальные собрания.

[194] Примечания: 194

Особняк в Лахоре, построенный при Моголах, где собирались музыканты, поэты и другие деятели искусства.

[195] Примечания: 195

Асаф-Хан (ок. 1569–1641) — государственный деятель, получивший должность первого министра при Шах Джахане.

[196] Примечания: 196

Нур Джахан (1567–1645) — главная жена падишаха Джахангира, сестра Асаф-Хана.

клонила голову и смущенно улыбнулась.

Положила руку на щеку Анвара. Его голова перекатилась на ее ладонь. От этого движения веки полуоткрылись. Мама отдернула руку. Она подалась вперед и вывернула тело так, что то стало походить на склоненную шею птицы. Свою шею она тоже выгнула. Чтобы смотреть в глаза Анвару.

— Анвар, ты… — Дальше слова терялись в изгибах ее тела. Птицы тоже выгнули шеи. Но кому было какое дело до птиц? Вот что говорила Мама:

— Анвар, ты не пришел. Как ты мог прийти? Как я могла прийти? И все равно, когда я ходила с Доктором Сахибом разыскивать своих в лагерях для беженцев, я представляла, что ты тайком пробрался туда, чтобы найти меня. Глядя на бесчисленные палатки, представляла, что я — это ты. «В какой же из них моя Чанда? Палаточный город. Кишащий беженцами-муравьями, каждый день еще тысячи». Наверное, ты вернулся обратно, подумав: «Как же я найду тут Чанду? С чего начать?» Думала, мне надо привязать свою дупатту к палатке, чтобы она развевалась там до твоего появления и ты смог бы обнаружить меня. Но у меня и дупатты-то не было. Только эта ста-

туя, точь-в-точь такая же, как мы вместе видели в музее. А потом мы ели чхоле с курицей, и у нас расстроился живот. Помнишь? Вспоминай.

В какой-то момент Мама легонько прижала голову к груди Анвара. Рассмеялась.

— Да как ты вообще мог прийти искать меня? Куда? — Смеясь, она стала водить пальцем по лицу Анвара, как будто это был карандаш и она рисовала картину.

Продавила ямочку на щеке, а когда добралась до губ, слегка нажала с одной стороны так, что, казалось, они расплылись в еле заметной улыбке.

— Никто не спасся. Куда мне было возвращаться?

Мама почти ткнула ему пальцем в глаз, пытаясь приподнять веки, как это обычно делают дети.

— То не были дни, когда возвращаются. Мы остались там, где были. — Она засмеялась.

Она смеялась, пела, продолжала рисовать пальцем на его лице, говорила и молчала.

Сколько времени молчала, а сколько говорила — никто не сидел там, чтобы посчитать. И никто не записывал, о чем она напоминала Анвару — о тех днях, что были другими, были простыми, и о тех, что изменились и уже не были похожи на те другие и простые, и о том, кто стал другом, кто

врагом, а кто исчез.

Как и многое другое, та ночная встреча Чанды и Анвара нигде не была запротоколирована, ни в официальных документах, ни в личных.

Но та ночь под безмолвным хайберским небом, усыпанным алмазами, принадлежала только им двоим.

Мама то садилась, то склонялась над Анваром. Из состарившегося охрипшего горла без конца доносились звуки какой-то раги, и два существа были рядом — одна сидела, другой лежал, абсолютно в других, минувших временах, в любви, преодолев все границы и препятствия.

Поэтому, когда Маму опять одолел смех: «Боже мой, они сделали тебя и меня двумя разными странами», Анвар тоже улыбнулся.

Али Анвар, сидевший на веранде, стал немного походить на тех птиц, у которых один глаз спит, а другой бодрствует — как бы не пропустить ястреба, демона, пулю или пушечное ядро. Сидевшие на карнизе представители двух стран, уже успевшие подружиться птицы, смотрели на него одинаково подозрительно — в конце концов, человек, закутанный в шаль, мог прятать под ней рогатку, кто ж его знает. «К тому же один из нас чужестранец, а у другой нежнейшее мясо, а

значит, обоим есть чего бояться. Уж лучше всем быть начеку».

Каждый был погружен в свой мир, но те двое были погружены настолько, что никто не мог с ними сравниться. Ничто не может сравниться с двумя чистыми сердцами. Нет ничего более эфемерного, чем ощущение этой чистоты. Поэтому именно она может соединить столетия. Именно она сокращает дистанцию. Перепрыгивает пропасти.

— Теперь все в порядке, — сказала Мама. — Мы спаслись. Ты хорошо жил. Полной жизнью.

Мама двигала его рукой. Касалась его губ. Анвар смотрел на нее закатившимися глазами, в которых не видно было зрачков. Его слегка приоткрытые губы улыбались ей. Две согретые души. Наконец встретились, прожив всю свою жизнь.

Та ночь была такой нежной, что солнце загорелось желанием провести с ней хотя бы несколько мгновений. Оно незаметно подкралось к ней, но ночь выдернула свое запястье из его рук со словами, что и так припозднилась. Их любовная перепалка подняла Али Анвара. Он с шумом встал и открыл дверь в комнату своего отца.

Рука его отца была в руке Мамы.

— Ты не пришел, — сказала Мама, — я тебя

простила. Я не пришла — ты прости меня.

Она встала и медленно положила руку Анвара ему на грудь.

Как раз этот кусочек сцены застал Али Анвар. Рука, согретая старой любовью, но согретая впервые и по-новому, теперь она спокойно лежала на груди, где уже несколько лет после удара, холодная и одинокая, не находила себе места. А в груди билось сердце, и его пульсация заставила руку подняться в прощальном жесте. Рука Анвара была поднята, и с его губ незаметно слетело:

— Прощаю.

Его сын Али Анвар услышал это «прощаю».

Об этой ночи не сохранилось никаких записей.

29

Люди не готовы верить в то, что истории бывают правдивыми. Преувеличение, выдумки, сказки, все что угодно. А неправдива та история, которая, будучи пустым слепком реальности, считается правдой.

Младшие не готовы верить старшим. Мол, вы не построили мир, а разрушили, а нам его теперь спасать, и мы спасем. Старшие спорят: «Это мы спасли и природу, и культуру, не нарушая равновесия, уничтожение — ваша стихия, алчность,

американские замашки, это в вас вселился бес технического прогресса». Младшие парируют: «Вы всю жизнь были ограниченными, рабы традиций и обрядов, что вам говорили, то и делали». Старшие вскидывают брови: «Мы тоже влюблялись, перепрыгивали и перескакивали все препятствия. Вам не понять, что история нашей смерти — история нашей бурной жизни».

Но ни старшие, ни младшие не говорят, что это мы все вместе начали разделять, а разделения быть не должно.

И все равно существуют великие души, которые не мыслят в терминах «старшие» и «младшие», не заняты всяческими разделами и не пускаются в рассуждения о ваших временах и наших. Но их никто не слышит, потому что люди слушают того, кто стоит перед ними посреди сцены под ослепительными софитами. У кого есть время на тех, кто валяется в заброшенных забытых уголках? В Райпуре живет Винод Кумар Шукла, и за окном, что в стене его дома, чудо было настоящим[1], но кто об это знает? Или в Бихаре Нагарджуна сказал из-под своей огромной крестьянской бороды:

> *У всех в доме засверкали глаза впервые спустя много дней.*

Ворона почесала крылья впервые спустя много дней[197].

Но кто знает об этом?

А в столице был такой Нирмал Варма, который оттачивал язык своих произведений алмазом, но этого не знают даже столичные жители. Кто-то, случайно увидев исходящее от них сияние, назвал его заграничным и отказывался признавать своим, даже не подозревая, что этот звенящий солнечный свет исходит из Шимлы.

Если читать литературу как литературу, то понимаешь, что рассказы, истории и предания движутся по миру, не растворяясь в нем, но все больше обретая собственную форму. Они не должны совпадать с миром ни во времени, ни в пространстве, ни по замыслу, ни по промыслу. Не должны вместе преодолевать препятствия. У литературы своя, ни на что не похожая кокетливая и горделивая походка.

Это мир не перестает преследовать ее. Мир бесконечно нуждается в литературе, потому что она высвечивает надежду и жизнь. Поэтому всеми

[197] Примечания: 197

Отсылка к роману Винода Кумара Шуклы (род. 1937) «В стене было окно».

кривыми и прямыми, мыслимыми [198] и немыслимыми путями мир проникает в литературу. Пробирается на цыпочках, незаметно растворяется в ней. Хочет избавиться от отчаяния, переняв ее поступь и неслыханное пренебрежение ко всему мирскому. Это удается ей, когда история умирающей женщины превращается в историю расцвета ее жизни, а Хайбер благословляет первую чистую любовь. Всколыхнув хайберскую жестокость и жажду мести, мир собирает драгоценные камни в горах и солнечный свет в небе. И среди разрушенных останков навстречу ему прорастает зеленая молодая трава.

Поэтому довольно долго мир украдкой прожил в этой любовной истории, но, разбираемый радостью, не смог больше молчать.

Так что же случилось той ночью, когда наша героиня, перейдя границу, тайно пришла на последнее свидание со своим возлюбленным? Истории вокруг взрывались хлопушками и танцевали, как будто отмечали свадьбу. Плакали вместе с влюбленными, обнимались вслед за ними, костерили разделение, потому что влюб-

[198] Примечания: 198

Нагарджуна — псевдоним поэта и писателя Вайдьянатха Мишры (1911–1998). Здесь цитируются последние строки из его стихотворения «Безвременье и после него».

ленным пришлось просить прощения: «Прости, стало две страны, не сдержали обещаний, у каждого свой дом». Это непреодолимое расстояние повергло в печаль всю вселенную.

И как же по-дурацки получится, если влюбленных швырнут на гхат смерти.

Еще не рассвело, когда из дома Али Анваров опять вышли две тени и пошли по дороге. Но разве кто-то сообщил кому-то, что две тени без визы и без разрешения решили прогуляться с утра пораньше? Что делают в таком случае служители бюрократии? Палец уже был на курке. Призрак начальника отдал приказ, и он спустил курок.

— Беги! — тут же закричала большая тень и побежала.

Маленькая тень не побежала. Ей было восемьдесят, и прыгать она тренировалась, а бегать — нет. Пуля ударила сзади, но ее спина достигла совершенства в искусстве переворотов, и о том, чтобы упасть ничком, речи и быть не могло. То, как грациозно ее тело взлетело вверх, навело некоторых на мысль, что еще до того, как пуля попала в нее, она по собственному желанию выполнила многократно отточенный искусный прыжок и приземлилась у подножия горы.

В это мгновение солнце поменяло свою при-

вычную сторону — как говорят очевидцы, оно было на западе. Тем утром Сурья с почтением склонился перед маленькой тенью. Она засверкала, и многие видели, как она полетела орлицей, а потом застыла в воздухе и лежала, как королева на роскошном ложе, и в этой позе, полной умиротворения, она тряхнула своей тростью и сложила ее — клац-клац-клац, — оттуда выпорхнули бабочки и разлетелись по всем четырем мирам, а сама она спустилась вниз, на свою землю. А потом так и лежала под открытым небом, в своем любимом месте, куда никто не мог добраться, чтобы омрачить красоту ее последних мгновений, поделенных между Индией и Пакистаном.

30

Он был делийцем, но со старыми привычками, которые иногда называют деревенскими, а такие отмирают медленно. Широко зевая, он щелкнул двумя пальцами перед открытым ртом и медленно-медленно стал отводить руку так, что могло показаться, будто он уговорами выманивает зевки наружу. Он сидел на старом блестящем кожаном диване в библиотеке Неру и листал старую газету. Зевая, он шевельнулся, и кожа — в конце концов, она была старой, но точно не

деревенщиной — как будто копируя щелчок его пальцев, тихонько скрипнула несколько раз.

Исследователь стыдливо оглянулся по сторонам, опасаясь, что эти звуки могут показаться неприличными — в этом смысле он оказался и не старым, и не деревенщиной. Он опять уставился в газету.

В те дни все гонялись за памятью. В каждом университете мира, в каждом исследовательском институте память была в центре дискуссий. Интеллектуалам, которые издавали по книге в год, обязательно нужно было уцепиться за эту тему. И вот за дело взялись братки Мунна[199] и сестренки Мунни, взялись так крепко, что в азиатских и даже в нескольких африканских образовательных учреждениях стали проводить семинары, посвященные памяти, и всем желающим стали раздавать беспризорные гранты на ее изучение. Исследователь в библиотеке Неру был занят как раз этим: вместе со старшими товарищами, которые придерживались секулярных взглядов, он раскапывал воспоминания о нападениях виш-

[199] Примечания: 199

Братан Мунна — герой фильма Munna Bhai M.B.B.S («Братан Мунна»), 2003. Он отправляется в город, чтобы оправдать надежды отца и получить медицинское образование, но становится криминальным авторитетом. Чтобы не разочаровывать отца, он врет ему, что стал доктором.

нуитов на джайнов и буддистов, чтобы потом сопоставить их с нынешними воспоминаниями других общин. Молодые люди приходили в библиотеку Неру, чтобы порыться в сокровищнице старых газет и журналов.

Так и вышло, что он сидел на диване, зевал и пускал ветры. Кто знает, то ли скука, навеянная воспоминаниями, то ли стыд за непристойные звуки заставили его глаза бегать по сторонам, и взгляд его упал на вырезку из старой газеты. Интригующая новость: «Перескочив на ту сторону: восьмидесятилетняя жительница Дели без визы пешком перешла границу в поисках своей старой любви».

Просто так начал читать связанные с этим новости. Просто такова природа этого «просто так» — начинаешь просто так. Эти вырезки не имели никакого отношения к исследованию памяти, но почему-то они бросались в глаза, или у глаз уже появилась привычка блуждать там, где можно было найти такие заголовки. Как будто глаза научились вынюхивать эти новости.

Да и разве было там много этих вырезок? Уж если есть интерес к чему погорячее, то постоянно происходят куда более занятные вещи. Так или иначе, за несколько дней было обнаружено

несколько заголовков, в которых фигурировала восьмидесятилетняя кто-бы-она-ни-была. «Еще одно исчезновение на границе». «Две гражданки Индии оказались заперты в Хайбер-Пахтунхве». И на английском: «Заместитель Генерального юрисконсульта подтверждает, что Верховная комиссия в Исламабаде отправляла письменный запрос правительству Пакистана, но суд учел все разногласия и не смог вынести решение по делу».

Тем временем старший сын этой пожилой женщины обратился в суд, но заместитель Генерального юрисконсульта подтвердил, что Верховная комиссия Индии в Исламабаде отправляла письменный запрос правительству Пакистана, но суд не смог вынести решение по делу. Старший сын также обратился с вопросом к правительству: «Почему каждый раз, когда в одной из стран арестовывают преступника из другой страны, поднимается шумиха, а сейчас этого не происходит, хотя моя мать за всю жизнь не совершила ни одного преступления?» Он даже написал открытое письмо премьер-министру, где спрашивал, куда им теперь обращаться. Давал интервью СМИ. Говорил и писал одно и то же: «Мы стучали во все двери, обращались в суд, в

СМИ, к правительству, в какую дверь еще постучать?» «Мы не знаем, куда идти, — сказал он по-английски. — Но мы не теряем мужества. Это наша мать. Мы будем бороться», — заявил он.

Нашлись еще такие заголовки: в одном месте — «Чандра-прабха Деви, или Заявления Чанды» и в другом — «Бабуля вспомнила молодость».

В нескольких отчетах говорилось, что, когда женщина пересекала границу, ее сопровождала дочь, желавшая исполнить ее каприз старости. Дочь отказывалась разговаривать с журналистами и т. д., но она сказала кому-то, а этот кто-то сообщил в газету, что, когда похитили мать, дочь спала, это, по его словам, было странно, так как у дочери была сильная бессонница. На следующий день дочь поняла, что никто ничего не знает. Ее насильно отправили с каким-то чиновником и посадили в самолет. Во время пребывания в тюрьме состояние матери было нестабильным, она страдала провалами в памяти, и семья тревожилась, где она будет, как все перенесет, ведь уже и раньше терялась.

Когда пришла девушка исследователя, то, поедая в столовой библиотеки пакоры, он начал рассказывать ей кусочки этой истории.

— Не может такого быть, — сказала она. — Но

если дело касается раздела Индии и Пакистана, то может быть.

Она надела свои очки и продолжила:

— Смотри-ка, не могу прочитать эти буквы, зрение село. Погоди, лупу возьму.

— Может такое быть, я верю, — сказал исследователь. Если кто-то возьмется изучать, найдутся свидетельства. Закон о гражданском браке я нашел. Но как узнать, кто заключал эти браки?

— Бхайя, это не твое исследование.

— Только не называй меня «бхайя», — огрызнулся исследователь. И добавил серьезным голосом: — Сложность в том, что без письменных доказательств все превращается в Болливуд.

— А куда без Болливуда? Даже в отдаленных уголках птицы развлекаются написанием болливудских сценариев. Кома, раздел, ружья, любовь-морковь, смерть, религия, пули, летящие, как песок, женщины, гуляющие по ночам там, куда даже мужчины не высовываются, соль, перец, кориандр, пажитник, горчица, тимьян, черный тмин, асафетида, мята, гранатовые зернышки — приправь чем хочешь. Даже чиронджи, кажется, кто-то добавил. Две тени бежали во тьме, вроде бы женские, их убили. Но большинство сходилось на том, что была одна женщина, которая стала

такой маленькой, что могла проникнуть куда угодно, а для такой и тюрьма — раз плюнуть, и вот она пришла к изголовью одного большого господина потребовать свою долю. Большой господин, наш начальник, сам Али Анвар, прогнал ее, и она побежала, украв статую, найденную здесь на раскопках и стоимость которой оценивается в миллионы. А потом наш господин начальник сам пустил в нее пулю и спас от ее дурного глаза не только статую, но отца и свой дом. Но другие говорили, что у нас тут в женщин не стреляют, наверное, он подумал, что это был какой-то кровожадный хищник, и поэтому выстрелил, скорее всего, хищник и был, его-то и прикончили наши смельчаки. Наверное, лежит где-то в горах — сейчас его ищут.

Но до каких пор будут искать? В нынешние времена все наскучивает, каждый день новое изобретение, старое — на помойку. Такова печальная участь историй и рассказов.

В библиотеке Неру никто не рассказывает историю двух женщин, маленькой и большой.

31

Смерть приходит ко всем. И к птицам тоже. Куропатка, которую еще называют чукарской и

которую с большим аппетитом поедают гурманы, умерла. Сердце Коувы разбилось.

Никто не рассказывает историю их дружбы, хотя о дружбе других пернатых мир наслышан немало. Например, о Гаруде и попугае. Этой истории сотни лет, и, конечно, ее знает любой образованный человек, знакомый с наследием древних цивилизаций, а кто не знает — где бы он ни был — ясное дело, полный невежда. Они дружили так крепко, что мысль о смерти их очень тревожила. «Ты бессмертен, но что будет со мной?» — Когда попугай спросил об этом Гаруду, тот тоже опечалился. «Ты приближенный Вишну, попроси за меня у него». Гаруда попросил: «О владыка, подари бессмертие моему любимому другу!» «Хорошо, — ответил Вишну с нежностью. — Я скажу Брахме». И они отправились к Брахме. «О Вишну, — сказал Брахма, — я ведь творец, а тут решать смерти, то есть Шиве. Пойдем вместе к нему». Шива утешил их: «Считайте, дело сделано, сейчас скажу Яме». И он позвал бога смерти. Когда тот пришел и выслушал трех богов, он, сложив руки, склонил голову: «О Тримурти, мой гонец только что принес этого попугая. Вы не знали, что, видя, как Гаруда дорожит дружбой с ним, я с самого начала сделал его смерть невоз-

можной. Условие было такое: попугай умрет в то мгновение, когда Брахма, Вишну и Шива по какой-то причине соберутся все вместе. Что и случилось. Простите меня». И так далее.

Но эта история не отсюда. Здесь дружба завязалась между куропаткой и вороной, потому что по воле обстоятельств они, став свидетелями удивительной ночи, наблюдали за происходящим крылом к крылу и роняя слезы.

Но и у этой истории есть продолжение. Куропатка была существом сдержанным. Если внутри ее переполняла боль, то она не подавала виду и держалась мужественно и стойко. Но прижавшееся к ней крыло Коувы задрожало от острых переживаний, и ее охватило странное чувство. Как будто тоже вот-вот расплачется. Она попыталась отстранить крыло Коувы, но тот еще крепче вцепился в нее. Оба разрыдались.

Из этого вытекают две вещи. Во-первых, если сцена вышибает слезу, не стоит прижиматься к всхлипывающей груди, потому что неминуемо расплачешься, а, во-вторых, если, даже случайно, испытал вместе с кем-то глубокие эмоции, то в этот момент дружба проронила свое зерно. Наконец, если ты индиец, а друг — пакистанец, никто не сможет вас разлучить.

Но кому есть дело до индо-пакистанской дружбы? Наше время подстегивает враждебность и бесконечную гонку за первенство. Когда ненависть на подъеме, то разговоры о любви кажутся слюнявой размокшей кашей. У кого Хайбер ассоциируется с Лейлой и Меджнуном, Ширин и Фархадом, Чандой и Анваром? Он мелькает в заголовках в связи с убийцами, «Калашниковыми», талибами, атаками дронов, бомбежками школ и прочими ужасами. Если бы инопланетянин посмотрел из космоса на Землю, то увидел бы он границы или нет, сложно сказать, но точно бы увидел усыпанные огнями Индию и Пакистан. «В этом месте всегда праздник», — подумал бы он. Откуда ему знать, что для некоторых людей раздел стал праздником. Праздник вражды, восторги раскола.

Точно так же никто не мог знать, что эти птицы, годами летавшие повсюду крылом к крылу, говоря политическим языком, принадлежали разным сторонам. Куропатка обитала среди пуштунов, а Коува был из непонятно зачем отделившейся Индии.

Это ладно, но еще никто не знал, что это был тот самый Коува, который на заре своей юности считал насилие проявлением мужества и привык

кидаться с кулаками по любому поводу, даже в любви он объяснялся, как будто бранился или подшучивал: «Не пришла сегодня ко мне на свидание — схлопочешь, а если спутаешься с кем-то, кроме меня, вырву тебе клюв и буду разгуливать с ним, закусив, как Черчилль сигару». Тот самый вороний отпрыск, который намеревался скинуть на Старшего большой булыжник или маленький валун, чтобы разбить его голову, как кокос или арбуз. И тогда почтенная ворона указала ему на его неоправданную свирепость и зажгла искру сочувствия к другим. Однажды ощутив это всевороннее сострадание, он стал мирным-смирным-умиротворенным и каждый раз, когда пролетал мимо окна Старшего, бился головой в стекло, чтобы справиться о его благополучии, а если было раннее утро, спокойно заглядывал в окно, чтобы удостовериться, шевелится ли тот во сне. Его шея подскакивала, а иногда и сам он подскакивал, перекидывая свое черное тело из одного угла в другой, словно хотел сообщить: «Старик, день на подходе, нужно идти делать всю работу мира», а потом что-то заставляло его то ли потянуться, то ли зевнуть, и он с нетерпением бил клювом в стекло. Услышав этот стук, Старший протягивал руку и отдергивал занавеску.

В это мгновение солнце сбрасывало с себя ночное бесцветное одеяние, в многочисленных слоях которого можно было запутаться, расправляло сияющую свежую мантию и усаживалось вместе с этими двумя. Старший и Коува улыбались и приветствовали друг друга. «Чай!» — кричал Старший и протягивал Коуве печенье. Любовь разбавлялась жадностью. К печали примешивалась радость. Коува полностью засовывал голову в окно, кивал и пел: «Спасибо, не грусти, будь счастлив, кар-кар!»

Никто не знал, что Старший делился с ним не только печеньем и роти, но и самым сокровенным.

Никто не знал, что, если Коува долго не появлялся, Старший начинал высматривать его. А когда тот прилетал, сердце его наполнялась радостью, как будто это карканье возвещало приход гостя, и не какого-нибудь, а вернувшейся Мамы, поэтому появление Коувы он считал благим знаком.

Никто не знал, что Старший наливал для Коувы воду в маленькую алюминиевую мисочку и сам ее менял на случай, если тот прилетит измученный жарой и жаждой — тогда сможет охладиться, попив или поплескавшись в ней.

Никто не знал, что, увидев, как Коува дрожит

от холода, он сшил матрасик из хлопка и старого муслина и постелил его в картонную коробку из-под ботинок, как будто это была не птица, а игрушка, а он был не Старший, а малыш. И никто не видел, что иногда пернатый друг оставался у него переночевать. Это было в начале холодов, когда Мама перешла на ту сторону.

Никто не знал, что, когда Старший потерялся в поисках Мамы и все пошло из рук вон плохо, то Коува, видя его страдания и нарастающее бессилие, стал за старшего и однажды настоял на том, что сам возьмется за поиски. Он перестал летать к себе домой и спал на матрасике у окна, где для него освободили место. Или с сочувствием и нежностью смотрел, как ворочается Старший.

И даже этого никто не знал: однажды Коува решил, что теперь только он может с этим справиться, но он не имел никакого представления о таких препятствиях, как визы, и не ощутил никакого раздела. История, на которой он вырос, была совсем другой. Но сострадание, дхарма и любовь идут своим путем. Да, Коува и раньше гордился своими крыльями, а теперь самодовольно заявил Старшему: «Сиди спокойно, я слетаю, все-все разузнаю и вернусь».

Разве кто-то знал, что эти слова ободрения и

утешения он сказал Старшему на вороньем языке? Даже сам Старший не знал. Человек забыл языки других существ, и если это не трагедия, то что? Все это высокомерие. Люди настолько уверены в собственном знании, что в этой уверенности высокомерие расцвело пышным цветом, потеснив знание.

Но птицы и им подобные не обременены высокомерием, а гордиться крыльями — это простое невинное чувство, поэтому они смотрят по сторонам, учатся всему у всех сторон, учатся все время, и вот почему многие из них, особенно те, кто летает на дальние расстояния, в том числе и наш Коува, тренируются спать с одним закрытым глазом и отключив половину мозга, а другой глаз и половина мозга бодрствуют. То есть одновременно спят и получают информацию. А еще спасаются от охотников и приумножают знания. Разве это меньше, чем сиддхи[200], обретенные йогами? Но ответ получишь, только если начнешь считать их йогами.

Никто не знал, как он летел. Вагах, Рахат, Лахор, Карачи, пустыня Синда, по следам Мамы и Дочери, там услышал, здесь увидел и наконец

---

[200] Примечания: 200

Сверхъестественные способности, полученные благодаря духовным практикам.

добрался до Хайбера.

Если бы хоть кто-то знал, что эта куропатка была его подругой с хайберских времен, то, чтобы взять у нее интервью и потом напечатать, пришлось бы вернуться в прошлое и прослушать всю эту длиннющую историю на куропатачьем языке. Что тоже интересно. Ладно, когда-нибудь.

В общем, Коува долетел до Хайбера и по дороге узнал о визах, разделе, религиозной неприязни и много еще о чем. Например, о том, что ни у кого нет власти над этими пуштунами и даже радость они превращают в браваду: вскидывают ружья и палят в воздух. Это он видел своими глазами. Он был из рода ворон, и вряд ли совершил бы ошибку, доверившись людям. Он хорошо знал, что его мясо им не нравится — это успокаивало, хоть и было обидно, мол, мы в безопасности только потому, что воняем и невкусные, но какой-нибудь бессердечный, войдя в раж или впав в раздражение — а раздражение — это второе я человека, — направит на него ружье, и песенка спета, поэтому он старался лишний раз не высовываться.

Ничего такого ужасного не случилось. Он рассматривал худжры и крепости, а если какой-нибудь пуштун поднимал на него глаза, то вел

себя весьма предусмотрительно: потихоньку с беспечным видом отходил на несколько шагов и продолжал озираться по сторонам — уголки глаз настороже, сердце колотится, — как бы не раскусили, и стоит только пустуну моргнуть, максимально бесшумно взлетает и исчезает.

У него было два преимущества: первое — он был из вороньих, а второе — он мог летать. Мог заглядывать в закрытые двери и через высокие стены.

И туда, куда надо было добраться, добраться любой ценой, добрался. Там четверо убийц, вооруженных автоматами, сторожили двух женщин. Он уселся на минарет мечети, чтобы поближе разглядеть лица и принести Старшему хорошие вести.

На самом деле он видел Маму и Дочь с того дерева, забравшись на которое, Старший уснул, и ему приснилось, что он запутался в сари. Выходит, с одной стороны, он близко-то их и не видел. А с другой, в тюрьме люди начинают выглядеть странно. Уменьшающаяся старая женщина в свободном балахоне, по локоть измазанная в грязи, и ее стареющая дочь с лицом, испещренным морщинами от мучений и страданий, которая покрывает голову дупаттой и слоняется из угла

в угол.

Потом Коува увидел, что убийцы на самом деле ягнята, и, наверное, борода искусственная, а под ней и брить-то нечего, а вот дочери, у которой пробились усы, похожие на колючки, бритье не помешало бы. И когда поглаживающая цветы старая женщина погрозила ему пальцем и засмеялась, он вспомнил, что, пока Старший смотрел с дерева, она так же была поглощена цветами в горшках на балконе и точно так же сказала: «Даже не думай!» «Точно, это она, совершенно точно». — Он прыгнул чуть ближе.

Никто не знал, догадывалась ли Мама, что этот Коува, который прилетает и сидит на стене, а теперь еще спускается вниз и скачет у нее по клумбам, как-то связан с ее сыном. «Только попробуй портить мои цветы, клевать лепестки и семена — покажу тебе!» — пригрозила она ему, и после этого они стали часто и помногу беседовать. То, чем она делилась только с ним, узнать невозможно. Но можно было увидеть, как он взволнованно кружил, а на его радостном лице расцвела улыбка: «Это точно она! На самом деле! Если бы я только мог сейчас же сообщить Старшему».

Никто не знал, понимала ли Мама его карканье.

Но их взаимная симпатия свидетельствовала о том, что контакт и общение не требуют прямого понимания. Если есть связь и любовь, то вместе смотреть на растения, наблюдать, как они зеленеют, молчать — это тоже диалог. Теперь никто не чувствовал себя одиноким: ни Мама, ни Коува.

И все же неоспоримой правдой было то, что вороний народ с легкостью понимал Мамин язык, а люди, творя свою историю, так исковеркали себя, что разучились понимать язык матери, отца и какой-либо другой. Люди отстраняются от всякого события, с ними не связанного, от всякого языка. Запутались в себе, этично-неэтично — все всмятку, кряхтит невнятно, а воронье карканье проносится над головой и исчезает в горах. Выходит, таким, как Мама, приходится расплачиваться за человеческую заносчивость.

Так или иначе, с Коувой они поладили. Иногда молчали, иногда Мамино «ку-ку» среди его «кар-кар». Мама оставляла ему еду и рассказывала обо всем на свете, в том числе о своей первой любви и красочных подробностях их интимной жизни — настолько она доверяла Коуве. С нежностью вспоминала своих детей и детей их детей, с которыми пришлось расстаться. И когда она рассказывала, что Старший с детства был похож

на девочку: обожал выметать пыль из углов дома и сидел, скрестив ноги, в театральной позе, подложив ладонь одной руки под локоть другой, пока она рассказывала ему сказки, Коува вскочил и закаркал: «Да-да, кар-кар, я видел эту позу». Мама решила, что это воодушевление вызвал нан с мясом, и дала ему еще немножко, но он не обиделся.

— Картошку будешь? — спросила Мама.

Но он откусил столько, сколько мог прожевать, и отошел, чтобы Мама поняла.

Сложности начались тогда, когда Коува обнаружил, что женщины, которых он отправился искать для Старшего, были в тюрьме. Он стал переживать, как же он сможет оставить их, как их спасти и как эту новость донести до Старшего. Чтобы долететь сюда, ему понадобилось довольно много времени. Он не мог лететь напрямую, потому что приходилось слушать там и спрашивать здесь, и, хотя, по его прикидкам, он летел со скоростью не меньше тридцати километров в час, а то и все пятьдесят, если удавалось хорошо позавтракать, но в начале пути он еще не умел спать на лету, поэтому время сна, и довольно продолжительное, надо добавить отдельно, а еще учитывать все крюки и круги. Возможно, по-

требовалось тринадцать дней. Или семнадцать. Двадцать три?

Обратно полетит напрямик и даже спать будет на лету, но все равно на это уйдет десять дней. И даже если станет супер-Коувой, уйдет целая неделя. За это время тут какая только беда не может случится? Нет, тогда он не сможет посмотреть в глаза Старшему, не сможет спать на своем матрасе. Сам утопится от стыда в мисочке с прохладной водой.

Когда Мама стала просить, чтобы ее пинали в спину, и падала, сначала он ужасно распереживался. А потом тоже начал смеяться. А потом понял, к чему вся эта забава. Потому что услышал то, что Наваз Бхаи тайно сказал Маме, а потом Мама сама сказала Коуве, что Али Анвар согласился.

Никто не знал, что теперь он тренировался полуспать-полубодрствовать, даже когда не летал, а обитал он в стенной нише над закрытой дверью, которая была открыта. Если кто-то приходил, он всегда знал об этом.

32

Той ночью Наваз Бхаи прокрался тенью. Мама, уже давно ставшая тенью, ждала снаружи во дво-

ре. Обе тени, бесшумно затворив дверь, вышли на улицу. Охранники, Дочь — никто не проснулся. Но эти двое не знали, что Коува, сделавшись тенью теней, полетел с ними, и не два существа, а три отправились в дом большого господина сквозь хайберский туман.

Коува не знал, почему его дыхание застряло в горле, а по мере того как перед ним разворачивалась сцена, оно превратилось в кусок ваты и заполнило горло целиком.

Мягкий свет ночника слегка дрожал, как будто от хайберского ветра, а на лицах дрожали отблески любви. Возлюбленная и возлюбленный. Жена и муж.

Если двое становятся свидетелями удивительного зрелища, слой за слоем открывающегося перед ними, то из незнакомцев они превращаются в близких друзей. А от подозрений и страха не остается и следа, как будто сам Кришна, похититель сердец, смел их напрочь, и, поддавшись новому прекрасному чувству, двое скользят навстречу друг к другу и соединяются дружбой. Пусть один из них — вороний отпрыск, а другая — куропатка.

Вибрации любовной раги всегда такие. Очищают воздух и все, до чего долетают.

Вот почему говорят, создавай прекрасное, пусть искусство и музыка заполнят атмосферу, тогда все порождения омраченного ума рассыплются в прах. И потекут потоки любви, переливающиеся всеми чувствами.

Глаза возлюбленного наполнились слезами, когда возлюбленная пела песни о любви. Их история, став красными отблесками ночника, снова заиграла на их лицах и мягко всколыхнула красивую мелодию. Нежное завершение любви Анвара и Чанды, которое не приносит никаких страданий, как и любая история вечной любви.

Удивительное зрелище. Глаза у обоих полуприкрыты, и пение, разрушающее границы, созданные столетия назад. Что-то бесценное возвращалось к ним обоим. Что случилось, и то, чего не должно было произойти, и то, что обернулось добром, несмотря на злые времена, — все это окружало их еле заметным печальным стрекотанием. Глаза приоткрылись, дрогнула улыбка, слегка приподнялась рука. Прощение. Случилось не по нашей вине, но то, что происходит, происходит с нами, прощение. Вся история мира и собственные переживания уместились в одно слово. Это все, что было, это все, что есть, и это все истории любви, которым суждено сгинуть в

безумном урагане. И сгущающийся туман Хайбера, и зима, и резкая боль его остроконечных вершин. Бесконечность. Это надежда, эта жажда и их конец.

Душа у птиц захлюпала. Куропатка научилась плакать. Родившаяся тогда дружба могла стать хрестоматийным примером.

Обе птицы вместе наблюдали, как ворвался Али Анвар и велел Маме уходить, как она встала, вышла, а потом раздался выстрел, и она, взлетев, с достоинством приземлилась. Обе пришли в восхищение и решили, что хотят умереть только так и не иначе, откуда бы пуля ни прилетела.

Захваченные любовной историей Чанды и Анвара, друзья кружили в небе и продолжали разговаривать о них. Коува знал много всего, чего не знали даже люди, и он рассказывал об этом своей подруге.

— Ой, и тогда тоже так было, — засмеялась куропатка. Но, дойдя до конца предложения, расплакалась.

Она была под таким впечатлением, что решила однажды тоже слетать на ту сторону границы, чтобы посмотреть на людей, которые туда добрались и там остались.

— А еще посмотри, — поддержал ее Коува, — на

всех тех, кто живет наполовину здесь и наполовину — там, а их границы испаряются, когда с обеих сторон виднеется одно небо.

Но тут их дружбу ждал конец. Гаруда не смог спасти попугая, а Коува — куропатку. Она не привыкла летать так долго и так высоко, да и было ей уже около шести лет. Ну вот и представьте, только они пересекли освещаемую луной расщелину на границе, как раздался хлопок: то ли выстрел ружья, то ли сердце разорвалось, и птица рухнула.

Коува подхватил ее на лету и, выполняя их уговор о том, что, когда один умрет, второй не даст ему позорно упасть лицом вниз, донес ее в клюве до ее любимой горы и нежно уложил лицом вверх туда, откуда открывался великолепный вид.

Откуда бы пуля ни прилетела, куропатка и Мама улеглись, полные достоинства.

33

— Нет, мы не убивали, — говорили Коува и Али Анвар.

Больше себе, чем своим внукам и правнукам, которых эти истории не особо-то интересовали. В их время технический прогресс достиг таких высот, что все вокруг происходило с ускорением.

Куча всевозможных приспособлений — стоит только уцепиться за них, и ты уже летишь. Метро, самолеты, вертолеты. Некоторым воронам даже удалось полетать на «Конкорде». А благодаря видеоиграм можно, сидя в закрытой комнате, путешествовать по галактике и расправляться с пришельцами и чужаками нажатием одной кнопки, только что был за облаками, а в следующее мгновение — на дне океана. Раньше, чтобы ощутить дуновение ветра на своем лице, нужно было попотеть: скорее беги, лети, не в силах отдышаться, а теперь машина заботливо усаживает тебя, и ты уже наслаждаешься легким бризом.

Хоть дети и не слушали, но, когда тяжесть вины становилась невыносимой, те двое, став уже почтенными дедами, продолжали повторять: «Нет, правда, мы не убивали». Коува стучал себе по лбу и все терзался, как же мог он забыть, что не все могут летать, как он, а пули в Хайбере, как он видел сам, — просто детская забава.

Все, что нужно было сказать Али Анвару, это то, что он в нее не стрелял. До него долетели слухи, что какой-то вор сбежал из тюрьмы, и, когда в проснувшемся Хайбере начался переполох, чтобы его не заподозрили в соучастии, он выстрелил. Он хотел забыть о том, что сделал, и поэтому

забыл. Но продолжал бормотать себе под нос: «Я выстрелил после того, как в нее попала пуля, в воздух, чтобы выглядело, как будто я знаю, что она сбежала, и я преследую ее». И начал корить себя за все остальное. Почему позволил им встретиться, хотя знал об опасности? Почему задремал на веранде? Ведь если бы на полчаса раньше отправил гостью обратно в тюрьму, никто ничего и не узнал бы. Но начало светать, и он услышал, как патрульные вышли на обход, а дальше все расплескалось вокруг, как райта[201].

И Коува, и Али Анвар раскаивались, что подвергли покойных такой опасности. История была настолько запутанной-перепутанной — разве расскажешь кому? Людям и в голову не приходит, что рассказчику нужно дать рассказать — рассказывая, он распутывает узел внутри себя, и только тогда что-то может проясниться. А люди, не успев послушать, начинают закатывать глаза, спорить, наставлять. Тогда в качестве слушателей они выбрали детей своих детей, которые были невинны и верили в их невиновность.

Коува задавался философским вопросом: «Да, куропатка была немолода и не привыкла ле-

---

[201] Примечания: 201
Блюдо на основе йогурта.

тать столько, сколько я, можете сказать, что в ее разорванных легких повинна моя глупость или тупость, или то, что, будучи взрослым, я вел себя, как ребенок, но скажите вот что: разве на излете жизни желания должны умереть? Если в этом возрасте кто-то загорится мечтой путешествовать по миру, или захочет выучить какой-то язык, или вознамерится освоить кулинарное искусство или любое другое, его нужно осадить, мол, что толку-то теперь? Или нужно уважать его желания? Даже если от этого может прерваться его дыхание и прервется? Будет ли спать спокойно?» От этих размышлений у Коувы защемило сердце: «Да, если бы добрались до Старшего, и она смогла бы увидеть уцелевшие там леса и рощи, а потом умерла, сейчас бы не было этих вздохов сожаления». Потом он стал утешать себя: «Но я смог выполнить ее желание и не дал упасть лицом вниз — она спускалась, как королева, и лежала под небесами, полная достоинства. Точь-в-точь как Мама, когда прилетела пуля…»

На этом месте оба деда расправляют свои крылья, а их внуки и правнуки прекращают свои игры и собираются вокруг них. С удивлением дослушивают историю до конца, а самые маленькие непроизвольно вытягивают руки и крылья,

как будто хотят стать вертолетом, резко подпрыгивают вверх, а потом, как в замедленной съемке, планируют вниз с королевским достоинством и довольной улыбкой, глаза гордо устремлены ввысь, руки обнимают небо, медленно приземляются на спину и, когда касаются поверхности, перепрыгивают невидимую границу — дети ложатся на другой стороне.

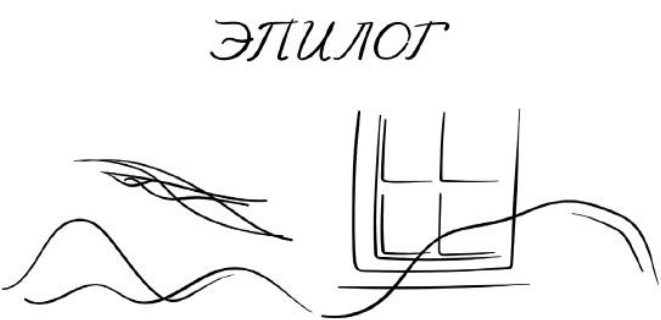
Дети встают и возвращаются к своим повседневным играм. Коува и Али Анвар остаются одни со своими мыслями. Коува думает: «Как бы то ни было, я все рассказал Старшему, и с годами он стал выглядеть спокойнее». Это было правдой. Увидев Коуву, Старший действительно обрадовался, как будто обрел поддержку в старости. Однажды, пока никто не видел, он слегка погладил его по шее. «Кар-кар!» — удивленно прокричал тот. «Устал?» — спросил Старший заботливо. Как будто знал, что тот прилетел издалека. В новой пластиковой чашке принес ему воды. И Коува попил из его рук. С годами дружба крепчала, и теперь они играли со старым теннисным мячом. Старший катал мяч из стороны в сторону, а Коува толкал его клювом. Когда Коува уставал, он останавливался и, каркая, читал Старшему лекцию о разных техниках удара ногой. «Только одно же-

лание осталось у меня, — говорил Коува, широко раскрыв клюв. — Один раз, всего один раз я хотел сделать кик, не крылом, а вот этой лапой. Но все поймут неправильно».

«В этом-то и дело, — сказал Али Анвар. — Все поймут неправильно. Один раз, всего один раз я хотел дотронуться до нее. Но все поймут неправильно. Она была настолько перепугана и все кричала: «Что происходит? Как так спала и ничего не знала?», что мне ужасно хотелось положить руку ей на плечо. Но все поймут неправильно. Я рассказал ей все, не глядя в глаза, и попросил собрать вещи, а когда через час вернулся туда, она была одна, все клумбы были по-варварски разгром-лены-разрыты, и она с фальшивой улыбкой победителя подбрасывала вверх куски выдранных растений. Мне показалось, я понял почему. Ее мир был выдран с корнями. Но я не смог протянуть руку. Я сам отвез ее в аэропорт, чтобы в целости и сохранности отправить домой. В ее глазах была такая пустота, когда она повернулась, чтобы уйти навсегда. Мне так хотелось протянуть руку и положить ей на голову, но я не смог. Как жаль. Как жаль».

Али Анвар вспоминал ту Дочь той Матери.

Эпилог



За столетия дверь привыкла слышать пререкательства. Она оставалась непоколебимой. Что десять-двенадцать лет могут сделать против вековой сноровки? Может, двенадцать или пятнадцать-шестнадцать, к чему считать? Но дверь твердо стояла на своем месте. Когда придет время тронуться в путь, она тронется, в новом обличии, позволив вбить в себя новые гвозди и таща за собой стены. Сейчас ее место было здесь. В квартире, доставшейся после выхода на пенсию.

Дверь оставалась открытой, но ее пытались закрыть. Или так: дверь начали закрывать, но

Старший ее открывал.

Недавно квартиры по соседству обокрали. Закрытый жилой комплекс, со всех сторон огороженный стенами с колючей проволокой, на входе охранники, которые записывают посетителей в журнал и следят за тем, чтобы машины, не принадлежащие жителям, парковались снаружи, и еще много чего, и во всех углах камеры CCTV, которые передают изображение на мониторы на пропускном пункте, — если уж здесь случилась кража, о какой безопасности вообще можно говорить? И не в одном доме, а в пяти. На лицах были маски, так что камеры не помогли, на руках — перчатки, так что никаких отпечатков пальцев, дома — полно ценных вещей, так что сами навлекли беду.

Невестка и Сушила закрывали дверь, а Старший гнул свое — открывал. Как будто хотел выпустить ее из тюрьмы. Тайком. Когда жена говорила ему о кражах, он отвечал, что обокрали те дома, в которых двери были закрыты и на них висел замок. Один милый человек имел обыкновение вешать на дверь замок и пробирался в дом через ванную комнату, и если кто-то хотел зайти в гости к нему и пропустить стаканчик-другой, он натыкался на замок. И вот он, в одиночестве

выпив, мирно спал, а воры, расценив висевший замок как приглашение, обчистили дом. Только в одном доме воров ждал крах. В доме учителя. Там все было завалено книгами, а в холодильнике, кто знает, сколько веков валялись овощи: картошка, горлянка, кокциния, а еще, кто знает, сколько веков назад приготовленные блюда и тарелка с нетронутым машем и урдом, которые успели прорасти. Как только вор открыл холодильник, оттуда вырвались плотные зеленые облака, за ними показались зелено-сине-желто-черные джунгли, а переплетенные корни и ветви все продолжали расти и готовились — стоит только выпустить — подмять под себя весь дом. Вор в ужасе отскочил и продолжал с удивлением разглядывать эту диковинную картину. Когда он позвал товарища, тот прошептал: «Похоже на какой-то космический мираж». Вор сначала мерзко выругался, а потом достал бумагу и ручку, коих тут было в избытке, и написал: «Чувак, бросай свою вшивую работенку и присоединяйся к нам». И, прижав записку магнитами, повесил ее на холодильник так, чтобы сразу бросалась в глаза.

В общем, кражу провоцировали закрытые двери, а не открытая, и у Старшего появилась новая цель: другие закрывают, а он раз за разом

освобождает дверь. Когда он начал делать это по ночам, его жена тоже стала вставать, а вслед за ней — Сид со своей женой.

У каждого есть свои собственные, особые провода. Они идут в самое сердце и соединяют его с остальным миром. Домашние были заняты своими делами и двигались по своей привычной орбите. Но, кроме родственных, есть и другие связи, бывает, и более близкие. Что до остального, кто знает, сколько людей, живя под одной крышей, в одних стенах и за одной дверью, бесконечно отдаляются друг от друга? В конце концов, не все обязаны публично разводиться. То есть все родственники были на месте, но здесь были и другие домашние: дверь, окно, Коува, благодаря которым ощущается мрение жизни, а если тебе перевалило за семьдесят, еще и появляются новые смыслы, приправленные любовью.

Старший намертво стоял на своем: дверь будет свободна. И вел себя так, как будто при закрытой двери их неминуемо ждут кражи и прочие несчастья. Еще у него был такой обычай: когда к ним приходил внук Сушилы, чтобы починить кондиционер, или почистить кулер, или починить всякую мелочь по дому: прибить там, подкрутить здесь, он наблюдал, как тот подбирает мелкие

деньги — где монеты, где одну или десять рупий, разбросанные по дому Сидом. Старший ничего не говорил, но это было дело принципа, и он отправлял внука Сушилы по какому-то делу. Срочно. Чтобы не успел захватить свою сумку. И как только он выходил из дома, Старший доставал из сумки кошелек и возвращал половину награбленного на место. Да, можно было закрыть глаза, ведь он бедный, ну взял немного — и взял, но раз украл — не дай унести. И то и другое справедливо.

Насколько жена Старшего, его сын и новая невестка были кровными врагами двери, настолько он был ее закадычным другом. Теперь его частенько видели с тряпкой в руках: он окунал ее в очередное чистящее средство и сантиметр за сантиметром начищал дверь до блеска.

— Не дверь, а сокровищница, полная алмазов, — подтрунивал Сид.

— Сокровищница внутри, и такими стараниями скоро ее не будет, — говорила Невестка, фыркая и пыхтя от негодования.

Но теперь препирались не из-за открытой или закрытой двери. Теперь происходило воссоединение семьи — спустя три года вернулся Заморский сын и привез свою жену, с которой он познако-

мился в Австралии.

Сыновья не особо разговаривали друг с другом, а вот между их женами за пивом завязалась беседа о том, что у мамы диабет и артрит и что несколько дней назад она встала ночью и упала, а из-за шума кондиционера никто не услышал, ее муж громогласно зевает, бродит по ночам, включает свет, и спать с ним совершенно невозможно. Сейчас отделалась царапинами — постучи по дереву, — а не дай бог что случись, в ее состоянии с переломом хлопот не оберешься. И все такое прочее и всякие тревоги. Нужно нанять ночную сиделку, пусть следит, чтобы не упала и не переломала чего. Сушила не может приходить по ночам. Заморская жена согласилась, что это очень хорошая идея.

— Но стоит очень дорого, — сказала жена Сида.

— Мы можем разделить на всех, — сказала заморская жена.

На что жена Сида, гордившаяся своей прямолинейностью, ответила:

— Мы делаем все, неужели вы не можете хоть что-то взять на себя?

После этого радость воссоединения начала блекнуть с каждым днем, и кто-то обязательно шикал на другого, кто-то призывал сменить тему,

кто-то говорил: «Подумай о расходах», и в конце концов все стали отчитываться о потраченных деньгах, ведь людей, живущих за границей, считают курицами, несущими золотые яйца. Да, там больше зарабатывают, но и расходов больше, здесь вся семья, а кто поддержит нас там в старости? Нам и об этом надо позаботиться. Каждый раз, приезжая, привозим дорогущие подарки, а когда он работал здесь, оставил счет, на котором были приличные сбережения, мол, пользуйтесь, когда понадобится, и все разлетелось на то и на это, а ведь было отложено на такие вот времена, где нам теперь взять еще?

— Все скинутся поровну — и никаких проблем, — настаивали заморские.

— Раз поровну, — прикинули здешние, — тогда хорошо бы вам вложиться и в то, что мы тут делаем одни, стоило только заикнуться хоть о какой-то помощи, как вы вспомнили про равные обязанности.

— Да замолчи, хватит! — вмешался кто-то.

— Почему это замолчи? Почему хватит? — ответили другие.

И тут же полетели упреки:

— Вот такая уж наша тетушка: когда ей что-то нужно, она член семьи, а когда что-то нужно от

нее, она современная женщина и отдельно.

На этом месте поднялся Старший. Или потому что его верный друг Коува постучал в окно. Он угощал его роти и беседовал:

— Это ты или ты — его сын? У тебя глаза более беспокойные и жадные, а его были наполнены пониманием и сочувствием, а здесь, где шея серая, была бородка. — И Старший погладил его в этом месте.

— В наших домах не принято так бурчать-ворчать, кар-кар, — сказал Коува. Потом, от усталости открыв рот, уставился на Старшего.

Старший не понял его карканья. Но любовь и дружба не нуждаются в каком-либо языке.

— Хочешь поговорить со мной? — ласково спрашивает Старший. — Ой, нужно же принести воду и мячик.

Он поворачивает пластиковую чашку в сторону Коувы, и тот пьет из его рук. Катает туда-сюда новый теннисный мячик, и тот отбивает его.

Оба играли в мяч, повернувшись спиной к перебранке. Забавно, что вся перебранка перебралась посмотреть на них и, стихнув, превратилась в радостные возгласы умиления:

— Ух ты, посмотри только на них! Как ворона здорово играет! Смотри-смотри, клювом отбивает

мяч! Нет, лапой! Нет, клювом, нет лапой. — И перебранка снова возобновилась.

«Да будет семья благословенна! Никогда не прекращается и никогда не оседает на одном месте, — подумал я, подходя к окну, — хорошо, что я живу один».

Да, это я. Не стоит кипятиться, не я сам себя пригласил. Меня пригласили. Старая дружба, и, хотя мы с Сидом уже не работаем вместе, я частенько захаживаю к нему и его родным. Я поменял сферу деятельности. И, глядя на свой выпирающий живот, даже сам не верю, что когда-то был проворным игроком. Что уж там, если я посмотрю на себя со всех сторон, сколько всего еще найдется, чему я не поверю? Сколько разных лиц и жизней бывает у каждого из нас за всю жизнь? И что удивительного, если теннисист станет продавцом органических удобрений? Вряд ли запахи нашего завода напомнят вам о том человеке, чья жизнь была пропитана потом, и мне — тоже вряд ли. Это действительно был кто-то другой, и у него была девушка из Аргентины, и она…

Но это будет совсем другая история, потому как каждое мое здесь появление — фальстарт. В этой же густонаселенной истории до меня очередь еще не дошла — разве могу я приблизить ее?

Но я пришел сюда посмотреть на то, как отец Сида и Коува повернулись спиной к перебранке. Сюда, к окну.

Окно открыто. Перебранка перекатывается мимо. Мне не дают вмешаться: «А ты помолчи, ты ничего не понимаешь». Так что же вы, милые друзья, устроили перебранку при мне? Закидайте-ка ее песком как следует!

Я продолжаю пропускать их клокотание мимо ушей. Во мне тут не нуждаются, и это не моя история. Да, пришел, но что я за персонаж? Я не из этой истории.

В историях недостатка нет, в какой-нибудь и я окажусь в центре событий! В небе луна-Чанда, вокруг которой разливается удивительное сияние. Какая красивая ночь! Дует легкий ветер — как будто раздается еле слышный свист. Ночь наполнена тенями, растворяющимися в лунном свете. Истории будут бродить в поисках того, на кого бы накинуть свои сети.

Поддавшись непреодолимому желанию, я выпрыгиваю из окна. Которое оказалось вовсе не окном, а тем самым уголком холста, который еще предстоит наполнить цветом, новыми историями, героями и формами.

Слова любви и благодарности

В далеком — скорее по ощущениям, чем по времени, — 2006 году я стояла в библиотеке Культурного центра имени Джавахарлала Неру и задумчиво обводила глазами полки с книгами. «Возьму эту», — сказала я себе и вытащила роман Гитанджали Шри «Пустое место». Так я выбрала тему для курсовой, а потом и для диплома, в котором исследовала все четыре романа, написанные на тот момент. Уже после окончания университета я поехала в Дели и познакомилась с Гитанджали Шри лично. Встреча была такой теплой и по-домашнему уютной, что казалось, мы знакомы давным-давно. Идея перевести хоть что-то из произведений Шри на русский язык не покидала меня, но все как-то не складывалось, и когда в 2022 году новый роман получил Международную Букеровскую премию, отступать уже было нельзя. Я взялась за перевод.

Огромное спасибо Гитанджали Шри за безграничное доверие и терпение, с которым она отвечала на все мои вопросы. Бесконечно восхищаюсь ее талантом и способностью оставлять

окна открытыми. Благодарность и поклон Дейзи Роквелл за английский перевод, с которым можно было свериться, а иногда и поспорить — ведь куда проще с кем-то не согласиться, чем вглядываться в бездну собственного неведения. Радуюсь, что довелось познакомиться, хоть и заочно, с Любовью Сумм, редактором этого перевода. Спасибо за чуткость и бережное обращение с текстом и переводчиком. Спасибо Илье Сергеевичу Смирнову, научному руководителю ИКВИА НИУ ВШЭ, и Денису Владимировичу Волкову, директору ИКВИА НИУ ВШЭ, а также руководству НИУ ВШЭ за помощь и возможность уйти в творческий отпуск. Спасибо Жене Никитенко и Соне Лахути за круглосуточную арабо- и персоязычную поддержку, слова утешения, ободрения и надежные непромокаемые жилетки. Спасибо Шекхару Шукле за помощь в поисках нужных значений и творческий подход к делу. Спасибо Лере и Саше Шульгиным за уютнейший хоум-офис, где я могла укрыться от бушующего мира с ноутбуком и словарями, и, конечно же, за согревающую дружбу. Отдельное спасибо Алисе Шульгиной за портрет семейства, который висел напротив моего рабочего стола и с которого все дружно улыбались мне во все зубы. Спасибо Ми-

ше Гардеру, моему любимому мужу, за то, что в минуты отчаяния и творческого кризиса ловил мой ноутбук, младенца и горючие слезы, выслушивал стенания, брюзжания, вникал в контекст, погружался в трудности перевода с хинди — в общем, помогал словом и делом. Спасибо Марте и Сене, моим детям, за традиционное утреннее: «Мам, ну что, все?» — и просто за то, что они у меня есть. Спасибо моим родителям, Льву и Елене Комиссарук, и всей семье за поддержку, заботу и любовь. Спасибо Васе, который на самом деле сделал всю работу, но скромно ушел в тень, потому что он бодхисатва и кот. Спасибо всем тем, кто верил в меня больше, чем в чат GPT, и тем, кто не верил, тоже спасибо.

Екатерина Комиссарук

Спасибо за выбор нашего издательства!

Поделитесь мнением о только что прочитанной книге.